

Государственный историко-архитектурный и художественный
музей-заповедник «Казанский Кремль»
Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан

ВТОРЫЕ КРЕМЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ

Всероссийской научно-практической конференции
**«Екатерина II и имперское многообразие России:
опыт политического и культурного взаимодействия»**

Казань – 2010

УДК 94(47).066(063)
ББК 63.3(2)51+79.1
В 87

Редакционная коллегия:

Ибнеева Г.В., Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р.

Ответственный редактор:

Миннуллин И.Р.

В 87 Вторые Кремлевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Екатерина II и имперское многообразие России: опыт политического и культурного взаимодействия» (Казань, 25–26 сентября 2009 г.). – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. – 324 с.

В сборник вошли материалы Всероссийской научно-практической конференции «Екатерина II и имперское многообразие России: опыт политического и культурного взаимодействия», прошедшей в рамках Вторых Кремлевских чтений Музея-заповедника «Казанский Кремль». Тема чтений была приурочена к 280-летию со дня рождения императрицы Екатерины II. В статьях освещаются такие проблемы, как веротерпимость в политической культуре Екатерины II; локальные элиты и практики легитимации власти Екатерины II; полиэтничная картина Российской империи второй половины XVIII в. и способы ее репрезентации; имперская идеология и имперская практика в царствование Екатерины II; эпоха Екатерины II в научно-исследовательской и экспозиционно-выставочной деятельности музеев России.

ISBN 978-5-9690-0158-9

- © Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль», 2010
- © Институт истории АН РТ, 2010
- © Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010

ЧАСТЬ I

Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Екатерина II и имперское многообразие России: опыт политического и культурного взаимодействия»

*Секция: Имперская политика Екатерины II:
опыт интеграции народов Российской империи*

Ибнеева Г.В.

Екатерина II и «многонародный» регион Среднего Поволжья: опыт формирования имперской политики

Имперская политика российской власти второй половины XVIII в. представляет собой примечательное явление, характеризующееся своей многогранностью, сложностью и неоднозначностью. Политическая программа Екатерины II, направленная на модернизацию Российской империи в различных институциональных направлениях, неизбежно вела к изменениям в ее политике по отношению к этнокультурному многообразию Российского государства. Примечательно, что изменения в имперском мышлении Екатерины II обнаруживаются уже в первые годы ее царствования. Рассмотрение проблем формирования имперской политики Екатерины II предполагает анализ таких ключевых понятий, как «империя», «имперская политика», «веротерпимость». Возможно, вначале я выскажу некоторые очевидные соображения, но обращение к ключевым понятиям позволит определить основные проблемные поля нашей конференции.

В последнее десятилетие в историографии возрос интерес к имперской проблематике. Появилось множество работ, отразивших

широкий спектр теоретических и конкретно-исторических вопросов, касающихся функционирования российской империи. Это обусловило существование множества интерпретаций термина «империя».

В целом исследователи отмечают следующие характерные черты империи:

а) привилегированное положение метрополии, центра и господствующей нации по отношению к колониям, периферии и инородцам;

б) наличие имперского этноса, вокруг которого конструируется имперское здание, складывание особого конгломерата этносов и культур;

в) высокая степень политической и экономической централизации в стране;

г) преобладание жесткой вертикали управления и общественных связей над горизонтальными связями;

д) официальная проповедь имперской идеологии¹.

Представленные характеристики соответствуют реалиям Российского государства второй половины XVIII в. Действительно, для Российской империи этого периода было характерно господствующее положение центра по отношению к инородцам, неправославным вероисповеданиям; жесткий автократический стиль правления верховной власти. Проведенные правительством в 1760–1770-е годы реформы способствовали систематизации, централизации и унификации управления империи. Именно в царствование Екатерины II идет процесс упразднения автономий Малороссии и Остзейских провинций.

Под имперской политикой российских государей подразумевается комплекс проблем, связанных с отношением верховной власти к тем аспектам функционирования российской державы, которые носят имперский характер (к имперскому многообразию). Очевидно, что имперскость определяет этническое, конфессиональное и институциональное многообразие империи. Среди направлений имперской политики для Екатерины актуальными являлись: этноконфессиональные вопросы, отражающие политику власти по отношению к различным вероисповеданиям (старообрядчество, ислам);

---

¹ Циунчук Р. Российская империя как система «центр-регионы»: генезис, развитие, кризис // Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации. М., 2001. С.126–144.

организация управления периферией Российского государства; интеграция гетерогенного в этнокультурном отношении имперского пространства в единый социально-политический организм (остзейские земли, казахские степи); создание эффективного режима взаимодействия центральной и местных элит.

В имперской политике Екатерины II наблюдаются элементы преемственности вектора преобразований предшествовавших государств (в частности, Петра Федоровича), однако в ней все настойчивее проявляются новые тенденции. Имперская идеология Екатерины II отражала реалии расширяющейся полиэтнической державы и влияние концепций европейского Просвещения.

Оценивая имперскую политику Екатерины II, исследователи отмечали ее некоторую двойственность. С одной стороны, были приняты акты, направленные на гомогенизацию этнополитического пространства империи (ликвидация малороссийской автономии, Запорожской сечи, ограничение, а впоследствии и упразднение автономии Остзейских земель и т.д.). С другой стороны, данная тенденция не повлекла за собой притеснений народностей по этническому признаку. Действительно, важным аспектом политики императрицы является развитие идеологии толерантности по отношению к неправославным конфессиям. Немало этому способствовало ее ознакомление с империей: Екатерина зримо осознала этнокультурную гетерогенность страны.

В ходе встреч императрицы со старообрядческим населением, мусульманами Среднего Поволжья во время путешествия по Волге 1767 г. складывалась идеология этнокультурной терпимости, одним из аспектов которой является религиозная или конфессиональная толерантность. Среди понятий, выражающих суть и содержание правительственных указов Екатерины II по отношению к религиозным конфессиям, представляется значимым понятие «веротерпимость».

Как трактовалось данное понятие в современной Екатерине II литературе? Интеллектуальное пространство Франции и французского Просвещения знакомило Екатерину с пониманием этих дефиниций. В «Универсальном французском и латинском словаре», известном под именем словаря Треву («Dictionnaire de Trevoux»)², не разводились понятия «гражданская» и «религиозная» терпимость.

² Словарь выходил между 1704 и 1771 гг.

Это обуславливалось тем, что авторы данной статьи, являясь наследниками жестко-консервативной политической и религиозной традиции, отвергали как различия между «гражданской» и «религиозной» терпимостью, так и практику обеих этих форм. Они считали неприличным само их существование³. Гражданская терпимость в словаре определялась как «уверенность в безопасности, которую государство обеспечивает меньшинствам, если они исповедуют догмы, не противоречащие общественному миру и благосостоянию»⁴.

В 1764 г. женеvский пастор Жан-Эдм Ромийи написал статью «Терпимость», которая была опубликована в XVI томе «Энциклопедии». В это время понятия «гражданская» и «религиозная» терпимость перестали рассматриваться как зеркальные отражения друг друга. В трактовке терпимости второй половины XVIII в. преобладали политические и гражданские мотивы. Статья выдвигала идеал всеобщей терпимости, все больше укоренявшейся в культуре европейского Просвещения. Ромийи утверждал, что «всеобщие принципы терпимости и гуманности» прокладывают путь к объединению людей, разделенных естественным разнообразием мнений. Это мнение перекликалось в сознании читателя с опубликованной незадолго до этого в «Философском словаре» Вольтера статьей «Терпимость», где последняя именовалась «уделом гуманности»⁵.

Данные тексты были известны Екатерине. Однако могла ли она всецело довериться наследию просветителей и не принять во внимание политические условия существования державы, которой она правила. Императрица была трезвомыслящим политиком и прекрасно понимала особенности российской государственности, где православие играло едва ли не краеугольную роль. Поэтому умеренное понимание толерантности (словаря Треву), наверное, было созвучно взглядам Екатерины, поскольку оно более соответствовало российской почве. Видимо, понимание ею терпимости было достаточно конкретным и включало только аспект религиозной терпимости. Во всяком случае, словарь Российской академии наук, создание которо-

---

³ Ротондо А. Терпимость // Мир Просвещения / Под ред. В.Ферроне и Д.Роша. М., 2003. С.74–75.

⁴ Ротондо А. Терпимость ... С.74–75.

⁵ Tolerance // Encyclopedie, ou dictionnaire raisonne des sciencenes, des arts et des metiers, par une societe de gens de lettres. Mis en ordre et publie par Diderot et D'Alembert. A Neufchastel, 1765. V. XVI. S.390–395.

го она патронировала, дает именно такое толкование: «Терпимость – снисхождение к иноверным не запрещать, отправлять по своему обряду богослужение. Терпимость разных вер»⁶.

Важная роль в изучении понятийного аппарата «веротерпимость», «свобода совести» принадлежит виднейшему представителю итальянской юридической мысли начала XX века Ф.Руффини⁷, имевшему своих последователей в русской юридической школе⁸. Они разводили понятия «веротерпимость» и «религиозная свобода», или «свобода совести или веры», которая предполагает и свободу культа. Ими отмечалось, что понятие «терпимость» было актуально в России до 1-й половины XIX в. Терпимость интерпретировалась Руффини как «милостивая уступка государства гражданину», в то время как религиозная свобода означала «право гражданина к государству». Веротерпимость признавалась первой стадией религиозной свободы, когда государство вынуждено признавать на своих территориях, помимо официальной, господствующей религии, другие культы, терпеть их. Вопросы эти достаточно сложны и дискуссионны, поскольку веротерпимость российского правительства означенного периода была неоднозначной и ограниченной. Екатерина терпела мусульманский культ, другие конфессии, признавала на практике свободу вероисповедания за раскольниками, но официально запрещала им строить раскольнические молельни.

Представляется важным дать определение понятия «терпимость», которое бы уточняло позицию государства в реализации политики толерантности по отношению к разным конфессиям в рассматриваемый период. Поэтому для нас является близкой дефиниция понятия, представленная в словаре Д.Блэка и Р.Портера. Под толерантностью понимается уступка правительств в определенной степени свободе вероисповедания и других гражданских выгод ре-

---

⁶ Терпимость // Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб., 1794. Ч.6. С.104.

⁷ Руффини Ф. Религиозная свобода: история идеи. Вып.1. СПб., 1914; Руффини Ф. Религиозная свобода: история идеи. М., 1995; См. анализ категории «свободы совести» в работе Д.М.Усмановой « Мусульманские представители в Российском парламенте. 1906–1916». Казань, 2005. С.94–96.

⁸ Кони А.Ф. Веротерпимость // Новый энциклопедический словарь. Т.12. С.198–202; Ширяев В. Свобода совести // Энциклопедический словарь Граната. Изд. 7. СПб., 1933. Т.37. С.505–515.

лигиозным группам, исключенным от участия в политической власти. В практике толерантность реализовывалась в отсутствии ограничений, гонений и рассматривалась скорее как привилегия, которая даровалась или удерживалась, нежели как право⁹.

Какой терминологией оперировала власть, обозначая общности нерусского населения? В рамках обобщающей систематизации народов Среднего Поволжья в законодательстве XVIII столетия они обозначены общим понятием «иноверцы». Устанавливался религиозный критерий, который соотносил «инаковерующих» русским и «новокрещеным». С проведением политики христианизации народов Поволжья в 40–50-е годы XVIII столетия данное наименование не исчезает из документов, а продолжает существовать и в царствование Екатерины II. Однако на религиозный критерий накладывается и этнический: термин «иноверцы» становится всеохватывающим термином, обозначающим не только нехристиан, но и нерусское население в целом¹⁰. Что же касается юридической категории «инородцы», то, по мнению А.Каппелера, она была обращена на народы Сибири, мусульман Казахстана и Центральной Азии, но не относилась к мусульманам Закавказья, Волго-Уральского региона. Статус «инородцев» соединял те группы, которые не могли быть интегрированы в социальную организацию Российской империи¹¹. Оба эти термина соединяли в себе понятие народа и веры, акцентируя внимание на том, что нехристиане были отличны от русских в религии и расе.

Религия также маркировала использование термина «нация», который в конце XVIII столетия преимущественно употреблялся для христианских народов (т.е. грузин и армян) внутри Российской империи, в то время как нехристиан будут обозначать как «народ» или «люди»¹². Действительно, власть в лице Екатерины II в отно-

---

⁹ Ditchfield G.M. Toleration // The Penguin Dictionary of Eighteenth-Century History / Ed. J.Black and R.Porter. L., 1994. P.732–733.

¹⁰ Kappeler A. Rußlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert. Köln; Wien, 1982. S.357.

¹¹ Kappeler A. Szarist Policy Toward the Muslims of the Russian empire // Muslim Communities Reemerge: Historical Perspectives on Nationality, Politics, and Opposition in the in the Former Soviet Union and Yugoslavia / Eds. A.Kappeler, G.Simon, G.Brunner. Durham; London, 1994. S.150.

¹² Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire 1500–1800. Bloomington; Indianapolis, 2002. P.188–189.

шении народов Среднего Поволжья определяла их как «народ». В языке законодательства Екатерины II отражается как этническое название народа: «татара», «чуваша», «черемисы», «удмурты», так и понятия, увязывающиеся с социальным статусом – «служилые татары», «ясашные татары» и т.д. В отношении нехристианских народов Поволжья, принявших православие, употреблялись следующие термины: «новокрещены», «старокрещены». Казахов, населяющих степь, власть во второй половине XVIII столетия называла «киргизкайсаки»¹³. В официальной переписке Екатерина использовала также название «киргизцы».

Большую роль в формировании политики этнокультурной терпимости имела политическая практика власти, а именно ознакомление с реалиями Российского государства – в частности, путешествие Екатерины II по Волге в 1767 г. (2 мая –15 июня 1767 года) и ее нахождение в Казани и Казанском крае. В Казани Екатерина увидела то, с чем не имела возможности ознакомиться ранее: этническим многообразием империи. Здесь проявился ее интерес к культурным различиям, что также является важным аспектом толерантности. Встречи с неправославным населением, участие в празднествах, где участвовали представители различных народов, ее открытость неправославному миру – все это в полной мере проявилось в пребывании императрицы в Казани.

Здесь Екатерина пришла к неутешительным выводам относительно эффективности и результатов религиозной политики, проводившейся предшествующими монархами, и утвердилась во мнении о необходимости ее изменения. Именно в Казани представители мусульманской общины обратились к ней с просьбой разрешить строить каменные мечети, на что Екатерина дала личное разрешение¹⁴. В этой ситуации императрица не проявила какого-либо радикализма. Известно, что существовало определение Сената и Синода 1744 г., которое разрешало строительство двух мечетей в отдалении от «русских и новокрещеных жилищ ... и по конец их татарской слободы в поле»¹⁵. Однако центральные и местные власти отказывали татарам

¹³ Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier ... P.12.

¹⁴ Мәржани Ш.Б. Мөстәфәдел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан Һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Казан, 1989. Б.374.

¹⁵ Копия определения Казанского губернатора А.Е.Квашнина-Самарина, 25 сентября 1767 г. // РГИА. Ф.796. Оп.51. Д.345. Л.103–105 об.

в выдаче разрешения на строительство нового культового сооружения, опираясь при этом на доводы казанских архиереев. В этом отношении мусульмане Казани использовали приезд императрицы в Казань для того, чтобы добиться желаемого¹⁶. Вместе с тем впоследствии, в 1773 г., будет принят указ, который запретит архиереям вмешиваться в дела иноверных вероисповеданий.

Распоряжения Екатерины II времени ее нахождения в Казани свидетельствуют, что они выходят за рамки только конфессиональной политики. Складывается политика этнокультурной терпимости, в частности по отношению к народам Среднего Поволжья, в том числе татарскому населению. Частью этой политики являлась попытка власти облегчить положение нерусских народов, не знавших русского языка, создать условия для дружественных взаимоотношений и взаимодействия между различными этноконфессиональными группами. Известно, что местные чиновники при решении тех или иных вопросов иногда ссылались на незнание татарского языка. 30 мая 1767 г. из Казани Екатерина напишет И.И.Бецкому, ведавшему учебными заведениями (в том числе и военными), о необходимости учить кадет татарскому языку: «... ибо случиться кому из них здесь быть употреблену в делах великое, то будет для службы пользу, а для них облегчение»¹⁷.

Несмотря на позитивную картину сосуществования различных народов и конфессий, представленную ей в Казани, императрица задумывается над проблемой важности сохранения гражданского мира, который можно быстро разрушить. Пребывая в Булгаре в июне 1767 г., она запретила растаскивать могильные камни с татарских могил, остатки разрушенных мусульманских культовых сооружений при строительстве новых православных церквей¹⁸.

Системное реформирование страны, задуманное Екатериной II, было тесно связано с повышением культурного, интеллектуального

¹⁶ Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Исторические мечети Казани. Казань, 2005. С.17.

¹⁷ Письмо Екатерины II И.И.Бецкому из Казани в 1767 г. с предложением обучить кадет татарскому языку, 30 мая 1767 г. // Савельев А. Исторический очерк инженерного управления в России. С.252–253; Оригинал этого письма хранится в Национальном музее Республики Татарстан. Сектор письменных источников. № 118503.

¹⁸ Орлов В.Г. Дневники. С.326.

уровня как самих подданных, так и непосредственных проводников ее политики. Адепты реформаторских устремлений императрицы должны были проявлять интерес к истории государства, которое они преобразовывали, нести новую идеологию, «скрепляющую» Российскую империю. В этом отношении Екатерина II являет собой пример. Императрица проявляет внимание к истории народов, входящих в состав Российской империи, и пытается вызвать этот интерес у подданных. Так, осмысление прошлого Казани было для нее не просто источником новых впечатлений, новых знаний о державе, но и средством обоснования имперского прошлого России.

Известно, что будучи в Казани императрица посетила народные гуляния, состоявшиеся на Арском поле 27 мая 1767 г. Проявленное Екатериной внимание ко времени взятия Казани Иваном Грозным свидетельствует, что она была знакома с деталями взятия города в 1552 г. В разговоре с казанским губернатором Екатерина спросила: «... где то место, которое взорвано было царем Иваном Васильевичем?». Здесь, очевидно, имелась в виду брешь в стене Казанского Кремля, решившая исход осады города. Квашнин ответил, что этого нельзя определить с точностью, но в Казани есть улица, которая в силу именно этого «случая» (т.е. бреши в стене) называется Проломной. Источник также свидетельствует, что императрица довольно долго рассуждала о древнем городе Казани¹⁹. К сожалению, документ не содержит сведений, в чем заключались эти суждения. Вместе с тем, в нем отражено обращение Екатерины к губернатору: ей желательно иметь план древних крепостей Казани и взятия города царем Иваном Васильевичем.

Интерес Екатерины к факту взятия Казани Иваном Грозным был обусловлен различными причинами. Падение Казани явилось событием, предопределившим имперское будущее России. Именно после ее завоевания Московское государство развивается как полиэтническая держава, как империя, включившая в свой состав и множество других, неправославных народов. В этом смысле императрице было важно акцентировать внимание на истоках формирования этой империи и отразить величие и знаковость момента падения Казани:

---

¹⁹ Пребывание императрицы Екатерины II в Казани в 1767 году [По материалам рукописного сборника конца XVIII в.] // РО ИРЛИ. Ф.265. Оп.2. Ед.хр.2318. Л.6.

обращение к «славному» наследию Ивана IV подчеркивало и преемственность ее правления.

Внимание Екатерины к историческому прошлому города проявило важную тенденцию, которая уже начала наблюдаться в развитии европейской научной мысли, творчества последней четверти XVIII в. Как отмечал Г.С. Лебедев, в это время научная и художественная мысль обращается к поиску иных, лежащих за пределами норм классицизма, движущих сил истории. Вместо абстрактного, мысленно сконструированного человека и общества на смену приходит интерес к живым людям и народам с их страстями и стремлениями, вместо идеализированной классической истории – история национальная, которую нужно не строить по установленным образцам, а изучать, постигать. Идея о единстве человечества, которая начинает овладевать умами, приводит к мысли о самостоятельной ценности каждой из культур. Поступательное и всеобщее движение исторического процесса, в котором каждый народ, каждое общество выступают как звенья единой цепи, – вот основы новой парадигмы, которая шла на смену рационалистическим нормативам классицизма²⁰.

Поэтому внимание императрицы проецировалось не только на своих царственных «предков», но и на далекую историю завоеванного народа, уже входящего в состав России. Об изучении царицей государства Волжско-Камской Булгарии свидетельствует написанная ею в период путешествия по Волге записка «История о болгарях».

В целом, нахождение позитивных фактов в глубине веков, осмысление положительного опыта народов, проживающих в империи, проводило преемственность настоящего с прошлым. Верховная власть тем самым обосновывала российскую имперскую идеологию второй половины XVIII в. В этот период этническая гетерогенность державы не просто осознается, но изучается и становится предметом гордости великороссов.

Ознакомление с этническим многообразием Среднего Поволжья, Казанского края имело важное значение в развитии имперской политики Екатерины II. Императрица имела возможность убедиться, что и раскол в православии, и ислам являются частью общероссийского мира, который необходимо поддерживать и признать как дан-

---

²⁰ Лебедев Г.С. История отечественной археологии 1700–1917. СПб., 1992. С.62–63.

ность. Важный вывод был обусловлен серьезным для императрицы обстоятельством: представители всех конфессий, с которыми она встречалась, публично проявили ей свою лояльность и преданность. Другим фактором складывания ее толерантной политики явилось то, что власть имела возможность увериться в стабильности региона с полиэтническим населением (как это было в Казани в 1767 г.). При наличии определенных межрелигиозных противоречий народы Среднего Поволжья спокойно сосуществовали, во многом сотрудничали, но ни в коем случае не враждовали. Именно стабильность, гражданский мир в этом «многонародном» регионе способствовали возникновению намерений у императрицы в чем-то улучшить жизнь этих народов. Новая просвещенная модель самодержавия хотя и отрицала стремление власти к унификации государства, но отнюдь не отрицала этнокультурных особенностей. Нормальное развитие империи предполагало существование этого этнокультурного многообразия, поскольку оно не создавало в понимании просвещенного монарха угрозу для поддержания социальной и политической стабильности и извлечения хозяйственных выгод из этих территорий.

Эпоха Елизаветы Петровны с довольно жесткой позицией по отношению к нехристианским конфессиям уходила в прошлое. Екатерина отказывалась от наследия предшествующих монархов (прежде всего Анны Ивановны и Елизаветы Петровны): преследований, притеснений, насильственного обращения в христианство. В этот период «многонародность» Российской империи находила выражение в множественности этноконфессиональных групп, поэтому последующее законодательство Екатерины, направленное на упрочение принципа (пусть и ограниченной) веротерпимости, выходило за рамки сферы религиозной жизни. На столетие вперед закладывался новый принцип имперской политики, ставящий политическую лояльность выше этнического и религиозного единообразия.

Кундакбаева Ж.Б.

Вовлечение казахской и калмыцкой элиты в зону имперской коммуникации в екатерининскую эпоху

В XVIII веке плацдармом для дальнейшего продвижения России на Восток стала северная часть побережья Каспийского моря, условно называемая нами «Северным Прикаспием»¹. В составе Российской империи это был микрорегион, не относящийся в административно-политическом отношении к определенной единице.

Исходя из геополитического значения региона, главной целью России в Северном Прикаспии на протяжении XVIII в. было превращение его в юго-восточную окраину империи. Для осуществления ее правительство должно было решить три задачи. С одной стороны, установить новые государственные границы, осуществить внешнюю имперскую экспансию. Второй задачей было обустроить регион в административно-территориальном отношении. Третья задача была связана с проблемой удерживания кочевого населения региона в зоне имперского влияния. На реализацию данных задач большое влияние оказывали внешнеполитические задачи и военно-политические установки, стоявшие перед Россией в разные исторические периоды. Изменения в государственной идеологии играли немаловажную роль в ходе имперской интеграции региона. Наконец, не следует забывать и об личностном факторе: позиции влиятельных государственных деятелей как в центре, так и на местах, обуславливавшие выбор стратегического курса правительства в отношении народов и реализацию его в регионе.

Этап первоначального освоения Северного Прикаспия начался еще до официального провозглашения России империей. Так, к концу XVII в. Россия окружила территории кочевания калмыков цепью

---

¹ Данный регион выделяется на основе историко-географического подхода в исследовании Российской империи в XVIII – начале XX вв. Северный Прикаспий рассматривается как целостное историко-географическое пространство, куда входила единая в географическом отношении территория, относящаяся к пустынной и полупустынной зоне (Восточно-Европейской Русской равнины).

поволжских городов, которые стали формальными границами Российского государства. Контроль со стороны правительства над западными кочевьями калмыков был установлен после строительства Царицынской укрепленной линии (1718–1723 гг.). Важной вехой в процессе первоначального освоения региона стало образование в 1719 г. Астраханской губернии, возникновение регионального центра власти по отношению к калмыкам. Особенностью данного этапа имперской интеграции региона была относительная самостоятельность астраханских губернаторов. Центральное правительство лишь координировало и направляло их деятельность.

Следующий этап отмечен как самый динамичный в освоении Россией Северного Прикаспия. Начальный период его приходится на политическую нестабильность в Российской империи после смерти Петра I. В это время возросло геополитическое значение обладания данным регионом в связи с русско-турецкой войной 1735–1739 гг., в ходе русско-шведской войны 1741–1743 гг. и участия в Семилетней войне 1756–1763 гг. Кроме того, регион приобретает самостоятельное значение – становится плацдармом для дальнейшего продвижения, в связи с усилением актуальности казахстанского направления во внешней политике России. В конце 30-х гг. XVIII в. Россия стала активно осваивать восточную часть Северного Прикаспия – территорию кочевания казахов Младшего Жуза.

В итоге, к середине XVIII в. правительству удалось «оцентризовать» ее с запада и юга. Кроме того, удалось сделать реку Яик (Урал) действительной границей империи на юго-востоке. Отражением продвижения границ стало возникновение нового центра региональной власти – г. Оренбург и образование Оренбургской губернии. Строительство новых укреплений и возведение новых пограничных линий, наращивание военного контингента в крепостях, форпостах не были достаточными мерами для установления фактического присутствия России. Как показывают многочисленные источники, из-за отсутствия ресурсов, необходимого воинского контингента, культурных матриц, опасения пресечения дальнейшей экспансии из-за сопротивления народов основным средством осуществления этой задачи было не насилие, а организация взаимодействия с периферийными элитами. Для правительственной политики характерно балансирование между двумя векторами: усиление определенной группы знати в борьбе с конкурентами и постепенное ограничение ее власти.

Новый этап в имперской интеграции народов региона наступает в период правления императрицы Екатерины II – времени крупных успехов России в области внешней политики. В преддверии «модернизации империи», с применением почти исключительно государственных механизмов, как называл цели региональной и этнокультурной политики Екатерины II американский историк М. Раев, основным содержанием политического курса правительства по отношению к подданным становятся милитаризм и рационализация².

В этот период Российская империя делает акцент на различных ненасильственных методах имперской интеграции. Так, например, одним из средств приобщения местных элит к имперской идее, к символической легитимации власти императора становятся политические тексты: грамоты, указы, патенты на звание за подписью императора. До Екатерины II высочайше жалованные грамоты, патенты, именные подарки были символами наделения властью. А в период правления Екатерины II особенно ярко проявляется идеологическая заданность текстов. Характерной чертой в этот период является прагматичное использование текстов в политических целях. Они направлены на формирование сознания верноподданничества императору – «верховному хозяину земли». Так, например, 10 июля 1762 г. «подданному» Нурали-хану «дали знать» о вступлении 28 июня 1762 г. на Всероссийский императорский престол Великой Государыни и повелели «объявить во всем под управлением» его «находящегося киргиз-кайсацкого народа»³.

В этот период значительно расширился круг казахской знати, награжденных Высочайшими грамотами, появились грамоты о наделении старшин почетными титулами (тарханами. – *авт.*), поощрения за «благие» поступки⁴.

---

² Каспэ С. Империя и модернизация... – С.115.

³ Грамота императрицы Екатерины II хану Нурали, старшинам и всему казахскому народу по случаю ее восшествия на престол // Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. Сборник документов. Алма-Ата, 1969. Далее КРО-1. Док. № 249. С.638.

⁴ Грамота императрицы Екатерины II хану Нурали с благодарностью за оказанную помощь в борьбе против Е. Пугачева // КРО-2. Док. № 33. С.74; Грамота императрицы Екатерины II данной султану Айчуваку за верность и помощь правительству против Е. Пугачева // КРО-2. Док. № 36. 1774. С.78; Грамота императрицы Екатерины II казахскому населению семиродского

Следует отметить, что в условиях неграмотности населения правительство большое внимание уделяло внешнему виду документа. Так, в например, в 1791 г. Правительствующий Сенат приказал изготовить патент, «каков будет дан султану Ералею на утверждение ханского достоинства, присягу, надпись, какова должна быть высечена на сабле»⁵. Интересно отметить, что сам патент готовился в Сенате и писался на русском языке на «паргамине». Для написания патента использовали живописцев, находящихся при Гербальдии. Одновременно в Коллегию иностранных дел отправлялся текст патента на русском языке, а также раскрашенный Александровский Большой лист, величиною во всем против русского, в таких же точно украшенных золотых рамах, как и русский» для написания на «татарском языке». Заполненный патент возвращался в Правительствующий Сенат, где его окончательно готовили для вручения⁶. В общем виде патент представлял русский вариант и татарский перевод, «проложенные белою тафтою и запечатанные государевой среднею печатью». Особенно впечатляло, что при изготовлении патента обильно использовалось золото: золотом писали титул, украшали патент золотым глазетом, золотой парчою, золотым шнуром и золотой кистью⁷.

Анализируя тексты, следует помнить, что за торжественной риторикой грамот и патентов скрывались практические расчеты, за парадным фасадом грамот лежал глубокий прагматичный смысл. Так, например, грамотам казахским султанам за «верность и помощь

рода Младшего Жуза с благодарностью за верность России // КРО-2. Док. № 71. 1789. С.132; Грамота императрицы Екатерины II старшине алимулинского рода бию Каракубеку на тарханное звание // КРО-2. Док. № 72. С.132; Грамота императрицы Екатерины II султану Ерали // КРО-2. Док. № 73. С.133; Грамота императрицы Екатерины II султанам, биям, батырам и старшинам и всему казахскому населению Младшего Жуза по случаю избрания нового хана // КРО-2. Док. № 74. С.134.

⁵ АВПРИ. Ф.122. Меньшая Орда. Оп.122/3. 1791, 1792. Д.1. Л.1, 23.

⁶ АВПРИ. Ф.122. Меньшая Орда. Оп.122/3. 1791, 1792. Д.1. Л.1, 39, 43.

⁷ Сохранилось подробное описание патента, в котором отмечалось, что «Титул писан золотом, обложен патент золотым глазетом и сверху русского положена золотом тафта. Снизу все прошито золотым шнуром, каковым прошиваются даваемые от Сената на дворянство и деревни дипломы и грамоты. По сторонам патента по одной золотой кисти» // АВПРИ. Ф.122. Меньшая Орда. Оп. 122/3. 1791, 1792. Д.1. Л.16 и 16 об.

правительству против Е. Пугачева» предшествовала переписка между императрицей Екатериной II и оренбургским губернатором И. Рейнсдорпом. В рескрипте на предложение губернатора наградить султанов грамотой есть выражение «за соблюденную ими (ханом и султанами. – *авт.*) **в наружности** (выделено нами. – *авт.*) верность», в случае «ежели он (хан. – *авт.*) будет тратить время в пустых обнадешиваниях», императрица разрешила использовать войска – «дается Вам совершенная воля поступать со злодействующими киргизкайсаками со всею строгостью, отправляя на ближние их улусы для поисков достаточные команды»⁸. Историческая обстановка, в которой был воздвигнут на трон сын Нурали Ерали, показывает, что правительство в условиях восстания в Младшем Жузе под предводительством Срыма Датова и обострения борьбы за власть между султанами сделало вид, что новый хан избран «по общему избранию всего... киргизкого народа» и отразило это в тексте грамоты. Одновременно была отправлена грамота казахским султанам, старшинам, биям, батырам, старшинам и всему казахскому народу Младшего Жуза. Текст ее был построен таким образом, как будто императрица только подтверждает «по-древнему киргиз-кайсацкому обыкновению избранного хана»⁹. Тем не менее практика наделения верхушки общества различными грамотами широко укоренялась. Документы показывают, что степной нобилитет придавал им все большее значение в стремлении подчеркнуть легитимность своего правления.

В период правления Екатерины II важнейшей задачей России в Северном Прикаспии становится административно-территориальное устройство региона, введение здесь единообразия административного управления на основе губернского уложения 1775 г.

К началу 60-х гг. XVIII в. канцлеру была представлена записка от Коллегии (от 29 марта 1761 г.) с предложением перевести калмыков «как народа, под российскою державою с давнего времени находящегося» из ведомства Коллегии иностранных дел в ведомство Сената или Военной Коллегии, яко военному народу, «равно как лифляндцам, эстляндцам, финляндцам, малороссиянам... и протчим время от времени пришедшим в здешнее подданство народам, которые ныне все в главном ведомстве и правлении – Сенате и других

⁸ КРО-1. Документ № 37. 1774. С.78–79.

⁹ КРО-1. Документ № 73. С.133; Там же. Документ № 75. С.134.

подчиненных департаментов состоят». В записке имеется на полях помета: «Калмыцкие дела прямо за внутренние, а не заграничные и до Коллегии неследующие признавать надлежит»¹⁰.

Смысл приведенного документа в том, что члены Коллегии считали, что в ведомстве Коллегии находились только «заграничные и другие европейские дела», а калмыки признаются уже подданными, поэтому следует их передать в ведомство Сената¹¹.

В этот период в центральном правительстве готовился новый проект по управлению калмыцким народом. На основании доклада статского советника В. Бакунина, Коллегия иностранных дел подавала реляцию Екатерине II от 21 января 1762 г. В. Бакунин предлагал меры, которые, по его мнению, приведут калмыков «как подданных к точному повиновению»: брать аманатов и реорганизовать Зарго. Эти меры помогут «у наместника ханства собственные силы и власти поубавить». Историки высказали две точки зрения в оценке реорганизации Зарго¹². Результатом реформы стало то, что позиции Убаши как правителя калмыков были значительно ослаблены, так как введенная пропорциональная система делала процесс распределения мест в Зарго независимым от наместника. Так же считал и известный монголовед А. Позднеев – «при таком порядке вещей ханская власть должна была потерять почти все свое значение».

Действительно, в реляции Екатерине II, поданной Коллегией 21 января 1762 г., прямо указывается конечная цель реформы: «Чрез (Зарго) власть наместника в тесные пределы приведена будет. При

¹⁰ АВПРИ. Ф.119. Оп.119/2. 1761. Д.7. Л.1–1об., 2.

¹¹ АВПРИ. Ф.119. Оп.119/2. 1761. Д.7. Л.3.

¹² В. Колесник считает эту реформу – «демократизацию Зарго» – прогрессивной по сути, так как «имперская власть не хотела раздражать калмыков бессмысленно детальной регламентацией и уж тем более навязыванием им чуждой религии и законов...российское правительство брало политическую ситуацию в улусах под свой контроль с тем, чтобы снять напряженность и снять противоборство в калмыцкой элите». Основной целью реорганизации В. Колесник считал укрепление власти калмыцкого правителя. Другая точка зрения принадлежит Е. Дорджиевой, которая считала радикальную реорганизацию Зарго своеобразной альтернативой прежним попыткам правительства ограничить ханскую власть путем сохранения баланса между калмыцкими владельцами. См.: Колесник В. Указ. соч. С.188; Дорджиева Е. Указ. соч. С.38.

зайсангах в Зарго, ему ничем не обязанных, наместник не будет в состоянии продолжать с заграничными народами пересылку, какую бывшие донные ханы имели, зная, что кто-нибудь из зайсангов доносит в здешнюю сторону»¹³.

Но как показало время, в попытках интеграции калмыков в административно-политическую систему Российской империя потерпела фиаско, потому что буквально через 10 лет эффективность системы управления калмыками была подвергнута серьезному испытанию. Речь идет об откочевке калмыков в 1771 г. на свою историческую родину – в Центральную Азию. Проведя около полутора веков в низовьях Волги, калмыки решили покинуть насиженные места.

В результате Указом Екатерины II от 19 октября 1771 г. и от 12 декабря 1771 г. было упразднено звание калмыцких ханов и наместников ханства. Юридически это означало ликвидацию государственной автономии калмыков. Несмотря на то, что каждый владелец обладал относительной самостоятельностью в пределах своего улуса, его права по управлению калмыками были ограничены, поскольку за их действиями наблюдал астраханский губернатор. Астраханскому губернатору также принадлежало право разбирать споры между владельцами в присутствии 3 калмыцких зайсангов. В этот период в качестве судебного учреждения было восстановлено и Зарго, при вновь учрежденной в г. Астрахани Экспедиции Калмыцких дел, которая стала называться «Губернская канцелярия по экспедиции калмыцких дел».

Что касается казахов, то до назначения в Оренбургский край барона О. Игельстрома политика России характеризовалась попытками расширить социальную базу правительства. Но из-за частой смены руководителей местной администрации она не была реализована. Поддержка султанов и старшин начала вестись целенаправленно лишь со второй половины 60-х гг. XVIII в. Например, в 1767 г. правительство разрешило постройку усадьбы Досалы-султану с прямой установкой «вызвать зависть и соревнование». В 70-е гг. XVIII в. Екатерина II, учитывая слабость ханской власти и все возрастающую зависимость Нурали-хана от «милостей и поддержки правительства», своим указом предписывала оренбургскому губернатору Рейнсдорпу добиваться от Нурали содействия старшинам в исполнении решений

---

¹³ АВПРИ. Ф.119. Оп.119/1. 1762. Д.20. Л.9 и 9 об.

правительства и без зависти смотреть «на поощрение и приманки», которые делались его подчиненным¹⁴.

Предпринимались шаги, направленные на привлечение на свою сторону влиятельных казахских старшин и родоначальников и их противопоставления хану и друг другу. К началу 70-х гг. XVIII в., по словам Г. Семенюка, противопоставление изоощренными методами старшин и Нурали-хана обострило их старые противоречия и конфликты, восстановило против него значительную часть старшин. В этот период Нурали-хан и обратился к Екатерине II с просьбой назначить ему наследника при жизни. Екатерина II рекомендовала сначала получить согласие от старшин и народа, «чтобы не иметь впоследствии никаких затруднений»¹⁵.

Отказ побудил Нурали-хана обратиться в мае 1770 г. с письмом к руководителю внешнеполитического ведомства графу Панину с жалобой на ослабление своей власти: «В Киргиз-кайсацкой Орде начальников умножилось». Особенно насторожила Нурали-хана возможность султанов иметь прямую переписку с администрацией. Он попросил графа оставить право переписки за ним и его родственниками Ерали и Айчувак-султанами¹⁶. Со второй половины 1770-х гг. в переписке с российской администрацией Нурали-хан выступает не как представитель интересов казахов, а как послушный исполнитель воли царской администрации. Как отмечал М. Вяткин, «он окончательно превращается в царского чиновника, носящего титул хана, становится представителем не казахской государственности, а русской государственности в казахской степи»¹⁷. В 1779 г. Оренбургский край вошел в состав Уфимского наместничества.

В рескрипте Екатерины II от 27 ноября 1785 г. на донесение О. Игельстрома о требовании старшин был дан подробный план действий. Предписывалось осторожное отношение к дальнейшей судьбе Нурали-хана (О. Игельстрому было предложено сначала встретиться с ханом, а потом решить вопрос о целесообразности его

¹⁴ Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей... Док. № 317. С.117.

¹⁵ Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей... Док. № 327. С.119.

¹⁶ Перевод письма Нурали-хана к графу Н. Панину с жалобой на ослабление своей власти. 1770 г. // КРО-1. Док. № 275. С.700.

¹⁷ Вяткин М. П. Батыр Срым... С.189.

устранения от власти). Самое главное – в рескрипте говорилось, что самым выгодным для России является разделение орды, «особливо ж, если начальники родов станут привыкать к непосредственному руководству главных начальников военных». Следовательно, в этот период правительство сочло удобным для уничтожения ханской власти раздробить Младший Жуз и тем самым облегчить внедрение российской администрации в степи. При этом предусматривалась возможность привлечения казахов на службу с уплатой жалованья.

В целом, рескрипт правительства от 3 июня 1786 г. ориентировал губернатора на усиление старшин. Правительство согласилось восстановить ханское достоинство, но одновременно предлагало «умножить их число, что каждый из ханов не был силен в Орде и зависел от О. Игельстрома, как и прочие подчиненные в губернии и по уездам»¹⁸. Таким образом, основой новой системы управления стало ослабление власти султанов и хана, при усилении власти и влияния старшин. Но как показали последующие события, правительство не учитывало особенностей социальной базы, на которой строило новую систему управления. В этом сказались бюрократическая ограниченность администрации, непонимание традиционной структуры населения, которым она собиралась управлять.

Таким образом, время правления Екатерины II стало не только временем крупных успехов России в области внешней политики, но и периодом форсированной интеграции народов в состав империи, введения единообразия административного управления на основе губернского уложения 1775 г. Правительственный курс в этот период теряет гибкость, способность быстро реагировать на «вызовы» времени. В Северном Прикаспии процесс административной унификации народов, без учета этнического фактора, привел к негативным последствиям. В 1771 г. большая часть калмыков откочевала за пределы России. У казахов Младшего Жуза отсутствие четкой стратегии, форсированные методы в попытках введения российской системы управления вызвали негативную реакцию со стороны населения и затормозили процесс перехода к российской системе управления (об этом свидетельствуют участие части казахского населения в восстании Е.Пугачева, затем длительный период восстания Срыма Датова).

---

¹⁸ Вяткин М.П. Батыр Срым. М., Л., 1947. С.245.

Итоги приобщения народов Северного Прикаспия к имперской системе, их адаптации к новым условиям оказались различными. Это зависело от этнонациональных особенностей кочевых народов, от реакции на перемену. Успехи и неудачи российской политики во многом зависели от недооценки этих факторов. Калмыки откочевали, потому что не хотели принять навязываемую им модель цивилизации, культуры и системы ценностей. В то же время казахи оказались более восприимчивы к переменам. В конечном счете это говорит о более высоких адаптивных возможностях этноса, поскольку они сумели сохранить свою этнотерриториальную целостность.

Имперская интеграция народов Северного Прикаспия в рассматриваемый период полностью не была завершена. Она была реализована только в отношении части населения Младшего Жуза казахов в начале XIX в., когда они переселились на земли, пустовавшие после откочевки калмыков, и полностью вошли в административно-политическую систему России под названием Букеевская Орда. Но опыт, приобретенный Российской империей в Северном Прикаспии, стал основой для дальнейшего продвижения России на восток. Методы, апробированные в отношении калмыков и казахов Северного Прикаспия, были применены в отношении туркмен, казахов Среднего и Старшего Жузов, каракалпаков и других кочевых народов. В исследуемый период Россия выполнила задачу территориального закрепления в регионе, опираясь на который она начала дальнейшее освоение восточного побережья Прикаспия, степных областей Казахстана, а в последующем и Туркестана.

Хайрутдинов Р.Р.

**Реализация в Казанской губернии указа Екатерины II
«О позволении князьям и мурзам татарским
пользоваться всеми преимуществами
российского дворянства» (22 февраля 1784 г.)**

Последняя четверть XVIII в. характеризуется либерализацией позиции правительства Екатерины II по отношению к привилегированным слоям татарского населения Среднего Поволжья и Приуралья, смещением акцентов в национальной политике и в религиозной сфере, принятии ряда мер по укреплению татарской феодальной верхушки. Еще в середине 60-х гг. XVIII столетия наметились тенденции к переходу от жесткого христианизаторства с его откровенно антимусульманской направленностью к более гибкой и прагматичной идеологии. Однако провозглашение принципа веротерпимости не внесло серьезных перемен в действовавшее законодательство и в положение мусульман.

Основной упор в этой сфере правительство сделало на привлечение на свою сторону магометанского духовенства, выполнявшего у татар в течение предшествовавших десятилетий роль духовной и светской оппозиции христианизаторской и русификаторской политике царизма. Важным шагом в реализации этой программы явился указ от 22 сентября 1788 г. «Об определении мулл и прочих чинов магометанского закона и об учреждении в Уфе Духовного Собрания для заведывания всеми духовными чинами того закона, в России пребывающими»¹. Искусственно созданный орган управления мусульманской приходской организацией и духовенством представлял собой правительственное бюрократическое учреждение, приравненное по статусу к среднему звену судебных мест. Задачи координации властей с татарским городским сословием и торговой верхушкой выполняла образованная в Казани в 1782 г. Татарская ратуша, основанная как орган самоуправления городской татарской общины.

Несомненно, к тому же ряду законодательных актов, направленных на ликвидацию социальной фронды и подчинение татарского

---

¹ ПСЗ-И. Т.22. № 16710.

общества унифицированному регламентированию со стороны государства, принадлежат указы Екатерины II, адресованные феодалам, сохранившим мусульманское вероисповедание. Так, указом от 1 ноября 1783 г. был разрешен прием на военную службу и награждение офицерским званием (ограниченным чином премьер-майора. – *X.P.*) татарских мурз и «чиновных людей»². Привлечение татар-мусульман в офицерское звено армии было напрямую связано с включением в апреле 1783 г. Крыма в состав России, превращением полуострова в важный опорный пункт на Черном море, а впоследствии и с русско-турецкой войной 1787–1791 гг.

Но наиболее значимым для мусульманской части татарской феодальной знати стал указ, принятый 22 февраля 1784 г. «О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами российского дворянства»³, вышедший за год до публикации 21 апреля 1785 г. «Жалованной грамоты дворянству Российской империи»⁴.

В «Жалованной грамоте» впервые в наиболее полном виде был сформулирован юридический, политический и социальный статус дворянского сословия. Из законодательства о российском дворянстве выделим лишь основные положения, касающиеся принципов и порядка приобретения прав высшего состояния. Существовало три пути достижения дворянства: а) монаршая милость, б) достижение чина на военной или гражданской службе, в) пожалование российского ордена.

Все дворянство подразделялось на потомственное (передававшееся по наследству) и личное (пожизненное). Потомственные дворяне могли принадлежать к одному из шести разрядов: 1) дворянству, жалованному или действительному, 2) дворянству военному, 3) дворянству, полученному путем выслуги определенного чина, или в результате награждения орденом, 4) иностранным дворянским родам, 5) титулованному дворянству, 6) древним благородным родам, доказавшим свою принадлежность к дворянству за 100 лет до издания «Жалованной грамоты».

Таким образом, лишь последние три разряда давали права высшего состояния по праву благородного происхождения. Часть татарских знатных родов, перешедших в XVI–XVII вв. на службу к российским

² ПСЗ-И. Т.21. № 15861.

³ ПСЗ-И. Т.22. № 15936.

⁴ ПСЗ-И. Т.22. № 16187.

государям и возведенных ими в почетное дворянство, получила право пользования титулом «князей татарских». Они вошли в состав российского титулованного дворянства по 5 и 6 разрядам. Все титулы подразделялись по степеням на княжеские, графские, баронские. Исследователи отмечают, что титул князей татарских, так же как и калмыцких, мордовских не обладал всеми достоинствами общего российского княжеского титула и считался стоящим после графов и баронов⁵.

В начале XX в. в списках департамента Герольдии числилось 34 фамилии татарских и калмыцких князей, утвержденных в этом звании определениями Правительствующего Сената в период с 1830-х по 1908 гг. Этим титулов были удостоены роды князей Акчуриных, Баюшевых, Девлеткильдеевых, Дивеевых, Дондук-Корсаковых, три рода Енгальчевых, Еникеевых, Кекуатовых (Кейкуатовых), Кильдишевых, Кугушевых, два рода Кудашевых, Кулунчаковых, Куткиных, Кутыевых, Максутовых, Максуютовых, Маметовых, Маматкозиных-Сакаевых, Маминых, Мансыревых, Мустафиных, Стокасимовых, два рода Тенишевых, Ширинских-Шихматовых, Яушевых, Бегильдеевых, Ишеевых, Шахаевых. Среди наследников знатных фамилий большинство составляли уже обрусевшие татары, но в некоторых родах отдельные ветви еще сохраняли родным татарский язык, а фамилии Маматкозиных-Сакаевых и Маминых оставались мусульманскими по вероисповеданию.

Не останавливаясь детально на особенностях возведения каждого из этих родов в российское жалованное дворянство, отметим, что основанием включения в 5 и 6 части родословных книг послужило документальное подтверждение княжеского достоинства. Так, потомки Еникеевых представили в департамент Герольдии грамоты, жалованные Иваном IV 20 марта 1551 и 1 октября 1572 гг., в которых Еникей Тенниевич Кугушев и его сын Сабак-мурза Еникеев названы князьями. По определению Сената 21 марта 1851 г., род был внесен в шестую часть Родословной книги. Княжеское достоинство как русскоязычных, так и татароязычных потомков Еникеевых неоднократно подтверждалось Сенатом в 1857, 1869, 1870, 1874 гг.⁶

---

⁵ Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России (1861–1904) // Исторические записки. Т.87. М., 1971. С.102.

⁶ Васильевич С. Списки титулованным родам и лицам Российской империи. Т.1. СПб., 1892. С.276–290; его же. Титулованные роды Российской империи. Т.2. СПб., 1910. С.48–49.

Закон 1784 г. не носил локального характера, а был распространен на всех князей и мурз татарского происхождения, остававшихся «в магометанском законе». В преамбуле отмечалось, что между ними «находятся такие, коих предки за их верные Всероссийскому престолу службы получили от высоких предков Наших жалованные грамоты на поместные дачи и другие неоспоримые доказательства, что служба и состояния их тогдашние были равные с прочими благородными».

Признав за княжескими и мурзинскими родами права на утверждение в благородном звании, указ вместе с тем установил жесткие требования к документам, подтверждающим происхождение. По букве закона необходимо было представить жалованные государственные грамоты на недвижимое имение и другие письменные документы, утверждающие благородство «с явным доказательством». Условие предъявления «неоспоримых доказательств» впоследствии явилось причиной многочисленных отказов губернских дворянских собраний и департамента Герольдии Сената в возведении татар-мусульман в дворянское достоинство. В распорядительной части указа раскрывались механизм и последовательность рассмотрения документов. Сенат обязывался предписать генерал-губернаторам и правящим эту должность в губерниях, «где подобные князья и мурзы жительствоуют», учинить разбор свидетельств. На рассмотрение и утверждение Сената должны были быть представлены списки с доказательствами происхождения. Затем по составлении в департаменте Герольдии особого списка на утвержденных в благородном звании татар-мусульман на них распространялись привилегии дворянского сословия.

Вместе с тем указом 1784 г. татарские князья лишались одного из самых существенных прав российского дворянства – права «покупать, приобретать и иметь крепостных или подданных христианского исповедания», составлявшим вместе с особым положением в механизме государственной власти основу политического и экономического могущества дворянского сословия⁷. Естественно, что это во многом сужало для татарских князей смысл дворянского звания. Однако возведение в потомственное дворянство предоставляло ряд важных личных прав. Помимо выхода из податного сословия,

⁷ Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С.23.

освобождения от рекрутской повинности и телесных наказаний у утвержденных в звании появлялась возможность определения на государственную службу, а их дети пользовались льготами при получении образования. Велик был и моральный фактор.

Еще до выхода в свет указа 1784 г. представители княжеских и мурзинских родов добивались права официального признания своего благородного происхождения. Так, в начале 1780-х гг. жители Новотатарской слободы г.Казани «из мурз служилые татары» Ибрай Асеев, Асан Ермаков, Муртаза и Исхак Салимовы дети князей Яушевых предьявили в Казанское наместническое правление в доказательство княжеского происхождения жалованную грамоту, данную их предкам великим государем и великим князем Михаилом Федоровичем.

Правление 11 июля 1782 г. своим указом обязало Татарскую ратушу записать просителей в документы четвертой ревизии в княжеском звании. В июле 1795 г. они вновь обратились в Татарскую ратушу с просьбой подтвердить право на княжеское достоинство для включения их в сказки новой пятой ревизии. 12 июля 1795 г. копия указа Казанского наместнического правления, подтвержденная печатями бургомистра Юсупа Абдулова, ратмана Амира Исхакова и подписями ратманских Мусы Якупова, Губайдуллы Рахматуллина, Галея Якупова, была переслана для исполнения выборному Новой Татарской слободы⁸.

По данным пятой ревизии (1795 г.), в Казанской губернии насчитывалось 128 «из мурз князей», 1566 мурз и «из мурз служилых татар» (в том числе 57 крещеных), 18 «ясачных мурз», всего 1712 душ мужского пола⁹. По другим сведениям, в конце XVIII в. их численность составляла 1639 человек, а количество принадлежащих им крестьян и дворовых людей указывалось большим: вместо 169 – 226 ревизских душ¹⁰.

Более всего выходцев из знатных родов проживало в Чистопольском уезде – 524 души мужского пола, в Лаишевском – 519 и Казанском – 341 душа. Причем княжеские фамилии зафиксированы ревизскими документами лишь по последнему уезду. Князья и мур-

⁸ НА РТ. Ф.22. Оп.2. Д.830. Л.1–2.

⁹ Корелин А.П. Указ. соч. С. 48.

¹⁰ РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Дд.404, 411, 412, 419, 425, 428, 433, 438, 441, 446, 450, 453.

зы Казанской губернии, зафиксированные ревизскими документами, были учтены в составе государственных крестьян и наравне с ними обложены подушной податью. Что же касается численности татарской феодальной знати, вошедшей в состав российского дворянства по силе указа 1784 г. и освобожденной от уплаты личных податей, то здесь существуют значительные расхождения в цифрах.

Основными источниками для подсчета численности дворян-мусульман татарского происхождения явились два документа. В первом из них, рапорте Оренбургской казенной палаты в Правительствующий Сенат, сообщается о реализации Именного указа Павла I от 29 ноября 1796 г. об утверждении в дворянском звании и исключении по Уфимскому наместничеству из подушного оклада князей Ямбулатовых, Яушевых, Акчуриных, Чанышевых, Дивеевых, Маминных, Маматкозиных, Бигловых, Еникеевых и Терегуловых. Казенная палата 25 августа 1797 г. донесла в Сенат, что по сведениям, доставленным из нижних земских судов и уточненным по ревизским сказкам, в наместничестве оказалось (с учетом рожденных после четвертой ревизии), 235 душ князей и мурз этих фамилий, подлежащих «выключке» из оклада¹¹. Кроме того, до сведения Сената было доведено, что семьи князей Чанышевых и Терегуловых в количестве 12 человек из Оренбургской губернии отбыли на прежнее жительство в Тамбовскую губернию, где и должны были быть исключены из крестьянского сословия. Еще о 9 душах не были доставлены сведения из Стерлитамакского и Уфимского нижних земских судов.

Второй источник представляет собой переписку по поводу ходатайства на имя верховной власти князей Эльмурзы Урусова и Семерхана Булаева. В 1797 г. они обратились с прошением дозволить им «сформировать для защиты Оренбургской губернии от киргизкайсацких набегов полк из татарских князей и мурз». Прецедентом послужил созданный в том же году по указу Павла I Литовский татарский полк под командованием генерал-майора Барановского. Полк был составлен исключительно из польско-литовских мусульман¹².

Из документов этого дела в первую очередь нас интересует «Записка о татарских родах, доказывающих происхождение свое от бла-

¹¹ ГАОО. Ф.6. Оп.1. Д.56. Л.1–7.

¹² Гришин Я.Я. Польско-литовские татары (Наследники Золотой Орды). Казань, 1995. С.42.

городных предков и просящих о выключке из подушного оклада». В ней отмечалось, что к 1797 г. по именным указам были признаны доказавшими княжеское и мурзинское достоинство 350 человек – 231 душа в Оренбургской, 8 – в Тамбовской, 15 – в Саратовской и 96 – в Пензенской губерниях.

В стадии рассмотрения находились документы 17 княжеских и мурзинских родов Саратовской губернии, насчитывавших 1008 человек, Рязанской губернии – 32 родов (388), Оренбургской – 2 (61), Симбирской – 7 (282), Пензенской – 22 (524), Нижегородской – 1 (55). В Казанской губернии свои права на дворянское достоинство предъявили представители 96 родов, состоявших из 2493 человек. Всего же по семи губерниям России из податного сословия просили вывести 4811 человек 177 знатных татарских родов¹³. Таким образом, в 1797 г. общее число князей и мурз, представивших необходимые документы вместе с уже утвержденным во дворянстве, составляет 5161 человек.

Не подвергая сомнению благородное происхождение родов, представивших документы, утверждать о признании государством их дворянского достоинства и внесении в родословные книги всех этих фамилий нет достаточных оснований. В документе прямо указывается, что по резолюции Сената от 11 октября 1795 г. по случаю встретившихся в Казанском губернском правлении «сомнений и даже открывающемся подлоге в некоторых доказательствах оных татарских родов, обращены дела в то правление для рассмотрения и утверждения подлинными делами в архивах хранящимися и другими способами сомнению не подтвержденными»¹⁴.

Выявленные в фондах Национального архива РТ документы изменяют сложившееся представление о ходе реализации в Казанской губернии указа 1784 г. В конце 80-х – начале 90-х гг. в Казанское дворянское собрание стали поступать ходатайства об утверждении в дворянском звании потомков татарских княжеских и мурзинских родов. Потомки просили собрание «не лишать и их высокомонарших милостей». Основанием для рассмотрения своих претензий они обозначили 7-й пункт 92-й статьи «Жалованной грамоты» дворянству, которым в качестве одного из доказательств благородного происхождения определялось «Верстание по дворянской службе поместья-

¹³ РГИА. Ф.1374. Оп.1. Д.62. Л.40–40 об.

¹⁴ Там же. Л.40 об.

ми». Помимо документов на владение землей татары предъявляли выписи из семейных родословных. В итоге, депутаты Казанского дворянского собрания, избранные для составления родословной книги, признали «достаточными» доказательства благородного происхождения более 50 татарских родов¹⁵. После сверки с родословными документами наличного состава семей имена претендентов были внесены в список собрания, который препроводили генерал-губернатору Казанского наместничества князю П.С.Мещерскому, правителю наместничества князю С.М.Боратаеву и уже от их имени представили для утверждения в Сенат.

Однако в 1795 г. губернский прокурор В.И.Чемесов представил в Санкт-Петербург генерал-прокурору А.Н.Самойлову рапорт о возникших якобы сомнениях в достоверности представленных документов и «открывающемся подлоге» в части доказательства, «коими утверждают татарские роды благородное происхождение». По указу Сената от 17 декабря 1796 г. Казанское губернское правление учредило особую комиссию для пересмотра уже принятых Дворянским собранием решений. Комиссии было поручено освидетельствовать в губернских архивах все документы, с которых князьям и мурзам выдавались копии. Представленные татарами доказательства благородного происхождения должны были быть подтверждены подлинными делами. Для реализации этой задачи правление обязало губернского архивариуса доставить в комиссию все необходимые документы. В течение 1796 и 1797 гг. в архиве присутственных мест было выявлено 87 свертков грамот и иных бумаг двадцати пяти родов князей и мурз Казанской губернии.

Комиссия 25 апреля 1797 г. донесла губернскому правлению о своем заключении – признать представленные доказательства этих фамилий несущественными. В этот список вошли фамилии князей Янбулатовых, Тимбяковых, Булаевых, Бурнашевых, Замановых, Мамяшевых, Тимяшевых, Мансуровых, мурз Шашевых (?), Барышевых, Бурундуковых, Сюндуковых, Сюндуковых же живущих в Елабужском округе Вятского наместничества, Байбековых, Киреевых, Нураевых, вновь Сюндуковых, Тинсариных, Пляшевых, Тайтури-

---

¹⁵ В документах конца XVIII в. указывались 52 рода, утвержденных собранием. В 1815 г. цифра была уточнена и список дополнен фамилиями Касимовых и Мансуровых.

ных, Урманчеевых, Урманчеевых же, Уразгильдеевых, Чепкенеевых. Сведений о 29 родах в архиве не обнаружилось. Комиссия отметила, что хотя архивариусом и были представлены «в куче завернутой в бумаги несколько старинных свертков в мелкие части изорванных и в самомалейших лоскутках состоящих, но из них ничего узнать не можно, когда от кого и кому именно оные даваны»¹⁶.

«Выполнив» свою работу, комиссия была распущена. В апреле 1798 г. губернское правление предписало дворянскому собранию доставить сведения о татарских родах, представивших доказательства благородного происхождения, «не заимствуя оных от губернского правления». По запросу правления архивариус собрания должен был подобрать подлинные документы претендентов на дворянское звание и доложить, кому именно из них выдавались копии. Губернский предводитель дворянства совместно с тремя депутатами казанского собрания произвел сверку документов с материалами бывших определений. В губернское правление была передана ведомость со списком 52 утвержденных татарских родов с указанием документов, представленных в доказательство прав на дворянское звание. Вместе с ней в правление были отосланы из Собрания вновь выявленные 15 подлинных и 10 копий грамот и выписей.

Всего же к 1802 г. было собрано 29 свертков с документами 6 родов – князей Богдановых, Яушевых, Кильдишевых, мурз Дербышевых, Исенеевых, Исеевых (?). В архивах так и не было выявлено каких-либо свидетельств благородного происхождения еще 23 фамилий – князей Асановых, Хозесеютовых, Маметевых, Маметевых же, Нурушевых, Кугеевых, Девятьяровых, Нурсеитовых, Тимеевых, вновь Ямбулатовых, Касимовых, мурз Миченевых (?), Урекеевых, Утеевых, Караевых, Буреевых, Саркеевых, Данаевых-Тзяшевых (?), Богдановых, Еникеевых, старокрещеных мурз Колчуриных и Харитоновых.

В сентябре 1802 г. губернское правление рассмотрело вновь выявленные бумаги и опять признало их «несущественными». 18 сентября было принято постановление, в котором подытоживались результаты деятельности комиссии 1795–1797 гг. и работа правления по освидетельствованию доказательств благородного происхождения. В нем, в частности, отмечалось, что по заключению комиссии некоторые из документов «совсем составлены ложно... А другие с

¹⁶ НА РТ. Ф.14. Оп.4. Д.14. Л.8 об.

безправочных копий в недавней переписаны на манер старинный, когда в том видно надобность стала и имеют фальшивые лишь скрепы и справки». Не утруждая себя приведением свидетельств фальсифицированных актов, правление присоединилось к заключению комиссии и признало доказательства татарских фамилий «незаконными и к доставлению дворянства тем родам не следующими». Правление 22 сентября 1802 г. поспешило представить в Сенат свой рапорт, приложив к нему и подлинные журналы комиссии, «коиными доказательства уничтожены».

С 1840 г. происхождение мусульман от благородных предков должно было быть доказано метрическим свидетельством Магомеданского Духовного правления (со времен введения метрических книг) или основанной на достоверных сведениях родословной, подписанной предводителем дворянства и состоящих уже в дворянском достоинстве ближайших родственников просителей, или, наконец, документами о владении наследственными от предков недвижимыми дворянскими имениями. К доказательствам происхождения обязывалось представить свидетельство, подтвержденное предводителем дворянства и не менее 12 дворян, что образование и род жизни просителя «приличен благородному званию, а также удостоверение, выданное присутственными местами», с указаниями того, что «ни сами просители, ни отец, ни дед их не состояли и не состоят в подушном окладе и не были лишены прав дворянских силою закона». Все эти условия перечеркивали саму возможность татар Казанской губернии добиться утверждения в дворянском звании.

К сожалению, приходится констатировать, что большинство из собранных на рубеже XVIII–XIX вв. в Дворянском собрании и губернском правлении документов татарских родов ныне безвозвратно утеряно. Свою роль сыграли пожары присутственных мест 1815, 1842 гг., ликвидировавших значительную часть архивов этих учреждений. Естественно также предположить, что после признания недействительными всех актов и бумаг князей и мурз татарского происхождения они потеряли для чиновников администрации какую-либо ценность и могли быть уничтожены. По крайней мере смысл рапорта губернского правления не исключает подобной интерпретации.

Губернская администрация своим безапелляционным постановлением отказала в законном праве, продекларированном указом 1784 г., изменить статус древним татарским княжеским и мурзинским фамилиям Казанской губернии. Ни один из множества предъявленных документов – жалованных грамот, актов на владение поместьями, родословных и иных свидетельств принадлежности к феодальному классу – не был принят во внимание. Представители разветвленных родов татарской знати Среднего Поволжья и Приуралья оказались юридически на разных ступенях социальной лестницы, что нашло свое отражение и в шеджере-родословных отдельных фамилий. Все это послужило причиной протестов со стороны неутвержденных по Казанской губернии требований предоставить дворянские права их семьям.

Предвзятость и отсутствие какой-либо объективности не позволили казанским князьям и мурзам воспользоваться преимуществами дворянского звания. В то же время в Уфимской и Оренбургской губерниях утверждения продолжались. Так, в 1814 г. Уфимское Дворянское депутатское собрание признало в дворянском достоинстве 64 татарских мурз и в их числе мурз Асана Мамотова и Абдуллу Зебеирова, князя Тимбекова.

Подобная тактика, направленная на ужесточение давления на татарское население Среднего Поволжья и предоставление определенных послаблений в приуральских губерниях, широко использовалась правительством и в религиозной сфере. Политика «двойного стандарта» обуславливалась ролью и местом Оренбургской, Уфимской губерний в колонизаторских планах самодержавия.

С уничтожением в 1815 г. значительной части архива Казанского дворянского собрания многие из благородных родов губернии столкнулись с необходимостью подтверждения представленных документов. О возможности какого-либо нового рассмотрения доказательств дворянского происхождения княжеских и мурзинских фамилий татар-мусульман не было и речи. Между тем они упорно продолжали именовать себя этими титулами. Еще в 1815 г. казанский губернский прокурор Овцин в рапорте министру юстиции Д.П.Трощинскому констатировал, что, несмотря на отказ в утверждении в российском дворянстве, «многие фамилии тех 52 татарских родов пользуются всеми правами... и даже имеют за собой написан-

ных по ревизиям людей, именующие себя во всех подаваемых актах князьями или мурзами, а местное правительство и принимают в руководство таковые их названия не удостоверясь впрочем приобрели они законные утверждения на права сии»¹⁷.

Среди татар-мусульман, удостоенных потомственного дворянства и внесенных в дворянскую родословную книгу Казанской губернии, нет ни одной фамилии, утвержденной на основании благородного происхождения. Потомственные дворяне из татар-мусульман присутствуют лишь во второй и третьей частях книги, куда были включены лица, возведенные в дворянство за достижение офицерского чина или выслугу определенного чина на гражданской службе, либо в результате награждения российским орденом.

Сделаем некоторые выводы. В последней четверти XVIII века российское самодержавие предприняло ряд мер, направленных на расширение своей опоры в татарском обществе. Одним из подобных шагов явилось предоставление татарам-мусульманам, представителям титулованной знати возможности вхождения в состав российского дворянства.

При реализации положений указа 1784 г. четко проявилась двойственность внутренней политики царского правительства по отношению к татарской феодальной верхушке Среднего Поволжья и пограничных приуральских губерний. Бюрократические препоны, открытая антимусульманская направленность деятельности органов местного управления Казанской губернии практически свели на нет продекларированные законом права знатных татарских фамилий.

---

¹⁷ НА РТ. Ф.14. Оп.4. Д.14. Л.15–15 об.

Фельдман Д.З.

**Прошения российских евреев Екатерине II:
проблематика и результаты обращений**

Начало исследованию и публикации таких интересных и важных источников, как прошения, в российской историографии было положено во второй половине XIX в. Что же касается еврейских прошений, то несколько таких документов из государственных архивохранилищ впервые было введено в научный оборот в трудах князя Н.Н. Голицына¹ и видного еврейского историка Ю.И. Гессена². Традиция изучения прошений евреев в различные инстанции как ценного источника по истории евреев Российской империи была продолжена в исследованиях и публикациях ряда современных исследователей³. Однако на данный момент в историографии отсутствует сколько-нибудь цельное осмысление еврейских прошений российским властям как особого социального и культурного феномена.

Законодательство о подаче прошений на высочайшее имя в Российской империи XVIII–XIX вв. предполагало обращение со стороны исключительно частных лиц. Прощение должно быть передано через представителей местной администрации, которой был подчи-

---

¹ Голицын Н.Н. История русского законодательства о евреях. 1649–1825. СПб., 1886. Т. 1.

² Гессен Ю.И. Из прошлого. Депутаты еврейского народа // Восход. 1903. № 17. С.37–38; он же. Евреи в России: Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. СПб., 1906; он же. История еврейского народа в России. Л., 1925–1927. Т. 1–2.

³ «Желаем записаться в российское купечество»: Прощение евреев г. Митавы к графу А.Р. Воронцову / Публ. Д.З. Фельдмана // Источник. 1997. № 4 (29). С.34–36; «Московское изгнание» евреев 1790 года / Публ. Д.З. Фельдмана // Вестник Еврейского университета в Москве. 1996. № 1 (11). С.170–195; он же. Первые российские штатданы: витебский купец Цалка Файбишович // Архив еврейской истории. М., 2004. Т. 1. С.75–88; он же. Страницы истории евреев России XVIII–XIX веков: Опыт архивного исследования. М., 2005; Минкина О.Ю. Еврейская депутация к российским властям. 1812–1814 гг. // Вопросы истории. 2007. № 8. С.151–155; она же. Евреи и власть: депутации 1773–1825 гг. в Российской империи // Исторические записки. 2007. № 10 (128). С.165–201.

нен проситель, хотя и предполагалась конфиденциальность. Причем нарушение субординации допускалось только в исключительных конфликтных ситуациях (например, в случае подозрения в адрес непосредственного начальства, и тогда проситель должен был быть готов обосновать свои подозрения на следствии и в суде). Практика непосредственного «доступа к телу» государя не исключалась, но была регламентирована ритуалом. Просить можно было только по частному, семейному делу. Прошение могло содержать как жалобу на незаконность каких-либо действий, так и просьбу о милости, помиловании, отмене вынесенного на основании закона приговора, о неприменении закона в конкретном случае⁴. Данная практика указывает не столько на пренебрежение к писанным нормам, сколько на иную логику и иное понимание того, кто в состоянии установить «истину» в конкретном деле: представители администрации, руководствуясь общим для всех описанием подобных обстоятельств в законодательстве и общей логикой, или государь, который вправе своей волей менять общие постановления. Существовало запрещение писать «скопом» и обращаться от коллективного имени, от лица сословия (исключение в ряде случаев составляли губернские «дворянские общества»), корпорации, полка, общины⁵.

Практика подачи и рассмотрения еврейских прошений несколько отличалась от охарактеризованной выше законодательной нормы. Так, официально допускалась подача прошений от имени кагалов и «еврейских обществ» (при этом под «еврейскими обществами» могли подразумеваться как те же кагалы, так и хеврот – оппозиционные кагалам объединения). Эти выступления не требовали какой-либо дополнительной легитимации, так как кагал и «еврейское общество» являлись в глазах властей коллективными юридическими лицами. С прошением могли выступать поверенные тех или иных профессиональных или региональных групп еврейского населения, легитимность которых определялась наличием доверенностей от указанных групп и признавалась властью. С прошением по самым различным

---

⁴ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собр. 1-е. (ПСЗ-1). СПб., 1830. Т. XV. № 10980 (8 августа 1759 г.), № 11459 (4 марта 1762 г.); Т. XVI. № 11606 (12 июля 1762 г.); Т. XVIII. № 12902 (31 мая 1767 г.); Т. XXXVI. № 27618 (2 января 1819 г.).

⁵ ПСЗ-1. Т. XXI. № 15379 (5 апреля 1782 г.); Т. XXIV. № 17636 (12 декабря 1796 г.); № 17955 (4 мая 1797 г.); Т. XXVI. № 19856 (5 мая 1801 г.).

вопросам обращались к властям еврейские депутаты, включенные в структуру государственного управления (временных и постоянных государственных учреждений), имевшие доверенности от кагалов или надобщинных объединений и обладавшие, таким образом, «двойной легитимностью»⁶. И, наконец, евреи активно использовали прошения при обращении по частным вопросам к различным инстанциям, вплоть до самого монарха. По архивным материалам можно проследить выступления одного и того же лица в качестве депутата (или поверенного), в составе кагала и в качестве частного лица.

Характерный пример такого рода представляют собою материалы, связанные с деятельностью витебского купца 2-й гильдии Цалки Файбишовича. В начале 1785 г. он вместе с купцами Абрамом Еселевичем из Витебска, Ицкой Мовшовичем из Полоцка и полоцким кагалным школьником (секретарем) Израилем Бейнашовичем из Полоцка вошел в состав еврейской депутации, отправленной 18 еврейскими общинами Белоруссии к Екатерине II. (Верительные письма кагалов в мае–июне 1784 г. подписали 388 человек⁷.) Поданное императрице прошение «о разных их нуждах»⁸ было подписано Файбишовичем и Еселевичем. Данное прошение является одним из первых сохранившихся прошений еврейских представителей «на высочайшее имя».

В преамбуле воздавалась пышная хвала императрице за «великодушное монаршее благоволение приять нас в свое высокое подданство» и сопутствующие этому преимущества, которых «белорусские евреи с прочими обитателями того края удостоены провидением»⁹. Поверенные жаловались на то, что многие евреи Могилевской и Полоцкой губерний, как живущие в городах и местечках, так и в деревнях, потратили все свое состояние на постройку домов и винокуренных заводов. Землевладельцы отдавали в деревнях евреям на

---

⁶ Подробнее об этом см.: Минкина О.Ю. Евреи и власть: депутации 1773–1825 гг. в Российской империи // Исторические записки. 2007. № 10 (128). С.165–201.

⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.248. Сенат и его учреждения. Оп.65. Кн.5793. Л.260 об.–261. См.: Анищенко Е.К. Черта оседлости: Белорусская синагога в царствование Екатерины II. Минск, 1998. С.92–93.

⁸ РГАДА. Ф.248. Оп.65. Кн.5793. Л.10–13 об.

⁹ Там же. Л.10 об.

откуп корчмы, однако законодательный запрет отдавать производство и продажу алкоголя на откуп евреям фактически подорвал их предпринимательство и лишил средств к существованию. Характерно, что свои претензии поверенные мотивировали не только экономическими доводами, но и тем, что евреи занимаются алкогольными промыслами «издревле», «по древности», указывали на «всегдашнюю вольность винокурения, пиво- и медоварения и продажу напитков оптом и в розницу». Поверенные доказывали, что позволение евреям участвовать в местном самоуправлении было фактически фикцией, поскольку количество избирателей-евреев ограничено. Они просили облегчить процедуру выборов в земские должности и создать еврейские суды для решения гражданских дел между одними иудеями, которые бы учитывали специфические национальные традиции, обычаи, законы и, что немаловажно, язык – проблемы интеграции евреев в российское общество были связаны, по словам просителей, со «страхом и незнанием русского языка». Далее евреи жаловались, что помещики требуют с них платеж за землю гораздо выше, чем было определено первоначальным договором, и они лишаются своих домов; в некоторых городах при расчистке площадей были сломаны дома еврейских хозяев, а у ряда евреев конфискована земля под казенные строения без какой-либо компенсации; некоторые магистраты вынуждают евреев покидать свои насиженные места в селах и деревнях и устраиваться в городе. 26 марта и 1 апреля 1785 г. Правительствующий Сенат рассмотрел поступившее из его 1-го департамента известие с приложенным к нему прошением поверенных Белорусского еврейского общества и потребовал от полоцкого и моголевского генерал-губернатора генерал-аншефа П.Б. Пассека прислать на перечисленные жалобы объяснение; одновременно, в мае 1785 г., сенатский указ Полоцкому наместническому правлению подтвердил императорский вердикт о предоставлении евреям, присоединенным к «русскому гражданскому телу», прав и выгод по торгам и промыслам наравне с прочими. О подобном отношении к евреям при рассмотрении их накопившихся претензий сама Екатерина II в 1785 г. напомнила Сенату, ибо в ее именном указе, 26 февраля объявленном генерал-губернатором Пассеком генерал-прокурору и 10 марта предложенном генерал-прокурором Сенату для исполнения, говорилось: «...Когда означенные еврейского закона люди вошли уже на основании указов Ея величества в состояние равное с другими, то

и надлежит при всяком случае наблюдать правило, Ея величеством установленное, что всяк по званию и состоянию своему долженствует пользоваться выгодами и правами без различия закона и народа»¹⁰.

В этом же году в ответ на перечисленные нарушения доверенные лица от евреев Могилевской и Полоцкой губерний Цалка Файбишович и Абрам Еселевич подают в 3-й департамент Сената «покорнейшее доношение» о продолжении свободного винокурения, пиво- и медоварения в городах и местечках или об «отдаче их обществу винной продажи в белорусских губерниях без откупу с платежом в казну той суммы, сколько ныне платится»¹¹. В нем содержались по сути те же пункты, что и в прошении, направленном на имя императрицы. Поверенные вновь просили сохранить евреям древнее право винокурения в полном соответствии с обещанной в момент присоединения Белоруссии в 1772 г. неприкосновенностью всей совокупности приобретенных прав. Они также просили оставить им «хотя б одно варение меда и пива, коим ныне один откупщик пользуется», выступая против запрета винокурения и откупа в помещичьих имениях. Тем самым они надеялись защитить экономические позиции евреев и даже по возможности их укрепить. За эту привилегию они предлагали принести государственной казне большие доходы. Судя по ходатайству, кагальное руководство желало прекращения насильственных переселений, явно шедших вразрез с интересами евреев сельских районов и угрожавших благополучию евреев, уже живших в переполненных городах. Снова была озвучена жалоба на убытки от слома жилья и чрезмерного обложения их недвижимого имущества. Далее депутаты повторили просьбы о соблюдении равенства с христианами при выборах в органы местного самоуправления (магистраты, ратуши и городские думы) и о доступе представителей еврейских общин в суды. Общинная верхушка вполне обоснованно считала, что лишь получив представительство в сословных судах, иудеи смогут рассчитывать на справедливость в своих торговых конфликтах с христианами, что улучшит положение евреев, приписанных к городским сословиям. Следующие пункты касались разрешения евреям иметь в крупном портовом городе Риге свои свободные квартиры наравне с русскими купцами, чего они давно добивались, и самостоятельно

¹⁰ ПСЗ-1. Т. XXII. № б/н. С.596 (подстрочное примечание).

¹¹ РГАДА. Ф.248. Оп.65. Кн.5793. Л.245–249 об.

заниматься внутренней раскладкой государственных податей и кагальных общественных сборов. Наконец, поверенные жаловались на захват витебскими ксендзами еврейской школы и перестройку ее под католический монастырь и на другие гонения¹². Один из пунктов этой обширной петиции имел персональный характер: Цалка Файбишович потребовал от витебских властей денежной компенсации за утрату всего его недвижимого имущества (домов, погребов, сараев, лавок и амбаров), которое было снесено в 1773 г., во время устройства городской рыночной площади и казенных лавок, при перестройке города по плану. С одной стороны, купец воспользовался представившейся ему возможностью подать прошение белорусских кагалов, включив туда и свою просьбу; но, с другой стороны, он не был одинок в подобном несчастье, ибо и другие евреи потеряли свои дома и строения при плановой перестройке городов. В данном конкретном случае как бы переплелись еврейские общественные интересы и личные устремления влиятельного поверенного-купца. 4 апреля 1785 г. Сенат посылает белорусскому генерал-губернатору Пассеку указ, чтобы тот представил свои объяснения.

Подписи поверенных также заслуживают внимания: после традиционного «Всеавгустейшая монархиня, государыня всемилоливейшая, Вашего императорского величества всеподданнейшие рабы, поверенные Белорусского еврейского общества» следуют написанные еврейскими буквами «Цалка Файбишович» и «Абрам Еселевич»¹³, т.е. поверенные назвали себя так, как принято было писать имена евреев в польских и русских документах, однако сделали это при помощи еврейских букв. Подпись еврейскими буквами могла свидетельствовать о том, что еврейские представители не только не знали письменного русского языка, но даже не могли подписаться русскими буквами, в связи с чем встает вопрос об авторстве поданных ими прошений. Возможно, эту функцию взяли на себя два «секретаря» депутации; возможно, еврейским представителям пришлось прибегнуть к услугам кого-либо со стороны. Неточности в

¹² См.: Анищенко Е.К. Черта оседлости. С.93–94; Клиер Дж.Д. Россия собирает своих евреев: Происхождение еврейского вопроса в России. 1772–1825. М.; Иерусалим, 2000. С.123–124.

¹³ РГАДА. Ф.248. Оп.65. Кн.5793. Л.13 об. (информация О.Ю. Минкиной).

тексте прошения, такие, как именование раввинов «духовенством», могут объясняться как авторством незнакомого с еврейскими реалиями человека, так и стремлением еврейских представителей вписать непонятную российским властям структуру еврейского общества в привычную для власти систему координат.

С другой стороны, по намного более ранним документам, связанным с функционированием ваадов в Речи Посполитой, известны случаи, когда евреи, свободно владевшие польским и латынью, подписывали документы, составленные ими на этих языках, используя еврейские буквы¹⁴. Что же касается Файбишовича и Еселевича, то о владении ими русским языком свидетельствовал хотя бы факт их выступления на заседании Сената с подробным разъяснением требований белорусских евреев. Таким образом, привычка подписываться еврейскими буквами могла отражать практику, распространенную среди евреев того времени, но не уровень грамотности просителей. Отметим, что к началу XIX в. подписи еврейскими буквами постепенно сменяются подписями на русском языке, что отражало приближение еврейских прошений к стандартам российского делопроизводства.

11 ноября 1785 г. произошло в некотором роде знаменательное событие: оба ходатая от белорусских кагалов были приглашены на заседание Сената, чтобы его члены могли услышать из первых уст претензии и жалобы еврейских общин¹⁵. Сенаторы обсуждали прошение кагалных ходатаев на нескольких своих заседаниях 15 ноября, 3 декабря 1785 г. и 4 января 1786 г., что говорит о сложности рассмотренных вопросов. В процессе работы ими были заслушаны петиция евреев белорусских губерний об их «общих нуждах»; представленные в ответ на нее рапорт белорусского генерал-губернатора П.Б. Пассека, мнения Могилевского и Полоцкого наместнических правлений, Могилевского и Полоцкого губернских магистратов, заключения обоих губернских прокуроров и копии с данных Могилеву и другим городам польских королевских привилегий; доношение от поверенных белорусских евреев Файбишовича и Еселевича в Сенат; наконец, две записки о последовавших собственно Цалке Файбишовичу разорениях и убытках.

---

¹⁴ Schipper I. Komisja Warszawska: Przyczynę do dziejów autonomji Żydów w dawnej Polsce. Warszawa, 1931. P. 7, 9.

¹⁵ РГАДА. Ф.248. Оп.65. Кн.5793. Л.262.

Вскоре, 21 января 1786 г., выходит указ Сената «Об ограждении прав евреев в России, касательно их подсудности, торговли и промышленности»¹⁶. По важнейшей проблеме в нем категорично говорилось следующее: «В просьбе оных евреев о свободном по-прежнему в городах винокурении, пиво- и медоварении... – отказать...»¹⁷. Винные откупа им разрешалось брать только по окончании текущих контрактов – с 1788 г. Помещикам как единолично обладающим правами на производство спиртного оставили свободу сдавать винокурение в деревнях на откуп, но с обязательством следить, чтобы крестьяне «не вдавались в распутную жизнь, не истощали своего имущества и не удалялись от работ». В связи с этим белорусские евреи через своего поверенного подали прошение президенту Коммерц-коллегии графу А.Р. Воронцову в котором отметили, что запрет на винокурение не только в деревнях, но и в местечках (где они занимались этим промыслом с разрешения помещиков, вложив в него немалые средства), а также прекращение уже заключенных с ними питейных откупов в Полоцкой губернии приводят к разорению многих евреев, для которых винокурение и винная продажа были единственным средством пропитания¹⁸. Одновременно сенатский указ коснулся просьбы о записи торгующих белорусских евреев в Риге. Соответствующий пункт постановления гласил: «...В просьбе их о беспрепятственном допущении записываться в оклад Рижского форштата... для произведения тамо свободных торгов, отказать, потому что о свободной их записке в купечество и мещанство по другим городам, кроме белорусских губерний, особаго высочайшаго повеления нет...»¹⁹. В указе содержались многословные и туманные обещания разобраться со сломанными квартирами при возможности отвода для потерпевших земли и фактами вымогательства помещиками платежей сверх договорных цен за построенные евреями на их землях дома и прочие строения. Кагалам разрешалось «без всякого

¹⁶ ПСЗ-1. Т. XXII. № 16391 (заключительная часть указа). В ПСЗ неточно указана дата выхода закона – 7 мая. Полностью опубликован в кн.: Гессен Ю. Евреи в России: Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. СПб., 1906. С.456–461.

¹⁷ ПСЗ-1. Т. XXII. № 16391. С.596.

¹⁸ РГАДА. Ф.1261. Воронцовы. Оп.6. Д.842. Л.1–2.

¹⁹ ПСЗ-1. Т. XXII. № 16391. С.599.

препятствия совершать раскладку податей между общинами», за исключением твердого однопроцентного налога с объявленного купеческого капитала. Запрещалось «безвременно» выселять в города записанных купцов и мещан, живущих в местечках и деревнях; им было разрешено проживать в уездах по паспортам и заниматься там винокурением и другими промыслами по контрактам и с разрешения кагалов. Отклонялась просьба о создании особых еврейских судов, поскольку они способствовали бы укреплению автономии общин, а правительство было полно решимости продолжать линию на интеграцию иудейского населения в российское общество. Евреям разрешили защищать свои интересы лично в судах или через присяжных поверенных и свидетелей²⁰. Кроме того, иудеи уравнивались в избирательных правах с христианами при выборах городских органов самоуправления; в соответствии с «Городовым положением» 1785 г. указ разрешил допускать «евреев к выборам в судейския и прочия из купечества и мещанства должности»²¹, запретив ссылаться на прежние польские законы, не признававшие равенства евреев с христианами. При этом на выборные должности в городах они допускались «соразмерно по количеству каждого звания», т.е. в соответствии с определенными квотами. Особый, 10 пункт законоположения был посвящен персональным финансовым претензиям Цалки Файбишовича к местной администрации, не выполнявшей свои обязательства с 1773 г.: Полоцкому наместническому правлению и генерал-губернатору Пассеку надлежало провести следствие о притеснениях и убытках купца за взятые в казну «место и строение»; ему самому предлагалось подать жалобу в вышестоящие инстанции для «справедливого удовольствия», после чего местная администрация должна была рапортовать в Сенат о результатах расследования²². Как видим, в данном постановлении переплелись разнородные тенденции, отражающие неустойчивую позицию правительства Екатерины II по еврейскому вопросу. Но в целом, несмотря на ряд серьезных запретительных и ограничительных формулировок, сенатский указ 1786 г. обеспечивал дальнейшее упорядочение статуса евреев перед

²⁰ См.: Голицын Н.Н. История русского законодательства о евреях. С.332, 377.

²¹ ПСЗ-1. Т. XXII. № 16391. С.597.

²² Там же. С.599.

законом и являлся шагом на пути к созданию в России правового государства, понимая под ним политическую систему, основанную на дарованных монархией различным сословиям законоположениях²³.

Сохранились также прошения Цалки Файбишовича, в которых он выступает уже как частное лицо. Несмотря на требования указа 1786 г., полоцкие наместнические власти затягивали решение вопроса, мотивируя это отсутствием денег. 14 марта 1788 г. Файбишович вновь подает прошение в Сенат, однако последним решением из 3-го департамента от 5 апреля полностью поддержал местную администрацию²⁴. Наконец, в июне 1788 г. купец, прошедший все бюрократические ступени и доведенный «до крайнего убожества и нищеты», обратился к Екатерине II с просьбой о возмещении убытков, причиненных ему губернскими властями: «...Угнетаем будучи совершенною бедностию, не имею почти ежедневного пропитания со своим семейством»²⁵. Материалы канцелярии Витебского губернского правления того же времени, однако, свидетельствуют о том, что на тот момент Файбишович был одним из глав Витебского кагала и вел успешную коммерческую деятельность²⁶. Таким образом, вполне возможно, что красочное описание разорения купца в прошении являлось не более чем риторической условностью. Тем не менее 27 сентября 1788 г. высочайшим постановлением убытки Файбишовича были по большей части компенсированы за счет городского бюджета²⁷.

Спустя два года мы вновь встречаем имя Цалки Файбишовича, на этот раз связанное с событиями, происходившими в Москве. В феврале 1790 г. началось следствие по прошению московских купцов на имя московского главнокомандующего П.Д. Еропкина с требованием выслать из города всех иудеев, записавшихся в столичное купеческое общество в 1788–1789 гг.²⁸ В ответ на это послание

²³ См.: Клиер Дж.Д. Россия собирает своих евреев. С.125.

²⁴ РГАДА. Ф.1239. Дворцовый отдел. Оп.3. Ч.119. Д.66680. Л.5–5 об., 8 об.–9.

²⁵ Там же. Ф.248. Оп.65. Кн.5824. Л.554 об.

²⁶ Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске. Витебск, 1888. Вып. 18. С.315–319.

²⁷ РГАДА. Ф.1239. Оп.3. Ч.119. Д.66680. Л.11–11 об.

²⁸ Там же. Ф.19. Финансы. Оп.1. Д.335. Л.2–4 об.; Ф.1261. Оп.1. Д.728. Л.1–4 (копия). См. публикацию Д.З. Фельдмана «Московское изгнание»

19 февраля и 1 марта к московским властям поступили два прошения: от московского купца 1-й гильдии, совладельца торгового дома в Кенигсберге Михайлы Григорьева (Гирша) сына Менделя²⁹ и от московских купцов 1-й гильдии Еселя-Гирша Янкелевича и Гирша Израилевича, а также от находящихся в Москве купцов Белорусского купеческого общества Израиля Гиршевича, Израиля Шевтелевича, Хаима Файбешевича и Лейба Масеевича³⁰. Цалка Файбишович в столице также подает свою петицию на высочайшее имя, в которой поддерживает просьбы своих сородичей относительно продолжения их коммерции в городе и призывает Екатерину II «избавить нас в торгах... от притеснения и допустить свободно пользоваться во всех местах по желанию нашему выгодами и правами, милосердием Вашим, чрез городское право на нас излиянными»³¹. По данному вопросу составил свое письменное «мнение» под названием «Примечание на прозбу белорусских жидов» граф А.Р. Воронцов³². Несмотря на разумные доводы еврейских коммерсантов и отрицание приписываемых им нарушений законов и правил, 7 октября 1790 г. Совет при высочайшем дворе с участием императрицы постановляет исключить евреев из московского купеческого оклада и впредь их в города внутренней России не допускать, поскольку «по существующим здесь законам, ...не имеют евреи никакого права записываться в купечество во внутренния российские города и порты; да что и от допущения их к тому не усматривается никакой пользы; что могут они, однако ж, на основании изданных законов пользоваться правом гражданства и мещанства в Белоруссии, и что сие право можно бы еще с пользою разпространить и на наместничества Екатеринославское и Таврическое»³³. Таким образом, экономические интересы и конкуренция москвичей свели на нет все попытки еврейских купцов

евреев 1790 года. Материалы этой публикации широко использованы английским исследователем Дж.Д. Клиером в своей книге «Россия собирает своих евреев» (С.132–135).

²⁹ РГАДА. Ф.19. Оп.1. Д.335. Л.7–8 об.

³⁰ Там же. Л.9–12 об.

³¹ Там же. Л.36 об.

³² Там же. Л.55–61. Опубл.: «Следует ли евреям позволить?...»: «Мнение» президента Коммерц-коллегии А.Р. Воронцова. 1790 г. / Публ. Д.З. Фельдмана // Исторический архив. 1993. № 6. С.197–200.

³³ РГАДА. Ф.19. Оп.1. Д.335. Л.62.

продолжить торгово-финансовые операции в Москве. Данные положения были законодательно реализованы и оформлены в именном указе Екатерины II Сенату от 23 декабря 1791 г.³⁴, который впервые узаконил фактическое существование «черты постоянной еврейской оседлости».

Как видим, тематика прошений евреев российским властям, в том числе Екатерине II, за период до 1790 г. отражает процесс юридического оформления статуса еврейского населения в рамках общегосударственной правовой системы, а также формального складывания в Западном и Юго-Западном краях черты оседлости. Некоторые из этих прошений привели к принятию ряда основополагающих законов по еврейскому вопросу в России, которые повлияли на дальнейший ход его разрешения и судьбы российского еврейства на все грядущее столетие.

---

³⁴ ПСЗ-1. Т. XXIII. № 17006.

*Секция: Имперское многообразие в зеркале
российского законодательства*

Бабич М.В.

**Акты царствования Екатерины II
в «Полном собрании законов»**

Опыт анализа законодательных актов 60–80-х гг. XVIII в. в «Полном собрании законов» (ПСЗ), которые могут быть атрибутированы как собственные тексты Екатерины II или тексты, возникшие при ее личном участии, и которых было установлено ок. 1600¹, уже предпринимался автором настоящей статьи в контексте обсуждения городской проблематики эпохи². Обращение к уточнению, подтверждению и развитию сделанных на его основе заключений обусловлено рядом факторов.

Так, начатое в год памяти императрицы недавно завершившееся десятилетие 1996–2006 гг., содержанием которого было в том числе возвращение Екатерине в сознании россиян титула Великой, ознаменовалось выходом многочисленных изданий. Среди них и фундаментальная публикация законодательства ее царствования, подготовленная авторитетным коллективом историков-юристов³. При отказе от идеологических ограничений советского времени и сопутствующих

---

¹ Не учитывались, соответственно, указы, исходящие из разных учреждений, законопроекты, вступившие в силу резолюции «быть по сему», составленные от имени императрицы доверенными лицами манифесты, «грамоты» и т.п. Подробнее см.: Екатерина II: Аннотированная библиография публикаций / Сост. И.В.Бабич, М.В.Бабич, Т.А.Лаптева. М., 2004. С.3 (далее: Аннотированная библиография).

² Бабич М.В. Несколько замечаний относительно «Полного собрания законов» периода царствования Екатерины II // Города европейской России конца XV – первой половины XIX века: Материалы международной научно-практической конференции 25–28 апреля 2002 года, Тверь – Кашин – Калязин. Тверь, 2002. Ч.1. С.116–125.

³ Законодательство Екатерины II: В 2 т. / Под ред. О.И.Чистякова. М., 2000–2001.

им штампов в оценке представляемых памятников составители вместе с тем руководствовались задачами презентации в сборнике лишь наиболее исторически значимых или интересных с точки зрения новейшей российской государственности: всего 283. Обсуждавшийся же в 1996–1997 гг. проект «Писем и бумаг императрицы Екатерины Великой»⁴, кажется, вовсе канул в Лету вместе с надеждами научной общественности на целостную актуализацию ее архивного наследия хотя бы и в отдаленной перспективе.

ПСЗ, оставшись таким образом крупнейшим собранием екатерининского законодательства и в начале XXI в., напротив, появилось в электронной версии, которая при всех недостатках качественно расширила его доступность. А, соответственно, вопросы его действительной «полноты», соотношения состава с архивными фондами и другими масштабными печатными собраниями, а также самой типологии включенных в него документов не утратили насущности для всех, кто пользуется данным изданием в научных или справочных целях.

Важным для переосмысления ранее высказанных суждений, которые трактовались как гипотетические – в силу сравнительной узости собственно екатерининской выборки (ок. 27% от почти 6 тыс. охваченного ПСЗ) и ее анализа преимущественно путем подсчетов (всегда условных уже по неравнозначности отдельных законодательных единиц⁵), – стало и ознакомление с малотиражной работой А.Н.Филиппова 1916 г.⁶ Один из лучших специалистов по истории отечественного права «периода империи», он изучал проблемы источников и степени правомерности наименования ПСЗ полным по архиву готовившего таковое II отделения Собственной е. и. в. канцелярии. И пришел к выводам, аналогичным сделанным мной на основе главным образом сплошного просмотра соответствующих томов.

---

⁴ Каменский А.Б. Комиссия по изданию «Писем и бумаг императрицы Екатерины Великой» // Археографический ежегодник за 1999 год. М., 2000. С.377–379.

⁵ Ср., напр., резолюцию на один из пунктов генерал-прокурорского запроса о сохранении за выбранными в земские должности дворянами выслуженных государственных пенсий от 24 марта 1781 г. и Жалованную грамоту дворянству от 21 апреля 1785 г.: ПСЗ. Т.21. № 15140; Т.22. № 16187.

⁶ Филиппов А.Н. К вопросу о составе Первого Полного собрания законов Российской империи: Речь на торжественном собрании императорского Московского университета 12 января 1916 г. М., 1916.

Именно, что главной, а применительно к XVIII в. практически единственной опорой составителей ПСЗ был С.-Петербургский Сенатский архив⁷. Причем Комиссия М.М.Сперанского (официально возглавляемая М.А.Балугьянским) делала свой выбор осознанно, обладая подлинниками, списками и пространными реестрами Кабинета е. и. в., Синода, Главного штаба, Морского департамента и других архивных комплексов, а не только декларируя изыскания в них⁸. Опускала же многие известные ей материалы не из соображений скорейшего окончания трудов, политической цензуры или сложности понятия «законодательный акт», как долго считалось⁹, а согласно логике составления в том же II отделении Собственной е. и. в. канцелярии «Свода законов Российской империи». Или, словами А.Н.Филиппова, тем, что относительно «Свода» ПСЗ есть «действительно полное собрание его первоисточников»¹⁰.

Развернутое доказательство А.Н.Филипповым положений, независимо от выдвинутых мной по итогам рассмотрения ПСЗ в сочетании с крупнейшими документальными публикациями в названной работе, косвенно подтверждают правомерность использованных в ходе последней методик. Кроме того, А.Н.Филиппов исчерпал архивный фонд ПСЗ, тогда как выяснить долю вошедших в издание актов относительно невошедших в составе даже достоверно использованного Сенатского архива, не говоря о прочих, путем фронтальной проверки нереально по требуемым трудозатратам. То есть единственным доступным на настоящий момент способом верификации екатерининской части ПСЗ является печатное наследие императрицы, полнее всего освещенное сейчас в его «Аннотированной библиографии».

При самой же приблизительной количественной оценке учтенных там высочайших распоряжений – а от подобных выкладок, которые делали и сами составители ПСЗ, при работе с ним так или иначе не уйти – оказывается, что их опубликованное где-либо число превосходит содержимое т.16–23 по крайней мере в 2,5 раза. Еще более неутешительное впечатление возникает из «Указов и повелений императрицы

---

⁷ Там же. С.47.

⁸ ПСЗ. Т.1. С.XX–XXI.

⁹ Ерошкин Н.П. Полное собрание законов // Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т.11. С.279.

¹⁰ Филиппов А.Н. Указ. соч. С.137. См. также с.39–73, 103–118 и др.

Екатерины II», обнаружение которых (с исключением известного по ПСЗ) до середины 1760-х гг. довел как раз Сенатский архив¹¹. Здесь за сопоставимый период против ок. 190 сугубо екатерининских документов ПСЗ представлено ок. 790. В колоссальных же дореволюционных публикациях ее внутривластных «бумаг» и дипломатической переписки, которые по архивам Кабинета и Министерства иностранных дел осуществило Русское историческое общество, совпадения с ПСЗ вообще единичны. Как и в еще более насыщенных законодательными актами «Материалах для истории русского флота» и «Алфавитных указателях к Камер-фурьерским журналам»¹².

Правда, сборники, которые их авторы позиционировали как собственно законодательные, рисуют картину существенно иную. Практическую тождественность состава ПСЗ и «Полного собрания узаконения о губерниях...» 1818 г., нескольких к 1827 г. вариантов «Городового положения с принадлежащими к оному узаконениями», «Собрания межевых законов по старшинству времени составления их» 1811 г. и 12 (из 22) книг «Собрания законов», выпущенных в 1817–1828 гг. Комиссией составления законов, легко объяснить тем, что они предшествовали деятельности II отделения Собственной е. и. в. канцелярии. Но от позднейших публикаций естественно было бы ожидать расширения источниковой базы, чего не произошло, несмотря на изменения методологического порядка, в XIX–XX вв. неоднократно обогащавшие содержание гуманитарных исследований.

Дореволюционные «Акты и документы, относящиеся к устройству и управлению римско-католической церкви в России» (И. Белоголов. Пг., 1915), «Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев» (В. Леванда. СПб., 1874), «Полное

---

¹¹ Указы и повеления императрицы Екатерины II / Под рук. А. Безродного, И. А. Блинова, М. В. Ключкова // Сенатский архив. СПб., 1904–1913. Т. 11–15.

¹² Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел, 1744–1796: В 5 т. / Собр. и изд. П. П. Пекарским и др. СПб., 1871–1885 (Сб. РИО. Т. 7, 10, 13, 27, 42); Политическая переписка императрицы Екатерины II: В 9 ч. / Под наблюд. Ф. А. Бюлера и др. СПб., 1885–1914 (То же. Т. 42, 48, 51, 57, 67, 87, 97, 118, 135, 145); Материалы для истории русского флота: Документы, относящиеся к царствованию императрицы Екатерины II. СПб., 1886–1895. Ч. 11–15; Алфавитные указатели, приложения и примечания к Камер-фурьерскому журналу, 1775–1796 гг. СПб., 1878–1897.

собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи» (СПб.; Пг., 1910–1915), советские «Дворянская империя XVIII в. . . .» (М. Т. Белявский. М., 1960), «Российское законодательство X–XX вв.» (М., 1987. Т. 5), наконец, новейшее «Законодательство Екатерины II» за рамки ПСЗ фактически не выходят. Подавляющее же большинство актов, которых там нет, но которые весьма близки имеющимся по форме и содержанию, дают не перечисленные ведомственные многотомники, а монографические и журнальные подборки «указов и писем» по служебным и личным архивам А. А. Безбородко, Воронцовых, Румянцевых и Салтыковых, П. А. Зубова и А. Г. Орлова, Н. И. Панина, Г. А. Потемкина, и нескольких десятков менее знаменитых, но не менее деятельных сподвижников императрицы¹³. И неразысканность до сих пор подлинников многих старых публикаций только подтверждает, что ссылки на подобную неразысканность в предисловии к ПСЗ имели основания.

Несомненно и то, что целый ряд узаконений не включался в ПСЗ постольку, поскольку подпадал под установленную уже в именном указе Сенату 1720 г. категорию «временных», предназначенных для отдельных административных и судебных «случаев» и обычно имевших в виду назначения, наказания, финансирование экстраординарных расходов и т. п. К ним принадлежат, например, почти все названные «указы и повеления» Сенату первых лет царствования, собственноручные монархии поручения главам крупнейших коллегий или личным секретарям, которые особенно широко представлены в дореволюционной периодике.

Разумеется, грань между «делами» «частными» и «генеральными» – предметом которых являлись установленные законом «постоянные» права и отношения или которые начинались как «случайные» и лишь затем стали, по М. М. Сперанскому, «важными по историческому достоинству» – условна и по-разному видится разным поколениям ученых. Изменяются со временем и представления о законе, которые у сегодняшних историков ближе к взглядам XVIII в. с его сосредоточением всех «властей» в особе самодержца, чем к спорам правоведов второй половины XIX – начала XX вв.¹⁴ Так что под законами пони-

¹³ Аннотированная библиография. С. 24, 28–29, 31–34, 36–44, 58–61, 168–177, 189–194, 242–247, 256–258, 372–374, 665–670, 709–714 и др.

¹⁴ Ср.: Романович-Славатинский А. В. Пособие для изучения русского

мают, как и младший современник Екатерины М.М.Сперанский, нормы, определенные к «исполнению от верховной власти или именем ее от учрежденных ею мест и правительств»¹⁵.

Укоренилась и традиция следовать за М.М.Сперанским в выстраивании иерархии Манифестов, Жалованных грамот, Регламентов и Уставов, затем именных указов во всенародное известие, монарших и правительственных рескриптов должностным лицам и, наконец, резолюций на их доклады, проекты и донесения. Но в XVIII в. эти формы, хотя и вошли в употребление при Петре I вместе с убеждением, что закон – единственный источник права, соотносились с их содержанием только на уровне тенденции (ревизию 1763 г. санкционировал именной указ, а 1781 г. Манифест, учреждения разных рангов вступали в действие не только вследствие специальных Регламентов, но и резолюций на докладах третьих лиц и т.д.).

Об этом нужно, открывая ПСЗ, помнить. Однако Инструкция его составителям предполагала подведение помещаемых актов под перечисленные рубрики, только если в его подлиннике не находилось самоназвания. Поэтому изначальный формуляр Манифеста, Устава или адресованных всем именованных указов гарантирует облеченному в него закону наличие в ПСЗ почти наверное. Анализ остального печатного наследия екатерининского царствования подтверждает данный факт, выявляя менее 50 документов такого типа вроде собственноручного Манифеста императрицы (он же – высочайший приказ по войскам) о смерти Г.А.Потемкина¹⁶.

Применительно к прочим актам, обычно именуемым сепаратными указами (с каковыми и связывается преимущественно развитие права XVIII в.), единственным критерием того, что следует и не следует искать в ПСЗ, может быть только логика программы «Свода законов», от понимания сегодняшнего историка довольно далекая. Тем не менее в ее постижении достаточно, в частности, опереться на недавно переизданный «курс» выдающегося исследователя права В.Н.Латкина.

права по методу историко-догматическому. Киев, 1871. Ч.1. С.60–61; Филиппов А.Н. Указ. соч. С.23–27.

¹⁵ ПСЗ. Т.1. С.XVIII.

¹⁶ Аннотированная библиография. С.172, 375 и др.

Резюмируя подходы М.М.Сперанского, он утверждал, что «Свод», – а соответственно, и собрание, на котором он базировался, основывались на концепции определения и охраны законами двух «союзов», государственного и гражданского. Согласно ей, существо государственного союза составляют, во-первых, порядок образования верховной власти и ее действий в области законодательства и управления и, во-вторых, органы ее действия, которые регулируются «основными законами» и законами о правительственных учреждениях и службе. Далее следуют силы и средства, эти действия обеспечивающие, с законами о повинностях, налогах, монополиях, монете и «благоустройстве» – торговле, промышленности, средствах сообщения и хозяйстве в целом. Поскольку же власть действует относительно и при участии подданных, они приобретают в государстве соответствующее положение, выражаемое в законах о «состояниях».

Законы гражданские устанавливают права и обязанности в сфере отношений семейных, имущественных, а также в области, тесно связанной с государственным благоустройством отношений экономических. Охраняют же оба союза законы так называемого II разряда – благочиния (куда включали паспорта, медицину, цензуру и т.д.), уголовные и о порядке судопроизводства¹⁷.

Все, отвечающее программе «Свода», есть и в ПСЗ, что легко проверить по его предметному указателю. Более того, из сопоставления заголовков его рубрик с заголовками, предваряющими публикации тех же актов, а последних с текстами, очевидна расширительная трактовка содержания всего помещаемого¹⁸. Что, обогащая ПСЗ, заведомо лишало позднейших юристов, тоже исходивших из взгляда на закон как регулятор постоянных отношений и определенных отраслей права, удовольствия украшать специализированные сборники указами, сотруниками М.М.Сперанского не отмеченными.

Издания же, где таких документов много, показывают, что они, будучи законами по юридической силе и нередко серьезно влияя на

---

¹⁷ Латкин В.Н. Учебник русского права периода империи (XVIII и XIX вв.) / С предисл. В.А.Томсинова. М., 2004. С.96–100.

¹⁸ Так, обозначению именного указа Сенату от 12 августа 1771 г., призывавшего беспошлинно везти продовольствие для армии в Крым со ссылкой на безопасность по приходе «татар и хана» под покровительство «наше», в Указателе предпослана формулировка «вступление Крыма под покровительство России». Ср.: ПСЗ. Т.19. № 13636 ; Т.42. Ч.1. С.99.

ход победоносных екатерининских войн, всегда не столь успешных дипломатических предприятий или культурных акций, исторические последствия которых проявились гораздо позже, общественно-государственного строительства в виду не имели. Другими словами, реформированию штатов Адмиралтейской или Военной коллегий ПСЗ и его преемники неизменно говорят «да», а заботам о моральном облике младших морских офицеров или боевом духе переживающих поражения высших командиров – «нет».

Удостоверившись, что ПСЗ достаточно полно охватывает акты о социально-политических устоях, можно больше доверять и отражению в нем динамики личной законодательной деятельности Екатерины II социально-политической направленности. Естественно, в той мере, в какой она выясняется из группировки текстов по вышеизложенной классификации, соотнесения количественных показателей каждой из групп друг с другом, всей аналогичной совокупностью, числом учетных единиц в пределах каждого тома и сравнения результатов в разные хронологические отрезки царствования.

Применение такой методики выявило прежде всего характерное для всего периода разрастание комплекса подготовленных самой императрицей законов и увеличение его удельного веса в законодательстве ее правительства: от примерно 90–150 в два-четыре года вплоть до верхней границы т. 19 (1774 г.) до 190–350 в последующие 4–5 лет (или с 20 до 40% всего состава ПСЗ эпохи). К выводу об интенсификации ее «легисломании» пришел – по другим источникам – и О.А.Омельченко в своей классической монографии. С той разницей, что рубежом перехода Екатерины к самостоятельному созданию «подавляющего большинства принципиальных актов внутривнутриполитического содержания» считал Уложенную комиссию 1767 г.¹⁹ В то же время с тезисом о ее сосредоточении на принципиальных актах прямо коррелируется убывание в ПСЗ мнений, выраженных в форме резолюций, причем резкое снижение их числа (с 30–50 до менее 10 в одном томе) начинается еще позже, с 1781 г.

А самым близким к признанным в литературе чертам ее правления предстает зафиксированный в ПСЗ с 1770 г. ускоренный рост группы актов, которую можно назвать персональной. Именные обращения,

---

¹⁹ Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С.325.

чаще других к губернаторам и руководителям ведущих ведомств, с ок. 20 ранее в следующее десятилетие возрастая на треть, в 1780–1790-е гг. достигают ок. 140–200 (в т. 21–23), уверенно демонстрируя укрепление в администрации «министерского (или личного) начала».

Несмотря на указанные параллели, ПСЗ не подтверждает известного убеждения в ослаблении интеллектуальных сил и креативного потенциала императрицы на склоне лет. Более 260 актов 1789–1796 гг. (т.23) уступают ок. 350 1784–1788 гг. (т.22), но весьма близки примерно 300 1781–1783 гг. (т. 21) и существенно выше цифр предшествующего периода (ок. 150 в 1762–1764, 90 в 1765–1766, 100 в 1767–1769, 140 в 1770–1774, 190 в 1775–1780 гг.).

Явно противоречит содержание собрания и распространенному представлению о «падении» Сената вследствие подавления его мощи уже разделением на департаменты 1763 г. и растущего затем влияния генерал-прокуратуры. Сенатская группа, в разы превосходя прослеживаемые по ПСЗ контакты Екатерины с другими правительственными институтами, на протяжении всего царствования вбирает в себя от половины до трети всех ее указов и сохраняет безусловное лидерство до начала 1780-х гг. Только тогда на первый план выходит переписка с заместителями и губернаторами – что, думается, свидетельствует о предопределении изменения роли Сената в бюрократическом аппарате лишь коренной перестройкой в системе местного управления.

ПСЗ позволяет вскрыть и устойчивость интереса императрицы к региональной проблематике уже с первых лет у власти. Ок. 20% исходящих от нее тогда актов (ок. 30 из 150) к концу 1760-х гг. стремится к 30% (ок. 30 из 100 в 1765–1769), в 1770–1780-е гг. держится на уровне 50% и выше (ок. 70 из 140 в т. 19, 120 из 190 в т. 20, 130 из 300 в т. 21, 180 из 350 в т. 22) и достигает более 70% при освоении «новоприсоединенных от Польши провинций» в 1790-е гг. Обобщенная проверка приведенных данных с привлечением всех публикаций по «Аннотированной библиографии», меняя цифровые показатели, показала и верность изложенной тенденции, что навело на мысль о перспективности анализа отражения в ПСЗ и екатерининской этноконфессиональной политики.

Произвести такой анализ сложнее, поскольку формообразующие элементы многонациональности общественно-государственного организма, развитие которой приобрело в последней четверти XVIII в. отпечаток злободневности, все же не превратились в институции,

способные выступить как непосредственные адресаты законов. Отсюда необходимость прежде количественного учета обратиться к предметному указателю ПСЗ, где все имперское многообразие сводится к «состояниям» отдельных территорий и категорий населения, а также православного и инославных исповеданий (в сумме ок. 60 из 937 понятий, внесенных составителями в реестр «главных»)²⁰.

Исходя из заданной рубрикации, в целом адекватной политическим воззрениям XVIII в., можно констатировать подпадание под нее ок. 970 (16% от всех в ПСЗ) актов правительства 1762–1796 гг. Сравнение же содержания т. 16–23 по большинству пунктов этой рубрикации с содержанием актов предшествующих правительств заставляет в первую очередь разделить выводы составителей «Законодательства Екатерины II», которые представили ок. 50 знаковых установлений в главах «Организация государственного единства» и «Законодательство о вероисповедании»²¹. А они заключили, что Екатерина следовала уже сложившейся традиции расширять пределы империи, привлекать и удерживать в подданстве народы пограничных земель, обеспечивать безопасность от набегов кочевников и развитие западной и восточной торговли, административно-хозяйственно осваивать новые регионы путем поддержки национальных элит, предоставления свободы вероисповедания и налоговых льгот более широким социальным общностям и особым выгод новокрещенам. От себя остается добавить, что в сущности тоже традиционная для XVIII в. установка на благоприятствование иностранным переселенцам и интеграцию исторически привилегированных областей в пространство действия законов для остальной части достигла в ее эпоху уровня, качественно нового.

В выявлении по ПСЗ личного вклада императрицы в очерченную парадигму было решено ограничиться т. 18 и 22, хронология которых совпадает с непосредственным соприкосновением с полиэтничностью российской периферии в период путешествия по Волге и интенсивнейшим распространением на национальные окраины норм Учреждения о губерниях, Городового положения и Устава

²⁰ ПСЗ. Т.42. Ч.1. С.1–1048; Т.42. Ч.2. С.1–1348.

²¹ Законодательство Екатерины II. Т.1. С.778–1038. Составители и авторы введений: А.М.Четвертаков при участии Г.М.Давидяна; Д.Ю.Арапов, П.Л.Полянский, Н.Ю.Титов и О.В.Цыпин.

благочиния. Персональная роль Екатерины заметна здесь во всех аспектах соответствующего законодательства – от жалования шамхалу Тарковскому и царю Каргалинскому до открытия в 1780-е гг. присутственных мест и народных училищ общего образца в Прибалтике при упразднении там ландратских коллегий и преподавании в любых учебных заведениях русского языка.

Роль эта активна и уже в 1767–1769 гг. породила по меньшей мере 14 актов²². В дальнейшем ее документы доминируют над документами близкого содержания других типов (80 против 72) и составляют до 20% собственного законодательства. В их проблематике можно выделить, во-первых, повышение культурного уровня православного духовенства и социальное использование бывшего церковного имущества, среди которых открытие отделения московского Воспитательного дома на базе бывшего архиерейского дома в Н.Новгороде, массовое устройство больниц и школ в «строениях», выведенных за штат монастырей, рост числа семинарий и изучаемых в них предметов, подготовка в Киевской духовной академии учителей для народных училищ и будущих студентов медицины²³. Во вторую очередь обращает внимание комплексность принимаемых мер по обеспечению государственных интересов, присущая, впрочем, верховной власти и прежде. Повеления по «укрощению самовольства» Меньшей киргиз-кайсацкой орды сопровождаются инструкциями, как «приласкать» и обратиться под российскую державу Большую орду, соблюдать осторожность при удовлетворении прошения Средней орды переселиться «во внутреннюю российскую сторону», определить к принесшим присягу магометанское духовенство, строить в Уфимском наместничестве мечети вместе с караван-сараями и татарскими школами и т.п.²⁴

А главное, особенно развернуто свои требования, мысли и сомнения Екатерина излагает в указах на места. На Г.А.Потемкина и И.А.Игельstroma, Ю.Ю.Броуна и Д.И.Чичерина, П.А.Румянцева или П.Б.Пассека возлагались полномочия и ответственность за формирование разнообразных полков из «новых подданных наших»,

---

²² Из принадлежащих императрице ок. 100 в данном томе, где актов сугубо этноконфессиональной тематики ок. 70.

²³ ПСЗ. Т.18. № 12826; Т. 22. № 16174, 16375, 16411, 16649, 16517.

²⁴ ПСЗ. Т.22. № 15991, 15992, 16255, 16292, 16400, 16534, 16592, 16686, 16710.

склонение к лояльности горских и степных владетелей, пресечение «обид» сибирским иноверцам от алчных купцов и невежественных проповедников, вовлечение «исподволь под наше Учреждение участием в выборах... армян и других азиатцев» или оспопрививание в Малороссии²⁵.

Отчасти это, конечно, вытекает из их положения наместников отдаленных от столиц областей. Но хотелось бы также подчеркнуть, что «территориально-национальная» составляющая ПСЗ помимо укрепления личного начала и последовательной децентрализации государственных структур, возможно, четче других высвечивает подход императрицы к участию в делах текущей администрации. В том смысле, что в теории она признавала (в своем «Наказе») приоритет фундаментальных или положительных законов над предписаниями каким-либо «особам»²⁶ или рескриптами (само понятие которых в переводе с латинского означает имеющий законную силу ответ императора на конкретный запрос). На практике же зачастую лично решала, кто и на каких правах может селиться в «возвращенном от Курляндии... местечке Шлоке»²⁷.

Персональный и во многом неформальный характер государственной деятельности Екатерины, вероятно, не мог не повлиять на то, что не все ее указы поступали в Сенат для хранения в качестве законов. А попадавшие в поле зрения составителей ПСЗ в других архивах не всегда отбирались туда хотя бы по причине изложения юридических норм вперемешку с соображениями или подробностями, присущими частной переписке. Издание в итоге, исправно информируя о букве закона и фамилиях его активнейших проводников в жизнь, нередко не регистрирует его детали и вызвавшие его импульсы, происходящие из мелких административных и судебных «случаев». Но нельзя исключить и то, что успешность текущей политики императрицы и устойчивость многих ее установлений неразрывно связаны с очевидным из ПСЗ совмещением роли мудрого законодателя с делом реального управителя своего, как она выражалась, маленького хозяйства.

---

²⁵ ПСЗ. Т.18. № 13337; Т.22. № 16124, 16146, 16194, 16356, 16432, 16608.

²⁶ Романович-Славатинский А.В. Указ. соч. С.60.

²⁷ ПСЗ. Т.22. № 16144, 16146.

Татары Среднего Поволжья и Приуралья в законодательной политике Екатерины II

На протяжении многовековой истории России судьбы населявших ее народов во многом определялись личностью правителя. Различные проявления этого нашли отражение в общественном сознании. Мы привыкли персонифицировать отдельные этапы и вехи в жизни нашей страны. Выражения «петровские реформы», «бируновщина», «сталинский режим», «хрущевская оттепель» и другие ассоциируются у массового читателя с вполне конкретными отрезками прошлого. Ярким выражением отношения народа к своим правителям являются прозвища, которые получали почти все более или менее заметные великие князья и цари. Эти прозвища настолько приклеились к своим хозяевам, что не требуется разъяснений, о ком идет речь. Приставки «мудрый», «долгорукий», «боголюбский», «большое гнездо», «невский», «донской», «темный», «тишайший», «палкин», «освободитель», «миротворец» и другие вызывают совершенно конкретные ассоциации. Несколько сложнее с определением «великий», но и тут круг лиц, по отношению к которым оно использовалось, предельно узок.

Необходимо отметить, что вышесказанное характеризует отношение к своим правителям русского народа. У других народов и народностей многонациональной России свое отношение к ее истории и к тем фигурам, которые занимали российский престол.

Что касается волго-уральских татар, тут все предельно ясно. Из всех российских правителей в памяти татарского народа понастоящему запечатлелись лишь двое – Иван Грозный и Екатерина II. Лишь они удостоились прозвищ, выражающих особое отношение к их личностям и роли в татарской истории. Первый навсегда остался в памяти татар как Явыз-Иван¹, вторая получила прозвище Аби-патша². При всей схожести данных оценок с характеристиками современников и историков у татар к каждой из этих исторических фигур сложилось особое отношение.

¹ Явыз – в переводе с татарского – злой, злобный, жестокий, лютый.

² В букв. переводе – Бабушка-царица.

Образ Ивана Грозного в народных преданиях крайне отрицателен. Это жестокий завоеватель, который лишил татар собственной государственности, пролил реки крови при взятии в 1552 г. Казани и в ходе «Казанской войны» 1552–1556 гг. Это тиран, погубивший легендарную царицу Сююмбике, религиозный фанатик, поставивший ислам вне закона, разделивший единый народ на крещеных и некрещеных. Память о нем навсегда осталась в народе, но это недобрая память.

Сложнее фигура Екатерины II. Ее правление не было для татарского народа безоблачным. Свидетельством тому – тысячи татар убитых, казненных, отправленных на каторгу, подвергнутых телесным наказаниям во время подавления восстания 1773–1775 гг. под предводительством Е.И.Пугачева. Тем не менее прозвище «Аби-патша» вполне определенно указывает на то, что плюсы царствования Екатерины II с лихвой перекрыли его минусы.

Насколько справедливость оценки, данной народом, подтверждается материалами российского законодательства – источника, который дает объективную картину деятельности любого правителя. Ведь законы являются оформленным в виде юридических норм выражением воли верховной власти. По существу, каковы были законы, такова была политика государства. Это та реальность, с которой невозможно не считаться.

По нашим подсчетам, среди законодательных актов екатерининской эпохи, отложившихся в Полном собрании законов Российской империи, насчитывается 51 документ, адресованный непосредственно татарам Среднего Поволжья и Приуралья. Это та законодательная база, которой мы располагаем. Попытка сгруппировать законодательные акты по предметам регулирования дает следующую картину:

- относящиеся к религии – 23;
- регламентирующие торговлю татарского населения – 15;
- о лашманах (приписных к адмиралтейским работам) – 8;
- о представителях татарского феодального класса (мурзах и князьях) – 6;
- о налогообложении – 5;
- об использовании татарского языка в государственных органах и делопроизводстве – 4;
- о переселении и миграции татар – 3;
- о землевладении и землепользовании – 3;

- об исполнении татарами рекрутской повинности – 3;
- о суде – 1.

Следует отметить, что подобная группировка законодательных актов не лишена субъективности, поскольку целый ряд документов регулировал сразу несколько областей жизни татар. Однако, чтобы не запутаться в количественных показателях, каждый указ учитывался лишь один раз.

Опыт изучения российского законодательства свидетельствует о наличии в нем следующей закономерности: чем выше интерес власти к той или иной проблеме, тем больше указов на эту тему мы имеем; и наоборот, большое количество законодательных актов по определенному вопросу является весьма точным показателем законодательных приоритетов царского правительства.

Судя по приведенным цифрам, главными приоритетами политики Екатерины II в отношении татар Среднего Поволжья и Приуралья были:

1. Религия;
2. Торговля и предпринимательская деятельность;
3. Регулирование деятельности приписных к Адмиралтейству;
4. Отношения с татарским феодальным классом;
5. Налогообложение.

По сути, данные законодательства подтверждают уже известные факты. Исследователи внутренней политики Екатерины II, как правило, выделяли в ней три аспекта, на десятилетия определивших положение татар в Российском государстве и их собственное отношение к власти: 1) предоставление свободы вероисповедания; 2) либерализацию экономической деятельности; 3) восстановление прав татарской феодальной знати. Несколько выбивается из общего ряда ситуация с лашманами. Однако и этому есть адекватное объяснение.

Прежде чем рассматривать конкретные направления законодательной политики Екатерины II, необходимо упомянуть о принципах, лежавших в ее основе. Нет сомнений в том, что стержнем государственной деятельности императрицы являлась забота о коренных интересах России, под которыми понималось *обеспечение безопасности* страны (внутренней и внешней), ее *экономического благоденствия*, а также *сохранение существующего строя*. Добиться этого было возможно лишь проводя максимально прагматичную политику, что отчетливо проявилось в законодательстве о татарах.

Здравый смысл и рационализм Екатерины II придали ему цельный характер. В нем трудно обнаружить случайные правовые акты, продиктованные сиюминутными соображениями. В законодательной политике этой эпохи все было взаимосвязано, одно проистекало из другого.

Годы правления императрицы (1762–1796 гг.) отмечены рядом значимых для татар событий. Однако настоящее признание ей дала религиозная «революция», совершенная «сверху» в 1760–1770-е годы. Она коренным образом изменила положение ислама в государстве, который до Екатерины пребывал в России в положении гонимой религии. С середины XVI века самодержавие периодически предпринимало акции антимусульманского характера: принуждало татарское население к принятию православия, изымало земли и зависимых людей у татарских помещиков, разрушало мечети, накладывало на мусульман дополнительные налоги и повинности. В разные периоды принадлежность к исламскому миру негативно сказывалась на свободе передвижения татар, их экономической деятельности, отношениях с другими народами.

Апогеем нетерпимого отношения к исламу стала кампания христианизации, развернувшаяся в Среднем Поволжье в 1740–1750-е гг. и имевшая признаки религиозного геноцида. Одной из форм давления на татар, не пожелавших принять православие, было возложение на них повинностей и платежей языческих народов, крестившихся почти поголовно. Ответом на религиозные притеснения и ухудшение материального положения стало восстание татар и башкир под предводительством Батырши, вспыхнувшее в 1755 г. в Приуралье. По свидетельству историка Н.А.Фирсова, оно имело «все признаки борьбы за веру Магомета»³ и грозило перекинуться на мусульманское население Поволжья. Опасаясь этого, правительство Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.) было вынуждено спешно свернуть в крае миссионерскую деятельность, пойти на смягчение ряда законов.

Учитывая предшествующую историю государственно-исламских отношений в России, указанные меры казались не более чем очередным тактическим отступлением. Для того чтобы нарушить

---

³ Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в Новой России до 1762 г. и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869. С.209.

традицию духовного антагонизма в отношении мусульман, в течение столетий прививавшуюся русской правящей элите, нужен был человек со стороны, иной ментальности, воспитания, религиозной культуры. Таким человеком стала дочь прусского генерала София Августа Фредерика, принцесса Анхальт-Цербстская, воцарившаяся на русском престоле 28 июня 1762 г. под именем Екатерины II.

Холодный немецкий рационализм в полной мере проявился в религиозной политике императрицы. Она рано осознала, что непременным условием могущества России является спокойствие внутри страны и благополучие ее подданных. Нищий человек не только бесполезен для государства, он еще и опасен для него. Нищий же – приверженец гонимой веры – опасен вдвойне. По этой причине, едва придя к власти, Екатерина II постаралась исключить из политики в отношении нерусских народов моменты, негативно сказывавшиеся на их материальном положении.

Указом Сената от 6 апреля 1764 г.⁴ была закрыта Контора новокрещенских дел, с начала 1730-х гг. направлявшая и осуществлявшая миссионерскую деятельность в Среднем Поволжье. Этим же актом новокрещенных лишили ряда льгот, предоставленных в прежние царствования. Было отменено материальное вознаграждение за принятие православия, ликвидирована практика платежей, поставки рекрут, выплаты недоимок за крестившихся. Последних из подчинения Конторы передали в ведение местных органов власти и по истечении трехлетнего льготного срока обязали платить подати и нести повинности наравне с другими государственными крестьянами⁵.

Подобный шаг центральной власти противоречил политике предшествующих десятилетий и объяснялся рядом причин. Помимо соображений охранительного характера, боязни новых антиправительственных выступлений, свою роль сыграло качественное изменение конфессиональной ситуации в Среднем Поволжье. К началу 1760-х гг. подавляющая часть языческого населения края приняла православие. Соответственно, власть уже не видела необходимости в сохранении прежних привилегий новокрещеным. Это вызывало недовольство не только татар, но и русских, не имевших подобных

---

⁴ ПСЗ-1. Т.16. №12126.

⁵ Там же.

льгот, а главное было невыгодно для казны, поскольку лишало ее налоговых поступлений.

Третья причина заключалась в том, что правительство, наконец, осознало тщетность своих попыток преодолеть приверженность татар исламу силовым путем. «Ни убеждения миссионеров, ни льготы, даруемые правительством за переход к христианству, ни то обстоятельство, что им приходилось разоряться от платежа за новокрещеных податей, ни уничтожение их мечетей не действовали на них; огромнейшее их большинство оставалось твердыми вере отцов и дедов...»⁶.

Таким образом, именно рационализм и прагматизм двигали Екатериной II, когда она пошла на смягчение религиозной политики в отношении мусульман. Интересы православной церкви и ее миссионерские устремления были для императрицы менее важны, чем соображения безопасности государства и его материальные интересы.

Свою роль здесь, безусловно, сыграли и личные воззрения Екатерины II на свободу совести и место различных конфессий в государстве. Они формировались под влиянием идеологии Просвещения, одним из базовых постулатов которой являлся принцип религиозной толерантности или веротерпимости. Взгляды императрицы нашли концентрированное выражение в статьях «Наказа», данного ею 30 июля 1767 г. Комиссии по составлению проекта нового Уложения:

«Ст. 494. В том великом государстве, распространяющем свое владение над (с)толь многими разными народами весьма бы вредный для спокойства и безопасности своих граждан был порок, запрещение или недозволение их различных вер;

Ст. 495. И нет подлинно иного средства, кроме разумного их законов дозволения, православною нашею верою и политикою неотвергаемого, которым бы можно всех сих заблудших овец паки привести к истинному верных стаду;

Ст. 496. Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковыйные сердца, и отводят их от заматерелого упорства, утушая споры их, противные тишине государства и соединению граждан»⁷.

Если вчитаться в статьи, за витиеватостью формулировок и либеральными декларациями обнаруживаешь уже знакомую заботу о без-

⁶ Фирсов Н.А. Указ. соч. С.182.

⁷ ПСЗ-1. Т.18. №12949.

опасности империи. Весомые аргументы в пользу проведения толерантной религиозной политики дала поездка по Волге, совершенная Екатериной II в мае-июне 1767 г.⁸ Во время посещения Казани императрица лично убедилась, что ислам – реальная российская жизнь, ее не нужно страшиться и искоренять, а следует признать как данность.

Последующие шаги Екатерины были в целом направлены на развитие выбранного политического курса. 17 июня 1773 г. вышел указ Синода «О терпимости всех исповеданий...»⁹, который был уже не общей декларацией, а документом, обязательным для исполнения.

При непосредственном участии императрицы формируется новое отношение власти к мусульманскому духовенству, в основе которого мы также обнаруживаем трезвый расчет. Дело в том, что на протяжении десятилетий именно духовенство генерировало антиправительственные настроения в татарском обществе. Неудача кампании 1740–1750-х гг. была во многом обусловлена влиянием и позицией мусульманских духовных лиц. Во время посещения Казани 30 мая 1767 г. губернатор А.Н. Квашнин-Самарин представил императрице «старой слободы абызы татары и их жены»¹⁰. В ходе этой встречи произошло признание верховной властью реального статуса неофициального мусульманского духовенства и той роли, которую оно играет в жизни населения, возникло осознание необходимости сотрудничества с ним. Через священнослужителей самодержавие могло не только нейтрализовать оппозиционные проявления среди татарского населения, но и приобрести мощное средство воздействия и манипулирования его настроениями, а фактически – контроля и управления.

Достижение лояльности татарских мулл становится приоритетом религиозной политики последующих лет. Важной вехой на этом пути стал указ 28 января 1783 г. «О дозволении подданным магометанского закона избирать самим у себя ахунов»¹¹. Он ликвидировал практику приглашения мулл из среднеазиатских государств. По замыслу Екатерины II, это не только устраняло влияние тамошних мусульман на их единоверцев во внутренней России, но и позволяло

---

⁸ Об этой поездке см.: Ибнеева Г. Путешествие Екатерины II по Волге в 1767 году: узнавание империи // *Ab imperio*. 2002. №2.

⁹ ПСЗ-1. Т.19. №13996.

¹⁰ Ибнеева Г. Путешествие Екатерины II по Волге в 1767 году: узнавание империи // *Ab imperio*. 2002. №2.

¹¹ ПСЗ-1. Т.21. №15653.

выдвигать на духовные посты верных людей, которых можно было использовать в своих интересах. Уже в первой половине 1780-х гг. многие муллы находились на государственном жалованье. С учреждением же по указу от 22 сентября 1788 г.¹² Оренбургского магометанского духовного собрания царская администрация получила полный контроль над их назначением и деятельностью. Когда возникала потребность в определении на должность того или иного духовного лица, претенденты первоначально испытывались на «благонадежность», а затем подлежали утверждению генерал-губернатором.

Таким образом, политика «пряника», проводимая Екатериной, оказалась дальновиднее и куда более эффективной, чем политика «кулака», осуществляемая ее предшественниками. Прирученные татарские муллы стали верой и правдой служить государыне. Особенно отличились они в деле привлечения народов Казахстана в подданство России. Одними насильственными методами добиться здесь желаемого результата было невозможно. Православная церковь не могла рассчитывать на успех среди кочевых народов. Поэтому мусульманской экспансии с юга, со стороны среднеазиатских ханств, верховная власть была вынуждена противопоставить пропаганду ислама в «российском» варианте. И здесь татарам альтернативы не было¹³.

Налаживанию отношений с мусульманами также способствовало издание в 1787 г. по личному указанию императрицы и за казенный счет Корана на арабском языке. При ее жизни он был издан несколько раз: в 1787, 1790, 1793, 1796¹⁴. Со стороны Екатерины это был очередной точно просчитанный шаг. По свидетельству А.Г.Каримуллина, он позволил на время отвести просьбы татар о заведении ими собственного книгопечатания, был использован в политических целях в войне с турками, как пример покровительства мусульманам российской короны, а также принес существенную финансовую выгоду казне¹⁵.

---

¹² ПСЗ-1. Т.22. №16014.

¹³ См. Ногманов А.И. Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI–XVIII веков. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. С.126–128.

¹⁴ Крымский А. История мусульманства. 2-е изд. М., 1904. Ч.1/2. С.138.

¹⁵ Каримуллин А.Г. У истоков татарской книги. Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. С.98.

Ранее уже говорилось о связи религии с другими сферами жизни татарского общества. Провозглашение свободы вероисповедания и дарование исламу статуса терпимой конфессии вызвали цепную реакцию и позитивные сдвиги во многих областях. Вероисповедание татар перестало быть препятствием для занятия предпринимательской деятельностью. В указах 1780-х гг. неоднократно декларировалось: «исповедание торгующих не долженствует служить поводом ни к какому различию»¹⁶.

Указом 1776 г. татарские торговые люди получили право записываться в российское купечество¹⁷. У них появились органы самоуправления в виде Татарских Ратуш, основанных в 1781 г. в Казани и в 1784 г. в Сеитовом посаде (Каргалинской слободе) под Оренбургом¹⁸. Снятие ограничений на свободу передвижения позволило существенно расширить ареалы торговли. Она велась практически по всей империи, интенсивные контакты имелись с Бухарой и Хивой, местом притяжения для татарских купцов становится Китай. Примечательно, что в числе продаваемых ими товаров была продукция с собственных фабрик и заводов (кумач, мыло, кожа и др.), которые в довольно большом количестве стали открываться также при Екатерине II¹⁹.

С приобретением исламом статуса терпимой религии стали анахронизмом правовые ограничения и социальные барьеры, установленные для мусульман. Знаковым событием ее царствования стал указ от 22 февраля 1784 г. «О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами российского дворянства»²⁰. Он касался представителей татарской феодальной знати, придерживавшихся «магометанского закона», и признавал за ними права на утверждение в «благородном» звании. Тем самым открывались перспективы социального продвижения перед теми княжескими и мурзинскими татарскими родами, которые в процессе реформ Петра I утратили прежний высокий правовой статус и превратились в один из разрядов государственных крестьян.

¹⁶ ПСЗ-1. Т.21. №15462, №15625.

¹⁷ ПСЗ-1. Т.20. №14540.

¹⁸ ПСЗ-1. Т.22. №16089.

¹⁹ ПСЗ-1. Т.16. №11188; Т. 20. №14540.

²⁰ ПСЗ-1. Т.22. №15936.

Возведение в потомственное дворянство предоставляло ряд важных личных прав. Помимо выхода из податного сословия, освобождения от подушной подати, рекрутской повинности и телесных наказаний, у утвержденных в дворянском звании появлялась возможность определения на государственную службу, а их дети пользовались льготами при получении образования²¹.

Полного равенства с русским дворянством татарские князья и мурзы не получили. Согласно указу 1784 г. они были лишены «права покупать, приобретать и иметь крепостных или подданных христианского исповедания» – одной из главных составляющих политического и экономического могущества дворянского сословия²². Кроме того, свою принадлежность к «благородному» званию необходимо было подтвердить документами, содержащими «неоспоримые доказательства» (жалованными государственными грамотами на недвижимое имение и др.). Процедура утверждения в дворянстве была достаточно сложной и не все, подавшие прошение, смогли ее пройти. К концу правления Екатерины II подтвердили свои права, а затем были внесены в родословные книги, по различным оценкам, от 4811 до 5646 человек, принадлежащих к 177 знатным татарским родам²³.

Несмотря на отмеченные ограничения, моральное значение данного законодательного акта трудно переоценить. Он демонстрировал татарской элите и, возможно, воспринимался ею самой как покровительство и заботу верховной власти. Точно так же, как указ от 1 ноября 1783 г., разрешивший принимать на военную службу и награждать офицерским званием (не выше премьер-майора) «татарских мурз и чиновных людей»²⁴.

Таким образом, в правление Екатерины II произошли существенные сдвиги во внутренней политике правительства, вызвавшие позитивные изменения в различных областях жизни татарского общества. Несколько особняком в этом плане стоят законодательные акты, касающиеся выполнения татарами адмиралтейской повинности.

---

²¹ См.: Хайрутдинов Р. Татарская феодальная знать и российское дворянство: проблема интеграции на рубеже XVIII–XIX вв. // Ислам в татарском мире: история и современность. Казань, 1997. С.83–101.

²² ПСЗ-1. Т.22. №15936.

²³ Хайрутдинов Р. Указ. соч. С.90.

²⁴ ПСЗ-1. Т.21. №15861.

Несмотря на многочисленные ходатайства лашман, Екатерина неизменно отказывалась облегчить их жизнь и освободить от корабельных работ, которые по признанию самих законодателей были «несравненно тягостнее заводских»²⁵. Однако и здесь она была предельно рациональна и последовательна. Комиссии, назначаемые императрицей с целью изучить способы облегчения жизни татарских лесорубов, каждый раз обнаруживали, что труд лашман обходился казне значительно дешевле труда вольнонаемных рабочих²⁶. В то же время надо отдать должное Екатерине – она стремилась хоть как-то облегчить положение приписных к Адмиралтейству – путем повышения оплаты труда, введением оплаты за время, потраченное на переходы до мест лесозаготовок, и т.д.²⁷

В заключение отметим, что XVIII столетие дало России двух монархов, деятельность которых внесла существенные изменения в жизнь страны, оказала влияние на ее международное положение. Император Петр I ввел Россию в круг европейских держав, «европеизировал» ее (правда, варварскими методами). Императрица Екатерина II тоже была великим реформатором. Но если Петр I строил новую Россию, то Екатерина II Россию благоустраивала. Зримые следы этого благоустройства мы обнаруживаем в законодательной деятельности правительницы в отношении татар Среднего Поволжья и Приуралья.

---

²⁵ ПСЗ-1. Т.21. №15494.

²⁶ Ногманов А.И. Указ. соч. С.143–144.

²⁷ Там же. С.152–153.

Секция: Имперские модели управления

Середа Н.В.

Региональная политика Екатерины II: опыт формирования либеральной модели управления

Реформы, проведенные Екатериной Второй, затронули самые разные стороны жизни Российской империи. В данной статье пойдет речь о тех из них, которые были направлены на преобразования российской провинции. Их главное содержание выражалось в отходе от принципа московских государей XVI–XVII вв.: «разделяй и властвуй». Целью Екатерины стало создание российских административно-территориальных образований, имеющих хотя бы некоторые из черт, присущих регионам.

С проблемой формирования регионов было связано в той или иной мере множество ее начинаний. Они воплотились в разработанных в 60-е годы «Правилах управления», Наставлении губернаторам (1764 г.), Наказе Уложенной комиссии (1767 г.), Учреждении о губерниях (1775 г.), Уставе благочиния (1782 г.), Жалованных грамотах городам и дворянству (1785 г.). К этим, широко известным плодам ее творчества следует добавить Наставление уездным казначеям, указ о создании при казенных палатах особых экспедиций для свидетельства счетов, уставы о вине, соли и другие законы, изданные в начале 80-х годов.

Выросшая в одном из крошечных германских государств и сформировавшаяся как личность в бесконечно громадной России, эта умная женщина не могла не видеть достоинств и недостатков столь противоположных проявлений национально-государственного устройства. Придя к власти, она уже через два года занялась проблемами регионального управления, наделив губернаторов большими полномочиями и подчинив им все местные учреждения¹. Этим Екатерина не только пыталась увеличить оперативность управления, но и заложила краеугольный камень всех последующих преобразова-

---

¹ ПСЗ-1. Т. XVI. № 12137.

ний в данной сфере государственной деятельности. Следует согласиться с мнением А.Б. Каменского, что перенесение центра тяжести в управлении на территории подготавливало почву для проведения в последующем коллежской реформы². Однако в литературе явно недооценивается значение этого и целого ряда других законодательных актов для становления и развития региональных сообществ. Еще до начала административной реформы и уменьшения территории губерний Екатерина Вторая расширила круг властных полномочий губернаторов. «В прежние годы, – отмечает Д.И. Иловайский в работе, посвященной деятельности Я.И. Сиверса, – коменданты гарнизонов, магистраты, пограничные смотрители, чиновники, заведовавшие ямщиками, подушным сбором, соляною регалией, во многом действовали независимо от губернаторов и губернских канцелярий³, Наставление губернаторам делало губернаторов «хозяевами». Теперь им должны были подчиняться все местные учреждения и работающие в них чиновники⁴. Это, наряду с другими нововведениями, вело к ликвидации разобщенности местного населения, которое ранее сложилось в силу подчиненности различным центральным органам управления, закладывало основы для формирования региональных сообществ.

Следующим крупным шагом на этом пути было издание Учреждений о губерниях⁵, сама императрица оценивала этот законодательный акт как «непременный» и «фундаментальный». Исследователи, признавая его важное значение в развитии российской государственности, расходятся во мнениях относительно целей и последствий санкционированных им преобразований. В дооктябрьский период отечественные ученые относились к Екатерине Второй и ее деятельности вполне благосклонно, отмечая направленность ее преобразований на раскрепощение сословий, притом не только дворянского, но и городского, на децентрализацию управления и улучшение жизни населения. Многие из них полагали, что приближение судебных

---

² Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 2001. С.389.

³ Иловайский Д.И. Граф Яков Сиверс: Биографический очерк // Русский Вестник. 1865. Т.55. № 1. С.31.

⁴ ПСЗ-1. Т.XVI. № 12137.

⁵ ПСЗ-1. Т.XX. № 14392.

и контрольных инстанций к народным массам вело к ликвидации безначалия на местах⁶.

Рассматривая издание Учреждений как этап в децентрализации управления, исследователи связывали реформу местного управления с ликвидацией коллегий, трансформацией полномочий Сената, изданием Жалованных грамот городам и дворянству и созданием органов самоуправления. Они пытались представить реформу управления как целостную, где ликвидация центральных органов управления неизбежно должна была сказаться на полномочиях высших и местных. Рассуждая о результатах реформ, исследователи очень часто указывали, что они не вполне удалась. И. Блинов, исследовавший эволюцию компетенции губернаторов, противопоставлял замыслы императрицы и их исполнение, считал, что и после введения Учреждения о губерниях «правительство продолжало работать за общество, от которого было много выборных, но совсем не было правящих. С одной стороны стоял могущественный коронный чиновник, с другой стороны – слабые общественные группы, не им было отстаивать свою независимость, на долю населения провинции по-прежнему оставался главным образом удел безмолвного и безропотного подчинения»⁷.

В советской историографии Учреждение о губерниях оценивалось прежде всего с позиции значения его для дворянства и предотвращения возможности повторения пугачевщины. Новые многочисленные губернские и уездные учреждения должны были, согласно наиболее распространенному мнению, предупреждать повторение подобных народных выступлений⁸. Лишь в последнее десятилетие

⁶ Грибовский В.М. Высший суд и надзор в России в первую половину царствования императрицы Екатерины Второй: историко-юридическое исследование. Период 28 июня 1762 г. – 7 ноября 1775 г. СПб., 1901. С.340, 342; Лаппо-Данилевский А. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898. С.60–61; Любавский М.К. История царствования Екатерины II. СПб., 2001. С.99; Григорьев В.А. Реформа местного управления Екатерины II (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.). СПб., 1910. С.352; Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России IX–XIX столетий. Исторический очерк. М., 1910. С.120–121.

⁷ Блинов И. Губернаторы: Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С.151–152.

⁸ Белявский М.Т. Требования дворян и перестройка органов управления и суда на местах в 1775 году // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1960. № 4; Павлова-Сильванская М.П. «Учреждение

оценки отечественных исследователей в отношении Екатерины Второй и ее реформ несколько смягчились.

Современная историография, в том числе отечественная, отдает дань идее о децентрализации. В частности, О.А. Омельченко и А.Б. Каменский отмечают взаимосвязь сокращения числа коллегий с «перенесением повседневного администрирования во всем объеме на местный, губернский уровень», а также с идеями Просвещения о том, что благосостояние целого, т.е. всего государства, зависит от правильного управления его частями⁹. Однако они не видят серьезного смысла в передаче некоторой доли управленческих полномочий на места. Омельченко считает, что администрация, созданная в ходе реформы местного управления, не способствовала проведению в жизнь идей просвещенного абсолютизма, потому что гарантией осуществления правительственного курса является «высокий уровень административно-правовой культуры», а ее в российском обществе не было¹⁰.

А.Б. Каменский, в целом высоко оценивавший реформы Екатерины II, разделяет точку зрения Омельченко о том, что «смысл и задача централизма оставались неизменными»¹¹, но приводит в подтверждение свои обоснования. Он считает, что Екатерина создавала Учреждение о губерниях в рамках теории полицейского государства, согласно которой власть на местах должна быть «единообразной, унифицированной и направленной на то, чтобы каждая клеточка обширной территории и каждый ее обитатель находились под неусыпным контролем правительственного чиновника»¹². В связи с таким подходом к оценке преобразований находится и другое заключение Каменского о том, что «степень самостоятельности местных ор-

---

о губерниях» 1775 г. и его классовая сущность. Автореф. дис. ... к.и.н. М., 1964. Очень показательна в этом плане работа Б.Г. Слициана, обобщающая литературу о губернской реформе 1775 г. (Слициан Б.Г. Реформа органов центрального и местного управления и внутренняя политика 70–80-х годов // Очерки истории СССР. XVIII век. Вторая половина. М., 1956).

⁹ Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С.276; Каменский А.Б. Указ. соч. С.388.

¹⁰ Омельченко О.А. Указ. соч. С.277.

¹¹ Там же. С.264.

¹² Каменский А.Б. Указ. соч. С.423.

ганов оставалась крайне ограниченной, вся их деятельность была строго регламентирована, все принципиальные решения политического характера по-прежнему принимались в центре и именно там назначался и отчитывался глава губернии, подчиненный непосредственно самодержцу. Ни один из вновь создаваемых органов исполнительной власти или самоуправления не имел права устанавливать на своей территории какие-либо свои законы или правила, вводить собственные налоги и пр.»¹³. Как видим, Омельченко делает акцент на неспособности российской провинции и ее элиты участвовать в реализации замыслов императрицы, а Каменский на том, что децентрализации не было и быть не могло, в силу приверженности Екатерины идеям полицейского государства.

Мнение о формировании региональной элиты и увеличении самостоятельности губернских властей в решении различного рода вопросов местной жизни, о разрушении сословных перегородок в жизни местных сообществ в ходе реализации реформы управления Екатерины II и других аспектах формирования и реализации ее региональной политики сформулировано в ряде работ автора статьи¹⁴. О попытке императрицы внедрить систему управления, основанную на либеральной по своей сути идее, нацеленную на развитие гражданского общества и правового государства, пишет и А.Б. Каменский в одной из своих последних работ¹⁵. Однако вопрос о влиянии политики Екатерины II на процесс формирования регионов и регио-

¹³ Там же. С.429–430.

¹⁴ Середа Н.В. «Согласие» как категория современной исторической науки // Культура мира: перспективы на рубеже XXI века. Материалы международной научной конференции Тверь, 12–14 апреля 2001 г. Тверь, 2001. С.102–105; Словесный суд в правоохранительной системе городов XVIII в. // Право: история, теория, практика. Брянск, 2001. Вып. 5. С.237–247; Городовые магистраты в российском законодательстве XVIII века // Из архива тверских историков. Сб. науч. трудов. Вып. 3. Тверь, Тверской государственный университет, 2002. С.24–59; Реформа управления Екатерины Второй: Источниковедческое исследование. М., 2004; Дворянство и процесс формирования региональной элиты // Тверская усадебная культура. Материалы региональной научно-практической конференции. Тверь, 1–2 октября 2004 г. Тверь, 2004. С.79–84 и др.

¹⁵ Каменский А.Б. Административное управление в России XVIII в. // Административные реформы в России: история и современность. М., 2006. С.109–110.

нальной элиты, специально в историографии не рассматривался. В данной статье автор ставит задачу показать те направления деятельности Екатерины Второй, которые позволяют считать, что ее политика имела одним из своих направлений формирование регионов, т.е. носила региональный характер.

Следует отметить, что историки анализировали и продолжают анализировать прежде всего планы императрицы и их закрепление в нормах законодательства. Процесс воплощения предписанных законами положений в практику управления исследовался крайне недостаточно и очень часто тоже на основе законодательства¹⁶. Задачей автора данной статьи является анализ делопроизводственной документации городских учреждений Тверской губернии последней четверти XVIII – начала XIX в.

В существующих оценках проведенных Екатериной преобразований недоучитывается тот факт, что ликвидация ведомственного управления была важнейшим, а возможно единственно верным шагом на пути окончательного преодоления расчлененности населения каждого из регионов России, особенно городского, в силу того, что оно было долгое время подведомственно различным центральным учреждениям. В управлении каждым отдельным уездом, каждым городом участвовало по несколько ведомств, поскольку различные категории населения подчинялись разным учреждениям: купечество и мещанство – Главному магистрату, а проживавшие в городах оружейники – Оружейной канцелярии, ямщики – Ямской канцелярии, духовенство – духовным правлениям и консисториям, помещики – Поместно-Вотчинной коллегии и т.д. Такая система не только не способствовала формированию единых территориальных сообществ, но и вела к обособлению отдельных групп населения, поскольку члены каждой из них имели особые права, льготы и особые обязанности¹⁷.

---

¹⁶ Григорьев В.А. Указ. соч.; Каменский А.Б. Указ. соч. С.371–465.

¹⁷ Чечулин Н. Несколько слов о «старых служб служилых людях» в XVIII в. // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С.32–39; Богоявленский С. Состав Московского слободского схода // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Петербург, 1922. Позднее результаты его изысканий были переизданы: Московская мещанская слобода в XVII в. // Богоявленский С.К. Научное наследие. О Москве XVII века. М., 1980. С.9–170; 322–329.

Такая ситуация в условиях Нового времени крайне затрудняла управление страной, делала его малоэффективным, мешала формированию региональных интересов и местных сообществ, в том числе городских. Направленность политики на консолидацию населения и возрождение территориальных сообществ отчетливо была выражена и в деятельности Петра I, но наибольшие успехи в этом направлении связаны с деятельностью Екатерины Великой и ее реформой управления¹⁸. Результаты проведенного автором статьи исследования делопроизводительной документации городских учреждений Тверской губернии, прежде всего сохранившихся документальных комплексов городских магистратов, позволяют говорить об этом. Именно эти учреждения, возникшие в ходе петровских преобразований и сохранившиеся при проведении реформы управления Екатерины Второй, позволяют увидеть механизм осуществления реформы и его направленность на создание региональных сообществ¹⁹.

Прежде всего, следует отметить, что изменения в организации делопроизводства и документопотоках совершенно определенно свидетельствуют о процессах децентрализации в управлении. Численность поступающих в магистраты указов и круг их авторов постепенно менялись и это является показателем не только эволюции компетенции структур по управлению городом, но и существенных изменений в системе управления в целом. В первые годы екатерининской губернской реформы авторами указов, поступивших в магистраты верхневолжских городов, помимо Тверского наместнического правления (далее – ТНП), были различные центральные учреждения: коллегии, банки, Главная соляная контора, а также наместнические правления различных губерний, местные губернские учреждения. Магистраты оказывались вписанными одновременно в две системы управления: горизонтально и вертикально ориентированную. Но уже в 1782 и в 1786 гг. факты поступлений указов центральных учреждений не отмечены ни в регистрационных книгах поступающих документов, ни в журналах заседаний магистратов.

---

¹⁸ Подробнее см.: Середа Н.В. Городское сообщество: Основные вехи развития // Управление городами: история и современность. Материалы научной конференции. Тверь, 2001. С.109–119.

¹⁹ В ходе реформы Екатерины были сохранены еще некоторые управленческие структуры (городские старосты, земские избы), но их деятельность проследить сложно, т.к. их фондов не сохранилось.

Это можно рассматривать как показатель успехов реформы. Функции ликвидированных центральных учреждений распределялись между Сенатом, наместниками, правителями наместничеств и губернскими структурами по мере становления последних²⁰.

Полученные нами наблюдения не позволяют согласиться с положением о том, что «смысл и задачи централизма оставались неизменными»²¹. Число местных учреждений и чиновников существенно увеличилось²², что способствовало усилению контроля правительства, однако нельзя недоучитывать той серьезной разницы между контролем над низшим звеном местных управленческих структур, который был до реформы, и тем, который сложился благодаря ей. Если раньше контроль за различными местными учреждениями и категориями населения осуществлялся из различных учреждений Москвы и Петербурга, то теперь – из губернского центра, причем губернии, гораздо меньшей по масштабу, чем ранее. И в этом плане совершенно правы исследователи, утверждавшие, что власть была приближена к населению, и что это отвечало его интересам²³. Исполнительная власть и контроль оказались сосредоточенными в руках губернского правления, а это все же другой характер централизации. Тут мы опять вынуждены вернуться к теории полицейского государства и мнению А.Б. Каменского о том, что императрица действовала в ее рамках, а согласно этой теории нужен был жесткий контроль над местными структурами. От себя добавим, что в рамках столь большого государства, как Россия, он тем более был нужен. Но именно в рамках столь огромного государства нельзя было осуществлять плодотворный контроль из центра, что собственно и поняла Екатерина и что попыталась исправить в существовавшей на тот период действительности. Т.е. в данном случае она выступает как гениальный тактик, понимающий, что искусство политики в

---

²⁰ Подробнее см.: Середа Н.В. Реформа управления Екатерины Второй: Источниковедческое исследование. М., 2004. С.173–189.

²¹ Омельченко О. А. Указ. соч. С.264.

²² Согласно сведениям, приводим в работе И. де Мадарига общее число провинциальных должностных лиц было равно 15 тыс., из них выборных было 10 тыс. См.: Мадарига И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. Пер. с англ. М., 2002. С.481.

²³ Грибовский В.М. Указ. соч. С. 342; Любавский М.К. Указ. соч. С.99; Григорьев В.А. Указ. соч. С.352.

компромиссе, в том числе между идеей полицейского государства и реальностью жизни России.

Второй этап в осуществлении реформы управления был связан с налаживанием функционирования губернских структур управления. На примере анализа переписки городских магистратов с губернским это особенно заметно. Сокращение численности указов губернского магистрата в 1782 г. (по сравнению с 1778 г.) является следствием сокращения его компетенции. Это было, в свою очередь, результатом внедрения в жизнь провозглашенного принципа разделения властей на местном уровне, что требовало передачи ряда вопросов из ведения губернского магистрата в другие местные структуры. Именно в связи с реализацией принципа разделения властей соляная продажа, например, как один из важнейших источников дохода, переходила в ведение Казенной Палаты. В 1786 г. численность указов, поступивших в городские магистраты из губернского, снова возрастает, причем среди них явно преобладают те, что связаны с выполнением магистратами закрепленных новым законодательством функций – судебных. И это следует расценивать как яркий показатель успехов второго этапа реформы, на котором закладывается основа для регионального управления, сочетающегося с элементами отраслевого, в конечном итоге сфокусированного на губернском правлении.

Исследование выявило поэтапность передачи функций: сначала от коллегий – наместнику и правителю наместничества, затем наместническим (губернским) правлениям и в последующем другим губернским структурам: казенным палатам, приказам общественного призрения, губернским судебным инстанциям. Постепенность нужна была для сохранения стабильности и для того, чтобы служащие новых учреждений имели время и возможности осваивать азбуку управления и нормы права. Необходимость добиваться от уездных и городских структур выполнения возложенных на них функций, отвечать на задаваемые ими вопросы не только способствовала освоению губернскими чиновниками основ законодательства, но и вносила в их деятельность определенный элемент творчества, т.к. возникала потребность адаптировать действующее законодательство к реалиям жизни каждого отдельного города, уезда. Повышение уровня квалификации следующего звена управленческого персонала в свою очередь обеспечивалось в значительной мере рассылкой из губер-

ского правления указов, повторяющих и интерпретирующих ранее изданные указы верховной власти. Необходимость такого способа повышения квалификации была, с одной стороны, обусловлена отсутствием систематизированных сборников действующего законодательства. С другой – в условиях частной смены выборных членов местных учреждений (а таких было большинство) и их недостаточно высокой правовой грамотности требовалось регулярно напоминать о нормах действующего права, от Тверского наместнического правления напоминания поступали в города в форме указов²⁴.

Екатерина Вторая не планировала предоставить структурам местного управления право издавать законы и вводить налоги, более того, она просто не могла и не должна была допустить этого. Прежде, чем давать столь большие права органам местной власти и управления, нужно было создать местные гражданские общества, региональную элиту, изменить правовое сознание населения, воспитать в нем уважение к другой личности, к чужой собственности. Сама реформа управления, вводимая Учреждениями о губерниях, должна была стать лишь первым шагом на пути решения этих задач.

Создание большого числа местных учреждений при наличии у дворян права выбора, где жить и чему отдать свои жизненные силы и энергию, способствовало притоку в губернские центры и малые российские города и их округу значительного числа представителей этого класса. Они составляли основу будущей правящей элиты региона, к которой примыкало мелкое чиновничество, а также выборные должностные лица из купечества и мещанства, духовенство. В силу обстоятельств все они должны были вступать во взаимные контакты для решения местных проблем. Формирование группы правящей элиты в регионах России, несомненно, способствовало развитию каждого из них. И в каждом из регионов России эта группа имела всесловный характер.

Еще одно важнейшее направление реформы местного управления Екатерины Второй состояло в формировании предпосылок для создания других сообществ межсловного характера. К числу таких относятся, прежде всего, купеческие гильдии, в которые могли

---

²⁴ От стряпчих поступали документы, которые так и назывались «напоминания».

входить не только торговцы данного города, но и выходцы из других городов, крестьяне и даже дворяне²⁵.

Особого внимания заслуживают городские общества, которые стали своеобразной школой для зарождающейся местной элиты. Предоставив горожанам возможность составлять «городские общества», Екатерина не предписала жестко, каким должен быть их состав. В соответствии с рядом статей Жалованной грамоты и других ее указов, города, хотя и медленно, но начали расширять состав членов городских обществ²⁶. Первым шагом на пути к этому было выделение в составе городского населения категории «настоящих городских обывателей», в нее включались все владельцы недвижимого имущества в черте города, включая крестьян, дворян, военнослужащих и гражданских чиновников, приезжих из других городов, иностранцев. Эта группа населения имела в городской думе своего представителя, а иногда и нескольких.

Складыванию и упрочению положения этой межсословной категории горожан способствовала перестройка городов, в ходе которой постепенно ликвидировалось прежде существовавшее расселение по профессионально-тягловому принципу (сотни, слободы). Новое городское деление на части и кварталы, осуществление выборов в городские думы от частей города постепенно приводило к стиранию граней между представителями разных сословий. Процесс этот шел медленно, но все же он происходил. В Нижнем Новгороде в 1786 г. дворяне и разночинцы, которым принадлежало примерно 25% от числа всех дворов города, отстранились от участия в выборах на городские должности. Однако в 1795 г. они принимали участие в выборах, и лишь один из 5 выбранных отказался от исполнения должности гласного думы, считая это неприличным для себя²⁷. В тверских городах зарождение даже самого принципа представитель-

---

²⁵ Сведения о записывании дворян в купечество встречаются в литературе. См., например: Савельев А. Столетие городского самоуправления в Нижнем Новгороде. 1785–1885. Нижний Новгород, 1885.

²⁶ В большинстве городов и в конце XVIII в. городские общества включали в свой состав лишь местных купцов и мещан – положенных в подушный оклад по данному городу. Подробнее см.: Серeda Н.В. Реформа управления Екатерины II. С.379–414.

²⁷ Савельев А. Указ. соч. С.6, 10, 11.

ства от городских частей относится к XIX в., при этом выбранными в думу в этот период оказывались все-таки купцы и мещане. Однако в тверских городах еще при жизни Екатерины Второй в компетенцию городничих перешло заведование земельным фондом. Территориальное единство городских земель было необходимым условием на пути становления городских всесословных сообществ²⁸. Создавая это территориальное единство, необходимо было передать земельный фонд из ведения общества купцов и мещан должностному лицу, представлявшему интересы всех горожан²⁹.

Формированию всесословных городских обществ в значительной мере способствовало изменение принципов налогообложения в пользу города. Разрешение оставлять на городские нужды четверть процента от суммы объявленных купеческих капиталов создавало заинтересованность города в притоке капиталов, в том числе крестьянских и жителей других городов, облегчило причисление тех и других в городское купечество. Постепенно вводилось поземельное налогообложение, по размерам участков, на которых располагались постройки горожан, а позднее – с учетом стоимости недвижимости. Сборы должны были собираться со всех жителей города, включая дворян. В разных местностях этот процесс шел по-разному. В Великих Луках, испытавших существенное влияние Западной Европы, поземельный налог известен с 1793 г.³⁰, в городах Тверской губернии – с начала XIX в. Сбор со стоимости имущества в городе Твери известен с начала 20-х годов XIX в., а в Великих Луках оценка имущества была завершена лишь в 1831 г. Ввести налог с имущества

---

²⁸ Чечулин Н. Несколько слов о «старых служб служилых людях» в XVIII в. // Сборник статей в честь Матвея Кузмича Любавского. Пг., 1917. С.39; Резун Д.Я. Современная урбанистика и сибирское городоведение XVIII – первая половина XIX в. // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI – первой половины XIX века. С.225–226.

²⁹ До 1778 г. начала реформы местного управления земельным фондом распоряжалось общество купцов и мещан во главе с городским старостой, затем городские магистраты, но с изданием Жалованной грамоты эта функция закрепляется за городничими. Подробнее см.: Середа Н.В. Реформа управления Екатерины Второй. М., 2004.

³⁰ Пульхеров А. Великолуцкое городское общественное управление. 1785–1891 гг. Историческое обозрение. Псков, 1892. С.12.

удавалось далеко не везде³¹, там, где это происходило, развитие новых городских обществ, сословных по своему характеру, происходило гораздо быстрее.

Собираемые с горожан средства шли на ремонт дорог, мостов, содержание полиции, всего, что необходимо было для благоустройства жизни горожан всех сословий. Однако еще до введения налога с имущества в большинстве городов удавалось привлечь всех жителей, включая дворян, ямщиков, к содержанию полиции, к выполнению постоянной повинности, благоустройству дорог³². В контексте данной работы важно подчеркнуть, что перемены в налогообложении и успехи формирования сословных городских обществ, относящиеся в основном к XIX в., были в значительной мере предопределены преобразованиями Екатерины II, в частности тем, что распорядителем земельного фонда в ходе ее реформы управления становились городничие, которые являлись представителями коронной власти. Передача им этой сферы деятельности должна была вести к преодолению «дискретного характера» городов, формированию «территориального единства городских земель», которое, в свою очередь, «являлось географической основой социального процесса – образования городского общества как совокупности лиц различных сословий, имеющих оседлость и недвижимость в пределах города»³³. Это являлось логичным развитием концепции устройства городов, заимствованной из германского права (что вполне естественно для Екатерины), когда сообщество жителей города составляют все владельцы земли, и было важнейшим шагом на пути создания городских сословных обществ и сплочения горожан в интересах благоустройства и охраны правопорядка.

---

³¹ В г. Торжке в 30-е годы была предпринята попытка ввести налогообложение по имущественному принципу, работа по оценке имущества горожан была проведена, но новый налог не был введен. (Тверской государственный объединенный музей. Ф. I. Оп. I. Д. 62).

³² Этому в значительной мере способствовало введение «Положения о земских повинностях» 1805 г. (ПСЗ-1. № 21737).

³³ Резун Д.Я. Современная урбанистика и сибирское городоведение XVIII – первая половина XIX в. // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI – первой половины XIX в. Новосибирск, 1987. С. 225–226, 232.

Представители создававшихся межсословных групп городского населения должны были входить в общую городскую думу и думу шестигласную, меньшую по составу. В деятельности этих структур должны были воплощаться коммуникативная и организаторская, стратегическая и интегративная функции формирующейся элиты городов. Одновременно участие в работе выборных органов являлось школой правовой и политической культуры для некоторой части горожан. К сожалению, в документах городских учреждений Тверской губернии первой половины XIX в. мы не находим свидетельств совместной деятельности представителей разных сословий. Однако мы видим эту деятельность, изучая документы «комитетов для уравнивания городских повинностей», куда наряду с купечеством входили и дворяне, владевшие в городе недвижимостью, а также разного рода комиссий, активно создававшихся и действовавших в период царствования Александра I³⁴. Как известно, вступив на трон, Александр сделал заявление, что он будет править «по законам и по сердцу бабки своей – Екатерины Великой». Эта ссылка позволяет проецировать некоторые начинания Александра на царствование Екатерины и лучше понимать деятельность каждого из этих двух правителей, объединенных не только кровным родством, но родством по духу. Деятельность учрежденных Александром комиссий по раскладке земских повинностей, квартирных комиссий, где решался вопрос об отбывании населением постоянной повинности, которую должны были выполнять (обычно в денежной форме) даже дворяне³⁵, организационные меры по созданию хлебных запасов на случай неурожая – все это спланировало представителей разных сословий и в конечном итоге способствовало развитию региона. И что важно, это развивало идеи Екатерины, адаптируя их к условиям но-

---

³⁴ Едва ли можно согласиться с мнением И.И. Дитяткина о подчиненности городских дум этим управленческим структурам. См.: Дитяткин И.И. Устройство и управление городов России. Т. 2. С.135–137; К истории «жалованных грамот». С.145–146.

³⁵ Некоторые подробности о деятельности комиссий см.: Чижова В.В. Тверские города и земские повинности. К вопросу о фискальной политике имперской России // Экономика, управление, демография городов европейской России XV–XVIII веков. История, историография, источники и методы исторического исследования. Материалы научной конференции. Тверь, 1999 г. С.253–258.

вого XIX в., реально существовавшим взаимоотношениям представителей разных сословий.

Таким образом, реформы Екатерины Второй, направленные на децентрализацию управления и создание разветвленной сети местных учреждений, одновременно решали задачу консолидации населения как в рамках каждого отдельного города, так и в границах губернии, закладывали основы для формирования сообществ по различным признакам, в том числе и сословных, а также региональной элиты, без которой невозможно нормальное функционирование региона в качестве субъекта. И именно в этом, на наш взгляд, состояли цель и сверхзадача реформ, проводимых Екатериной Великой. Признание регионов если не субъектами права, то хотя бы территориями со своими интересами, со своей элитой, создание условий для осознания этой элитой необходимости «самоидентификации» региона³⁶ позволяют считать, что в политике Екатерины присутствовал региональный компонент. Принципиальное значение имеет тот факт, что заложенные ею основы региональной политики получили развитие в деятельности ее внуков, прежде всего в деятельности Александра I. Все эти обстоятельства позволяют говорить об успешности опыта Екатерины Второй в формировании либеральной модели управления.

---

³⁶ Подробнее см.: Серeda Н.В. Краеведение и процесс формирования местных сообществ // Первые всероссийские краеведческие чтения: История и перспективы развития краеведения и москвоведения (Москва, 15–17 апреля 2007 г.). М., 2009. С.118–123.

Измайлов Б.И.

**Татарская община г. Казани и российская власть:
модели и механизмы реализации имперской политики
в эпоху Екатерины II**

Изучение империй за последние несколько лет, хотя и не без серьезного влияния политической конъюнктуры, превратилось в одно из наиболее динамично развивающихся направлений исторической науки, а сам концепт «империя» прочно утвердился в современной научной литературе гуманитарного профиля¹. Благодаря данному подходу подчеркивается многообразие населения империи и неоднородность ее административно-политических структур. В значительной степени это предопределило появление интереса к изучению особенностей управления национальными регионами и окраинами Российской империи. По меткому замечанию одного из ведущих отечественных специалистов в этой области А.И. Миллера: «Новая история империи – это именно та сложная ткань взаимодействия имперских властей и местных сообществ, которую нужно стремиться воссоздать во всей ее полноте»².

Российское правительство далеко не сразу пришло к пониманию важности диалога с локальными сообществами. Длительное время основными действиями по мере расширения Российской империи являлись попытки культурной и религиозной ассимиляции местного населения и стремление к административно-правовой унификации присоединенного региона. Ключевое значение для имперской

---

¹ Новая имперская история постсоветского пространства. Сб. статей / под ред. И.В. Герасимова и др. – Казань, 2004; Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей. М., 2004; Российская империя в зарубежной историографии: Работы последних лет / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005; Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. Сб. материалов международной научной конференции / науч. ред. А.О. Чубарьян. М., 2007 и др. Сюда же стоит отнести серию книг под названием «Окраины Российской империи», редактором которой является А.И. Миллер.

² Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С.7.

политики имел опыт завоевания и включения Казанского ханства в Россию после 1552 г. Впервые под господством Москвы оказался иноконфессиональный и иноязычный регион с собственными национальными традициями и элитой общества. Исторически Поволжью была уготована особая роль. Именно оно стало своеобразным полигоном для поиска оптимальных механизмов освоения новых территорий.

В течение XVI–XVIII вв. политика царского правительства в отношении татарского народа неоднократно менялась, но стержневым направлением оставался комплекс репрессивных и военномобилизационных мер, поставивших татаро-мусульманское общество фактически вне правового пространства Российской империи. Однако ко второй половине XVIII в. стало ясно, что ставка на усиление колониальной политики и насильственной христианизации татар не дала желаемых результатов и, более того, привела к затяжному кризису. Начало правления Екатерины II ознаменовалось поворотом в политике имперской власти в отношении мусульманского населения. Важными ее составляющими являлись развитие идеологии веротерпимости по отношению к неправославным конфессиям и утверждение принципа имперской политики, ставящего политическую лояльность выше этнического и религиозного единообразия. Это позволяет говорить некоторым исследователям о своеобразной двойственности внутренней политики России второй половины XVIII в. Несмотря на принятие актов, направленных на унификацию этнополитического пространства страны, тем не менее, эти меры не повлекли за собой притеснений народностей по этническому признаку³. Российская империя, чтобы избежать дальнейшей военной конфронтации с татарским населением, пошла на ряд существенных уступок. Немаловажную роль на переориентацию политического курса в отношении татар оказали путешествие Екатерины II по Волге в 1767 г., деятельность Уложенной комиссии, работавшей в 1767–1768 гг. и массовое участие мусульман в восстании под руководством Е. Пугачева 1773–1776 гг.

Практическим воплощением новой имперской политики для татарского народа, кроме принятия важнейших законодательных актов

---

³ Цит. по: Ибнеева Г.В. Путешествия Екатерины II: Опыт «освоения» имперского пространства. Казань, 2006. С.5.

последней четверти XVIII в., стало учреждение в 1781 г. в Казани представительного органа самоуправления татарского общества – Казанской татарской ратуши, которая стала важным фактором приобщения татар к общеимперской системе через распространение городской модели управления и изменение образа жизни. Несмотря на то, что магистраты и ратуши были широко распространены по всей России, в то же время Казанская татарская ратуша имела ряд особенностей, характерных для данной периферии. Важнейшей спецификой было то, что она являлась национальным административным светским учреждением, функционирующим в городской мусульманской среде. В ведение Казанской татарской ратуши входило население Старой и Новой татарских слобод – своеобразного мусульманского пригорода Казани. Признавая уникальность Казанской татарской ратуши, в то же время необходимо заметить, что некоторый опыт создания национальных по составу органов городского самоуправления у российской власти уже имелся. Например, в Астрахани для армянских и татарских купцов был учрежден магистрат, в который выбирались по одному представителю с той и другой стороны⁴. Подобная система впоследствии была закреплена в 127 статье «Жалованной грамоты городам», дозволявшей составлять Городовой магистрат «половину из Российских, а другую из иностранных» купцов⁵. По всей видимости, практика сосуществования в одном городе двух параллельных органов городского самоуправления, представляющих интересы наиболее многочисленных национальных общин, также была заимствована в Западной Европе⁶.

Долгое время факт появления этого органа самоуправления оставался в тени целого ряда реформ Екатерины II, направленных на улучшение правового положения татар. Как правило, Казанская татарская ратуша рассматривалась историками лишь как составная часть административно-бюрократического аппарата российского государства. Однако изучение ее деятельности показало, что она еще и играла важную роль в консолидации и организации самой татарской элиты для взаимодействия с российской властью. Само собой разу-

⁴ ПСЗ-1. Т. XVI. № 12174. С. 787.

⁵ Там же. Т. XXII. № 16188.

⁶ Особенно рельефно просматривается подобная практика на примере г. Данцига, возникшего на стыке славянского и германского миров.

меется, учреждение Казанской татарской ратуши не было пределом мечтаний татарского населения, тем не менее появление, впервые за долгое время, органа татарского самоуправления явилось важным событием. Разумеется, по вполне понятным причинам, и российская власть не могла восстановить традиционные татарские государственные институты. Между тем именно функционирование Казанской татарской ратуши стало практическим воплощением большинства требований татар – о праве торговли, присяги на Коране и возможности представительства в органах управления.

Собственно Казанская татарская ратуша стала тем полем, или, пользуясь предложенным А.И. Миллером выражением, «тканью», на котором происходило взаимодействие имперской власти и местной элиты в лице представителей татарской общины г. Казани. Не случайно и то, что Казанская татарская ратуша была открыта именно для жителей Татарских слобод. По всей видимости, татарское население г. Казани воспринималось как главная опора российской власти, способная сформировать лояльную имперской власти татарскую общину, имеющую влияние на все мусульманское население. Провал политики радикального решения «татарского вопроса» привел к тому, что в поиске оптимального режима интеграции региона в общеимперский «организм» самодержавие пошло по пути организации взаимодействия с местными элитами.

Изучение делопроизводственных документов Казанской татарской ратуши позволяет раскрыть некоторые механизмы реализации имперской политики в эпоху Екатерины II.

Существует мнение, что учреждение ратуши было в первую очередь в интересах российской власти. Во-первых, для более эффективного управления татарской общиной г. Казани; во-вторых, для установления контроля над формирующимся татарским торговым капиталом; в-третьих, снизить накал и опасность вооруженной борьбы. Как правило, эти причины использовались в качестве свидетельств того, что татарскому населению этот орган был навязан сверху и сами татары относились к нему достаточно индифферентно. В данном вопросе весьма показательным является одно событие, достаточно подробно изложенное в делопроизводственных документах Казанской татарской ратуши.

В конце XVIII в., спустя всего несколько лет после открытия Казанской татарской ратуши, среди татарского населения г. Казани происходят разногласия. В апреле 1797 г. большая часть татар (201 семейство) обратилась в Казанское губернское правление с прошением об отказе содержать Казанскую татарскую ратушу и переводе их в ведомство другого учреждения. Объясняя свое решение, они указали на «великое отягощение и разорение», которое приносит им содержание ратуши⁷. В то же время среди татар оказалось 61 семейство, которое пожелало содержать Казанскую татарскую ратушу самостоятельно и «быть по прежней их привилегии»⁸. Более того, эта часть татарской общины предложила содержать ратушу за свой счет. Учитывая, что Казанская татарская ратуша была открыта по велению императрицы Екатерины II, то казанский губернатор не имел полномочий закрыть ее единоличным решением. 27 августа 1797 г. рапорт казанского губернатора по данному вопросу был рассмотрен на заседании Правительствующего Сената, где решался вопрос о целесообразности существования Казанской татарской ратуши. В результате Сенат вынес решение оставить в ведомстве ратуши только тех, кто желает ее содержать, а 201 семейство перевести под юрисдикцию Казанского уездного суда. Источники ясно указывают на то, что не все жители Татарских слобод однозначно хотели перейти в другое ведомство и занимали выжидательную позицию. Дабы прекратить все колебания, оставшиеся в ведении Казанской татарской ратуши татары объявили, что не желают видеть этих людей в своих рядах. Вполне возможно, что тем самым они претендовали и закрепляли за собой право на исключительное положение во всей татарской общине. Есть основания считать, что в их число входили наиболее состоятельные и влиятельные татарские кланы, рассматривающие этот орган самоуправления как средство для признания их авторитета и сословных привилегий на общероссийском уровне. Развивая данную мысль, можно предположить, что эта часть татарского населения г. Казани органически связана с казанскими слободскими татарами, которые на протяжении XVI–XVIII вв. пользовались особыми привилегиями.

---

⁷ НАРТ. Ф.22. Оп.2. Д.902. Л.5.

⁸ Там же. Л.5 об.

Таким образом, данное событие подчеркивает заинтересованность татарской элиты в существовании этого учреждения. С этой точки зрения стоит отметить и достаточно активное участие представителей ряда влиятельных семейств на выборных должностях в Казанской татарской ратуше. Учитывая, что городская служба, которую можно было сравнить с повинностью, требовала большой затраты времени и серьезных материальных издержек, то не все избранные с охотой принимали на себя исполнение общественных обязанностей. Тем не менее обеспеченная часть татарского общества, к которой относились семейства Юнусовых, Апанаевых, Апаковых и Аитовых, иногда даже в ущерб своему финансовому благополучию, неоднократно занимала посты в Казанской татарской ратуше.

Чем же привлекала влиятельных татарских купцов городская служба? Очевидно, в условиях отсутствия перспектив на государственной службе основной сферой для раскрытия их управленческого потенциала стали татарская община и городское хозяйство. Почетные должности давали возможность реально влиять на ситуацию в городе и заслужить государственные награды. Особенно на этом поприще выделялся Ибрагим Юнусов, который, будучи головой татарского общества, открыл Мусульманский детский приют, за что был удостоен медали⁹.

Кроме того, само татарское население стало использовать Казанскую татарскую ратушу в своих интересах. По всей видимости, Казанская татарская ратуша до конца XVIII в. не имела права записи слободских татар в купечество. Впервые вопрос о записи татар Казани в купечество возник еще в 1791 г., когда часть богатых семейств перешла в ведомство Казанского городского магистрата. Одной из немаловажных причин подобного решения было желание этих семейств вступить в купеческое сословие, которое давало целый ряд привилегий и, в частности, освобождение от исполнения обременительной рекрутской повинности. Оставшаяся часть татар находилась на прежних основаниях служилого сословия, выполнявшего все государственные повинности. Начиная с 1797 г. Казанская татарская ратуша несколько раз ходатайствовала перед губернским правлением о разрешении ей записывать желающих татар в купечество. В результате после одобрения Казанского губернатора эту

⁹ Баженов Н. Казанская история. Ч.3. Казань, 1847. С.102–103.

возможность получили 32 семьи, вошедшие во 2 и 3 купеческие гильдии. Однако коренным образом вопрос так и не был решен, т.к. решение о записи фактически зависело от резолюции губернатора. В очередной раз эта проблема возникла в 1799 г., когда Казанская казенная палата не приняла процентные деньги с капитала от четырех семейств. Свое решение Казенная палата мотивировала тем, что запись «крестьянам производима была не иначе как с ведома начальства их и утверждения сената»¹⁰ и потребовала к объявлениям приложить распоряжение Казанского губернатора. Вопрос заключался в том, что губернские власти продолжали приравнивать статус служилых татар к государственным крестьянам¹¹. Неизвестно чем закончилось бы данное противостояние, если бы не проходившая в 1800 г. в Казанской губернии сенаторская ревизия М.Г. Спиридова и И.В. Лопухина. Присутствующие Казанской татарской ратуши отправили представление сенаторам с просьбой «начальственного в пользу ратуши разрешения»¹². Прошение было одобрено, и Казанская татарская ратуша получила право записывать в купечество подведомственное ей татарское население.

Еще более любопытный эпизод, хотя и относящийся уже ко времени правления Александра I, связан с взаимодействием власти и татарского общества в области соблюдения религиозных обрядов в условиях государственных и административных учреждений. Внутренний распорядок и уставы правительственных учреждений не предусматривали создание условий для отправления мусульманами религиозных обрядов¹³. Одним из значительных успехов в деятельности Казанской татарской ратуши явилось установление праздни-

---

¹⁰ НАРТ. Ф.22. Оп.1. Д.1. Л.116.

¹¹ Изменение юридического статуса служилых татар произошло еще в период правления Петра I, когда принимается ряд указов, относящих их к государственным крестьянам. Последнее, в свою очередь, повлекло за собой и потерю целого ряда льгот. Подробнее см.: Ногманов А.И. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в российском законодательстве второй половины XVI – XVIII вв. Казань, 2002. С.87.

¹² НАРТ. Ф.22. Оп.1. Д.1. Л.116. Подробнее об этой ревизии см.: Хайрутдинов Р.Р. Управление государственной деревней Казанской губернии (конец XVIII – первая треть XIX в.). Казань, 2002. С. 139–142.

¹³ Загидуллин И.К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). Казань, 2006. С.234.

ных дней в священные для всех мусульман праздники. Как известно, все российские правительственные и общественные учреждения руководствовались единым регламентом проведения дней отдыха и праздников, который, в первую очередь, опирался на православные каноны. Все предшествующие годы мусульмане, служащие в ратуше, не имели возможности отдыха в пятницу и другие мусульманские праздники. В 1823 г. члены ратуши подают прошение в Казанское губернское правление о разрешении не присутствовать в дни мусульманских праздников «из уважения, что во оные все магометане посвящают себя на особенное богослужение»¹⁴. По всей видимости, прошение было направлено в Сенат, где и было одобрено. В том же году в ратушу было направлено отношение губернатора с требованием доставить сведения о днях празднования Рамазана и Курбан-байрама. В ответ из ратуши поступило донесение, что праздники эти бывают «разновременно и переходят оные ежегодно вперед через одиннадцать дней»¹⁵. С этого времени пятница и мусульманские праздники для присутствующих Казанской татарской ратуши становились выходными днями. Интересно, что до этого из всех правительственных учреждений лишь служащие в Оренбургском магометанском духовном собрании мусульмане отдыхали в пятницу и в другие мусульманские праздники¹⁶.

Безусловно, в рамках органов городского самоуправления XVIII в., которые во многом являлись учреждениями исполнительными, налаживать «диалог» с властью было гораздо сложнее, чем, например, в пореформенный период. Тем не менее отстаивание своих интересов не насильственными методами, а посредством российского законодательства, говорит о важном изменении в конце XVIII – начале XIX в. в сознании самого татарского населения, которое почувствовало в себе силы повлиять на политику российского правительства.

Изучение взаимодействия российской власти и татарской общины г. Казани на примере Казанской татарской ратуши позволяет представить и те ключевые вопросы, которые наиболее остро волновали обоих акторов этого «диалога». Если для татар это была возможность

¹⁴ НАРТ. Ф.22. Оп.1. Д.78. Л.19 об.

¹⁵ Там же. Л.168 об.

¹⁶ Загидуллин И.К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). Казань, 2006. С.240.

достижения сословно-статусных привилегий, то для российской власти Казанская татарская ратуша своего рода средство приобщения нерусского населения к имперской политической культуре. Не последнюю роль в этом играл общеимперский церемониал. Участие в делопроизводстве Казанской татарской ратуши и праздничных мероприятиях распространяло общеимперские ценности на все татарское население. Например, в 1783 г. по случаю рождения дочери Павла I великой княжны Александры в Казанскую татарскую ратушу поступил указ о принесении «молебного благодарения»¹⁷. Указ был прочтен в мечетях Казани перед многолюдным собранием жителей Старой и Новой татарских слобод. Не менее важным элементом являлась присяга, которая, как свидетельствуют источники, приносилась в «большой соборной мечети»¹⁸. По всей видимости, речь идет о мечети Марджани, которая в конце XVIII в. имела статус первой соборной мечети¹⁹. Принесение присяги именно в этой мечети носило и символический характер, учитывая, что она была построена с личного разрешения Екатерины II, и тем самым демонстрировало лояльность выборных имперской власти. Присяга зачитывалась на татарском языке с клятвой и целованием Корана. Текст ее был идентичным как для христиан, так и для мусульман с той лишь разницей, что в первом случае она давалась на Коране, а во втором – на Евангелии.

Своеобразие Казанской татарской ратуши предопределило появление в достаточно стандартном для большинства сословных органов самоуправления круге вопросов специфического направления деятельности – организации и проведения выборов заседателей в Оренбургское магометанское духовное собрание. Это также доказывает важную роль, которая отводилась российской властью Казанской татарской ратуше. Открытие в 1788 г. Оренбургского магометанского духовного собрания многие исследователи определяют как ключевой этап в истории государственно-исламских отношений в Российской империи. Учреждение ОМДС имело и обратный эффект, российская власть заручалась поддержкой мусульманского духовенства и тем самым получала рычаги давления и контроля

---

¹⁷ НАРТ. Ф.22. Оп.3. Д.10. Л.6.

¹⁸ НАРТ. Ф.22. Оп.1. Д.11. Л.23.

¹⁹ Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Исторические мечети Казани. Казань, 2005. С.24.

над мусульманским населением. Руководство Оренбургского магометанского духовного управления включало муфтия (председатель) и 3 кадиев (заседатели). Если муфтий назначался указом императора, а впоследствии по представлению министра внутренних дел, то кадии выбирались татарским населением Казанской губернии. Интересно, что в указе об учреждении Оренбургского магометанского духовного собрания не уточнялось, каким образом должны были проходить выборы кадиев²⁰. В результате такая важная миссия, как организация и проведение избрания, была возложена на Казанскую татарскую ратушу. Большинство исследователей по истории ислама, объясняя ограничение выборов заседателей рамками Казанской губернии, сходились во мнении, что государство учло лояльность местного населения по отношению к российской власти. Несомненно, сыграл свою роль и тот факт, что Казанская татарская ратуша была подотчетным исполнительным бюрократическим учреждением, что значительно облегчало губернским властям контроль над каждым этапом выборов. В то же время этот шаг свидетельствует и о желании российского правительства переложить некоторые свои права на плечи самих татар, предоставив им тем самым самостоятельность в решении некоторых вопросов. Несложно заметить, что данная обязанность Казанской татарской ратуши явно выходила за рамки городского уровня и в этом вопросе придавала ей статус представительного органа всего татарского населения Казанской губернии.

Таким образом, имперская политика в эпоху Екатерины II реализовывалась не только в рамках традиционных институтов власти новоприсоединенных народов, но и в рамках унифицированных управленческих структур, какой являлась Казанская татарская ратуша. Деятельность Казанской татарской ратуши продемонстрировала, что даже в таком узком правовом пространстве, которое предоставляли органы самоуправления XVIII в., происходил важный «диалог» власти и татарского общества. Казанская татарская ратуша выступала не только посредником в отношениях между татарским обществом и российской властью, но являлась пропагандирующей и направляющей инстанцией. Благодаря ее деятельности населению Татарских слобод прививалось новое мировоззрение об их полноправном статусе граждан Российской империи.

---

²⁰ ПСЗ-1. Т.22. №16710. С.1107.

*Секция: Конфессиональная политика Екатерины II***Ислаев Ф.Г.****Екатерина II и проблемы становления
религиозной толерантности**

С приходом к власти Екатерины II намечается поворот в религиозной политике государства, существенной чертой которого было изменение отношения к исламу и его приверженцам, прежде всего к татарам. Инициатором этого длительного, противоречивого, во многом болезненного процесса выступила сама императрица. Естественно, мусульманское население Волго-Уральского региона поддержало данное стремление власти. Не случайно в татарском народе Екатерина II получила ласковое прозвище «Аби патша» – «Царица-бабушка». Ее царствование известный миссионер протоиерей Е. Малов не случайно считал «счастливым и благодетельным для мусульман»¹.

Свое отношение к религиозной проблематике Екатерина II впервые публично выразила в речи на общей конференции Синода и Сената 15 сентября 1763 г. Здесь она сформулировала идею «отмены государственной религии и полной свободы вероисповеданий, веротерпимости внутри православия». Естественно, такая радикальная постановка вопроса не получила полной поддержки со стороны членов Синода, которые просили императрицу «забыть о свободе исповеданий». Тем не менее Екатерина II разрешила староверцам креститься двоеперстием и освободила их от двойного подушного оклада².

Как показывает историографический анализ, перемены в религиозной политике были вызваны совокупностью факторов. Во-первых, свою роль сыграли идеи «просвещенного абсолютизма». Во-вторых, власть объективно не могла не учитывать настойчивые требования татар и других мусульманских народов империи о свобод-

¹ Малов Е.А. О Новокрещенской конторе. Казань, 1878. С.217–218.

² Екатерина II. Речь имп. Екатерины Великой о старообрядчестве, сказанная на общей конференции Синода и Сената 15 сентября 1763 г. М., 1912. С.15, 29–30.

ном отправлении религиозных нужд. И после поражения восстания Батырши продолжалось активное сопротивление татар-мусульман политике насильственной христианизации. Так, 12 августа 1756 г. Сибирская губернская канцелярия и Тобольская духовная консистория обвинили служилого татарина А. Азизова «за произнесение великоважных богохулительных слов» и приняли решение «учинить смертную казнь, сжечь в срубе с огнем». Правда, на сей раз Сенат не согласился со столь суровым решением и приказал наказать А. Азизова кнутом, вырезать ему ноздри, поставить знаки, отправить в Рогервик на тяжкую работу³. В-третьих, к началу 60-х гг. почти было завершено массовое крещение целого ряда иноверческих народов Волго-Уральского региона. В-четвертых, что касается мусульман, то большинство из них сохранило прежнюю религиозную идентичность, несмотря на соединение усилий государства и православных миссионеров и активное применение принуждения. Перед лицом провала политики массового крещения мусульман государственные органы вынуждены были искать другие решения. Они попытались использовать исламскую религию в интересах укрепления империи, официально признав право на свободное вероисповедание и для сторонников ислама.

Таков в целом комплекс факторов, оказавших влияние на постепенную эволюцию религиозной политики Российского государства в направлении веротерпимости, по крайней мере, в Поволжье и Приуралье. Первым шагом на этом пути стало закрытие Новокрещенской конторы – главного организатора массовой христианизации иноверческих народов региона. Соответствующий указ Сената датирован 6 апреля 1764 г.⁴ Толчком к закрытию Новокрещенской конторы стали жалобы новокрещеных татар Казанского уезда Петра Алексея и Михаила Алчинова от 18 мая и 24 августа 1760 г. Они просили освободить новокрещеных от рекрутской повинности и рекрутских складок, взятых рекрутами отпустить домой, по-прежнему называться новокрещеными и оградить их от притеснений.

Указом Екатерины II вся миссионерская деятельность русской православной церкви среди иноверческих народов России передавалась местным епархиям. Начинается новый – епархиальный – этап

³ Сенатский архив: в 15 т. Т.9. С.619.

⁴ ПСЗ-1. Т.16. С.704–707.

этой деятельности, который продолжался почти до конца 80-х гг. XVIII столетия. В его рамках для ведения миссионерской работы назначались проповедники с жалованьем в 150 рублей. Их число не было одинаковым в епархиях региона. Казанской епархии полагалось три проповедника, Тобольской, Иркутской, Тамбовской епархиям по два в каждой, Нижегородской, Вятской, Рязанской, Астраханской епархиям – по одному. Проповедники должны были в своей деятельности руководствоваться указом императрицы Анны Иоанновны от 11 сентября 1740 г. Указ еще раз напоминает, что иноверцев к крещению не принуждать, а «поступать по образу апостольской проповеди, со всяким смирением, тихостию и кротостию». Этот указ отменил также награждение крещеных деньгами и одеждой⁵.

Однако закрытие Новокрещенской конторы и передача миссионерских функций епархиям породили новую проблему, последствия которой для православной церкви были нежелательными. Дело в том, что духовенство в новокрещенских приходах, которое ранее содержалось за счет Новокрещенской конторы, теперь передавалось на содержание прихожан. В результате, по справедливому мнению А. Можаровского, новокрещенные в христианстве нашли бремя, встретили не уменьшение, а увеличение податей; духовенство сделалось ненавистным для новокрещеных, христианство – игом⁶. Это обстоятельство позднее сыграет определенную роль в движении по возвращению новокрещенных в ислам.

Екатерина II к проблеме веротерпимости вернулась в ходе подготовки к созыву Уложенного собрания. Она сформулировала общее положение о веротерпимости в Большом наказе: «В толь великом государстве, распространяющем свое владение над толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойства и безопасности своих граждан был порок, запрещение или недозволение их различных вер. И нет подлинно иного средства, кроме разумного иных законов дозволения, православного нашею верою и политикою неотвергаемого, которым бы можно всех сих заблудших овец паки привести к истинному верных стаду. Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые

⁵ ПСЗ-1. Т.16. С.707.

⁶ Можаровский А. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских иноверцев с 1552 по 1867 г. М., 1880. С.97–98.

жестоковыйные сердца, и отводить их от заматерелого упорства, уступая споры их противные тишине государства и соединению граждан»⁷. Вместе с тем веротерпимость также рассматривалась и как условие, содействующее обращению иноверцев в православие.

Через четыре года после завершения работы Уложенного собрания, 17 июня 1773 г., Синод принял указ о терпимости всех вероисповеданий. В нем была отражена точка зрения Екатерины II о том, «как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и Ея Величество из тех же правил, сходяствуя Его Святой воле, и в сем поступать изволить, желая только, чтоб между подданными Ея Величества всегда любовь и согласие царствовали». Это было, безусловно, важно и значимо для практики межконфессиональных отношений, для создания правовой основы возможной эволюции религиозной политики. На основе пожеланий императрицы, Синод повелел членам Синода, всем епархиальным архиереям послать указы, в которых написать, что отныне преосвященным архиереям в дела, касающиеся до всех иноверных исповеданий и до построения по их законам молитвенных домов, не вступать, а предоставлять на рассмотрение светских команд; а архиереи и светские командиры должны были прилагать старание, «чтоб от того между подданными Ея императорского Величества не могло быть никакого разногласия, а паче между ими любовь, тишина и согласие царствовало»⁸.

Указ Синода от 17 июня 1773 г. многими исследователями трактовался и трактуется как подлинный прорыв в межрелигиозных отношениях, как документ, разрешивший российским мусульманам свободно и открыто исповедовать ислам⁹. На наш взгляд, такая оценка является завышенной. Святейший Синод был высшим государственным органом церковного управления, он ведал делами Русской православной церкви. И уже только по данной причине статус принимаемых им документов был ограничен. Для кардинального измене-

---

⁷ Екатерина II. Наказ ее императорского величества Екатерины Второй, самодержцы всероссийской, данной комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб., 1893. С.160–161.

⁸ ПСЗ-1. Т.19. С.775–776; Полное собрание...: в 3 т. Сер. III. Т.2. С.31.

⁹ Ритгих А.Ф. Материалы для этнографии России: Казанская губерния: в 2 ч. Казань, 1870. Ч.II. С.10; Kemper M. Sufies und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889. Der Islamische Diskurs unter russischer Herrschaft. Berlin, 1998. S. 34 и др.

ния религиозной политики государства требовался документ иного, общегосударственного уровня. Кроме того, судя по тексту разъяснений Синода, церковь восприняла этот указ только как требование невмешательства в решение вопросов строительства молитвенных домов, тем более что о прекращении миссионерской деятельности ничего не говорилось. Последняя и в самом деле продолжалась. Тем самым нет оснований полагать, что указы о веротерпимости нанесли сокрушительный удар по миссионерству¹⁰. Такое утверждение можно с известной оговоркой принять, если речь идет о тех формах миссионерской деятельности, в которых она реализовывалась в предшествовавший период.

Утверждение в религиозной политике государства идей веротерпимости происходило в сложных, противоречивых условиях. В различных регионах России среди новокрещеных и иноверцев продолжалась деятельность православных проповедников, и она была довольно активной. Российская политическая элита продолжала негативно воспринимать иные верования, особенно ислам, который оценивался как враждебный, нежелательный элемент. Князь М.М. Щербатов во второй половине 70-х гг. XVIII в. писал: «Сей закон (магометанский. – *Ф.И.*) в рассуждении политического состояния России, тем предосудителен: 1) что они, по закону своему, суть рожденные враги христианам, и напаятование их, что прежде владычествовали над Россией, их делает врагами россиянам; 2) что они, быв Омаровой секты, суть, по самому сему, связаны с турками, и всегда, когда бывает у России война с Портою Оттоманскою, тогда сии народы оказывают свою преданность оным». Он предложил свои меры по христианизации мусульман, включая ведение (чтение) проповедей на их языке, перевод церковных книг, предоставление новокрещеным некоторой свободы «в подушных деньгах и службе» и дозволение им некоторых «прибыльных ремесел, подлежащих запрету для татар», избавление новообращенных «от постоя солдатского на несколько лет». Эти способы, полагал М.М. Щербатов, «многих побудят креститься, а единозаконие умножит силу государственную»¹¹.

¹⁰ См.: Журавский А.В. Казанская духовная академия на переломе эпох (1884–1921): дис. ... канд. исторических наук. М., 1999. С.164.

¹¹ Щербатов М.М. Статистика в рассуждении России // Сочинения князя М.М. Щербатова. СПб., 1896. Т.2. С.560.

Мнение о том, что единоверие укрепляет российскую государственность, имело широкое распространение во второй половине XVIII века. Вместе с тем, решившись на изменение религиозной политики, Екатерина II стремилась, правда не без колебаний, следовать избранному курсу. Так, она принимала меры, хотя бы частично удовлетворяющие потребности мусульман. 28 января 1783 г. Екатерина II разрешила мусульманским общинам выбирать из своей среды ахунов. Конечно, здесь немалую роль сыграло желание прекратить практику приглашения мусульманского духовенства из «Бухарии или другой чужой земли». При этом делалась оговорка, что мусульманским духовным лицам не следует давать особых привилегий, но если будут выбраны членами нижних и верхних расправ, то этому не препятствовать¹². Тогда же было признано необходимым несколько ограничить строительство новых мечетей в мусульманских селениях. При создании Таврической области в 1784 г. императрица подчеркнула право обитателей губернии свободно исповедовать свою, главным образом, мусульманскую веру¹³. 22 февраля 1784 г. был принят указ, по которому татарские князья и мурзы могли пользоваться преимуществами российского дворянства, исключая только право покупать, приобретать и иметь крепостных или подданных христианского исповедания¹⁴.

Сделав шаг навстречу чаяниям мусульман, правительство Екатерины II могло рассчитывать на ответные благодарные действия. Они не заставили себя долго ждать. Для светской, да и духовной властей, фактом большого политического значения стало оправдание муфтием и признание справедливой войны православной России против турецкого султана – главы всех мусульман и критика идеи исламского единства. «Хотя мы под одним зданием правоверности состоим, – говорилось в заявлении муфтия, – однако великое есть различие между мусульманами, находящимися под владением султана турецкого и всеавгустейшей нашей монархини, поелику каждый монарх собственным умом управляет, в рассуждении чего делаемые проповедования одному годны, а другому не нужны бывают»¹⁵.

¹² ПСЗ-1. Т.21. С.805.

¹³ ПСЗ-1. Т.22. С.18.

¹⁴ ПСЗ-1. Т.22. С.51–52.

¹⁵ Цит. по: Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание. Уфа, 1999. С.29–30.

Однако признание ислама терпимой верой еще не означало, что мусульмане в религиозных вопросах стали равноправными с православными. Российское государство продолжало инославные религии подвергать ограничениям. Православная церковь по-прежнему занимала ведущее положение, которое проявлялось и в том, что только она пользовалась правом публичного отправления богослужения, религиозных процессий; имела право убеждать иноверцев к принятию ее учения о вере, что императором мог быть только православный человек¹⁶. Эти установления продолжали законодательно действовать до начала XX в. и были отменены под влиянием буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг.

Толерантное отношение к исламу, начавшее утверждаться в конце XVIII в., диктовали дух времени, идеи «просвещенного абсолютизма», опыт прежней религиозной политики и государственный интерес как внутри-, так и внешнеполитический. К «смене вех» Российское государство пришло только после фактического провала политики массовой христианизации мусульман Волго-Уральского региона и осознания возможности использования потенциала мусульманских институтов для укрепления российской государственности.

---

¹⁶ Подробнее см.: Бердников И. Наши новые законы и законопроекты о свободе совести. М., 1914. С.3–4.

Загидуллин И.К.

Преобразование ислама в «терпимую» религию в России в период правления Екатерины II

Воцарение Екатерины II обозначило новый этап в развитии России.

«Религиозный вопрос» в России в последней трети XVIII в. имел отчетливый международный характер: произошла аннексия в 1783 г. Крымского ханства, укреплялось ее политическое влияние на казахские жузы и др. В результате разделов Польши российскими подданными стали значительные группы евреев, униатов, католиков, локальная группа татар-мусульман и др. В новых условиях требовалась выработка единых принципов религиозной политики и управления духовными делами полиэтничного неправославного населения.

К моменту прихода к власти Екатерины II на территории Российской империи существовали две модели государственно-исламских отношений.

Первая модель охватывала Поволжье и Западную Сибирь (Казанская, Нижегородская, Астраханская и Сибирская губернии), регион в котором осуществлялась политика массовой христианизации. На данной территории в селениях с чисто мусульманским населением с 1744 г. властями признавались мечети и махалля. Дозволялось строить новые исламские богослужебные здания, если при мечети состояло 200–300 ревизских душ м.п.

Вторая модель государственно-исламских отношений охватывала Приуралье, Оренбургскую губернию, где практически отсутствовала активная миссионерская деятельность Русской православной церкви. Здесь мечети строились с дозволения властей. В отличие от губерний Поволжья, в Оренбургской губернии власть признавала мусульманское духовенство. Легитимность духовенства выражалась в том, что: 1) ясак взимался с каждого башкирского двора, за исключением старост и мусульманского духовенства; 2) ахуны, назначенные местной администрацией в каждой из даруг, совместно с представителями чиновниками проводили испытание лиц, желающих занять приходские духовные должности.

Аннексия новых территорий с мусульманским населением еще более разнообразила государственно-исламские отношения. В

1783 г., после захвата Крымского ханства, сложилась качественно новая модель государственно-исламских отношений в империи. В манифесте императрицы от 8 апреля 1783 г. крымским татарам было обещано «содержать их наравне с природными нашими подданными, охранять и защищать их лица (имеются в виду духовные лица. – *авт.*), храмы и природную веру, коей свободно». Правительство действительно сохранило здесь без изменений действующую систему исламских институтов, в том числе: привилегированное положение духовных лиц, выражающееся в освобождении их от всех налогов и повинностей наряду с дворянами, вакфы (земельные угодья, имущества и другую недвижимость), должности казыев и приходского духовенства. Высшее духовенство в лице муфтия, кадий-эскера были инкорпорированы в государственную структуру – им назначено казенное жалование. На территории Таврической губернии мусульманское духовенство по своему правовому статусу находилось в одной нише с православными священнослужителями.

Ее указ 1784 г. о распространении всех преимуществ российско-го дворянства, кроме владения крепостными из христиан, на татарских муруз и князей из мусульман был составлен для инкорпорации крымско-татарской феодальной элиты в российское привилегированное сословие. Екатерина II подошла к проблеме концептуально и решила восстановить справедливость, распространив указ на мусульман Поволжья, Приуралья и Сибири. Она предоставила «мурузам в лаптях» возможность записаться в дворяне путем доказательства своего благородного происхождения.

В религии Екатерина II видела ценный фактор сохранения порядка в обществе и поддержания общественной и личной нравственности, однако никогда не допускала, чтобы церковь оспаривала влияние государственной власти¹.

В период ее правления произошли качественные изменения в сфере государственно-исламских отношений. Первым ее действием, сформировавшим у татарского населения позитивный имидж императрицы, стало упразднение «Конторы новокрещенских дел» – института, занимавшегося крещением язычников и мусульман Поволжья. Таким образом, в одночасье произошло резкое ослабление вмешательства самодержавно-церковной власти в повседнев-

---

¹ Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой / И. де Мадариага. М.: Новое литературное образование, 2002. С.801.

ную жизнь мусульманских общин. Эта мера существенно ослабила исламско-православное противостояние в регионе. Внимание церкви локализовалось, главным образом, на новокрещеных, проживавших в селениях совместно с мусульманами. Таких поликонфессиональных селений было немного.

Вторым шагом в пересмотре отношения к исламу явилось приглашение представителей различных сословий и этноконфессиональных групп для составления нового свода законов «просвещенной монархии». Предысторией данной инициативы стала инспекционная поездка императрицы по Волге весной 1767 г. с посещением Твери, Ярославля, Нижнего Новгорода, Казани.

Из Казани Екатерина писала Вольтеру 29 мая 1767 г.: «...В здешнем городе находится двадцать различных народов, которые все не сходны между собою. Надобно однакож дать им такое платье, которое бы годилось для всех. Можно очень найти общие начала; но надобности? И какие подробности! Это почти тоже, что сотворить, устроить, сохранить целый мир»².

В Казани татарам, страдавшим от тесноты и малочисленности мечетей, она разрешила построить две каменные мечети, а немцам (солдатам и гражданским лицам) – кирху.

После возвращения в столицу «общие начала», правила, указанные в письме Вольтеру, она изложила в своем «Наказе» 30 июля 1767 г., адресованном депутатам Уложенной комиссии, призванным составить новый свод законов империи. В частности, в статье 494 «Наказа» декларировалось: «В том великом государстве, распространяющем свое владение над столь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойства и безопасности своих граждан был порок, запрещение или не дозволение их различных вер». Ключевую смысловую нагрузку несет статья 496 «Наказа», раскрывающая суть идеологической основы «просвещенной монархии» Екатерины II: «Гонение на человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковейные сердца, и отводят их от заматерелого упорства, утушая споры их, противные тишине государства и соединению граждан»³.

---

² Переписка Екатерины Великия с господином Волтером / Перев. А. Подлисецкий. Ч. I. М.: Губерн. типогр. у А. Решетникова, 1803. С. 32.

³ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. XVIII. № 12949. Ст. 494, 496.

Среди 572 депутатов от мусульман из разных губерний депутатами Уложенной комиссии было избрано 29 человек, в том числе 24 татарина, трое башкир и два бухарца. В списках значились также двое крещеных татар⁴.

«Наказ» от 30 июля 1767 г. являлся инструкцией депутатам Комиссии по написанию нового Уложения. После роспуска Комиссии в 1769 г. «Наказ» потерял юридическую силу, однако ряд его положений, как и указы и составленные депутатами проекты законов, были использованы в дальнейшей законотворческой деятельности императрицы: при разработке жалованных грамот, губернской реформы. По мнению самой Екатерины II, Комиссия достигла своей цели: «Комиссии Уложения, быв в собрании, подала мне свет и сведенье о всей империи, с кем дело имеем и о ком пещись должно. Она все части закона собрала и разобрала по материям...»⁵.

Очевидно, что письменные указы татарских депутатов позволили ей определить слабые звенья в государственно-исламских отношениях в Поволжье. Это, прежде всего, невозможность постройки в каждом селении мечети как в прежние времена, и вмешательство церкви в религиозные дела мусульман (особенно остро вопрос стоял в поликонфессиональных населенных пунктах).

По нормативу численности махалли – мусульманского прихода – Екатерина II сохранила правила, установленные предыдущими российскими правителями. Ее указ от 2 августа 1770 г. подтвердил запрет на строительство мечетей без учета численности прихожан (200–300 ревизских душ м.п.). В другом указе, от 28 января 1783 г., сохранение прежнего норматива устройства махалли было объяснено необходимостью государственного контроля над ростом численности мечетей «без надобности в тягость их (мусульман. – *И.З.*)»⁶. (Он был введен на основе действующего в России норматива учреждения православных приходов. – *И.З.*).

---

⁴ Ислаев Ф.Г. Ислам и православие в Поволжье в XVIII в.: от конфронтации к терпимости / Ф.Г.Ислаев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. С.181–182.

⁵ Цит. по: Яковлев Я.Я. Уложенная комиссия 1767 года / Я.Я.Яковлев // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия: В 3 т. Т.1. Осьмнадцатое столетие: В 2 кн. Кн.2: Н.Я / Отв. ред. П.Е.Бухаркин. 2-е изд., испр. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2003. С.432.

⁶ ПСЗ. Собор. 1-е. Т.ХХI. №15653.

В 1773 г. регулирование конкретного вопроса – признание легитимности двух каменных мечетей в Старотатарской слободе Казани, возведенных с изустного разрешения императрицы во время посещения Казани в 1867 г., которые духовные власти объявляли незаконными, – императрицей было возведено в ранг закона – в принцип взаимоотношений между государством и исламом, русской церковью и мусульманами. В указе от 17 июня 1773 г. «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам» впервые был провозглашен принцип веротерпимости к исламу в Российской империи. Указ сводился к двум пунктам: впредь православным архиереям предписывалось «в дела, касающиеся до всех иноверных вероисповеданий и до построения по их законам молитвенных домов, не вступать, а предоставлять оное все в рассмотрение светских команд». А гражданские власти, в свою очередь, «должны прилагать, в силу государственных законов, старание, чтоб от того между подданными не могло быть никакого разногласия, а паче б между ими любовь, тишина и согласие царствовали». Если исходить из буквального текста закона, то это означало изолирование Русской православной церкви от всякого вмешательства в религиозные дела мусульман и предоставление в этой сфере всей полноты власти местным губернаторам⁷.

Законодательный акт сыграл весомую роль в формировании толерантных принципов государственно-исламских отношений. Закон давал «зеленый свет» устройству религиозного быта в поликонфессиональных поселениях, прежде всего, в городской местности, где татары составляли этноконфессиональное меньшинство. Появление этого указа совпало с началом в Приуралье восстания под предводительством Е.Пугачева (1773–1775 гг.), законодательный акт не стал ответным действием власти социальному протесту народных масс.

Четвертый шаг в признание ислама как веротерпимой религии пришелся на 1788 г. Царский указ от 22 сентября 1788 г. об учреждении специального правительственного органа для мусульман появился как контрмера по изолированию мусульман – российских

---

⁷ Загидуллин И.К. Особенности строительства мечетей в Казани во второй половине XIX века / И.К.Загидуллин // Старотатарская слобода – от прошлого к будущему: Материалы научно-практической конференции, Казань, 28 февраля 2001 г. Казань, 2001. С.107–126.

подданных – от воздействия эmissаров соседних мусульманских государств. Ахун Сеитовского посада, старший ахун Оренбургской губернии Мухамедзян Хусаинов (1789–1824) был объявлен муфтием мусульман, проживающих на всей территории Российской империи, за исключением Таврической области⁸. Появление официального верховного органа исламских институтов и должности муфтия выводило де-юре Собрание магометанского закона из-под верховной власти оттоманского султана-халифа⁹, а де-факто превращало в подчиненное самодержавию учреждение.

В плане стабилизации «мусульманского вопроса» религиозное управление стало, с одной стороны, адаптированным к российским реалиям институтом в системе государственно-церковных отношений, существующих в Османском государстве, с другой – вписалось в структуру органов управления самодержавия наряду с религиозными администрациями других вероисповеданий, распространенных на территории России.

При муфтии была создана за казенный счет канцелярия с несколькими служащими. Сотрудники-мусульмане Собрания магометанского закона получили возможность отдыха в пятницу, в исламский праздничный день. В 1893 г. статус религиозного управления в иерархической системе государственных органов был определен как «среднее судебное место», его три члена начали определяться из числа духовных лиц Казанской губернии сроком на три года.

Собрание магометанского закона было учреждено с целью формирования лояльных к устоям империи духовных лиц из числа российских подданных и для контроля над их деятельностью. Официально признав татарское мусульманское духовенство, императрица добилась лояльности и подчинения его государству. Изолирование татарских мусульманских духовных лиц от участия в политической борьбе против царского самодержавия, позволившее сделать неактуальными радикальные исламские религиозные лозунги в борьбе с православным Российским государством, а также разработка системы контроля над духовными лицами через их официальное назначе-

⁸ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. XXII. №№ 16710, 16711.

⁹ Дюдуаьон А. Кадимизм: элементы социологии мусульманского традиционализма в татарском мире и в Мавераннахре (XVIII – начало XX в.) / А. Дюдуаьон // Ислам в татарском мире: история и современность. – Казань, 1997. С. 59.

ние (после выявления политической благонадежности и прочтения клятвенного обещания о верности самодержавию) стали ключевыми сегментами разработанной Екатериной II модели государственно-исламских отношений. Без существенных изменений эта модель просуществовала до падения самодержавия.

На смену абызам, исполнявшим обязанности духовных лиц в сельских общинах и, как правило, игнорировавшим российскую власть, сформировалась новая группа так называемых указных мулл, которые утверждались местной администрацией после сдачи экзамена в духовном управлении на предмет знания основ ислама. Примечательно, что в записях мулл Среднего Поволжья о российских монархах, начиная от правления Екатерины II, веяло духом примиренчества с самодержавием: вместо «русских ханов» императоры именовались не иначе как «нашим государем» (шахыбыз), а Екатерина II – «нашей бабушкой», подробно перечислялись годы рождения и смерти каждого представителя дома Романовых¹⁰.

Таким образом, в плане регулирования государственно-церковных и межконфессиональных отношений в России «просвещенный абсолютизм» Екатерины II вполне оправдал свое название. В данном случае правительство выступило в роли силы, стремившейся к установлению правовых, договорных отношений с мусульманами и представителями других религий.

Существование на едином административно-политическом пространстве разных моделей государственно-исламских отношений и появление в России самой большой в мире по численности конфессиональной группы евреев, значительного анклава поляков и других народов подталкивали российскую власть к формированию определенных принципов внутривнутриполитического курса в отношении к этноконфессиональным меньшинствам. В период правления Екатерины II единого документа о веротерпимости в империи принято не было. Тем не менее в отношении вероисповедального вопроса народов – российских подданных – были приняты нормативные акты, гарантирующие защиту государством их гражданских прав, в том числе права на открытое совершение религиозных обрядов.

---

¹⁰ Рахим А. Новые списки татарских летописей // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Сб. статей. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2004. С.565.

Болотина Н.Ю.

**Деятельность светлейшего князя Г.А. Потемкина
по реализации религиозной политики Екатерины II**

Григория Александровича Потемкина (1739–1791) по праву можно считать одним из самых любопытных и неординарных деятелей времени правления Екатерины Великой. Знаменитый фаворит императрицы сумел успешно реализовать себя в системе государственной службы и оказал большое влияние на развитие и реформирование Российской империи во второй половине XVIII в. Исполняемые Потемкиным обязанности сложно разнести по конкретным сферам государственной деятельности. Занимая определенные посты, Потемкин в то же время участвовал в обсуждении и решении практически всех вопросов законодательства, внутренней и внешней политики, взаимоотношений государства и религиозных конфессий, реформирования государственного аппарата и армии и т.д. Судьба Г.А. Потемкина представляет собой замечательный образец успешной карьеры: от студента Московского университета и рейтара Конной гвардии до светлейшего князя, президента Военной коллегии и наместника обширных земель Новороссии и Крыма¹.

Григорий Потемкин родился 13 сентября 1739 г. и провел свое детство в родовом имении Чижево на Смоленщине. Выходец из семьи небогатого смоленского помещика Потемкин начал службу традиционно для дворянина – в 15 лет он был записан в рейтары Конного полка. После смерти отца Григорий вместе с матерью и сестрами переехал в Москву и продолжил свое образование в частном пансионе в Немецкой слободе, а затем в Московском университете, куда был зачислен 30 мая 1755 г. с дозволением не являться в полк, но в 1760 г. был исключен. Вернувшись на службу в Конный полк, молодой и пылкий вахмистр Потемкин с головой окунулся в придворные интриги и тотчас же стал в ряды сторонников великой княгини Екатерины Алексеевны – будущей императрицы Екатерины II; за участие в дворцовом перевороте 28 июня 1762 г. в ее пользу Григорий был пожалован чином поручика и земельными владениями.

¹ См.: Болотина Н.Ю. Князь Потемкин. Герой эпохи Екатерины Великой. М., 2006.

Так началось восхождение Потемкина по ступеням государственной службы. В августе 1763 г. он был назначен в Синод, став фактически вторым человеком в этом ведомстве. Указом государыни предписывалось «бесперывно при текущих делах, особливо при собраниях, быть Нашему камер-юнкеру Григорию Потемкину и место свое иметь за обер-прокурорским столом, дабы он слушанием, чтанием и собственным сочинением текущих резолюций и всего того, что он к пользе своей за потребно найдет, навывая быть искусным и способным к сему месту для отправления дел, ежели впредь, смотря на его успехи, за благо усмотрим его определить к действительному по сему месту упражнению. Чего ради, по доверенности в допущении к делам привести его повелеваем к присяге»².

Синод являлся высшим государственным органом по делам русской православной церкви, в его ведении находились самые разнообразные вопросы: чисто церковного характера (например, истолкование церковных догм), церковно-административные и хозяйственные, борьба с еретиками и раскольниками, церковная цензура. Екатерина II ко времени назначения Потемкина уже успела заметить его особенную склонность к религиозным вопросам и чтению духовных книг, она знала об его тесном общении с митрополитом Платоном (Левшиным), архиепископом Амвросием (Зертис-Каменским) и другими представителями высшего духовенства.

Некоторые историки церкви рассматривали должность Потемкина как первый шаг к его назначению обер-прокурором³. С учетом требований, предъявлявшихся Потемкину, Екатериной была составлена специальная инструкция⁴. В фондах Синода сохранились журналы заседаний, на основе которых можно получить представление о круге вопросов, решаемых с участием Потемкина. Так, например, 27 октября 1766 г. Потемкин находился на заседании с 12 до 13 часов, в это время обсуждалось строительство нового семинарского

---

² Чтения Общества истории и древностей российских (ЧОИДР). 1917. Кн.2. Отд. «Смесь». С.25.

³ См. Благовидов Ф.В. Обер-прокуроры святейшаго Синода в XVIII и первой половине XIX столетий. Казань, 1900. С.250.

⁴ Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). Т.7. СПб., 1871. С.317–318; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.18. Д.202. Л.2–3.

здания в Казани вместо сгоревшего и доношение Берг-коллегии о краже серы⁵.

Знаменательным этапом на пути Потемкина стало участие в работе Уложенной комиссии 1767 г., которую Екатерина II созывает в Москве вскоре после возвращения из своего знаменитого путешествия по Волге. При всей приятности путешествия императрица не прекращала своей работы по составлению знаменитого «Наказа», и посещение Казанского края способствовало пониманию сложности стоящих перед ней задач управления страной и создания единой законодательной системы. Из Казани писала императрица к своему постоянному корреспонденту, выдающемуся мыслителю французского Просвещения Вольтеру, размышляя над трудностями создания законов, которые учитывали бы интересы всех народов, населявших Российскую империю: «Вот я и в Азии. Мне хотелось видеть ее своими глазами. В здешнем городе есть до двадцати различных народов, которые не похожи друг на друга, а между тем им надобно сделать платье, которое годилось бы для них всех»⁶.

Можно говорить о том, что Екатерина II, сохраняя господство православной веры, в своей религиозной политике учитывала практические интересы государства и предприняла унификацию конфессиональной жизни в государстве. В течение XVIII в. положение мусульман, которых в документах именовали иноверцами, в России постепенно менялось⁷. Государство от политики наступательной христианизации перешло к смягчению межконфессиональной атмосферы. В апреле 1764 г. Екатерина II прекратила деятельность Новокрещенской конторы. В Уложенную комиссию 1767 г. были допущены иноверцы – мусульмане, и здесь они могли высказать свои пожелания к верховной власти. В реализации религиозной политики Екатерины II постепенно ведущую роль занимал именно Потемкин, которому в ходе своей государственной деятельности приходилось на практике решать многие вопросы конфессионального характера.

---

⁵ Российский государственный архив (РГИА). Ф.796. Оп.443. Д.63. Л.459–467.

⁶ РГАДА. Ф.5. Д.154. Ч.1. Л.6–7; Сб. РИО. Т.10. СПб., 1872. С.203–204.

⁷ См.: Фаизов С. Ислам в Поволжье. VIII–XX вв. Очерк истории. М., 1999. С.23–26; Ногманов А.И. Самодержавие и татары. Казань, 2005 и др.

Согласно 13-му пункту «Положения» о выборах в Уложенную комиссию депутаты, избранные в разных губерниях от татар и иноверцев, могли выбирать себе «опекунов», которые были бы не столько «ходатаями» по делам, сколько действительными «опекунами» или покровителями при обсуждении депутатских наказов в Уложенной комиссии. В обращении 28 ноября 1767 г. к камер-юнкеру Г.А. Потемкину 21 депутат из разных губерний от татар и иноверцев просили «зделать милость, принять нас в свое опекунство и по делам нашим вместо нас быть ходатаем в Комиссии о сочинении проекта нового Уложения...»⁸. Под сохранившимся в РГАДА обращением стоят подписи депутатов Казанской провинции от вотяков, мордвы, татар, черемис, чувашей.

Работа Потемкина в Уложенной комиссии была тесно связана с его деятельностью в Синоде, на заседаниях которого постоянно поднимались вопросы о взаимоотношениях церкви и иноверцев в составе одного государства, и для него участие в рассмотрении наказов иноверцев послужило базой для формирования своего взгляда на национальную и религиозную политику, успешно реализовать который он смог в Крыму. 3 декабря 1767 г. состоялось 70-е заседание Комиссии, на котором было объявлено о выборе депутатами-иноверцами разных губерний своим опекуном камер-юнкера Потемкина и собрание дало свое согласие⁹. В качестве так называемых помощников он участвовал в заседаниях Большой и Дирекционной комиссий и, по предложению маршала Уложенной комиссии, был включен в состав частной Духовно-гражданской комиссии, причем вакансия, которую он занимал, не предусматривала жалованья¹⁰.

Частная Духовно-гражданская комиссия работала с 27 мая 1768 г. по 18 октября 1771 г., проведя за это время 299 заседаний. Согласно «Начертанию о приведении к окончанию Комиссии проекта нового Уложения» (СПб., 1768) задача ее состояла в том, чтобы систематизировать «все то, в чем гражданские законы в сохранении доброго порядка имеют сношение и сопряжение с духовными, или в чем сии последние от светских занимают помощь», а также разработать общее новое положение «духовенства вообще, установив,

⁸ РГАДА. Ф.342. Оп.1. Л.260–261.

⁹ Сб. РИО. Т.8. СПб., 1871. С.336–337.

¹⁰ РГАДА. Ф.342. Д.110. Ч.1. Л.84, 99, 101 об.

в том числе, и начало свободы вероисповедания для благоденствия общества»¹¹. Здесь мы отчетливо видим влияние идей Просвещения о веротерпимости и толерантности, которые Екатерина II реализовывала на практике.

В «Большом наставлении» Дирекционной комиссией обращалось внимание на то, чтобы при установлении прав других вероисповеданий никоим образом не умалялась бы «непорочность и целость» православной веры, а также на необходимость пересмотреть правовые характеристики уголовных посягательств и проступков в отношении вероучения, церковных порядков и, частично, благочиния¹². По сути, ей предстояло разработать целостный свод законов о положении церкви, о правах духовенства во всем объеме мыслимых общественных связей, определить новые рамки отношения государства и церкви, а также государства и других религиозных конфессий.

Сохранившиеся «Дневные записки» частной Духовно-гражданской комиссии дают нам прекрасную возможность проследить, причем по каждому заседанию, непосредственную деятельность Потемкина. За время его участия состоялось 64 заседания, из которых он присутствовал на 15-ти. Обращая внимание на столь редкое посещение заседаний Потемкиным, в то же время необходимо заметить, что одновременно с работой в комиссии он исполнял полковую должность, и все еще состоял в Синоде. Особенно активно Потемкин посещал Духовно-гражданскую комиссию в мае – июне 1768 г., присутствуя почти на каждом заседании. Пропустив 1-е собрание, будучи «на карауле», Потемкин прибыл 28 мая на 2-е заседание в 9 часов 15 минут. В этот день члены комиссии занялись разработкой регламента заседаний, согласившись собираться по вторникам и четвергам, потом составили план рассмотрения документов и решили выписать «все те пункты и статьи, которые прямо принадлежат до сведения Духовно-гражданской комиссии»¹³. В ходе заседания были прочитаны обряд до 9 пункта и наставление до 5 пункта.

Необходимо особо рассмотреть пункт 9 экстракта из «наказов и голосов господ депутатов» – «О праве разных вер людей, живущих в России», непосредственно относящийся к сфере деятельности Потем-

¹¹ Начертание... С.6–8.

¹² РГАДА. Ф.342. Д.142. Кн.1. Л.8–10 об.

¹³ РГАДА. Ф.342. Оп.1. Д.131. Ч.1.Л.3–3 об.

кина в Уложенной комиссии, как «опекуна» иноверцев. Можно предположить, что изложенные в нем пожелания депутатов, сформулированные на основе наказов жителей, оказали влияние на религиозную политику Екатерины II и ее реализацию в дальнейшей государственной деятельности Потемкина. Депутаты просили, чтобы «в разсуждении закона магометанцы отличаемы были от идолопоклонников», «учинить законоположение, чтоб никто не дерзал ругать мусульманскую веру», а если «кто чужой закон дерзнет поносить, то за сие наказывать на публичном месте», также чтобы разрешено было строить в каждом селении мечети и не крестить насильно иноверцев и т.д.¹⁴.

Реализацию многих этих положений мы видим в дальнейшей религиозной политике Екатерины II. Вопрос о разрешении строительства мечетей был важнейшим для мусульманского населения Российской империи. В 1770 г. Сенат докладывал Екатерине II о прошении выборного «от всех казанских слободских и уездных служилых мурз и татар» служилого татарина Якуба Биметева разрешить строить мечети во всех поселениях (городах, слободах, деревнях) магометанского вероисповедания¹⁵. В 1782 г. был разработан и утвержден императрицей типовой план мечети¹⁶, а 22 сентября 1788 г. состоялся указ Екатерины II генерал-губернатору Сибирскому и Уфимскому генерал-поручику барону И.А. Игельstromу об учреждении в Уфе Духовного собрания магометанского закона для управления священнослужителями исламского вероисповедания всех губерний России, кроме Таврической¹⁷. В РГАДА сохранились благодарственное письмо главы Духовного собрания магометанского закона от 12 декабря 1789 г. муфтия Мухамметзина Екатерине II и другие документы об организации его работы¹⁸. В знак уважения религиозных обрядов членам собрания по повелению императрицы было разрешено считать пятничный день праздничным и не проводить заседаний. Эти и другие уникальные документы, свидетельствующие об отношении верховной власти к мусульманскому населению империи были показаны на двух выставках, организованных РГАДА – «Казани – 1000

¹⁴ РГАДА. Ф.370. Д.45. Л.20–22.

¹⁵ Там же. Ф.16. Д.724. Л.2–9 об.

¹⁶ Там же. Ф.248. Оп.160. №868, 869.

¹⁷ Полное собрание законов Российской империи. 1-е изд. СПб., 1830. Т.22. С.1107.

¹⁸ РГАДА. Ф.16. Д.990. Л.1–1 об. № Л.1 об.–2.

лет» (2004) и «Навеки вместе с Россией» (к 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России) (2007)¹⁹.

Всем практическим решениям в Духовно-гражданской комиссии предшествовало обсуждение наказов иноверцев. Уже в ходе 3 заседания, 29 мая 1768 г., члены комиссии при обсуждении наставления были поставлены в затруднительное положение: входит ли в их компетенцию вопрос о бракосочетании иноверцев с русскими. Являясь опекуном иноверцев, Потемкин и вместе с ним депутат от Судиславского дворянства В. Баскаков отправились в Дирекционную комиссию, чтобы испросить ее мнение. Вернувшись, они объявили, что решение о том, «каких вер представители могут вступать в союз с русскими», принадлежит к ведению Комиссии о разных установлениях, а все остальное касается до Духовно-гражданской комиссии²⁰. 3 июня состоялось 6 заседание, в ходе которого рассуждали о том, что ни в начертании, ни в наставлении нет точного упоминания о предполагаемых наказаниях за преступления для духовных лиц. Как и в предыдущем случае, Потемкин и Баскаков были отправлены в Дирекционную комиссию, чтобы затребовать от нее словесного наставления, принадлежит ли этот вопрос к их ведению, а также о том, «каким образом с Синодом сношения и советования держать»²¹. Надо полагать, что в данном случае должность Потемкина в Синоде позволила проявить ему свою компетентность в этих вопросах.

Осенью 1768 г., уже после своего пожалования в действительные камергеры по случаю годовщины коронации Екатерины II (22 сентября) и после объявления Турцией 25 сентября войны, Потемкин принял участие еще в трех заседаниях Духовно-гражданской комиссии (30, 37 и 49), на которых продолжалось чтение Большого наказа, правил из Кормчей, в частности, решений «Карфагенского собора», экстрактов старых законов и выписок «по материям» из наказов городских жителей, обсуждались вопросы о браках христиан с иноверцами, о причинах, побуждавших «простолюдинов» к разным

---

¹⁹ См. Долгова С.Р., Болотина Н.Ю., Кононова А.Ю. Древняя Казань в документах Российского государственного архива древних актов / Казани – 1000 лет. Каталог выставки. Казань, 2005; Болотина Н.Ю., Долгова С.Р. «Башкирцы пришли, добив челом, и ясак заплатили» // Архивы Башкортостана. №1, 2007.

²⁰ РГАДА. Ф.342. Оп.1. Д.131. Ч.1. Л.9–11.

²¹ Там же. Л.19.

суеверствам и расколам, и о средствах, удобных к удержанию их от этого. Располагавший высоким статусом государственного чиновника – второго человека в Синоде, Потемкин не мог не быть ключевой фигурой во всех этих дискуссиях. Суть обсуждаемых вопросов сводилась к взаимоотношениям церкви и государства. Вынося на обсуждение Частной Духовно-гражданской комиссии вопросы о браках христиан с иноверцами, государство переводило их из области церковного права в светское. Проводником государственной политики в данном случае являлся Потемкин, который становился своеобразным связующим звеном между церковью и государством.

Решающую роль в судьбе будущего светлейшего князя сыграло его сближение с Екатериной II. Вызванный в столицу «неприметным» письмом императрицы, Потемкин в 1774–1776 гг. почти постоянно жил в Зимнем дворце и неотлучно находился при императрице. В годы фавора он занял важнейшие посты в государстве: стал членом Совета при высочайшем дворе, вице-президентом, а затем и президентом, Военной коллегии, получил чины генерал-аншефа и подполковника Преображенского полка (полковником была сама императрица). В 1776 г. Потемкин был возведен в достоинство князя с титулом светлейшего.

Несомненно, самым важным и значительным постом Потемкина стала должность наместника южных земель, приобретенных после заключения Кючук-Кайнарджийского мира (1774 г.). Одним из неоспоримых его достижений в области внешней и внутренней политики является «бескровное» присоединение Крымского полуострова в 1783 г. к Российской империи. Здесь Потемкин в полной мере смог применить опыт и знания для реализации политики Екатерины II по отношению к мусульманскому населению Российской империи. Лейтмотивом всех ордеров Потемкина этого периода является указание командирам войск, находящихся в Крыму, – обращаться с жителями дружелюбно, «не чиня отнюдь обид»; в противном случае нарушителям грозит взыскание от князя «по всей строгости законов».

Крымским жителям объявили «Манифест» о присоединении полуострова к России, в котором императрица обещала: «... свято и непоколебимо за себя и приемников престола нашего содержать их в равне с природными нашими подданными, охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную их веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосно-

венно...». Политика Потемкина, направленная на наиболее миролюбивое и дружелюбное отношение войск к населению, высказывание уважения и соответствующих знаков внимания татарской знати и вероисповеданию новых подданных, оказала должное воздействие и привела к «бескровному» присоединению Крыма.

На представителей мусульманской знати была распространена возможность получения высших наград империи. В 1783 г. крымский хан Шагин-Гирей высказал Потемкину пожелание получить орден Святого Андрея Первозванного. Поскольку он являлся мусульманином, то включить его в число российских кавалеров не представлялось возможным. Екатерина II нашла следующий выход из сложившейся ситуации и написала Потемкину: «Приказала я изготовить голубую ленту через плечо с медальоном овальным, на котором посреди алмазов слово из надписи ордена Святого Андрея «Верность». Звезда же бриллиантовая и с тою же надписью. А ему при том сказать надлежит, что креста ни он носить не может, ни я дать не могу ему, потому что он не христианин, а даю ему голубую ленту с надписью ордена Святого Андрея и с преимуществом того ордена – с генерал-поруческим чином»²². Мы видим, как политически тонко и верно поступила Екатерина II в данном случае, показав крымскому хану Шагин-Гирею благосклонность Российской империи и при этом выдержав основные принципы наградной политики государства.

Вскоре после присоединения Крыма полуостров стали покидать многие татары и переселяться в Турцию. Для освоения края были нужны рабочие руки, поэтому, наряду с официальным разрешением и выдачей всем желающим соответствующих документов (паспортов), администрация стремилась удержать как можно больше жителей на занимаемой территории. Заботясь о сохранении спокойствия в Крыму, Потемкин настоятельно рекомендовал А.В. Суворову 1 июля 1783 г. «строго наблюдать, чтобы наши обращались с ними ласково и благосклонно так как с собратиями своими и с верными Ея величеству подданными. Да не дерзнет никто беспокоить их в местах их пребывания под жестоким за то наказанием; но жесточайшему подвергнется, яко мятежник церковный, кто осмелится пренебречь

---

²² Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791. М., 1997. С.170–171. №660.

уважение к священным их местам и нарушить молитвы мусульманов. Некие недоброхоты рассевают между ними будто они переселены будут невольно в другие страны. Дайте знать народу несообразность таких плевел и уверте их, что сии известия... совсем ложны и неосновательны, и что под высочайшею Е[я] и [мператорского] в[еличест[ва] державою будут они наслаждаться прямым благоденствием и тишиною»²³.

Этот ордер Суворову можно назвать программным заявлением Потемкина в отношении к татарскому населению Крыма. Работая в Синоде и выступая опекуном инородцев-мусульман в Уложенной комиссии, Потемкин сумел понять характерные особенности приверженцев мусульманской веры. Бережное отношение к чужой религии, соблюдение прав татарской знати, привлечение местных жителей при создании органов местного управления – проведение такой политики Потемкиным привело к достаточно бесконфликтному вхождению и дальнейшему развитию Крыма в составе Российской империи. С целью показать крымским татарам, что правительство лояльно и уважительно относится к представителям мусульманской веры, Потемкин в 1785 г. послал таврического чиновника Велшахамурзу в Казань, «чтобы видеть образ жизни и благоденственное пребывание татар казанских». В письме к графу И.А. Остерману он просит «ознакомить его с лучшими из магометан казанских и дать ему способ видеть жизнь и преимущества которыми пользуются татары внутри России, при свободном отпращении своей религии...»²⁴.

В заключение следует указать на ту роль, которую сыграл Потемкин в начале возвращения старообрядцев в лоно православной церкви. Это стало поворотным моментом в истории старообрядчества. Хорошо информированный в данном вопросе, он был государственным чиновником в полном смысле этого слова и понимал, что нецелесообразно превращать такое большое количество людей в политически опасную нестабильную группу. В 1783 г. старообрядцы старец Никодим и поп Михаил Калмык обратились к Екатерине II и Синоду через Потемкина с просьбой назначить им особого архиерея и, таким образом, воссоединиться с православной церковью. В

²³ Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). Т.12. Одесса, 1881. С.262. № 60.

²⁴ ЗООИД. Т.12. С.315–316. № 168.

результате покровительства Потемкина 11 марта 1784 г. состоялся указ на имя митрополита Гавриила о даровании старообрядцам священников с дозволением отправлять всю службу по старопечатным книгам, что стало революционным шагом в политике государства. Окончательное решение проблемы старообрядчества в предложенной Потемкиным форме произошло только в 1905 г.

Годы правления Екатерины II можно считать новым этапом в религиозной политике государства, когда идеи веротерпимости и толерантности приобретают практическое решение. Это разрешение мусульманам строить мечети и совершать религиозные обряды, законодательное заявление об уважении к их вере, смягчение межконфессиональной атмосферы. В это время меняются отношения государства и церкви, начинается процесс сближения с ней старообрядчества. Именно ближайший сподвижник Екатерины II – светлейший князь Г.А. Потемкин становится проводником ее идей и решений в области религиозной политики.

---

*Секция: Эпоха Просвещения
в культурном пространстве империи*

Михайлов А.Ю.

**«Православное просвещение»: ключевые концепты
интеллектуальной истории «господствующего
исповедания» эпохи Екатерины II**

Интеллектуальная история Русского Православия как идеологии, как социально-культурного феномена является почти неизученной в отечественной историографии. Историки сосредоточили свое внимание на институциональной (установление синодального строя) или культурной истории «господствующего исповедания» (история повседневности – народного благочестия, суеверий, «народная религия»). Получается, что религиозная история империи представлена в основном как ряд институциональных явлений – реформация, секуляризация, антираскольничья политика.

Вне поля зрения исследователей до недавнего времени оставались интеллектуальные конструкты, в соответствии с которыми (исходя из которых) осуществлялись религиозная политика, реформы и т.д. Подобный ракурс рассмотрения придает системность религиозной истории империи, преодолевает фрагментарность в ее изложении.

В этом ключе логичным выглядит обращение к теориям, с помощью которых описывался и реформировался социальный и политический статус религии в один из ключевых этапов имперской истории России – в век Екатерины Великой.

Изучение теоретической составляющей Русского Православия или идей, которые побуждали проводить определенную религиозную политику, постепенно начинает входить в исследовательское поле российской науки. Чрезвычайно трудной в подобном контексте является выработка исследовательской рамки для анализа интеллектуального материала эпохи империи, связанного с церковью.

Первым достаточно явным синтезом Русского Православия и западных идеологий Нового Времени (не считая аморфного барочного влияния) является феномен «православного просвещения» или

«православного просветительства»¹. Ассоциативный ряд терминов говорит о его неустоявшемся статусе в отечественном интеллектуальном пространстве. Он используется как исследовательская схема для препарирования мыслей и конструктов церковных и светских интеллектуалов Екатерининской эпохи. Так же нет и однозначного смыслового наполнения этого термина².

«Православное просвещение» или «просвещенное православие» – сложный интеллектуальный феномен. Главная его черта – это качественное изменение Русского Православия в интеллектуальном плане, по крайней мере, начало этого процесса.

Почти полувековая эпоха барокко в имперский период с его мозаичностью и аморфностью привели лишь к поверхностным изменениям Православия в интеллектуальном плане. Создание синодальной системы (что является важным в институциональном плане) и школьное образование, эдакое, по выражению Г. Флоровского «богословие на сваях»³, – вот что сумело сделать самоуверенно-деистическое и по-ветхозаветному наивное барокко. При этом в империи сложилась ситуация, когда половина духовенства не признавала Синод. Следовательно, чтобы сломить церковную оппозицию, понадобились «архиерейские процессы» Анны Иоанновны⁴. Зачастую богословская, интеллектуальная полемика вводилась в плоскость политической (не)благонадежности⁵. Латинская схоластика на территории большей части России также не стала органической составляющей Православия XVIII в.

---

¹ Одной из немногих статей, рассматривающих «православное просвещение» в качестве исследовательской проблемы, является работа О.А. Цапиной, специалиста в области общественно-политической мысли Екатерининской эпохи. Цапина О.А. Православное просвещение – оксюморон или историческая реальность // Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С.Я. Карп, С.А. Мезин. М.: Наука, 2004. С.301–313.

² Там же. С.301–302.

³ Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Киев, 1991. С.114.

⁴ Так митрополит Казанский Сильвестр (Холмский) вместо Синода поминал восточных патриархов. См.: Липаков Е.В. Архипастыри Казанские, 1555–2007. Казань, 2007. С.116–134.

⁵ Например «богословский архиерейский процесс» над архиепископом Феофилактом (Лопатинским) перешел из богословского обсуждения «Камня веры» митрополита Стефана (Яворского) в формат процесса «слова и дела» о политической благонадежности.

Совсем по-иному обстояло дело с Просвещением, с эпохой классицизма. Можно утверждать, что часть европейской просветительской идеологии, возрождение античности, как эпохи идеальных социальных и религиозных отношений, стала органической составляющей интеллектуального пространства Русского Православия.

Выразилось это, прежде всего, в теоретизации социальной утопии европейского христианства XVIII в. – поиске и конструировании концепта *первохристианства* (*раннее, истинное христианство, «евангельская вера»*). Очевидно, что они шли в контексте выявления античного (древнего) идеала церковного устройства, характера взаимоотношений государства, церкви и «общества» (совокупности людей). Характерно это было как для немецких профессоров – пие-тистов (А.Г. Франке⁶), так и для российских иерархов, например, митрополитов Платона (Левшина)⁷. По-видимому, концепт «первохристианство» – это трансфер из западноевропейской богословской мысли, усвоенный в России.

Перекликается общий тренд православных интеллектуалов Екатерининской эпохи и с воззрениями масонов. Полувековые симпатии верховной власти к протестантизму сделали их почти идентичными. В контексте идей внутреннего самосовершенствования одним из тезисов масонов в рамках их социального идеала был переход от «историчного» христианства к «истинному»⁸, то есть первохристианству. Не случайно смещение интеллектуальных акцентов в Русском Православии произошло в период расцвета масонства, в эпоху его влияния на политическое и духовное руководство империи⁹.

В эклезисологической плоскости концепт «первохристианство» являлся основой для разработки екатерининской теории «белой церкви». Развитая интеллектуалом И.И. Мелесиным – директором Московского университета и обер-прокурором Синода – эта теория предусматривала ликвидацию епископата и монашества как альтернативных вертикалей власти. Начальной фазой разработки этого

---

⁶ Франке А.Г. Начало христианского учения. Галле, 1735.

⁷ Платон (Левшин), митрополит. Катехизис, или первоначальное наставление в христианском законе, толкованное всенародно: в 2 ч. М., 1757–1781. Ч.1. С.4.

⁸ Флоровский Г.В. Указ. соч. С.122.

⁹ Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX в. Саратов, 2002. С.101–148.

проекта явились знаменитые предложения Мелесино для составления Наказа законодательной комиссии от духовенства (1767 г.)¹⁰. Показательно, что самыми рьяными ее проводниками были представители белого духовенства – протоиереи П.Алексеев (настоятель Архангельского собора Московского кремля, автор знаменитого словаря церковнославянского языка), И. Панфилов (духовник императрицы Екатерины II), А. Самборский (духовник будущего императора Александра I).

В социальном и государственном плане апелляция к античности (прежде всего, греческой) означала развитие церковно-государственных отношений в соответствии с принципами раннего христианства (поздней античности, ранней Византии), позднее названных теорией «христианского государства» (Ричард Рот)¹¹. Сакрализация империи, персоны монарха (порой коллективной), начатая Петром Великим, означала переход ряда функций от церковного института к государству. Происходил взаимообусловленный процесс сакрализации государства и десакрализации церкви. Это логично укладывалось в европейские и американские концепции Просвещения, которое, по словам Д.Соркина и О.А. Цапиной, являлось «синтезом светской и духовных культур, секуляризацией религии и сакрализацией культурных и политических институтов»¹².

Не случайно, например, заселение присоединенных территорий Новороссии протестантскими сектами осуществлялось на предмет разделения ими идей первоначального, раннего христианства¹³.

Православное образование и богословие приобрели при Екатерине II черты «просвещенности». Переориентация с латыни на греко-русский формат обучения привела к более качественной теоретизации идей на российской почве. Перевод и распространение труда И. Арндта «Об истинном христианстве» привели к включению Русского Православия в общеевропейский процесс религиозного

---

¹⁰ Об этом см.: Смолич И.К. История русской церкви. Синодальный период: в 2 ч. М., 1998. Ч.1. С.193–206; Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви: в 2 т. М., 1992. Т.2. С.486–487.

¹¹ См.: Курганов Ф.А. Отношения между церковной и гражданской властью в византийской империи. Казань, 1880. С.86–87.

¹² Цапина О.А. Указ. соч. С.301.

¹³ Флоровский Г.В. Указ. соч. С.121–122.

Просветительства, становлению элементов модерности в религии¹⁴. О рецепции идей книги свидетельствуют ее российские аналоги, такие как работы епископа Тихона (Соколовский)¹⁵. Актуальной становится проповедь (имевшая идеалами протестантские образцы, где она была более разработанной), которая представляла собой визуальную античную традицию, показанную словом¹⁶.

Таким образом, можно констатировать, что «православное просвещение» или «просветительское православие» – это начальная стадия в рационализации Русского Православия. Это его пре-модерность.

Впервые вместо апелляции к византийской традиции наличествует отсылка к искусственно созданному, отрефлексированному феномену «первохристианства» как социальному и духовному идеалу. С этой эпохи в Русском Православии одной из основных тенденций интеллектуальных построений становится реформирование действительности в соответствии с социальными идеалами христианства (первохристианства), которая все более набирает силу.

Возможно, гипотетически предположить, что в рамках «православного просвещения» начала формироваться новая интеллектуальная парадигма, в контексте которой в очередной раз были переосмыслены функции и идеалы религии (церкви), ее соотношение с государством и обществом в соответствии с принципами модерности. Очевидно, что в подобном контексте именно «православное просвещение» становится истоком генеалогии Православия в эпоху поздней Российской империи, со всеми характерными чертами, усвоенными от парадигмы «модернити».

Очерченные выше концепты («первохристианство», «истинное христианство», «белая церковь») являются началом перевода религиозной истории империи Екатерининского времени в плоскость «истории идей». Исследовательская рамка «просвещенного право-

---

¹⁴ Перевод был осуществлен в 1735 г. Симоном Тодорским. Также он перевел книгу Франке А.Г. Начало христианского учения. Галле, 1735.

¹⁵ Тихон (Соколовский), епископ. Об истинном христианстве, в 6 частях. СПб., 1785. См. работу: Хондзинский П. Два труда об истинном христианстве: Святитель Тихон Задонский и Иоганн Арндт // Журнал Московской патриархии. 2004. № 2. С.62–73.

¹⁶ См.: Зубов В.П. Русские проповедники. Очерки по истории русской проповеди. М., 2001.

славия» расширяет проблемное поле религиозной (церковной) истории второй половины XVIII в. по сравнению с традиционной институциональной историей Русского Православия. С ее помощью формулируются новые проблемные вопросы (а соответственно и новые категории, концепты) для дальнейших исследований. Как соотносились монашеское возрождение и Просвещение? поиск «национальной» античности и «православное просвещение»? дисциплинаризация Нового Времени и «православное просветительство»? Связано ли повышение роли великороссов в церкви с этим феноменом? Как взаимосвязаны «православное просвещение» и религиозное возрождение рубежа XVIII–XIX вв.? Насколько антиклерикально было российское «православное просвещение»?

Применение понятийного языка интеллектуальной истории к существующему источниковому комплексу государственно-церковных отношений, общественно-политической мысли и богословия второй половины XVIII в. значительно обогатит исследовательское пространство Екатерининского времени, сделает его более нюансированным. Все это будет способствовать преодолению фрагментарности в изложении религиозной жизни и политики того времени, придаст теоретичность и системность в описании процессов взаимодействия религии, институтов имперской власти и формирующегося общества во второй половине XVIII – начале XIX вв.

Фомина Л.В.

**Упорядочивание империи на страницах
периодической печати второй половины XVIII в.**

Периодическая печать второй половины XVIII века в России стремилась следовать постулатам Века Просвещения о важности знания, об энциклопедизме, публикуя переводные и оригинальные произведения в различных жанрах на всевозможные темы. Достаточно часто на страницах периодики этого периода затрагивались темы, касающиеся народов Российской империи, их описания, представление о них и т.п.

Согласно исследованиям М. Фуко, в XVIII в. складывается новое представление об управлении обществом, когда власть, как через «паноптикум», стремилась «видеть» все и вся в государстве и править в соответствии с этими знаниями¹. С помощью сведений, полученных наукой, власть формировала ясный, рациональный мир из хаоса и неизвестности. Используя различные средства, правительство распространяло на все общество этот результат упорядочивания и способствовало, таким образом, созданию определенного общественного мировоззрения. Главное общественное и культурное течение того времени – Просвещение также пропагандировало мысль о просвещенном монархе, управляющем с помощью разума, знаний, идей, а не с помощью силы.

Значение получаемой различными способами информации и просвещения понимала также и интеллектуальная элита российского общества. Дворянство, почувствовавшее свою значимость в дворцовых переворотах, получившее освобождение от обязательной службы и другие привилегии в екатерининское время, было активным участником общественных процессов и влияло на правительство. Со второй половины XVIII в. российские интеллектуалы начали осваивать новый способ самовыражения – журналистику. Периодика второй половины XVIII века являлась важным инструментом в руках сначала имперской власти, а затем и группы интеллектуалов в

¹ См.: Фуко М. Надзирать и наказывать / Пер. с фр. В. Наумова, под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.

трансляции знаний и, таким образом, в формировании общественного сознания. По средствам периодических изданий стало возможно дистанционное управление социумом.

Периодическая печать второй половины XVIII века насчитывала приблизительно сто наименований продукции². Среди них встречаются как научные журналы, так и альманахи, музыкальные, театральные, религиозные издания, труды научных обществ. Наибольший интерес представляют журналы общественно-политического характера, на страницах которых печатались авторские публицистические произведения, размещалась критика, происходили дискуссии по социально важным проблемам. Основное назначение своей деятельности редакторы и издатели журналов второй половины XVIII века видели в просвещении читателей, в создании канонов поведения, воспитания и др. Издатель журнала «Беседующий гражданин» М.И. Антоновский в 1789 г. в «Предуведомлении к читателям» писал о цели своего издания так: «Старались мы в оных везде, посредством ли собственных, или заимствованных переводом изобретений, разливать чувствования любви к гражданским добродетелям, и сим образом как бы беседовали с Читателем Гражданином»³. Вот другой пример, разъясняющий назначение более официального журнала «Собеседник любителей российского слова»: «Сие собрание разных сочинений в стихах и в прозе... издается по желанию... Дашковой, которая почитает нужным не только пешись по долгу звания своего о приведении наук в России в цветущее состояние, но и стараться о доставлении публике хороших Российских сочинений, чтоб тем подавать по мере сил свои способы сочинителям трудиться в стихотворстве и в прочих до словесных наук и нравоучений касающихся сочинениях»⁴. Весьма популярно было представление о необходимости совместить в периодическом издании полезное с приятным.

Активное освоение пространства Российской империи, инициированное в первую очередь имперской властью и стремлением

---

² По данным книги Лисовского Н.М. Библиография рус. период.печати 1703–1900. (Материалы для истории рус. журналистики). Репринт. М.: «Литерат. обозрение», 1995.

³ [Антоновский М.И.] Предуведомление к читателям // Беседующий гражданин. 1789. Ч.1.

⁴ Предуведомление // Собеседник любителей российского слова. 1783. Ч.1.

ученой среды к получению новых знаний, отразилось во второй половине XVIII века в публикации обширных трудов по результатам путешествий и исследований. Сочинение Крашенинникова, топография Оренбурга Рычкова, исследования Сибири Миллера, академическое путешествие Палласа и др. приоткрывали темные завесы над окраинами Российской империи, опровергая старые легенды и создавая новые мифы. В то же время в российской книготорговле появлялись переводные и компилятивные работы по всеобщей географии («землеописанию»), учебники по географии⁵. Интерес к пространственному и содержательному освоению Российской империи просматривается и в журналистике того времени. В библиографических разделах таких журналов, как «Санкт-Петербургский вестник», «Зеркало света», большое внимание уделяли трудам путешественников, географическим, топографическим сочинениям. Вот как комментировал издатель журнала «Зеркало света» Ф. Туманский книгу С.И. Плещеева «Обозрение Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии»: «Стыдно, но признаться должно, что мы и доселе еще не имеем ни истории, ни Географии своего отечества; не говорю я о полных и обстоятельных, ибо таковых ожидать трудно; великия произведения требуют великих ободрений, сильных пособий и покровительства; но не имеем мы даже таковых кратких известий, которыя бы удовлетворяли любопытству каждого и всем вообще подавали понятие о состоянии отечества. С каким же удовольствием должны принять сыны отечества сию не большую книжицу...»⁶. Далее было представлено содержание этого труда, в котором был пункт «О народах обитающих в России, с разделением их на разныя колена». Довольно часто на страницах периодической печати второй половины XVIII в. можно было встретить не только рецензии и обзоры новейших изданий по российской географии, но и целые отрывки из подобных сочинений. Такие отрывки, в основном, повествовали о народах как о самом необычном, что могло заинтересовать почтенную публику. На протяжении пяти месяцев в популярном журнале «Санкт-Петербургский вестник» помещались

⁵ Весин Л. Исторический обзор учебников общей и русской географии, изданных со времен Петра Великого по 1876 год. СПб., 1876.

⁶ [Туманский Ф.?] Известия о книгах // Зеркало света. 1786. № 46. С.274–275.

переведенные с немецкого языка выдержки из книги П.С. Палласа «О собрании исторических известий о Монгольских народах», которые начинались с таким напутствием от издателя: «Мы надеемся, что в скором времени сие его сочинение будет на наш язык переведено, и в свете издано; между тем, думая принести удовольствие нашим читателям сообщением некоторых наидостоинейших примечания мест сего писания, представляем здесь оные сокращенно»⁷. В 1779 г. в том же журнале был помещен в рекламных целях отрывок о тунгусах из 3 тома сочинения Иоганна-Готлиба Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, а также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей». В выборе подобного сочинения издатель журнала ссылался на особое внимание публики к первым двум томам книги. В академическом журнале «Новые ежемесячные сочинения» публиковались исследования членов-корреспондентов Академии наук, архангельских краеведов В.В. Крестинина и Фомина. На примере их публикаций можно рассмотреть, как в журналистике второй половины XVIII в. представлялись народы Российской империи. Рассказывая о населении, проживающем рядом с Ладожским озером, автор описывает быт и нравы местного народа – чухонцев. «Многими примечено, что народ сей о будущем весьма мало печется, и беспечность свою оказывает во всех своих делах; так что ежели во время удачного промысла захочется Чухонцу есть, то не смотря ни на что, бросает работу и уходит домой, чтоб удовольствовать только свое хотение. От сего может быть они и бедны? но их бедными назвать не можно как только в сравнении с другими народами; ибо они бедности своей не чувствуют; иначе старались бы ее отвращать напряженными трудами. Но не беднее ли они тогда будут, когда возчувствуют нужду и больше надобностей, нежели сколько их теперь имеют? так мне кажется...»⁸. Такие размышления над судьбами простых, «низших» народов весьма характерны для просвещенческого дискурса, когда путешественники наделяли себя правом говорить о том, что важнее и лучше для

---

⁷ О собрании исторических известий о Монгольских народах сочиненное господином П.С.Палласом // Санкт-Петербургский вестник. 1778. Ч.1. Январь. С.66.

⁸ Описание Ладожского озера // Новые ежемесячные сочинения. 1786. Ч.1. Июль. С.33.

исследуемых народов, а иногда и правом говорить за них. Здесь можно переформулировать тезис из известной книги Э.Саида: «Восточный человек иррационален, развращен, ребячлив, он «другой», тогда как европеец рационален, добродетелен, зрел, «нормален». ... восточный человек изображен как тот, кого судят (как в суде), кого изучают и описывают (как в учебном плане), кого дисциплинируют (как в школе или тюрьме), кого необходимо проиллюстрировать (как в зоологическом справочнике)»⁹. Главный постулат ориентализма Э.Саида, на мой взгляд, можно применить к эффекту, создающемуся от описаний российских народов в отечественной прессе – «иметь знание о подобном предмете – значит доминировать над ним, иметь над ним власть»¹⁰.

Представления об империи, ее территории и жителях встречаются также и в других жанрах, используемых в периодических изданиях. В 1762 году в журнале «Полезное увеселение» в стихотворении «На кончину... Елисаветы Петровны» автор при описании народов, бывших в подданстве императрицы, особенно подчеркивал миссионерскую и упорядочивающую роль властителя.

«Народы многи под державой
Обширной области твоей,
Закон божественный отравой
Щитают в ереси своей;
Вождем их в вере заблужденье,
Святое наше откровенье,
И вечна мука им не страх:
Щедротою ж Твоей плененны,
Твоим законом покоренны,
Столь может милость во сердцах!
Единодушие врождала
Она, народу Твоему»¹¹.

Во времена правления Екатерины II российская территория значительно увеличилась за счет присоединения новых земель. Эти

⁹ Саид Э. Ориентализм. М., 2000. С.50.

¹⁰ Там же. С.61.

¹¹ Нарышкин А. На кончину блаженной и вечнодостойной памяти Императрицы Елисаветы Петровны, и на восшествие на Всероссийский наследный престол государя Императора Петра Федоровича // Полезное увеселение. 1762. Февраль. С.51.

действия прославлялись поэтами в одах, стихотворениях, песнях. Важной деталью таких произведений было оправдание подчинения других народов России тем, что это несет им благо, приобщение к цивилизации и просвещение. Например, в стихах И.Дмитриева, опубликованных в журнале «Приятное и полезное препровождение времени», по поводу присоединения польских территорий и герцогства Курляндского говорится о добровольном желании этих земель войти в состав Российской империи.

«Но что? и ты страна блаженна
С цветущих, Двинских берегов,
Венком оливным увязенна,
И ты среди твоих сынов
Чело покорное склоняешь?
И ты Курляндия желаешь
Екатерины дочерью быть?
О радость! о восторг! о слава!»¹².

Автор объясняет такое стремление тем, что российские народы счастливы под скипетром Екатерины II.

«Творец судил Екатерине
Царицей быть во всех сердцах;
И се неведанны народы
Чрез шумные Камчатски воды,
С подоблачных Кавказских гор
Гласят к Ней сердцем и устами:
Владей, как Бог незримый, нами!
Прости и к нам Свой светлый взор!»¹³.

В конце XVIII века в журналистике появился интересный случай использования названия российских народов в качестве обозначения территориального могущества, маркировки границ империи. Феофилакт Гаврилович Покровский, писатель, учитель естественной истории, технологии и коммерческих наук в Тульском Главном Народном Училище поместил в 1796 г. в журнале «Приятное и по-

---

¹² [Дмитриев И.И.] Стихи на присоединение польских провинций и курляндского герцогства к Российской империи // Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч.6. С.146–148.

¹³ [Дмитриев И.И.] Стихи на присоединение польских провинций и курляндского герцогства к Российской империи // Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч.6. С.146–148.

лезное препровождение времени» статью «Философ горы Алаунской, или мысли при известии о смерти Великия Екатерины». В этом произведении автор запечатлел величие императрицы в нескольких аспектах сразу. Покровский описывает путешествие божества, которое возвещает о смерти Екатерины II: «Оно парит к спокойным берегам Днестра и Вислы, где кичливый Сармат, упоенный надеждой мира и тишины, после несчастных бурь и громов наслаждающийся кротким благоденствием, и поставляющий участь свою выше всех благ на свете, уже дал полную волю ржаветь своему оружию, и гласит: не стало вашей Законодательницы! – Оно достигает до мразных берегов и вод Белых, где доброй Лапонец, находящийся на зыбкой стихии, опускает свою острогу, которую он вознес на разъяренного однозуба, когда слышит: не стало вашей Благодетельницы! – Оно доходит до седых вершин утесистого Кавказа, и важной Кахетинец, побелевший от старости, с спокойным духом, с сладкою надеждой трудящийся в своем винограднике, выпускает из рук косырь, когда оно произносит: не стало вашей Покровительницы! – Оно распространяется до утесистых скал Рифейских, и смелой Вогулич* (Вогуличи народ живущий в Уральских горах) бросает на камень натянутый свой лук, который он в ту минуту устремлял на робкого оленя, когда оно возвещает ему: не стало человеколюбивой, милостивой вашей Государыни!»¹⁴. Таким образом, автор очертил громадные размеры государства, перечислил многих народов, находящихся в подданстве Российского государства, представил их мирную и процветающую жизнь под сенью императрицы. Покровский показал яркий пример различия между народами России во внешнем виде, образе жизни, характере, и в то же время попытался объединить их в верности, покорности, любви к своему господину, к просвещенной монархине.

Во второй половине XVIII в., наравне с научным исследованием разнообразия народов Российской империи и формирования концепции мирного, добровольного и процветающего сосуществования их под единством императорской власти, в журналистике, как и в других дискурсах, существовала идея нивелирования знания о различиях населения империи в угоду создания одной нации – россияне.

---

¹⁴ П.к.й. [Покровский Ф.Г.] Философ горы Алаунской, или мысли при известии о смерти Великия Екатерины // Приятное и полезное препровождение времени. 1796. Ч.12. С.321–331.

В стихотворениях и прокламациях, публиковавшихся на страницах журналов второй четверти XVIII в., авторы использовали обобщенные понятия «российский народ», «россияне», или, столь популярные в Век Просвещения, понятия «граждане», «патриоты», «любители Отечества» и др.

«Се, мощный Росс одяен славой,
В броню стальную и шелом,
Опершись на Кавказ стоглавой
Стоит, в руках имея гром...»¹⁵.

Автор этого стихотворения представляет Росса владельцем всего пространства империи, от Кавказа до Океана, без каких-либо иных инородных жителей.

Важным аргументом для формирования образа единой нации, одного народа в пределах Российской империи, должна была стать отсылка к прошлому, к единому историческому пути, к прежнему опыту жизнедеятельности. Необходимость такого обоснования виделась особенно четко в период расцвета классицизма в России, когда античность, золотое прошлое, древность народа, традиция были главными определяющими мировосприятия. В этом плане интересна статья некоего Всветова в журнале «Вечера» «О российских предках»: «Народ российский не от одного произошел начала, но из смешения разных племен, к нынешнему величеству и славе государства совокупивших, составлен. Не упоминая о многочисленных скифских и сарматских племенах, которые сие великое земель пространство в древние времена населили, полагают здесь жительством Российские историки славян и чудь, на многие поколения разделенных. Сверх сих знатное в творении Российского народа имеют участие Татарские единоплеменники, которые и поднесь в полуденных России странах и в Сибири живут разсеянные. Свия, Готфы, Норманы, вообще у Российских летописателей Варягами называемые, не токмо ходили и поселялись на здешних местах, но и дав князей, учредили наконец самодержавство в России»¹⁶. Автор показывает в таком смешении народов-прародителей национальную гордость за славное, древнее

---

¹⁵ Мерзляков А. Росс // Приятное и полезное препровождение времени. 1797. Ч.13. С.143–144.

¹⁶ Всветов. О российских предках // Вечера. 1772. Ч.1. С.105–114.

прошлое, как пример для мирного существования в дальнейшем различных народов, давших начало народу российскому.

Одним из кульминационных моментов в периодике второй четверти XVIII в. явилась огромная статья «Нечто о врожденном свойстве душ Российских», в которой автор, разоблачая западные наветы на русских людей, сформулировал основные, на его взгляд, черты и особенности россиян. «Россияне ищут добродетелей великих: а обыкновенные добродетели почитают только долгом... у нас всякий крестьянин Адмет и гостеприимства не считает делом великим; оно ему сродно... хлебосольство известно только в России»¹⁷. «Одно только скажу, что изочтенных здесь свойств у Россиян ни кто оспорить не может, то есть: что вообще Россияне во всех состояниях и сословиях неустрашимы, правдивы, славолюбивы и об ней скромны, великодушны, жалостливы, быстропонятны ко всему, благочестивы без суеверия, терпеливы и веселы; а главное их свойство, что они во всем тверды»¹⁸.

Таким образом, в периодических изданиях второй половины XVIII в. происходили вполне конструктивистские процессы, когда писатели, поэты, издатели стремились упорядочить общие представления о Российской империи. Империя как совокупность граждан, как конгломерат жителей, подчиненных одной власти, такая идея была не нова, но эффективно использовалась в журналистике как иллюстрация для более глобальных построений. Новые сведения о населении по результатам исследований, научные разработки, интеллектуальные концепции Века Просвещения формировали образы многонародной и разнообразной Империи, богатой и могущественной в своем различии. Одновременно в периодической печати конструировался образ российского народа, с единым прошлым, настоящим и будущим. Таким конструктом было удобнее управлять и применять в частой практике обращения к населению, как казалось, укрепляя Империю без учета размывающих общность особенностей различных народов.

---

¹⁷ Нечто о врожденном свойстве душ Российских // Зритель. 1792. С.26.

¹⁸ Нечто о врожденном свойстве душ Российских // Зритель. 1792. С.181.

Секция: Эпоха Екатерины II в музейной деятельности

Макарова В.Н.

**«Башкирский край в конце XVII – XVIII вв.» в экспозиции
Национального музея Республики Башкортостан**

Экспозиции по истории XVIII в. отводится два зала. Первым в 2004 г. был открыт раздел, представляющий события Крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева. В трактовке темы отчетливо прослеживается особенность пугачевщины – как восстания служилого населения (казаки, башкиры и т.д.). О восставших башкирах и их предводителях повествует значительная часть экспозиции. Материалы представлены таким образом, что позволяют говорить о реально сложившемся уникальном правовом положении башкир в системе российской государственности и причинах восстания.

О том, как происходило формирование отношений «центра» и «периферии» повествует экспозиция другого раздела. Основной задачей экспозиции было проследить процесс модернизации экономической и общественной жизни населения Башкирии в течение XVIII в.: деятельность Оренбургской экспедиции, возведение новых крепостей и городов, строительство горных заводов. Территория должна была стать внутренней провинцией. Фактор развития общественного сознания, процесс его индивидуализации, также нашел отражение. Необходимо было представить синтез «индивидуального» и «группового», «национального и «универсального» в историческом процессе.

Все эти важные проблемы предстояло осветить при ограниченном наборе подлинных материалов. Поэтому мы воспользовались допустимым приемом построения экспозиции при помощи реконструкции недостающих артефактов. В зале установлено несколько макетов, а документальный ряд представлен муляжами документов и рисунков. Это позволило осветить практически все значимые события и отстоять принцип монографического формирования экспозиционного текста. Экспозиция была открыта в апреле 2009 г. к 145-летию юбилею музея.

Открывает экспозицию тема изучения территории и ее освоения.

Активные работы по топографическому описанию территории России начались в XVII в. Но до нас дошли лишь описания к картам, а сами карты сгорели во время пожара в Писцовом приказе. Одно из них называется Книга Большому чертежу.

Книга Большому чертежу 1627 г. (изд. 1828 г.).

«А у устья реки Белья Воложки вверх и по реке Уфе по обеим сторонам и до Оратовы горы и далее живут башкирцы, а кормля их мед, зверь, рыба, а пашни не имеют, скоту держут много». В результате подсчетов было выяснено, что площадь присоединенных земель составила 33,58 млн. десятин, или 366,8 тыс. кв. км.

Карта Российской Империи всех народов в ней проживавших (середина XIX в.).

На присоединенных землях располагались огромные природные богатства. Еще в 1697 г. думный дьяк А.А. Виниус, сообщая царю Петру I о нахождении руд на Урале, просил прислать мастеров для определения их качества и подыскания средств к строительству заводов. В широких масштабах поиски руд развернулись с конца XVII в. К середине XVIII в. в Башкирии было построено 32 горных завода, а к концу столетия – 48. Развитие производительных сил в крае, наметившееся общественное и территориальное разделение труда между скотоводами и земледельцами, начало процесса отделения ремесла от сельского хозяйства, постепенное превращение крепостей в города – все это способствовало усложнению системы землепользования и расширению задач по землеустройству.

Российская империя в 30-е гг. XVIII в. предпринимает попытку создать плацдарм для дальнейшего продвижения в Среднюю Азию. Планировалось строительство крепостей вокруг башкирских земель. Главную роль должен был играть новопостроенный город Оренбург. Предполагалось переселение в край большого количества людей, строительство горных заводов.

1 мая 1734 г. императрица Анна Иоанновна одобрила проект обер-секретаря Сената Ивана Кириллова по организации Оренбургской экспедиции. 15 июня 1734 г. экспедиция выехала из Петербурга, через Москву, Казань, в Уфу.

Тема представлена картографическими материалами.

Карта Закамской крепостной линии и типового проекта крепости.

План-карта Бирской крепости в XVIII в.

План-карта Табынской крепости 1769 г.

План-карта Стерлитамака в XVIII в.

Карта России Ф.И. Страленберга 1730 г.

Сигизмунд Герберштейн, дважды (в 1517 и 1526 гг.) побывавший в России, в своих «Записках о московитских делах» дал довольно точную характеристику Северного Урала, который назвал «Земным Поясом». Долго считалось, что границей между Европой и Азией является Танаис (Дон). И лишь в XVIII в. швед Ф. И. Страленберг и Василий Никитич Татищев предложили проводить ее по Уралу. «Сии горы, – писал Татищев, – Геродот разумеет поясные или Урал суть суше двух великих частей разделение». А их младший современник Герард Фридрих Миллер Южный Урал называл собственно Уральскими горами, а Северный Урал – горами Рифейскими. *На этой карте впервые появилось указание на разделение Европы и Азии Уральскими горами.*

Ландкарта 1736 г. Михаила Пестрякова.

Карта Российской империи И.К. Кириллова (1689–1737), обер-секретаря Сената, руководителя Оренбургской экспедиции.

Кириллов был сторонником широких преобразований. В ходе Оренбургской экспедиции построил на границе Башкирии до 2-х десятков укрепленных пунктов, 31 августа 1735 г. заложил г. Оренбург при впадении р. Ори в Яик (Урал) на месте современного Орска. И.К.Кирилловым впервые на территории Башкирии были организованы разведка и добыча полезных ископаемых и изучение края в хозяйственном и этнографическом отношениях.

С середины XVII в. русским правительством организуется ряд небольших экспедиций на Урал для отыскания медной, железной, серебряной руд, серы, слюды и др. полезных ископаемых. В нач. XVIII в. на Средний и Южный Урал предпринимаются академические экспедиции. В экспозиции показаны некоторые из них, самые важные.

Петр Симон Паллас, портрет работы Ф.К.Крюгера.

Немецкий естествоиспытатель, путешественник и географ, доктор медицины. В 1767 г. был приглашен Екатериной II на должность адъюнкта Санкт-Петербургской академии наук. В 1768–1774 гг. возглавил научную экспедицию в центральные области России: Нижнее Поволжье, Прикаспий, Средний и Южный Урал и Южную Сибирь.

Иван Иванович Лепехин, портрет работы М.А. Кашинцева.

Путешественник, ботаник, доктор медицины, с 1771 года – профессор естественной истории Санкт-Петербургской академии наук. В 1768–1772 годах путешествовал с экспедицией П.С. Палласа по юго-восточной и средневропейской России. С 1773 года секретарь Академии наук, с 1774 г. – директор Ботанического сада.

Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768, 1769 и 1770 гг. (СПб., 1802 г.).

Петр Иванович Рычков, портрет работы Ф.К.Крюгера.

Ученый, путешественник, действительный член Санкт-Петербургской академии наук. В 1769–1770 гг. вместе с сыном Н.П. Рычковым принимал участие в экспедиции П.С. Палласа, в ходе которой составил описания Казанской, Оренбургской, Уфимской, Вятской и Пермской губерний.

Журнал и дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства (СПб., 1770 г.).

Ландкарта генеральная Уфимской провинции, 1755 г.

Атлас карт Красильникова, 1755 г. (переиздан в 1875 г. на средства И.Ф. и Ф.И. Базилевских).

Уфимская провинция включала территорию бывшего Уфимского уезда. Здесь находились города Уфа, Бирск, Мензелинск. В 1752 г. прапорщик Иван Красильников по поручению Оренбургской губернской канцелярии приступил к составлению генеральной карты Оренбургской губернии и прилегающих к ней территорий. При подготовке были использованы все имеющиеся русские и иностранные описания. В 1755 г. работы над картами были завершены, а П.И. Рычковым было подготовлено пояснение «Топография Оренбургской губернии». Атлас состоит из 11 карт, которые охватывают территорию от 35 до 55° северной широты и от нулевого меридиана, проходящего через Ставрополь до 30° в.д. Карты снабжены поразворотным описанием народов, здесь проживающих, и их хозяйственной деятельности.

Василий Никитович Татищев, портрет работы А.Осипова.

Государственный деятель, тайный советник, историк, географ. В 1737–1739 гг. – начальник Оренбургской комиссии. Провел запись населения края, кроме башкир. Организовал открытие школ. Автор работ по истории, этнографии, экономике, автор первого энциклопедического словаря. Большой интерес представляет его труд: «Проекты межевания», изложенные им в письме в кабинет министру Н.А. Черкасосу (1726 г.), книги «Краткие экономические до деревни

следующие записки» (1742 г.), где он выступил как ученый землемер и большой знаток ведения сельского хозяйства. В книге есть главы: «О разделении земли», «О сбережении лугов и сена», «О посевах», «О пашнях», «О навозе», «О сенокосе», «О размножении скота и птиц», «О садах и пчелах».

Иоганн Готтлиб Георги, портрет работы Х.И. Пеннинга, конец XVIII в.

Профессор минералогии при Санкт-Петербургской АН, сопровождал Палласу и Фальку в их ученых экспедициях с 1770 до 1774 г. Изучив значительную часть Европейской и Азиатской России, издал на немецком языке сочинения «Описание всех в Российском государстве обитающих народов», «Описание столичного города Петербурга», «Физико-географическое и естественное описание русского государства» в 9 тт. – первую научную географию России.

Николай Яковлевич Озерецковский.

Русский естествоиспытатель, член Академии наук с 1782 г. В 1768 г. отправлен в экспедицию И.И. Лепехина для изучения производительных сил России. Получил степень доктора медицины в Страсбургском университете. Большое значение для науки имеют путешествия академика по России. В том числе в 1782 г. совместно с А.Г. Бобринским посетил Уфу. Известно его описание Уфы в письмах просветителю И.М. Бецкому.

Атлас Российской империи (СПб., 1796 г.).

Лист из атласа с картой Уфимского наместничества.

Изданный при жизни Екатерины II картографический источник по всем территориям Российской империи. Один из разворотов представляет Уфимское наместничество.

Исследования академических экспедиций носили комплексный характер, отличались широким подходом к изучению как явлений природы, минеральных ресурсов хозяйственной деятельности, типов населения.

На Южном Урале за короткий период было обнаружено более 1000 видов минералов, открыто более 18 тысяч различных месторождений, которые благодаря геологическим особенностям Урала сформировались в поверхностных условиях и поэтому стали доступны для обнаружения и добычи. Наиболее крупные месторождения железных руд и руд цветных металлов: Бакальский рудник, Каргалинские песчаники.

Горный массив Башкирии (большой настенный пейзаж, являющийся частью макета горного завода).

«В долине реки Сакмара», художник Г. Гельмерсен, начало XIX в.

Местное население Урала с древних времен использовало полезные ископаемые довольно широко: применяло в повседневной жизни, для торговли и военных нужд соль, медь, железо, серебро, золото, свинец, селитру, нефть, бурый уголь, абразивные и строительные материалы, драгоценные и поделочные камни.

В башкирской мифологии отражено представление башкир о различных явлениях природы: землетрясения, наводнения. Реальность подобных фактов подтверждена работами уральских геологов Л.А. Шимановского и Г.А. Максимовича. Они собрали и обобщили данные о землетрясениях на Урале в последние 300 лет и утверждают, что на территории Урала многократно происходили землетрясения в 3–4 балла.

«Башкирцы имеют также немалую склонность к приискованию руд ... Можно по справедливости сказать, что медные и железные заводы Урала, так и выгодные к тому места по большей части башкирцам должныствуют». «Башкирцы давно знали о рудах Магнитной горы и плавил металл в примитивных домницах». «В прежних годах башкирцы из сей руды плавил в ручных печах самую лучшую сталь, что после учинившегося в 1735 г. бунта им уже не позволялось», пишет П.И. Рычков. Для производства использовали как открытый, так и шахтный способ добычи руд.

Можно восстановить технику добычи. Следы древнейшей плавки ничтожны и фрагментарны. П.И. Рычков дает следующее описание: «По речкам Каргалим и в вершине р. Сакмары находят сделанные из красного кирпича небольшие ручные печки и фунта по 2–3 медные слитки». В XVII в. применялись нехитрые способы выплавки железа из руды в сыродутных горнах с ручными мехами или в небольших печках – домницах.

Макет домницы (XVII–XVIII вв.) в подлинную величину.

Устройство домниц следующее:

«Изба, иногда мазанка, где стоят печи или горны для выделывания железа. Шахта печи имела квадратное сечение площадью 22 x 22 дюйма (56 x 56 см) при 9 футах высоты (около 2,8 м). Лещадь горна набивалась угольным мусором и была слегка наклонена к фурме. Колошник сужался в виде конуса до 12 дюймов (30 см) диаметром».

Набор инструментов: кочерга; меха с соплами.

Башкиры и в XVIII веке продолжали заниматься *рудосыскным делом*, открывая новые месторождения полезных ископаемых в Башкирии и даже в Казахской степи за Яиком. Они разрабатывали рудники в своих вотчинных землях, поставляли в больших количествах (сотнями подвод) руду на уральские заводы, занимались массовым углежжением (в песнях сохранилось описание этой деятельности – «бакыр ташиганда» (когда возили медную руду), «угляжинья» (углежжение).

Одним из наиболее значительных деятелей рудосыскного и рудопромышленного дела является старшина Мул-Гайнинской волости **Измаил Тасимов**. Он занимался разведкой меднорудных месторождений, разработкой и крупными поставками медной руды на Полевский, Ягошинский, Юговский и Мотовилихинский заводы. Еще более известен Измаил Тасимов как основатель первой в России высшей технической школы – Горного училища в Санкт-Петербурге.

Измаил Тасимов «с товарищами» обратились в Берг-коллегию с ходатайством об открытии высшего горного училища, на содержание которого обязались жертвовать по полушке с каждого пуда поставленной ими руды (в дальнейшем из этих пожертвований и был определен первоначальный годовой бюджет горного училища в 65 тыс. рублей. Указ о создании горного училища был подписан 21 октября 1773 г. Екатериной II.

В экспозиции представлен комплекс документов о башкирских рудознатцах:

Переписка И. Тасимова с Берг-коллегией по поводу организации Горного училища и решению спорных вопросов с графом Чернышевым.

«Вид Санкт-Петербурга. Горный кадетский корпус», художник неизвестен. Акварель. Конец XVIII в.

Документ – прошение об организации железодельного и нефтяного завода Н. Уразметовым (1754 г.).

Основан по инициативе башкирского старшины Исмаила Тасимова.

Первый вклад в строительство учебного заведения внесло башкирское войско. С именем другого башкирского деятеля – старшины **Надыра Уразметова** связана первая активная попытка положить начало развитию нефтяного дела в Урало-Волжском регионе.

Определение Берг-коллегии о разрешении башкирам Казанской дороги Надыровой волости старшине Надыру Уразметову с сыном построить нефтяной завод, от 16 июля 1754 г.

Первыми, кто пожелал начать промышленное использование нефти из этих источников и привлек внимание Берг-коллегии и Академии наук к нефтеносности Урала и Поволжья, были Надыр Уразметов и его сын Юсуп Надыров и их компаньоны Асыл и Хужа Мосляковы.

С 1754 г. они подали прошение в Оренбургскую губернскую канцелярию о разрешении на постройку нефтяного завода «на своих крепостных дачах в Уфимском уезде, на Казанской дороге, по Сокурке, по обе стороны выше Сергиевска городка при вершине речки Камышлы». 16 июля 1754 года последовало разрешение на строительство. Однако достроить и пустить его в ход не удалось. Надыр Уразметов заболел. А в 1757 г. после обследования строящегося завода чиновниками Оренбургского горного начальства Уразметов и его компаньоны были лишены права на разработку нефти.

Указ об учреждении в Уфе управления казенными заводами Южного Урала – Оренбургского горного начальства, от 1753 г.

Исследователи отмечали, что «башкирский народ сам дал в XVIII в. целую плеяду замечательных рудоискателей».

Нуруш Кинзикеев нашел в верховьях Белой серебряную руду и занимался ее добычей и выплавлением. Сотник Салей Бускунов был одним из рудоискателей Урала. Под его руководством в 1763 г. группа башкирских рудоискателей занималась разведкой руд даже в Сибири – за реками Уем, Тобол и Ишим. Башкирами было открыто Илецкое месторождение поваренной соли, которой башкиры свободно пользовались лишь до середины XVIII в. Старшина Даут Еналин впервые на восточном склоне Урала открывает месторождение марганца. Старшина Гайнинской волости Осинской дороги из дер. Барды, известный рудопромышленник Токтамыш Ижбулатов был открывателем Сычовской, Шермяцкой, Чалкинской и др. медных месторождений. Успешной разведкой и поставками медной руды на медеплавильные заводы занимались башкиры Осинской дороги – рудопромышленники Абдусалам Усейнов, Акбаш Бекбулатов, Мурза Мрясов, Халил Илебаев, Арыслан Ирысов.

Тематико-экспозиционный комплекс об использовании минералов в быту дает возможность шире представить распространение

знаний о природе. Первые упоминания о народной медицине башкир имеются в трудах известных ученых-путешественников: И.Г. Георги (1779), И.И. Лепехина (1802), П.С. Палласа (1773) и др. Большого внимания заслуживает труд Д.П. Никольского «Башкиры, этнографическое и санитарно-антропологическое исследование» (1899).

Рассматривая народную медицину и санитарно-гигиенический опыт башкир, мы обнаруживаем лечебные средства растительного, животного, минерального происхождения. При желудочно-кишечных заболеваниях применялись чистая сера и соленая минеральная вода. При изжоге – мел, каменная соль при пародонтозе. Малахит – при кожных заболеваниях, золото – при кожном туберкулезе, серебро – как антисептик, кальцитом припудривали раны, нефть использовали при молочнице и чирьях в горле. Среди лекарств значатся глина белая и красная, вода из горячих источников (Янган-Тау), земля, зола, известь гашеная, ил, квасцы, керосин, карболовая кислота, медный купорос, марганцовокислый калий, порох, ртуть, сажа, селитра, скипидар, уголь.

Образцы лекарственных средств: каменной соли («горький камень»), минеральной воды, серы, кальция (в порошке), нефти, малахита.

Умывальные принадлежности: древесный уголь и поваренная соль, зубочистки из можжевельника и чилиги, туалетные принадлежности и сосуды из меди, дополняют бытовой комплекс.

Вышеперечисленные сведения дают представление о приобщенности и знании башкирским народом горного дела и использовании минерального сырья в повседневной практике.

Хозяйство башкир в XVIII в. продолжало сохранять преимущественно натуральный характер. Товарно-денежные отношения оживились строительством Оренбурга и Троицка. На рынок свозили в основном скот, пушнину, мед, хмель, иногда хлеб. В торговлю вовлекалась феодально-патриархальная верхушка башкирского общества. Она была представлена: тарханами, старшинами, сотниками, ясачными башкирами и мусульманским духовенством: ахунами, муллами. Непосредственных производителей представляли рядовые общинники. Социальная дифференциация в Башкирии в XVIII в. углубляется и благодаря переселению сюда нерусских народностей Поволжья и Приуралья, так называемых припущенников. Они состояли из бобылей и тептярей, служилых татар и мишарей. Бобыли селились без

письменного договора, тептяри – по письменному соглашению. Оброк вносился в пользу общин, присваивался и распределялся феодалами.

В действительности в этот разряд землепользователей попадал в XVII–XVIII вв. гораздо больший круг жителей Башкирии. С ростом пришлого населения (к 90-м гг. XVIII в. оно составляло 577,3 тыс. человек) увеличивается численность помещиков и владельцев горных заводов, земельных угодий.

Рисунки населения края (из альбомов *Гейслера, Георги, Дадли*): *«Процесс помола зерна и провеивания муки», «Силки для охоты на птиц», «Ловушки для птиц», «Яицкие и оренбургские казаки. 1774 год», «Казанская татарка», «Казанский татарин», «Мещерячка и башкирка», «Киргиз на коне», «Башкирка».*

Припущенная запись башкир Ногайской дороги, конец XVIII в.

Более активное проникновение пришлого населения (русские, татары и др. народы) в районы северной и западной Башкирии повлекло за собой заметные изменения в трудовых занятиях и быте местного населения. Наметилось хозяйственно-этнографическое разделение Башкирии на земледельческую западную и скотоводческую восточную области. Большое значение в изменении хозяйственной деятельности башкир – полукочевого народа имела практическая деятельность по переводу их к оседлости.

В 1767 г. П.И. Рычков в «Трудах Вольного экономического общества» изложил идею развития хлебопашества среди самих башкир. Он предлагал «приводить их на то исподволь, обходясь с лучшими их людьми ласково и толкуя им о земледельчестве пристойным и вразумительным образом»; установить «тягла или урок», т. е. обязать каждого взрослого башкира обрабатывать и засеивать определенную площадь земли; наладить контроль за их хозяйственной деятельностью, в частности во время полевых работ запретить башкирцам отлучаться на охоту или другие промыслы, пока он тягла или урока своего в пашне не исправит...». Нерадивых предлагал наказывать по рассмотрению старост, а тех, кто «умножит земледелие» «награждать по их правам и состояниям такими дачами, которые казне и обществу никакого убытка не делали».

И все же основной формой внутренней службы башкир была охрана юго-восточных границ страны. С 1754 г. все башкиры в возрасте от 20 до 50 лет круглогодично служили на Уйской, Верхнеуральской, Оренбургской и Уральской дистанциях. К внутренней

относились: этапная (по Сибирским и Златоустовским трактам), полицейская (в Казани, Москве, Санкт-Петербурге) и гарнизонная.

Внешняя служба башкир заключалась в участии в войнах, которые вела Россия с государствами в Ливонской войне (1557–1582), борьбе против поляков и шведов в XVII в., Азовских походах (1701–1721). Четыре конных полка башкир участвовали в Семилетней войне (1756–1763).

«Разъезд башкирского иррегулярного войска», художник неизвестен, акварель, конец XVIII в.

Развитие горнозаводской промышленности создает условия для урбанизации населения. К концу XVIII в. заводы становятся крупными промышленными и торговыми центрами.

Горнозаводское освоение Урала в этот период подразделяется на три этапа. Первый – связан с русской торгово-промышленной колонизацией края в начале XVIII в. Территория стала районом поощрительной колонизации как государственными крестьянами, так и пленными, беглыми, ссыльными. Ранняя русская металлургия на Урале делала первые шаги по двум направлениям: рассеянный – кустарный и концентрированный – заводской.

Начало второго этапа приходится на первую четверть XVIII в. Страна испытывала перманентный голод на цветные и драгоценные металлы. Источником сырья была заграница. В 1719 г. были организованы «Берг-коллегия» и «Берг-привилегия». За металлургией признается ведущее государственное значение. И принцип «горной свободы» и разных льгот признается поощрительным средством частного предпринимательства. (В 1734 г. Указом определяется свобода распродажи башкирских земель).

Третий – наиболее выраженный и интенсивный этап длился с 1752 по 1762 г. Проявился в бурном процесс индустриализации и обусловлен ролью частного капитала. Но огромное стимулирующее воздействие на развитие уральской металлургии оказало состояние европейского металлического рынка.

Попытки промышленного освоения Южного Урала были сделаны казной еще в начале 30-х гг. XVIII в. Но из-за упорного сопротивления башкир казенное заводское строительство потерпело здесь неудачу. Тогда в 1736 г. из столицы последовал Указ, по которому разрешалось частным промышленникам покупать землю у местного башкирского населения. Указом 1739 г. позволялось «погодно нанимать у башкирцев земли». В 1745 г. Оренбургский губернатор

И.И. Неплюев обнаружил обращение к частным лицам с призывом осваивать рудные богатства Башкирии. Резкий подъем горной промышленности в середине XVIII в. привел к тому, что Россия вышла на первое место в мире по производству железа. Крупнейшими предпринимателями и основателями базовых металлургических заводов в Башкирском крае были династии Твердышевых, Мясниковых, Демидовых, Красильниковых.

Межевая книга к плану дачи Воскресенского медного завода, 1745 г.

Заложен был И.Твердышевым на р.Тор, притоке Нугуша.

Медеплавильной и шахтной печи, рисунок из книги И. Шлаттера.

Текст документа об отводе земель Пашковой под Белорецкий железодельный завод, 1787 г.

Сооружен на р. Белой, в 1762 г. Это позднейший завод, основанный фирмой Твердышевых–Мясниковых.

План рудников Вознесенского казенного медеплавильного завода, исполнил И. Порозов, май 1780 г. (на нем указаны башкирские, татарские, чувашские деревни, башкирские юрты, крепостные и водяные мельницы, горные конторы Мосолова, Твердышева и Хлебникова).

Чертеж 12 медных рудников казанского татарина Сагита Усманова в Башкирских землях Уфимского уезда Оренбургской губернии, исполнил В. Оботин. 1762 г., декабрь.

План лесов и угодий в Бурзянской волости Сибирской дороги Уфимской провинции, купленных К.Е. Сиверсом у башкир, к Воскресенскому медеплавильному заводу с указанием железной руды в местах для строительства железодельного завода на Батране. Исполнил П. Сунгуров. 1780 г., декабрь.

Накладная полковнику М.В. Пашкову, владельцу Воскресенского завода об отправке 3 чугунных машин.

Одним из основных художественных образцов зала стал макет *доменного производства и кузнечный цех*, выполненный в масштабе 1:10.

В этом же комплексе демонстрируются образцы минералов, разделенные на фракции, применявшихся в металлургии:

железные руды, медноцинковый колчедан, сульфидные породы; горные инструменты: отбойный молоток, кувалда, кирка, вагонетка, тачка; тигль из графита;

изделия заводов: *якоря, проволока, ядра, пушки, боеприпасы, инструменты, посуда (медная, латунная).*

Книга *Ивана Шлаттера «Обстоятельное описание рудного плавильного дела», СПб., 1755 г.*

«Симский завод», рисунок из книги А.О.Чернышева «Геологическое описание Уральских гор».

К 1751 г. династия Демидовых имела огромное горнозаводское хозяйство в Центральной России и на Восточных склонах Среднего Урала. В 70-е годы один из братьев Демидовых – Евдоким срочно перенес свою деятельность в Башкирию. Купил у графа П.И. Шувалова Авзяно-Петровский чугунолитейный завод и дом в Уфе. В Уфе жил сын – Иван Евдокимович, который наблюдал за работой Авзяно-Петровского и Кагинского заводов. В экспозиции представлено несколько документов .

Текст о немедленной отсылке приписных крестьян к заводу Ивана Демидова для вывоза имеющегося в курнях угля. 1796 г.

Текст просьбы завододержателя Ивана Демидова от 27 июня 1796 г. о недостатке угля для выплавки чугуна и о необходимости скорейшего рассмотрения этого вопроса в канцелярии Уфимского наместничества.

Геометрический уменьшенный план Верхне-Авзяно-Петровского медеплавильного завода 1753 г.

Процесс постепенных захватов башкирских родовых земель продолжался. Власть рассматривала нерегулярно используемые башкирские земли как «пустопорожние» и «праздно лежащие» и потому считала возможным ими распоряжаться. Специальные указы вводили минимум земли, который мог получить владелец учреждаемого в крае частного горного завода: под заводское строение, под плотину и фабрики – 100 десятин. В радиусе 100 верст нельзя было строить другой завод. Своим решением от 25 мая 1754 г. Берг-коллегия разрешила учреждать заводы в Оренбургской губернии «беспрепятственно». В 1740–1750-е гг. в крае было уже 49 заводов. Каждому из них было отведено в среднем 70–80 тыс. десятин.

Указ Екатерины II о поощрении рудознания, 1792 г.

«Балбуковские золотые прииски», рисунок неизвестного художника, начало XIX в.

О золоте на башкирских землях знали с давних времен. Археологические раскопки курганных захоронений, рассказы рудоиска-

телей о «бесчисленных сокровищах золотых и серебряных руд» за горами в устьях рек Уфа, Белая и Яик. На Султановском прииске Рамеевых, на реке Султанке – правом притоке реки Большой Кизил (Баймакский район РБ), в конце XIX столетия были обнаружены следы ранней разработки золотоносных кварцевых жил при помощи каменных орудий. О чудских копях неподалеку от Кананикольского завода на речке Куртлы (Зилаирский район РБ) пишет академик И.И. Лепехин. Монах Долматова монастыря сообщал, что из горы недалеко от впадения реки Тасмы в реку Вай башкиры добывали золотую и серебряную руду, а выплавляемое серебро тайно продавали русским по 12 рублей за пуд.

Еще в 1720 г. рудоискатель В.Н. Татищева – Цивиллин получил сведения от башкира Кара-Табынской волости о наличии «золотого рудного песку». Цивиллин отнесся к этому без доверия, но впоследствии именно здесь были открыты знаменитые Миасские золотые промыслы. В 1796 г. ясашный тептляр деревни Аминовой Троицкой округи мурза Утяшев подал прошение в казенную палату Уфимского наместничества, в котором речь шла о наличии золотой руды за рекой Уй. Для убедительности были представлены образцы руды. Без должного внимания остались и залежи золотой руды, открытые в 1799 г. отставным казаком Родионом Волхиным Чебаркульской крепости и Спиридоном Фоминым из Уйской крепости. В дальнейшем они послужили началом разработки богатейшего на Южном Урале Кочкарского золотоносного района.

Коренные месторождения на Урале были открыты в 1775 г. крестьянином Ерофеем Марковым. На Южном Урале золотодобывающая промышленность появилась позднее. В 1798 г. возглавивший золотоискательскую партию шихмейстер Е.И. Мечников открыл месторождение золота на реке Ай. Они же обнаружили золотосодержащие породы в устье реки Миасс, на речках Кремеле, Санарке, Таштутургане, Черной в 18 верстах от Миасского завода. На месте был основан Петропавловский прииск и организована промышленная добыча золота. Весь последующий период до двадцатого столетия можно, с полным основанием, назвать «золотой лихорадкой».

Башкирам принесло немало несчастий «открытие» их общества. Именно против такого открытия, за сохранение своих привилегий и недопущения в сферу их действия пришлых (в земельном вопросе) они и боролись. В рамках данного подхода возможно обоснование развития их монархического правосознания.

Доношение генерал-майору Саймонову о смятении в Башкирии и о возмутителе Султан-Гирее, 1740 г.

Портрет Батырши, рисунок неизвестного художника.

Текст записки Батырши Императрице Елизавете Петровне, 1756 г.

Написан Габдуллой Алиевым (Батыршой) – муллой деревни Карыш, с 1754 г. – ахун Сибирской дороги. В 1755 г. обратился с воззванием к мусульманскому населению края с призывом к борьбе за создание независимого мусульманского государства. Восстание было подавлено, Батырша схвачен, заточен в Шлиссельбургскую крепость. В 1762 г. – погиб.

В XVIII в. неоднократно менялись административно-территориальные границы и соподчиненность территорий. Все эти трансформации довольно сложно представить музейными средствами. Мы использовали тексты документов и карты-планы городов.

Планы городов Уфы, Бирска, Стерлитамака, конец XVIII в.

В 1781 г. императрица Екатерина II повелела учредить Уфимское наместничество из Уфимской и Оренбургской губерний под главным начальством Уфимского и Симбирского генерал-губернатора, которому назначено местопребывание в Уфе.

Указ ее Императорского Величества самодержицы Всероссийской о назначении генерал-поручика Якоби губернатором Уфимского наместничества, 1782 г.

Текст об организации магистратов по управлению городами Уфимского наместничества, 1782 г.

Гербы городов Уфимского наместничества.

Карта башкирского народа и войска, состоящая из 12 кантонов, конец XVIII в.

С введением в 1798 г. кантонной системы управления территория, населенная башкирами, мишарями и оренбургскими казаками, была разделена на кантоны и юрты (или команды), границы которых не совпадали с границами уездов и волостей.

Как уже отмечалось, в ходе колонизации были сильно запутаны земельные отношения в крае. С целью их упорядочения в 1798–1835 гг. проводилось генеральное межевание земель в Оренбургской губернии. По данным Оренбургской межевой канцелярии, в 1833 г. было учтено 28304856 дес. земли. Из них 14093742 дес. находились в башкирских дачах, остальные – принадлежали казне, казачеству,

помещикам. Следует заметить, что понятие «башкирская дача» было чисто номинальным, т.к. значительная часть земли в пределах дач принадлежала не башкирам, а другим владельцам.

В 1800 г. сенатором М.Г. Спиридоновым и Лопухиным производилась сенатская ревизия. В ходе генерального межевания Оренбургской губернии правительство получило реальное представление о земельной площади края, о распределении ее между сословиями. Директор Межевой канцелярии Обрезков, изучив вопрос, приходит к заключению о слишком низких ценах на башкирские земли при продаже и высочайше докладывает о возможных негативных последствиях. Следствием этого стал Указ от 11 октября 1818 г. о временном запрещении продажи башкирских земель.

«Генеральные правила, данные межевой комиссии для сочинения по оным межевой инструкции», 1765 г.

Юридической основой генерального межевания 1765 г. стали манифест от 19 сентября и «Генеральные правила, данные межевой комиссии для сочинения по оным межевой инструкции», опубликованные в тот же день.

В следующем 1766 г. были созданы две межевые инструкции, определявшие организацию и порядок производства Генерального межевания: для землемеров (Инструкции землемерам, к генеральному всей империи земель размежеванию и для межевых учреждений (губернских канцелярий и провинциальных контор).

Утвердив инструкции, Екатерина II собственноручно начертала будущий межевой девиз «Каждый при своем» и подтвердила его следующими знаменательными словами: «Утверди, Господи, достояние людям своим». Изречение «Каждый при своем», начертанное рукой императрицы, нашло отражение на рисунке межевого штампа. Впоследствии оно находилось также на знаке форменной фуражки воспитанников Константиновского межевого института.

Карта земельных владений Аксаковых в Оренбургской губернии с родовым гербом, XVIII в.

Специальный план Уфимской губернии Белебеевского уезда, села Надеждино, владения майорши Анны Тимофеевны Войековой, 1841 г., принадлежавшей семейству С.Т. Аксакова.

Развитие хозяйственной деятельности способствует развитию частной собственности и формированию товарно-денежных отношений.

Указ Сената за подписью Екатерины II о печатании денег, в тех местах, где добывался металл, 1769 г.

Коллекция серебряных и медных денег, имевших хождение в XVIII столетии, с комплексом «сибирских денег».

Перевозка монет из столицы обходилась очень дорого. С 1766 г. стали чеканить специальные монеты для Сибири, чтобы избежать этих трат. Сибирские монеты, название монет, с монетным знаком «Колыванская монета», чеканенных Екатериной II (1762–1796) в 1763–1781 гг. в Сибири из меди Колыванских рудников. Выпускались монеты в 10, 5, 2, 1 копейку, деньги и полушки. Л.с. – монограмма царицы, о.с. коронованный щит, поддерживаемый двумя соболями. В 1764 г., кроме того, чеканились серебряные монеты в 20, 15 и 10 копеек. Монетный двор находился в Нижнем Сузуне, неподалеку от Колывани. С.М. весили меньше, чем соответствующие русские, находившиеся в обращении только к западу от Урала. (Образцы денег, эквиваленты обмена: 10 коп. – 1 пуд пшеницы; 20–30 коп. – 1 пуд мяса).

В 1769 г. стали иметь хождение бумажные деньги в виде ассигнаций. Есть сведения, что для выпуска сибирских денег поставлялась медь с Воскресенского завода Ивана Твердышева.

«Вид Санкт-Петербурга. Караульная служба башкир на территории монетного двора», художник неизвестен, конец XVIII в.

Зерцало гражданского суда с Указом 1724 г.

В XVIII в. полностью изменилась судебная система. Она была построена по сословному принципу: для каждого сословия – свой суд. Дворян судили земский суд в губернских городах и уездный суд – в уездных городах, горожан – соответственно губернский и городской магистраты, государственных крестьян – верхняя и нижняя судебные расправы. Все эти сословные суды были выборными. Более высокой судебной инстанцией являлись созданные в губерниях судебные палаты, члены которой уже не выбирались, а назначались. Высшим судебным органом был Сенат.

По «Учреждению о губерниях» при городских магистратах и ратушах создавались сиротские суды, ведавшие опекунскими делами лиц городских сословий.

14 декабря 1766 г. Екатерина II издает Манифест о созыве публичной комиссии для составления нового Уложения. Выбор депутатов и составление наказов осуществлялось по общим принципам, установленным Манифестом. Дворяне выбирали по одному

депутату от уезда, горожане по одному депутату от каждого города независимо от количества жителей. Однодворцы, пахотные солдаты, черносошные и экономические крестьяне, люди «старых служб», ясашные люди, нерусские народы выбирали по одному депутату от уезда или провинции.

Наказы башкир в Уложенную комиссию 1767 г.

Башкиры отстаивали свои вотчинные права на землю и торговлю предметами собственного производства. В едином лагере с башкирами выступали депутаты от русских крестьян, казаков, городских низов и нерусских пришлых земледельческих народов.

В экспозиции есть место для рассказа о политике правительства по религиозным вопросам, о ее сущности, методах и средствах реализации на протяжении столетия. В начале декабря 1789 г. в Уфе было открыто Духовное управление мусульман.

Карта земельного отвода в Стерлитамакском уезде земли первому муфтию М. Хусейнову, конец XVIII в.

Через десять лет была учреждена Уфимская епархия. В экспозиции тема представлена:

Креслом епископа Уфимской епархии, конец XVIII в.

Теме военной иррегулярной службы башкир посвящены несколько документов и рисунки.

«Башкир», художник неизвестен, начало XIX в.

«Офицеры штатных команд Уфимского наместничества. 1787–1796 гг.», рисунок художника Петровского.

Таким образом, экспозиция по истории края в восемнадцатом столетии представлена в двух ракурсах: в условиях войны и в состоянии мира. Идея Петра I отворить путь в полуденную Азию осуществлялась различными способами, но именно при Екатерине II формируется правовой уклад жизни и трудовой этики, организуются новые формы управления, создаются предпосылки для организации представительских учреждений. Утверждение индивидуализма как формы общественного воззрения, поведения и хозяйствования становится базовым для обновления общества. Развитие экономического потенциала создало условия для дальнейшей интеграции «периферии» и «центра».

Карташева Е.И.

**Русская культура эпохи Екатерины II в экспозиции
Национального музея Республики Татарстан
«Казанская губерния в XVIII веке»: аспекты и
формы музейного представления**

Экспозиция «Казанская губерния в XVIII веке» была открыта в 2005 году. Это часть стационарной (постоянной) экспозиции Национального музея РТ, общей задачей которой является представление культурно-исторического развития региона в наиболее значимых процессах, явлениях и событиях с древнейших времен до современности. Аналогичные установки лежат в основе концепций каждого раздела по историческим периодам.

Интерпретация в музейной экспозиции той или иной культурно-исторической темы имеет специфику, отличающуюся от вербального изложения информации. В музееведческой лексике это явление обозначается как «язык музейной экспозиции». Сама же экспозиция трактуется как своеобразный предметно-пространственный текст (произведение), содержательными и формообразующими компонентами которого являются авторская концепция, артефакты-экспонаты (соединенные в пространственно-смысловые комплексы), архитектурно-художественная среда.

Глубина, полнота, логика, выбор аспектов раскрытия темы определяются целевыми установками и структурой экспозиции, составом коллекции музейных предметов, физическими параметрами и архитектурно-планировочными характеристиками экспозиционного помещения. Безусловно, к числу важных влияющих факторов относятся существующие научные представления и знания, на которых базируется содержание концепции.

Экспозиция «Казанская губерния в XVIII веке» включает три ведущие смысловые линии:

- ключевые вехи истории России (базовый исторический контекст);
- процессы и события истории Казанской губернии (основная тема);

– предметно-бытовая (материальная) и интеллектуальная культура эпохи (именно эта тема, представленная яркими артефактами, во многом создает репрезентативность экспозиции).

Структурно экспозиция «Казанская губерния в XVIII веке» состоит из двух крупных хронологических частей – «Казанская губерния в первой половине XVIII века» (преимущественное внимание уделено петровской эпохе) и «Казанская губерния во второй половине XVIII века». Это деление обусловлено пространственно-планировочными особенностями зала.

Эпоха правления Екатерины II показана во второй части экспозиции, представлена наибольшим количеством экспонатов, так как хронологически правление этой императрицы заняло большую часть второй половины восемнадцатого столетия.

Культура екатерининской эпохи и русская культура в частности относятся к числу ведущих экспозиционных сюжетов данного раздела, что вполне закономерно. Культура этого периода в разнообразных проявлениях и формах ярко запечатлелась в истории России, а ее сохранившееся наследие продолжает вызывать интерес и восхищение у музейных посетителей.

В собрании Национального музея РТ это наследие представлено в значительном объеме и широком спектре источников, включает произведения изобразительного искусства, книжные памятники, предметы декоративно-прикладного искусства, документы, нумизматические материалы. Подавляющее большинство предметов происходят из старых поступлений (в том числе из собрания А.Ф. Лихачева), относятся к первому периоду деятельности музея (1895–1917).

Имеющиеся коллекции позволили раскрыть ряд важных аспектов рассматриваемой темы, которые будут охарактеризованы далее.

1. Культура презентации имперской власти, ее церемониалы.

Это культурное явление в настоящее время вызывает активный исследовательский интерес. Присутствие и место его в нашей экспозиции определены значимым фактом истории региона – посещением Казани и Казанской губернии императрицей Екатериной II в 1767 году.

Церемониально-репрезентативный аспект культуры представлен в наиболее выгодном экспозиционном пространстве, занимаю-

щем центральную ось зала (структурно разделяет в содержании первую и вторую половину века).

Доминантами выступают два ведущих экспоната:

– парадный портрет императрицы Екатерины II (копия, сделанная специально для экспозиции петербургским художником Г.С. Галумовым с портрета работы Ф.С. Рокотова начала 1770-х гг.). Екатерина Великая изображена со всеми регалиями и атрибутами власти, среди которых особо выделен недавно учрежденный императрицей орден св. Георгия;

– дворянская карета западноевропейского производства, в которой, по преданию, Екатерина II ездила в Казани. Карета – уникальный экспонат, признанный символом музея. Великолепные экипажи такого уровня ценности находятся только в нескольких московских и петербургских музеях – хранилищах царских и императорских коллекций.

Вокруг названных ключевых объектов созданы экспозиционные комплексы, лаконично отражающие репрезентативные акты и церемонии:

– вступление на престол, коронация императрицы (экспозиционный комплекс в витрине под портретом). В экспозиционный комплекс входят: медаль на восшествие Екатерины II на престол 28 июня 1762 года с надписью «Се спасение твое»; медаль на ее коронацию 22 сентября 1762 года с надписью «За спасение Веры и Отечества», коронационный манифест, опубликованный в Москве 4 июня 1763 г., серебряная с золочением табакерка с гравированным изображением императрицы;

– путешествие по Волге в 1767 году с посещением Казани.

Ведущим экспонатом является, как уже упоминалось, знаменитая карета. Другие материалы этого экспозиционного комплекса создают ее «фон» и дополняют тему путешествия императрицы. Это письменные и вещевые источники: книга «Географическое описание реки Волги от Твери до Дмитревска для путешествия Ее Императорского Величества по оной реке», изданная в Петербурге в 1768 году (муляж¹), документ «Реестр экипажей и лошадей, определенных

---

¹ Введение в экспозицию определенного числа научно-вспомогательных материалов вызвано невозможностью постоянного экспонирования ряда подлинников из фондов НМ РТ в соответствии с режимами обеспечения их сохранности (гравюры, письменные источники), в отдельных случаях в

для путешествия императрицы Екатерины II в Казань» (муляж), модель галеры «Тверь», на которой прибыла императрица.

Также вокруг кареты в витринах находятся предметы, относящиеся к одному из традиционных актов церемониальной культуры – дарениям.

Марийская женская рубаха с поясом (типологический экспонат) – напоминает о том, что подобный предмет «черемисского» костюма был подарен императрице Екатерине II в связи с ее интересом к населявшим край народам. Богато украшенное седло с попоной-чепраком восточного типа (реконструкция) также ассоциативно «отсылает» к одному из казанских даров. Наибольшую историческую ценность в этом ряду экспонатов имеет фелонь из парчи и бархата (предмет облачения священника), изготовленная в Киеве во второй половине XVIII века – подлинный дар императрицы Екатерины II Казанской епархии.

2. Предметно-бытовая и художественная культура эпохи.

Этот аспект темы отражен в трех комплексах, включает только подлинные экспонаты.

Первый комплекс размещен в крупногабаритной витрине, где демонстрируются предметы декоративно-прикладного искусства. Комплекс построен по систематическому принципу, в нем представлены группы предметов из фарфора, стекла, серебра, золоченой бронзы. Экспонаты, снабженные подробными этикетками, позволяют даже без пояснений экскурсовода проследить основные вехи развития этих видов декоративно-прикладного искусства в Западной Европе и России².

В составе комплекса наибольшее количество предметов из фарфора, материала, знакового для европейской рафинированной культуры XVIII века. Фарфор этой эпохи – это подлинное открытие, особый мир со своей эстетикой, конкурентностью в производстве, бытовой культурой.

копиях представлены материалы из других государственных хранилищ Татарстана и России, необходимые для раскрытия концепции – архивные документы, книги. Также включены несколько предметных реконструкций.

² Аналогичный комплекс есть в разделе «Казанская губерния в первой половине XVIII века».

Среди фарфоровых вещей можно видеть предметы российского производства – Императорского завода и частной фабрики Гарднера. Следует напомнить, что для России это начало изготовления фарфора и вместе с тем один из периодов расцвета. В основном представлена «ординарная» посуда екатерининского времени, входившая в быт уже не только столичных вельмож, но и провинциальных дворян, богатых купцов. Без сомнения, она была в употреблении в Казани – губернском центре.

Содержание комплекса включает различные исторические смыслы, связанные с бытованием предметов, культурными влияниями тех или иных европейских центров (сохранение авторитета майссенского фарфора, популярность английских ведждвудских изделий и т.д.).

Отличительная черта данного комплекса предметов – явная принадлежность к европеизированной культуре дворянства (и некоторых других городских слоев, тяготевших к этому культурному типу).

Более «демократическая» городская культура, связанная с народными традициями и наследием Древней Руси, в экспозиции показана небольшой группой предметов в соседнем тематическом комплексе, посвященном городской и губернской реформам, Казанскому магистрату и губернскому правлению. Основу комплекса составляют документальные материалы, гравюра с видом Казани, карта Казанского наместничества. Вещи – поливные изразцы, забавные стеклянные сосуды в виде медведей, стеклянная же табакерка – создают зрелищный акцент, расширяют социально-сословное поле представленного в экспозиции предметного мира.

В третьем экспозиционном комплексе, относящемся к художественно-бытовой культуре, помещен костюм дворянина (реконструкция) с характерными предметными аксессуарами. Ансамбль был создан «по мотивам» портретов этого времени, в него входят реконструкция мужского костюма (кафтан, жилет, кюлоты, парик), трость, табакерка, перстень с геральдическими изображениями, изящная книжка в кожаном переплете с золотым тиснением – «Поэмы Оссиана» Д. Макферсона (Глазго, 1799. Ч.2; на англ. языке). Книга введена в качестве знакового атрибута эпохи Просвещения.

Не выделены в отдельный комплекс, но присутствуют в экспозиции предметы с особо насыщенной культурной семантикой, характерной для XVIII века (аллегории, эмблематика и геральдика, галантные сюжеты, связь с историческими событиями и пр.). Среди

этих вещей – серебряная кружка русской работы (1793 г.), с аллегорическими гравированными изображениями и надписями по библейским сюжетам (с общей темой Судьбы), чарка, также из серебра, с впаянной медалью в честь заключения Екатериной II мира с Портой в 1791 году и т.д.

3. Книжная культура и литература.

Эта тема отражена в экспозиции довольно широко (в рамках площади), относится к важнейшим аспектам содержания, раскрывается в контексте культуры Просвещения.

Национальный музей РТ хранит замечательное собрание книг XVIII столетия, оно характеризуется разнообразием тематики, мест издания. Книги второй половины века в этой коллекции существенно преобладают.

Если по первой половине века авторы экспозиции испытывали трудности в связи с недостаточной полнотой коллекции, то в данном случае очень сложным был процесс отбора книжных памятников из большого количества. Нужно было достичь гармоничного соотношения смысловой репрезентативности в раскрытии темы и качества ее предметно-художественного воплощения. Книга является весьма сложным предметом для экспонирования – ее содержательная семантика остается почти полностью скрытой от посетителя, а материальная форма традиционно считается музейными художниками мало интересной (монотонной) в отношении зрительного восприятия и т.д.

Созданный экспозиционный комплекс (в крупногабаритной витрине) вполне закономерно объединяет тему книжной культуры этого периода с темой становления образования. На одном из акцентных мест – в центре на переднем плане – помещены несколько документальных материалов (копии документов Национального архива РТ) по первым годам деятельности Казанской мужской гимназии, учрежденной в 1758 году. Эти документы связывают данный тематический блок с мемориальным комплексом Г.Р. Державина, расположенным напротив. Демонстрируется ведомость о посещении занятий учениками Казанской гимназии (1760 г.), среди которых указан будущий поэт и государственный деятель.

Региональную специфику развития образования в Казани отражают представленные в группе учебников книги С. Хальфина (муляжи по оригиналам других хранилищ) – «Азбука татарского языка» (СПб., 1758), «Татарский словарь и краткая татарская граммати-

ка в пользу обучающегося юношества татарскому языку» (Казань, 1786).

Также включены интересные источники по столичным учебным заведениям – свидетельство Императорского Общества благородных девиц о награждении малой серебряной медалью А.А. Дьяковой (СПб., 1779)³, гравюры с изображением просяного и ячменного кустов из сада Императорского Шляхетского сухопутного кадетского корпуса (СПб., 1789).

Книжно-документальный ряд дополнен миниатюрными портретами деятелей образования и культуры эпохи Просвещения, предметными атрибутами – письменными приборами, учебными принадлежностями.

Масштабность экспозиционного комплекса, количественная и качественная представительность экспонатов отражают нарастающий процесс распространения книжной культуры в провинции, особенно в таком крупном губернском городе, как Казань.

Вехи литературного процесса обозначены книгами ведущих российских авторов – М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова и др. Одновременно ставилась задача показать деятельность крупных издательств и типографий, в первую очередь при Академии наук и Московском университете.

Особенно в экспозиции выделены (количественно) издания, связанные с деятельностью Н.И. Новикова, знаменитого, во многом непревзойденного российского книгоиздателя, сыгравшего главную роль в распространении книг в провинции. Именно в этот период в Казани и дворянских усадьбах губернии формируются первые личные библиотеки, некоторые из которых затем стали семейными (родовыми). В экспозиции находятся книги петербургского и московского периодов издательской деятельности Н.И. Новикова, начиная с шестой части «Древней Российской вивлиофики» (СПб., 1774). Одна из книг открыта таким образом, чтобы был виден издательский знак Н.И. Новикова.

Экспозиционный комплекс в целом выявляет наиболее характерные черты книжного репертуара эпохи.

---

³ Александра Алексеевна Дьякова, в замужестве Капнист – сестра второй жены Г.Р. Державина Дарьи Алексеевны. Императорское Общество благородных девиц – знаменитый Смольный институт.

Довольно широко представлены издания научного и образовательного характера – учебники, научно-популярные книги для детского чтения, издания, посвященные путешествиям, географическим и этнографическим описаниям различных территорий России и мира. В экспозиции можно видеть том «Путешествия по разным местам Российского государства» П.С. Палласа (СПб., 1786. Ч.2. Кн.2; перевод с немецкого языка; издание снабжено гравюрами).

Из разряда нравственно-философской тематики представлена книга А.Т. Болотова «Путеводитель к истинному человеческому счастью, или Опыт нравоучительных и отчасти философических рассуждений о благополучии человеческой жизни и о средствах к приобретению оного» (М., 1784. Ч.1). Популярные произведения иностранной художественной литературы показаны переводами произведений Л. Апулея «Превращение или Золотой осел» (М., 1780), Д. Свифта «Путешествия Гулливера» (М., 1780) и др. Из числа известных серийных изданий эпохи в экспозиции находится экземпляр «Трудов Вольного Экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства» (СПб., 1765. Ч.1).

Русская печатная книга второй половины XVIII века является одной из вершин книжного искусства в истории отечественного издательского дела. В экспозиционном показе были сделаны акценты на гравированное иллюстрирование титульных листов, оформление переплетов, форзацев, обрезов книжных блоков.

Также в комплекс введены экспонаты, выявляющие связи, соприкосновения русской и татарской (шире – восточной, мусульманской) культур в общероссийском и региональном контекстах. К этому содержательному блоку, например, относится издание Академии наук «История о Казанском царстве неизвестного сочинителя XVI столетия», изданная Академией наук (СПб., 1791). Самостоятельная тема татарской книжной культуры также входит в содержание экспозиции, но не является предметом рассмотрения в настоящей статье.

4. Замечательные деятели культуры Казанского края и России второй половины XVIII – начала XIX вв.

В экспозиции находятся два персонально-биографических комплекса, посвященных поэтам – уроженцам Казани и Казанской губернии.

Одним из смысловых и ценностных центров всей экспозиции «Казанская губерния в XVIII веке» является относящийся к уникаль-

ной части музейного собрания мемориальный комплекс Г.Р. Державина и его семьи.

Воссоздан фрагмент домашнего интерьера: стол, вольтеровское кресло и чернильный прибор из обстановки кабинета Гавриила Романовича. На столе экспонируются автограф его делового письма, одно из прижизненных изданий. Над столом – портрет Г.Р. Державина (поясная копия портрета, созданного С. Тончи в 1801 г.). В отдельной витрине помещены карманные часы английской работы, предположительно принадлежавшие поэту (поступили из коллекции А.Ф. Лихачева). Также представлены экспонаты, связанные с Д.А. Державиной (урожденной Дьяковой), второй женой поэта – ее портрет в молодые годы и арфа.

Все мемориальные экспонаты относятся к петербургскому периоду жизни Г.Р. Державина. Именно в период правления Екатерины II он сформировался как государственный деятель, приобрел славу крупнейшего русского поэта. Изображение родового герба вводит в содержание комплекса тему местных корней Г.Р. Державина и татарского (золотоордынского) происхождения рода.

Второй персонально-биографический комплекс посвящен тезке и младшему современнику Г.Р. Державина, Гавриилу Петровичу Каменеву (1773–1803) и литературно-масонскому кружку Г.П. Каменева – С.А. Москотильникова. В целом материалы комплекса демонстрируют стирание границы между собственно дворянской культурой (как сословной) и культурой просвещенного купечества и чиновничества.

Большинство экспонатов относится к Гавриилу Петровичу Каменеву – казанскому купцу, яркому представителю поэзии русского предромантизма конца XVIII – начала XIX века. Сословное положение Г.П. Каменева отражено документом Казанского городского магистрата 1791 г. (копия документа Национального архива РТ) с его подписью как бургомистра и С.А. Москотильникова – секретаря.

Особенности творческого и жизненного пути поэта, лейтмотивная тема смерти в его поэзии и реальная ранняя кончина представлены рукописью предсмертного стихотворения «Хижицы» (список был сделан неизвестным лицом в начале XIX века) и фотографией надгробия Г.П. Каменева на кладбище Кизического монастыря (из журнала «Исторический вестник», 1903 г.).

Савва Андреевич Москотильников – ближайший друг Г.П. Каменева, лидер литературно-масонского кружка, существовавшего в Казани в середине 1790-х – начале 1800-х годов, представлен портретным изображением и книгой Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» (М., 1821) в собственном переводе. Это произведение итальянского поэта XVI века было популярно в масонской среде, для С.А. Москотильникова работа над этим переводом стала делом многих лет, подлинным жизненным призванием.

Тема масонства, в сферу влияния которого входил казанский кружок, затронута посредством введения характерных предметных атрибутов (типологического характера). Представлены знаки трех масонских лож из старых поступлений музея: знак с надписями «OR de ST ETIENNE» и «LINDUSTRIE» (Франция, конец XVIII в.); знак ложи Доброго пастыря (Россия, конец XVIII – начало XIX в.); знак Директориальной ложи Владимира к Порядку (Россия, начало XIX в.).

Трансляция содержания экспозиции может осуществляться различными способами. Это самостоятельное восприятие посетителей (без участия музейного сотрудника); осмотр в рамках обзорной экскурсии; более глубокое знакомство при проведении тематической экскурсии.

Рассмотренная тема обладает значительным потенциалом в контексте гуманитарного знания для различных форм специализированной работы с посетителями, в первую очередь с учащимися средних и высших учебных заведений.

Тимофеева Л.С.

**Деятельность И.И. Шувалова и И.И. Бецкого
по формированию музея Академии художеств**

В истории музейного дела России XVIII век выделяется как время создания первых музеев, возникновения и систематизации крупных музейных коллекций. Развитие музейного дела в этот период напрямую связано с идеологией Просвещения, влияние которой сказывалось как в государственной политике, так и в общественном мнении.

Важным, можно сказать этапным, событием в истории становления музейных учреждений стало создание Академии художеств, где начали готовить профессиональные кадры для российского искусства (а значит, и для российского музейного дела) и где возник первый в России учебный художественный музей. История его создания неразрывно связана как с развитием Академии художеств, так и с деятельностью первых кураторов Академии – И.И. Шувалова и И.И. Бецкого.

Инициатива основания самостоятельной Академии художеств принадлежала выдающимся деятелям русского Просвещения – великому ученому М.В. Ломоносову и куратору московского университета, одному из наиболее образованных людей своего времени графу И.И. Шувалову. Они выдвинули идею выделения высшей художественной школы из состава Академии наук, в которой, по велению Петра I, происходило до этого времени обучение «знатным художествам».

Именно Шувалов в 1757 г. «вошел в Сенат» с представлением об учреждении в Российской империи Академии художеств. В ответ на это 6 ноября 1757 г. (по старому стилю) последовал правительственный указ: «Означенную Академию художеств здесь, в С.-Петербурге, учредить, а на каком основании она быть может, имеет о том генерал-поручик и Московского университета куратор и кавалер Шувалов подать в Правительствующий Сенат проект»¹.

¹ Лисовский В. Г. Академия художеств. Л., 1982. С.16.

Роль Шувалова в создании Академии художеств была огромна. Достаточно сказать, что в первые годы после создания Академия размещалась в доме Шувалова на Садовой улице и существовала во многом на его средства.

На начальном этапе существования Академии у Шувалова как ее куратора и президента еще отсутствовали ясные представления об организации учебного процесса. Главное внимание уделялось преподаванию живописи и скульптуры, тогда как круг дисциплин, изучавшихся в то время в европейских Академиях, был значительно шире. Отсутствовали программы, определенный порядок занятий, даже расписание. Ученики обучались закону Божию, иностранным языкам, географии, арифметике, геометрии, истории и мифологии. Позже был приглашен преподаватель анатомии.

Образцом организации обучения для российской Академии художеств была французская Королевская академия. Однако использовался опыт и других европейских учебных заведений. Основой школы являлся рисунок: сначала простейший, затем с «образцов» (преимущественно гравюры с произведений старых мастеров), далее – с гипсов (антики) и уже потом – с обнаженной натуры. Копирование с «образцов», которому придавалось важнейшее значение, было введено по примеру английской Академии. Ее президент Рейнолдс опровергал «ложное и грубое мнение, что правила связывают гениев. Они связывают только людей, лишенных таланта, как те доспехи, которые на сильном являются украшением и защитой, на слабом и уродливом становятся грузом и наносят вред телу, которое созданы были защищать»².

Необходимость иметь для копирования большое количество «образцов» привела к необходимости создания учебной коллекции. Начало ей положил президент Академии, славящийся своим бескорыстием и щедростью. В 1758 г., одновременно с началом занятий, Шувалов передал в дар Академии свое собрание – библиотеку, коллекцию живописи, в которую входили картины отечественных и иностранных художников, копии с античной скульптуры, специально закупленные рисунки и гравюры. Среди картин, переданных академии, находились работы Тинторетто, Веронезе, Рембрандта,

---

² Ильина Т.В., Щербакова М.Н. Русский XVIII век: изобразительное искусство и музыка: учеб. пособие. М., 2004. С.182.

Рубенса, Пуссена и др. Это собрание и стало основой музея Академии художеств.

С приходом к власти Екатерины II весь шуваловский период деятельности Академии был объявлен «партикулярным», то есть протекавшим под частным руководством ее куратора. И.И. Шувалов был «уволен за границу без срока», а на его место назначен «господин генерал-поручик и кавалер» И.И. Бецкой, который энергично взялся за осуществление реформы Академии художеств (Лис. С. 17–18). В 1763 г. Екатерина издает новый, по сути вторичный, указ об учреждении Академии художеств. В 1764 г. утверждаются Привилегия, Устав и штаты Академии. С этого времени Академия художеств становится не просто учебным заведением – высшей художественной школой, но и государственным учреждением, регламентировавшим художественную жизнь страны, присуждавшим звания и награды. В какой-то мере это отразилось и на формировании музейных коллекций.

Принципы, которыми руководствовался новый президент Академии – И.И. Бецкой, значительно отличались от тех, которые исповедовал И.И. Шувалов. Эта разница отражала общий характер перемен, происходивших в России. Елизаветинская эпоха закончилась, на смену пришла эпоха Екатерины – эпоха классицизма. Строгий, четкий порядок, регламентация – вот черты, характеризующие новую эпоху. Однако многие идеалы остались прежними. Дух Просвещения проник в Россию именно при Елизавете Петровне, и влияние его остается господствующим в сфере образования и культуры. Поэтому перемены коснулись прежде всего не педагогических основ художественного образования, а организации процесса обучения, улучшения финансирования и качества преподавания, наконец, роли президента в жизни Академии. И.И. Бецкой вошел в историю России не только как крупный государственный деятель, но и как создатель новой педагогической системы, вызвавшей реформу образования во второй половине XVIII в. Для Академии художеств эта реформа означала создание при ней Воспитательного училища, а также значительные изменения в учебной программе.

В XVIII в. четкого разделения между академическими классами и музеем не было. В своей педагогической системе И.И. Бецкой исходил из традиционной в XVIII в. посылки, что, глядя на картину, человек испытывает желание стать художником, что изображенная на холсте природа, поражая воображение, заставляет его стремиться

создать нечто подобное. С момента приема в число воспитанников ученика окружали произведения искусства, среди которых он жил, работал, проводил свободные часы. «В тех комнатах – указывалось в ордере Ф. Рокотову, К. Головачевскому и И. Саблукову, – которые учреждены для классов, украшены картинами, эстампами, десейами и гипсами, в которые и с дозволения входить для смотрения и примечания лучших мастеров, что немало может способствовать в их учении дозволяется и в кабинете когда будут требовать эстампов, только чтоб чрез то не были утрачены и измараны»³.

Статуи, рельефы, гравюры, картины, архитектурные чертежи находились прямо в учебных аудиториях, поскольку постоянно использовались в качестве образцов для копирования. С их помощью в классах создавалась совершенно особая атмосфера, ежедневно погружающая учеников в мир прекрасного и формирующая высокий художественный вкус.

Помимо классов в Академии существовали и специально отведенные для музея помещения. На сохранившемся в отделе архитектуры музея гравированном плане здания Академии конца XVIII в. видно, что одна из галерей второго этажа служила музеем «антических статуй». В юго-западном павильоне располагалась библиотека, входившая в состав музея, а в юго-восточном были развешены картины из академической коллекции. Выражаясь современным языком, музей развивался на основе принципа открытого хранения фондов, доступных ограниченному числу зрителей – учащихся Академии, а возможность видеть эти произведения искусства являлись привилегией и правом ее учеников.

Широкое и повседневное пользование картинами и рисунками академического собрания вызвало необходимость постоянного производства реставрационных работ. Характер их различен – починка сломанных подрамников, смена лака, мытье. В архивах Академии сохранился контракт, заключенный с Семеном Щедриным, в котором он обязуется произвести реставрацию 165 картин⁴.

---

³ Цит. по Молева Н., Белютин Э. Педагогическая система Академии художеств XVIII века. М., 1956. С.143.

⁴ Сборник материалов для истории императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования / под ред. И. И. Петрова. СПб., 1864. С.180.

Следует отметить, что Академический Совет относился к реставрации чрезвычайно серьезно. Она проводилась под надзором опытных профессоров и, как правило, реставратору предоставлялась сначала только одна картина, что давало возможность проверить уровень его мастерства. Уже упомянутый С. Щедрин проводил реставрацию под руководством профессора академии Гроота. Помимо этого в штате Академии существовала особая должность живописца, надзиравшего за картинной галереей.

Академические картины, насколько можно судить по сохранившимся отрывочным свидетельствам, постоянно перевешивались, вероятно, для того, чтобы ученики не привыкали к одному и тому же сочетанию работ и не теряли остроты их восприятия.

Все эти богатейшие фонды в первые годы находились в ведении библиотеки, которая, кроме того, выдавала на руки ученикам наравне с книгами оригинальные рисунки мастеров и эстампы. С ростом коллекций возникла потребность в надзоре за ней. В 1765 г. выпускник Академии К. Головачевский был выбран казначеем и хранителем всех художественных сокровищ Академии. Он занимал эту должность с перерывами 25 лет.

Еще одним важнейшим начинанием стала выставочная деятельность в стенах Академии. На ежегодных выставках экспонировались работы ведущих художников, среди которых обязательно присутствовали работы академических преподавателей. Единственным принципом организации подобных выставок было стремление показать произведения возможно более широкого круга художников, имеющих академическое звание. Сохранившийся каталог выставки 1770 г. дает представление о выставке как собрании самых разнохарактерных произведений. Это проявлялось как в отношении представленных на ней имен (А. Лосенко, Д. Левицкий, И. Бельский, И. Старов, Ж.Б. Валлен Деламот), так и в отношении жанров и видов художественных работ, в число которых входили историческая, портретная, перспективная и декоративная живопись, «зверопись», миниатюры, мозаики, рисунки и архитектурные проекты⁵.

Анализируя состояние академического собрания в XVIII в., можно выделить несколько источников формирования музейных

---

⁵ Молева Н., Белютин Э. Указ. соч. С.145.

коллекций. Во-первых, это дары, поступавшие со стороны самых разных лиц, начиная с самой императрицы и кончая выпускниками академии. Во-вторых, целенаправленные закупки произведений искусства за границей и приобретение коллекций или отдельных предметов искусства у наследников художников или «разных чинов». Наконец, это работы преподавателей Академии и ее учеников. Эти произведения зачастую создавались специально в учебных целях, что не уменьшало их художественную значимость. Остановимся подробнее на каждом из этих источников.

Как уже было отмечено, коллекция Академии возникла в результате передачи И.И. Шуваловым в дар своего собрания картин. В следующие годы традиция дарения сохраняется и поддерживается на самом высоком уровне. В 1767 г. Екатерина II пожаловала Академии 6979 рисунков⁶. Известно о нескольких вкладах И.И. Бецкого, разнообразных по содержанию. Один из этих вкладов представлял собой несколько сундуков рисунков художников западноевропейских школ. До настоящего времени «Собрание Бецкого» в своем первоначальном виде не сохранилось. Часть его была утрачена, часть поступила в Эрмитаж (в основном из числа атрибутированных листов) и лишь незначительная часть остается в музее Академии художеств. Но даже в таком разрозненном виде можно получить представление о его характере и значительной художественной ценности. В «Собрание» вошли в большинстве своем оригинальные рисунки разнообразных жанров (пейзаж, аллегорические и мифологические сцены, бытовые зарисовки), эскизы композиций, своеобразные этюды и т.п. Особая ценность их состояла в том, что они были выполнены представителями разных школ и давали возможность молодым художникам познакомиться с особенностями их живописной манеры.

Последний дар Бецкого был сделан в 1795 г., когда по его завещанию в академию был передан кабинет антиков, в котором находилась коллекция слепков и копий резных камней, собираемая долгие годы. К коллекции была приложена собственноручная опись, сделанная Бецким в 1772 г. Она содержала подробное описание подлинников гемм и резных камней, с которых были сделаны копии. Начиналась опись с произведений, созданных в Древнем Египте,

---

⁶ Майков П.Н. И.И. Бецкой. Опыт его биографии. СПб., 1904. С.341.

Древней Греции и Рима и доходила до работ французских мастеров, изображавших Елизавету Петровну и Екатерину II⁷.

Целенаправленное приобретение произведений искусства получило развитие именно в годы президентства И.И. Бецкого. В бюджете Академии ежегодно выделялись суммы на подобные покупки. Сохранились описи приобретений, вывозившихся из Италии в адрес Академии. В них упоминаются как подлинники – обломки статуй, капителей колонн, барельефов, вазы, картины Рубенса, эстампы Пиренези, миниатюры, так и копии – слепки.

В осуществлении подобных закупок принимал участие и живший в это время в Италии И.И. Шувалов. Заботясь о подготовке воспитанников Академии, он добился разрешения папы римского на снятие копий с лучших статуй Рима. Для лучшей сохранности они были отлиты из чугуна. Вместе с копиями, сделанными по его распоряжению в Неаполе и Флоренции, они были отправлены в Петербургскую Академию художеств. Следует отметить, что разрешения сделать копии со статуй, находящихся в Ватикане, безуспешно добывались многие, в том числе австрийский император Иосиф II, но получали отказ. И.И. Шувалову, благодаря широким связям и положению в Риме, это удалось⁸.

Конкурсы разного уровня, регулярно проводившиеся в Академии, стали источником постоянного пополнения коллекций учебного музея. Произведения учеников, удостоенные той или иной награды, представлялись на ежегодных выставках, а затем вливались в фонды музея. Традиция проведения выставок была заложена еще Шуваловым. Выставки использовались не только как средство презентации, но и давали возможность расширить круг меценатов, в первую очередь представителей высшего общества, которые в различных формах поддерживали Академию.

Возможность осмотра выставки по-прежнему является привилегией узкого круга лиц. Право свободного доступа публики в музей в XVIII в. лишь начинает утверждаться в сознании создателей и владельцев европейских музеев. Россия в этом отношении дала пример весьма своеобразного и противоречивого развития. Так,

⁷ Майков П.М. Указ. соч. С.341–342.

⁸ Бартенев П.И. И.И. Шувалов / И.И. Шувалов. К 270-летию со дня рождения: сб. М., 1997. С.92.

Петр I, в русле своих революционных преобразований страны по европейским образцам, основал в Петербурге Кунсткамеру, музейное образование, для Европы уже не актуальное. Однако он сделал ее публичным музеем, прилагая для привлечения публики активные усилия: повелел подносить каждому посетителю мужского пола рюмку водки, а женщинам – чашку кофе. С другой стороны, уже в последней трети столетия Екатерина II гордо заявляла, что сокровищами ее картинной галереи в Эрмитаже (этимологически – «месте уединения, отшельничества»!) наслаждаются «только мыши и она сама»⁹. Взгляды императрицы, естественно, определяли и выставочную политику Академии художеств.

Пенсионеры Академии, находясь в заграничных поездках, также пополняли музейную коллекцию. Помимо «репортов» они регулярно присылали на рассмотрение Совета Академии этюды, рисунки, копии картин знаменитых художников, обмеры памятников зодчества и другие материалы.

Лучшие работы учеников, произведения, представлявшие на соискание академических званий, оставались в Академии при соответствующих классах с тем, чтобы служить образцами для подготовки следующих поколений воспитанников. Ежегодное пополнение музейных коллекций позволило сформировать в музее Академии художеств великолепное собрание образцов академического русского искусства.

В современной экспозиции музея хранится одна из первых картин академического собрания – копия с фрески Рафаэля «Правосудие», исполненная А.П. Лосенко во время пенсионерской поездки в Италию в 1768 г. Эта работа, позволившая присудить ее автору звание «назначенного в академики», стала служить ученикам Академии пособием для «упражнения в колерах», то есть помогала изучению цветов в их гармонических сочетаниях¹⁰.

Несмотря на быстрый рост коллекций, учет их в XVIII в., да и в первой половине XIX в. практически отсутствовал. Указания, которые давались хранителям, не выполнялись, и ни описи, ни каталогов составлено не было. Судить о содержании коллекций можно лишь по немногим сохранившимся каталогам выставок, а также по описям да-

---

⁹ Калугина Т.П. Художественный музей как феномен культуры. СПб., 2008. С.83.

¹⁰ Лисовский В.Г. Указ. соч. С.42.

рений и реестрам отреставрированных или, как тогда писали, «починенных» картин. Каталоги содержат сведения об авторах произведений искусства и владельцах тех работ, которые уже были приобретены. В реестрах также были указаны названия и авторы произведений.

Описи дарений часто представляли собой лишь неатрибуированное описание содержания того или иного дара, поступившего в академию, сделанное в свободной форме. Примером может служить «опись пожиткам покойного господина профессора Лосенко». Названия разделов описи говорят сами за себя: «Рисунки, картины и эстампы в 1-м портфеле зеленом»¹¹. Далее следует простое перечисление произведений, основанное на характере техники, в которой они были исполнены. Упоминание об авторах произведений в описи отсутствует. Подобный принцип составления описей сохранялся достаточно долго. Первый каталог коллекций Академии художеств будет подготовлен лишь к 100-летию Академии.

Таким образом, процесс становления учебного музея академии Художеств происходил в тесной связи с развитием этого учебного заведения. Идеология Просвещения, которую в равной степени разделяли ее первые кураторы – И.И. Шувалов и И.И. Бецкой, – определила главные направления формирования фондов этого музея. Растущие коллекции в XVIII в. были предназначены прежде всего для обеспечения учебного процесса и не воспринимались современниками как музей, то есть собрание произведений искусства, имеющее самостоятельное художественное значение.

В то же время трудно переоценить значение этих коллекций в формировании высокого художественного вкуса выпускников, в накоплении сокровищ мирового искусства, равно как и образцов академического искусства XVIII в. Складывающиеся в процессе деятельности учебного музея принципы его работы – доступность коллекций и постоянное использование их в процессе обучения, широкая (в масштабах XVIII в.) выставочная деятельность, постоянный и целенаправленный рост фондов, забота о сохранении экспонатов и реставрация их – сохраняются в Академии на долгие годы и войдут в практику других учебных художественных музеев.

---

¹¹ Сборник материалов для истории императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования / под ред. И.И. Петрова. СПб., 1864. С.215.

ЧАСТЬ II

Материалы участников заочной секции Всероссийской научно-практической конференции «Екатерина II и имперское многообразие России: опыт политического и культурного взаимодействия»

Абдуллин Х.М.

Екатерина II и формирование национальных воинских подразделений в Российской империи

Период царствования Екатерины II в отечественной историографии принято считать временем попытки консолидации всего многообразного общества Российской империи. Здесь можно вспомнить и знаменитый Наказ 1767 г., и переход к политике веротерпимости, одним из проявлений которого стало официальное признание ислама в империи терпимой религией, и организацию Оренбургского и Таврического духовных собраний и правлений во главе с муфтиями, а также признание и возвращение дворянских прав представителям элит национальных меньшинств страны.

Вышеуказанные обстоятельства в политике Екатерины II также способствовали и началу практики формирования национальных воинских подразделений в иррегулярных войсках России. Конечно, представители национальных меньшинств и прежде были востребованы в военном ведомстве страны. Так, например, по данным А.В.Чернова, к 1630 г. ратные люди из народов Среднего Поволжья составляли 18 701 человек, то есть 20% от общего числа русского войска (92 555 человек)¹. Однако лишь с воцарением Екатерины II стал возможным переход к формированию национальных частей,

---

¹ Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV–XVII веках. М., 1954. С.130.

прежде всего в казачьих войсках. Этому во многом способствовала и необходимость предоставления места службы для представителей дворянства национальных элит, и возможность привлечения на службу по военному ведомству, по примеру православного военного духовенства и священнослужителей других терпимых исповеданий.

Первый опыт формирования национальных войск, интегрированных в российское военное ведомство, связан с крымскими татарами. После присоединения Крыма в 1783 г. Екатерина II заверяет мусульман полуострова: «...обещаем свято и непоколебимо за Себя и Приемников Престола Нашего, содержать их наравне с природными Нашими подданными, охранять и защищать их лица, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно; и дозволить напоследок каждому из них состоянию все те правости и преимущества, каковыми таковые в России пользуются»². Именным указом от 1 ноября 1783 г. Екатерина II позволяет принимать татарских мурз и чиновников присоединенного Крымского ханства на военную службу с присвоением им званий не выше премьер-майора³. Тем самым мусульмане впервые официально получили право воинской службы в офицерских званиях. Указ 22 февраля 1784 г. уравнивал татарских мурз и князей в правах российского дворянства⁴. В том же году из крымских татар формируется особое войско – «Таврические Национальные дивизионы»⁵. Все офицеры дивизионов были назначены из молодых мурз дворянских родов Крыма. Первым дивизионом командовал ротмистр⁶ Мустафа Киятов, вторым дивизионом – майор Абдулла Велич, третьим – майор Батыр ага⁷ Тамагул Крымтайский. В дивизионах не было установленной формы одежды, единственным требо-

---

² Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д.Ю.Арапов. М., 2001. С.47.

³ ПСЗРИ. Ис. Т.ХХI. №15861. СПб., 1830. С.1040–1041.

⁴ ПСЗРИ. Ис. Т.ХХII. №15936. СПб., 1830. С.51–52.

⁵ ПСЗРИ. Ис. Т.ХLIII. Ч.I. Книга штатов. Отд. I. №15945. СПб., 1830. С.210.

⁶ Ротмистр – военный чин в кавалерии, до 1884 года – 9-го, а с 1884 года – 8-го класса по Табели о рангах, соответствовал чину капитана.

⁷ Ага – почетный титул у тюркских народов, употреблялся по отношению к старейшинам.

ванием было, чтобы цвета одежды различались подивизионно⁸. Эти первые военные формирования из крымских татар просуществовали до 1796 г., позже их правопреемниками станут Симферопольский, Перекопский, Евпаторийский и Феодосийский крымско-татарские конные полки, прославившие себя в Отечественной войне 1812 г.

Опыт национальных формирований из крымских татар в дальнейшем был распространен и на татар Поволжья и Приуралья. Именным указом Екатерины II от 18 апреля 1790 г. из тептярей и бобылей Уфимского и Вятского наместничеств был сформирован пятисотенный казачий полк по примеру Донских казачьих полков⁹. 23 июля 1791 г., он был переименован в Уфимский казачий полк¹⁰. В 1798 г. уже при Павле I, полк был разделен на два: 1-й и 2-й Тептярские казачьи полки, и здесь же впервые в штате войск Российской империи появляется должность полкового муллы¹¹. Оба полка приняли активное участие в Отечественной войне 1812 г. Так, казаки Первого тептярского полка участвовали в Бородинском сражении, а бойцы Второго тептярского полка победоносно вступили в Париж 19 марта 1814 г.

В 1794 г. императрица подписала именной указ «О разделении Великого Княжества Литовского на три части и образ управления оною», где, в частности, прописывалось и отношение правительства к особой группе мусульман на этой территории – польско-литовским татарам. Приведем извлечения из этого указа: «С благовременным прохождением всех частей возлагаемого на вас (генерал-губернатор Р.Н. Репнин) служения не оставьте вы без замечания поселенных в Литовских Областях Татарского племени войск, яко происходящих от народа храброго и прямодушного, а через то Наше Высочайшее об них попечение привлекающих: понеже чаем в них отрасли тех добрых качеств, коим народ Татарский нам известен; для сего поручаем вам, приняв от них вместе с прочими Литовскими жителями на

---

⁸ Муфтийзаде И.М. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год // Восточная коллекция. 2001. №3. С.114.

⁹ Мусульмане и мусульманское духовенство в военном ведомстве Российской империи: сборник законодательных актов, нормативно-правовых документов и материалов / Сост., автор ввводной статьи и комментариев Х.М.Абдуллин. Казань, 2009. С.19.

¹⁰ ПСЗРИ. Ис. Т.ХХIII. №16974. СПб., 1830. С.243.

¹¹ ПСЗРИ. Ис. Т.ХЛIII. Ч.1. Книга штатов. Отд. I. №18701 СПб., 1830. С.49.

верность Нам присягу, утвердить их в их собственности и преимуществах, и все их общество Нашим священным словом обнадежить, что не только оставляем их в свободе отправлять свое богослужение и при всем том, что в Литве они имеют, но желаем обеспечения их состояния, паче оное осчастливить...»¹². Впервые литовские татары в качестве особого войска будут привлечены на службу в апреле 1797 г., когда из них будет сформирован Пинский конный полк, который в июне того же года будет переименован в Литовский конный полк¹³. В 1803 г. полк будет разделен на два: Татарский и Литовский¹⁴. Первым командиром полка был назначен представитель древнего татарского рода князь полковник Якуб Мустафа Туган-мурза Барановский – сын польского полковника Мустафы Барановского. Татарский полк в корпусе А.М. Римского-Корсакого принял участие в итальянском походе¹⁵, в войнах Четвертой антифранцузской коалиции и Отечественной войне 1812 г.

Таким образом, политика императрицы по консолидации российского общества, одним из аспектов которого следует считать и формирование национальных воинских формирований, дала свои ощутимые результаты уже в начале XIX в., когда народы Российской империи впервые столь масштабно и сплоченно, рука об руку, встали против войск Наполеона. О важности национальных воинских формирований свидетельствует и тот факт, что даже при Павле I, столь ревностно относившимся к достижениям своей матери, политика создания новых национальных частей, была продолжена.

---

¹² Ислам в Российской империи... С.59.

¹³ Казин В.Х. Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей. Репринт. изд. М., 1992. С.33.

¹⁴ ПСЗРИ. Ис. Т. XLIII. Ч. II. Книга штатов, продолжение отделения первого. №20695. СПб., 1830. С.17.

¹⁵ Ахметшин Ш.К., Насеров Ш.А. Татары на службе Отечеству. Долг. Отвага. Честь. Страницы истории татарских воинских частей в Российской армии и Императорской гвардии. СПб., 2006. С.136.

Белякова Н.Ю.

Иммиграционная политика Екатерины II в оценках иностранных наблюдателей

«Россика» Екатерининской эпохи – записки иностранных дипломатов и путешественников, побывавших в империи, вызывавшей во второй половине XVIII столетия стабильно возрастающий интерес – содержит немало сюжетов, связанных с описанием взаимоотношений россиян с другими нациями.

Вполне объяснимо наиболее популярной в этом отношении темой выступают свидетельства зарубежных наблюдателей об отношении к иностранцам в России. Пожалуй, это один из немногих сюжетов в «россике», практически свободный от стереотипов, что делает его особенно интересным для изучения. Действительно, иностранным авторам, нередко вынужденным за нехваткой собственных впечатлений прибегать к оценочным суждениям своих предшественников или напрямую цитировать ранее выходившие описания России, в рамках данной темы предоставлялась возможность изложить свое личное мнение. Как правило, оно складывалось из полученного повествователем собственного опыта и наблюдений над положением своих соотечественников в Екатерининской империи. Анализ французских и английских свидетельств указанного периода позволяет выявить определенную сюжетную заданность в раскрытии «иностранный» темы, прослеживающуюся в большинстве работ.

Так, во многих источниках содержится утверждение о присущем россиянам гостеприимстве как яркой черте национального характера, подкрепленное конкретными примерами его проявления. Преподобный У. Кокс (Coxe) в своем основательном труде «Путешествия по Польше, России, Швеции и Дании», увидевшем свет в 1784 г. и отразившем в том числе впечатления от посещения автором европейской части России в 1778–79 гг., отмечал, что «ничто не может превзойти гостеприимства русских»¹. Примечательно, что это наблюдение повторяется дважды, при описании Москвы и Петербурга – так поразила англичанина традиция открытых столов российской знати.

---

¹ Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark. Illustrated with charts and engravings: In 5 vols. Vol.I. L., 1802. P.293.

Следующим наблюдением, встречающимся у многих иностранных авторов, выступает констатация увлеченности русского дворянства иноземными обычаями. Внешнее подражательство, широко распространенная в России галломания и постепенно возрастающее увлечение английскими традициями нередко служило поводом к однозначному выводу об отсутствии самостоятельного культурного развития. Самыми мягкими выводами на основании увиденного были заключения о цивилизационной «юности» России, со времен Петра I ориентированной на учебу у европейцев. Так, шотландец Э. Суинтон (Swinton), побывавший в России в 1788–90 гг. и опубликовавший свои впечатления от турне в 1792 г., отмечал, что «английские мастера учат ее искусству навигации и торговли; французские мастера, как обычно, танцам и манере одеваться; итальянские – чертежу планов для их домов и музыке; немецкие – ... всем другим искусствам войны»².

Наконец, еще одним расхожим сюжетом в сочинениях иностранцев является описание жизни своих соотечественников в России. Интересно, что нередко фактическое описание их положения расходилось с пристрастными суждениями общего порядка. Так, чрезвычайный посланник в России в 1764–67 гг. Дж.Макартни (Macartney), на страницах своего труда³ безапелляционно обвинявший россиян в «ненависти к иностранцам» при «нелепом подражании чужой жизни и нравам», в случае предметного описания российской внешней торговли (тесно связанной с деятельностью Британской Фактории на берегах Невы) не мог удержаться от наблюдения, что купцы, постоянно или временно проживающие в столице, «пользуются полным обеспечением личности и имущества, могут исповедовать любую из религий, которые так же терпимы, как и разные секты».

Таковы самые популярные направления, по которым в свидетельствах «россики» выстраивалась информация об участии иностранцев в жизни империи.

Гораздо меньшее отражение нашли в свидетельствах иностранцев данные о проводимой Екатериной национальной политике. Упоминаний об этих сюжетах самая обширная часть «россики» – наблю-

² Swinton A. Travels into Norway, Denmark and Russia, in the years 1788, 1789, 1790 and 1791. L., 1792. P.231.

³ [Macartney, G]. An Account of Russia in the Year MDCCLXVII. L., 1768.

дения британцев и французов – практически не содержит. Логично, что немногочисленные найденные оценки этого направления имперской политики содержатся в трудах иностранцев, проводивших в России несколько лет и имевших возможность – действуя, как правило, по долгу службы – более глубоко ознакомиться с происходящими событиями.

Рассмотрим некоторые свидетельства, дающие представление об иностранной оценке одного из важнейших направлений национальной политики Екатерининской эпохи. Инициатива императрицы в отношении привлечения колонистов для освоения незаселенных земель отразила не только поиск решения текущих внутривнутриполитических задач расширявшейся империи, но и ее собственные, усвоенные со времен знакомства с трудами просветителей представления об условиях приращения национального богатства, выразившиеся в камералистической политэкономии столетия⁴. Начало активной иммиграционной политики было положено практически сразу же после вступления Екатерины на престол и ознаменовалось выходом манифестов о колонистах от 4 декабря 1762 г. и от 22 июля 1763 г. Как известно, первые поселенцы прибыли из немецких земель на Волгу в 1767 г.; спустя год там было основано более восьми колоний с населением около 25 тысяч человек. Позднее несколько тысяч поселенцев прибыли в Воронежскую, Ингерманландскую, Лифляндскую губернии и в Малороссию. Последняя по окончании русско-турецкой войны 1768–74 гг. стала осваиваться особенно активно, и к 1800 г. на территории Российской империи проживало около ста тысяч колонистов. Немецкая община оказалась самой многочисленной и составляла 40% от общего числа поселенцев. Преподобный Дж. Паркинсон (Parkinson), побывавший в Поволжье в 1792 г., оставил восторженное описание одного из первых поселений – Сарепты: путешествующий тьютор признался, что «никогда не видел места, которое сравнилось бы с ней любезностью жителей и всевозможными жизненными благами и удобствами»⁵.

⁴ Бартлетт Р. Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России / Материалы международного научного colloквиума 2–6 сентября 2001 г. Саратов, 2001. – Режим доступа. – <http://annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Bartlet.html>.

⁵ Parkinson J. A Tour of Russia, Siberia and the Crimea, 1972–1974. L., 1971. P.142.

Гостеприимное приглашение, содержащееся в первом манифесте («Мы Всемилостивейше сим объявлением, что не только иностранных разных наций, кроме Жидов, благосклонно с Нашею обыкновенною Императорскою милостию на поселение в Россию приемлем и наиторжественнейшим образом утверждаем, что всем приходящим к поселению в Россию Наша Монаршая милость и благоволение оказывана будет»⁶), позже было подкреплено более конкретным планом по организации потока переселенцев и основанием одновременно с изданием второго манифеста «Канцелярии Опекунства иностранных». Параллельно с организацией колоний государственными вербовщиками, в 1765 и 1767 г. появились законы, позволившие помещикам селить в своих имениях свободных иностранных крестьян на основе контракта. Иностранцам предоставлялось право выбора места жительства, рода занятий, а с присягой на верность – и полная свобода вероисповедания. Так что определенные успехи иммиграционной политики были вполне закономерны. Иностранцы наблюдатели – даже такие желчные, как английский посланник Дж. Хэррис (Harris), – не могли оставить их незамеченными. Дешеша в Форин Оффис от 31 июля 1778 г., отправленная будущим лордом Мальмсбери после пяти месяцев безрезультатного (с точки зрения своей основной дипломатической задачи – заручиться поддержкой России ввиду назревавшего франко-британского конфликта) пребывания в Петербурге, содержала весьма едкий перечень многочисленных промахов, допущенных российской стороной во внутренней и внешней политике. Практически единственная положительная характеристика звучала следующим образом: «Как благотворные сему противоположности можно привести лишь основание нескольких немецких колоний и учреждение школ для образования юношества обеих полов, однако вкупе с расточительностью и показным великодушием»⁷.

Спустя несколько лет другой дипломат также отразил, на этот раз в мемуарах, свои впечатления от иммиграционной политики Екатерины. Граф Л.-Ф. де Сегюр (Ségur), прибывший в Россию в качестве полномочного представителя Франции в 1785 г., начинает свои

⁶ Цит. по: Немцы-колонисты в век Екатерины / Составители: Е.Е. Лыкова, М.И. Осекина. М., 2004. С.10.

⁷ Цит. по: Тургенев А.И. Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005. С.315–316.

«Записки» с перечисления тех деяний Екатерины, о которых он был осведомлен еще до непосредственного вступления в должность. В числе прочего весьма благожелательно настроенный к императрице Сегюр упоминает, что «она дала в Белоруссии приют иезуитам, которых в то время изгоняли из всех христианских стран. Она полагала, что при содействии их быстрее распространится просвещение в России, где водворение этого ордена казалось ей безвредным, так как в ее обширных владениях господствовала самая полная веротерпимость»⁸. Действительно, в 1773 г. Екатерина приняла решение не распространять действие папской буллы о роспуске ордена иезуитов на белорусские земли, отошедшие к России в процессе решения польского вопроса, сохранив таким образом иезуитские коллегии, резиденции и миссии, в которых состояло около 200 человек (несмотря на то, что сами иезуиты были готовы подчиниться решению папы). Как известно, императрица покровительствовала иезуитам на протяжении всего своего правления, а в 1777 г. разрешила открытие в Полоцке новициата⁹.

Впоследствии, уже на основании личных впечатлений от более чем четырехлетнего пребывания при дворе, Сегюр вполне разделил представления о России как о стране, где «с полвека уже все привыкли подражать иностранцам – одеваться, жить, меблироваться, есть, встречаться и кланяться, вести себя на бале и на обеде, как едят французы, англичане и немцы. Все, что касается до обращения и приличий, перенято превосходно. Женщины ушли дальше мужчин по пути совершенствования»¹⁰. Подтвердил Сегюр и черту национального характера, традиционно отмечавшуюся наблюдателями: «иностранцы принимаются ... с самым внимательным гостеприимством. Никогда не забуду я приема, не только любезного, но и радушного, сделанного мне блестящим петербургским обществом»¹¹.

В мемуарах Сегюра отразились усилия, предпринимавшиеся для привлечения иностранных поселенцев в южные области России.

---

⁸ Сегюр Л.-Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII века глазами иностранцев / Под ред. Ю.А. Лимонова. Л., 1989. С.323.

⁹ Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С.818–819.

¹⁰ Сегюр Л.-Ф. Указ. соч. С.329.

¹¹ Там же. С.337.

Так, к августу 1785 г. относится наблюдение французского дипломата о том, что «Потемкин, казалось, исключительно занят был делами торговыми, а не военными. По указу императрицы он получил 18 миллионов для скорейшего совершения предприятий, начатых им в южном крае. Иностранцам, которые пожелали бы селиться в тех местах, обещана была свобода от платежа податей на пять лет»¹². Озабоченность князя Г.А. Потемкина была подмечена верно: с присоединением Крыма в 1783 г., несмотря на проводимую среди татарского населения политику веротерпимости, начался отток местного населения. Образовавшийся огромный фонд свободных земель следовало срочно заселять, и меры предпринимались всесторонние – от переселения государственных и дворцовых крестьян до привлечения старообрядцев и иностранцев. В целях привлечения последних в июле 1785 г. был вновь издан соответствующий манифест. В результате в Таврическую область прибыли, в частности, около 700 жителей Данцига. Деятельность по привлечению иностранных колонистов велась столь усиленно, что уже сам Сегюр мог в апреле 1787 г., сопровождая императрицу в путешествии по Крыму, отметить: «Когда он [Потемкин] принял в управление эти огромные области, в них было только 204 000 жителей, а под его управлением население в несколько раз возросло до 800 000 – число, впрочем, еще незначительное для пространства на 800 верст в длину и 400 в ширину»¹³. Приращение это составляли колонисты греческие, немецкие, польские, инвалиды, уволенные солдаты и матросы. Один француз, поселившийся здесь за три года до нашего приезда, сказал мне, что, проезжая ежегодно эту страну, он находил новопостроенные, богатые селения там, где за год были пустыни»¹⁴.

Проведший в России десять лет (1786–96) француз К. Массон (Masson) в своих «Секретных записках о России» оставил немало нелицеприятных оценок обычаев империи, из которой он был бесцеремонно выслан Павлом I. Однако даже уязвленное самолюбие не

¹² Там же. С.381.

¹³ Современные исследователи приводят следующие данные: в 1784 г. общая численность трудоспособного сельского населения на территории Екатеринославского генерал-губернаторства составляла 351 507 душ мужского пола, а в 1787 г. общее мужское население насчитывало 724 678 человек. См.: Мадариага И. де. Указ. соч. С.587.

¹⁴ Сегюр Л.-Ф. Указ. соч. С.445.

позволило Массону изменить некоторым личным впечатлениям: в частности, он признает, что «русские вообще любят учиться и уважают иностранцев, которых ненавидят только необразованные да завистливо соперничающие с ними»¹⁵. Очевидно, собственный опыт в качестве наставника сыновей генерала-аншефа Н.И. Салтыкова заставил его привести нетипичное для записок иностранцев и спорное наблюдение о том, что «большинство русской молодежи проводит юность в обществе иностранца, ставшего для них вторым отцом; справедливая благодарность к нему сохраняется в душе всякого от природы хорошего молодого человека»¹⁶. Одновременно республиканские взгляды автора не могли не сказаться в пассаже, в котором Массон продемонстрировал свое знакомство с проблемами иностранных поселенцев: «Теперь [после того как в Россию с началом революции хлынули французские роялисты. – *Н.Б.*] большинство учительских мест занимают рыцари, графы, маркизы и священники, ибо с эмигрантами случилось то же, что когда-то произошло с колонистами, вызванными Екатериной для обработки русских пустынь: все грамотные бросили поля и пошли в преподаватели»¹⁷.

Ключевой чертой и залогом определенного успеха национальной (в частности, иммиграционной) политики Екатерины II, несомненно, выступала неоднократно декларировавшаяся веротерпимость. Именно она привлекала внимание потенциальных переселенцев к России, заставлявшее, в частности, многие европейские страны запрещать обнародование российских манифестов и вербовку кандидатов. В этом отношении императрица оказалась примерной последовательницей Д. Дидро, оставившего в числе своих заметок для просвещенной государыни и наблюдение о веротерпимости. Знаменитый гость Екатерины призывал: «Пусть священник проповедует свою религию, но у ступеней трона только добродетель и добрые нравы должны иметь цену. Это – единственное средство поставить со временем религию на надлежащее место»¹⁸. Прагматичная императрица сделала религиозную терпимость не столько фактором морали, сколько элементом государственной политики, нашедшим свое отражение и в записках пытливых иностранных наблюдателей.

¹⁵ Массон Ш. Секретные записки о России. М., 1996. С.137.

¹⁶ Там же. С.147.

¹⁷ Там же. С.148–149.

¹⁸ Дидро Д. Собрание сочинений. Т. X. Russica. М., 1947. С.199.

Бессонова Т.В.

**Городская политика Екатерины II:
проект выделения «среднего рода людей»**

Сословная структура общества типична для средневековой эпохи. В развитом виде каждое сословие имело особое юридическое положение – так называемое сословное право, которое представляло собой наследственные привилегии, права и обязанности данной общественной группы. Статус человека в государстве определялся, в первую очередь, принадлежностью к сословию, а личные качества и имущественное положение были формально безразличны.

В Западной Европе сложилась трехсословная структура общества, укреплявшаяся по мере образования национальных государств. По мере развития внутрисословной консолидации усиливается относительная замкнутость сословий. В меньшей мере это относится к так называемому третьему сословию, в которое в широком смысле входило все податное население. В классическом виде европейское третье сословие складывается до перехода государства в форму абсолютной монархии. Несмотря на значительную пестроту социальных групп внутри сословия, оно осознает свое единство, что закреплено в общегосударственном масштабе.

Как известно, в России единое третье сословие не сложилось, а социальная структура общества была чрезвычайно дробной. В.О. Ключевский выделял 3 крупные группы, на которые стало распадаться Московское государство по сословным правам с середины XVII в.: личные землевладельцы, посадские тяглецы, сельские тяглецы¹. Именно посадские люди, занимавшиеся торговлей, промыслами и ремеслами, становятся главным источником зарождения буржуазии.

В течение XVII в. идет процесс консолидации посадского населения в единую сословную группу. Ликвидируются белые слободы, в результате чего государственное тягло распределяется на всех горожан, кроме гостей. Соборное Уложение 1648 г. закрепляет со-

---

¹ Ключевский В.О. История сословий в России. Петроград, 1918. С.213.

словные права посадских людей. За посадом закреплено все его население, свободный переход из посада в посад запрещен, устанавливается монопольное право посада на ремесло и торговлю.

Таким образом, государство пытается сосредоточить торгово-промышленные занятия в руках посадского населения, объявляя это сословным правом. Однако данная система не могла быть стабильной. В стране развивались товарно-денежные отношения, в них втягивались новые слои населения – служилые люди, крестьяне, особенно пригородных слобод и сел, бобыли и др. Прежде чем войти в данную деятельность, они должны были приобрести на нее право – вступить в тот социальный слой, которому это занятие было присвоено как сословная привилегия. Одновременно из посадского мира выделяется зажиточная верхушка, которая тяготеет посадскими повинностями и государственным тяглом. Таким образом, реальное развитие социальной структуры общества опережает правовую систему.

Задача государства в XVIII в. – упорядочить социальную структуру с целью сохранения сословных различий, с одной стороны, и более свободного развития городской буржуазии, с другой. Это нашло отражение в дальнейших попытках обособить городское сословие, унифицировать статус горожанина, что должно было благоприятствовать торгово-промышленной деятельности. Одновременно ставилась задача разделить горожан по имущественному признаку, наделив разные имущественные группы разными правами.

Реализацию данных задач начал Петр I. В ходе административных реформ первой четверти XVIII в. создаются органы городского самоуправления: в 1699 г. в Москве образована Бурмистерская палата и земские избы в городах, затем палата переименована в Ратушу. В 1721 г. вместо земских изб появляются городовые магистраты, подотчетные Главному магистрату. Эти учреждения нельзя назвать в полной мере органами городского самоуправления, они зависели от местной администрации, но все же их создание означало дальнейшее выделение горожан как сословной группы.

Одновременно внутри городского сословия происходит деление по имущественному признаку. Регламент Главного магистрата 1721 г. разделил горожан на регулярных и нерегулярных. Только регулярные горожане пользовались правами городского сословия, главное из которых – владеть дворами и торгово-промышленными заведениями на

посадах. Вскоре они стали официально именоваться купечеством и делились на две гильдии, в зависимости от податного ценса. На уровне второй гильдии, но особняком, стояли цеховые ремесленники. В городах с обязательными мануфактурами сюда также входили посессионные и вечнотданные работные люди, которые платили посадские подати, выполняли городские повинности и имели определенные права городского гражданства. Нерегулярные горожане – жители города, не вошедшие в городскую общину. В основном это пришлые «подлые» люди, которые находились в найме и черной работе и не пользовались сословными правами городских жителей.

Таким образом, прежние посадские люди становятся основой формирования городской буржуазии. Однако сословная регламентация, установленная Петром I, довольно быстро перестала соответствовать реальному положению вещей. Среди регулярных горожан происходит дальнейшее имущественное расслоение. С 1742 г. купцов делят уже на три гильдии в зависимости от тягоспособности. Купцы первой и второй гильдий – немногочисленная крупная буржуазия, заинтересованная в сохранении монопольного права на занятия торговлей и промышленностью и соответственно в укреплении своих сословных прав. Одновременно они тяготеют посадскими повинностями. С другой стороны, значительная часть прежнего купечества по имущественному уровню уже не отвечает данному состоянию, фактически превращаясь в мелких торговцев. К их статусу приближается достаточная часть нерегулярного населения, закрепившегося в городе и занимающегося мелкой торговлей, ремеслом и промыслами. Так, во второй четверти XVIII в. при сокращении абсолютного прироста городского населения выросла численность торгово-промышленной группы. Например, в Казани по второй ревизии в 40-е гг. XVIII в. посадское население вместе с цеховыми выросло на 27% по сравнению с первой ревизией². Исследователь социально-экономического развития российских городов во второй половине XVIII в. Ю.Р. Клокман подчеркивал, что именно мелкотоварное производство имело определяющее значение в экономическом развитии города этого времени³.

² Волков М.Я. Формирование городской буржуазии в России в XVII–XVIII вв. // Города феодальной России. С.195.

³ Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города: вторая половина XVIII в. М.: Наука, 1967. С.34.

К середине XVIII в. задача реорганизации посадской общины становится актуальной. Основная проблема заключалась в том, что система сословных ограничений торгово-промышленного развития страны становится все более устарелой. Однако абсолютистское государство не только не отказывается от нее, но и пытается усилить, модифицировать применительно к задачам эпохи. Этим объясняется противоречивость правительственной политики в социальной сфере. Наибольшие затруднения вызывает реформирование городской структуры.

Обсуждение этих важных вопросов было одной из задач Уложенной комиссии, созданной в 1767 г. «Наказ» Екатерины II, призванный задать основной тон работе комиссии, заострил внимание на необходимости модернизации социальной структуры городов. Социальная структура общества, по мнению Екатерины II, должна остаться сословной, отражая естественное деление общества на профессиональные группы: дворян, земледельцев и средний класс – мещан. В главе XV «Наказа» Екатерина II пишет: «В городах обитают мещане, которые упражняются в ремеслах, в торговле, в художествах и науках»⁴. Сей род людей «есть средний... Оный, пользуясь вольностью, не причисляется ни ко дворянству, ни ко хлебопашцам... К сему роду людей причислить должно всех тех, кои, не быв дворянином, ни хлебопашцем, упражняются в художествах, в науках, в мореплавании, в торговле и ремеслах»⁵.

Итак, основная идея была очерчена. Детальная разработка была поручена Уложенной комиссии. Сначала Комиссия работала над законами о правах дворянства. Затем перешла к законам о купечестве и торговле вообще. Здесь и выявились основные разногласия и предмет спора депутатов. Депутаты от городов, преимущественно купцы, отстаивали свои сословные права на монопольную торговлю и промышленное производство в городе, требуя запретить крестьянам и разночинцам торговать даже домашними рукоделиями и продуктами сельского хозяйства. Так, депутат от купечества Рыбной слободы Алексей Попов настаивал, «чтобы купечеству в городах иметь лавки, анбары, погреба, харчевни, постоялые дворы, огороды, домовые

⁴ Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения // Сочинения императрицы Екатерины II. Т. I. СПб., 1849. С. 87.

⁵ Там же. С. 90.

бани без платежа повинностей». Депутат жалуется, что «вступление разных людей в торги разоряет купечество и отнимает у него все способности к торговле»⁶. Эта идея активно поддерживалась другими купцами, которые не жалели красок для описания своего бедственного положения. Таким образом, представители купечества прямо ущемляли интересы крестьян, а косвенно весьма существенно задевали дворян, особенно живущих на доходы отпущенных на оброк крепостных. Настаивая на монопольном праве сохранения за собой городской торговли, ремесел и промыслов, купечество заявляло притязания и на исключительно дворянское право владеть крепостными душами и землей. Родион Глинков, депутат от Серпейска, даже высказал предложение предоставить купцам первой гильдии, как и дворянам, право ношения шпаги и охрану чести⁷. Одновременно дворяне требовали подтвердить их право заводить фабрики и заводы, что вызывало возражения со стороны купечества.

Таким образом, комиссия выявила одну из серьезных проблем социальной организации общества: четкость сословных прав в годы реформ Петра I и во время последующих царствований была нарушена односторонними привилегиями, льготами, разрешениями, усложнена переменами, вызванными развитием буржуазных отношений. В результате каждое из сословий, «отстаивая свои старые выгоды и добиваясь чужих, старалось избавиться от связанных с ними повинностей, то есть свалить их на другие классы»⁸. Требовалось уточнение сословных прав и снятие напряжения между купечеством с одной стороны и крестьянством и иными людьми, ведущими торгово-промысловую деятельность.

Решение проблемы предложил депутат ярославского дворянства князь М.М. Щербатов. Он выдвинул идею разделить купеческое сословие на купцов и мещан, выделив городскую верхушку и одновременно давая возможность крестьянам и разночинцам торговать в городе. По мнению Щербатова, купцы должны делиться на 3 категории:

---

⁶ Исторические сведения о Екатерининской комиссии // Императорское Русское Историческое Общество (далее – РИО). Т.8. СПб., 1871. С.57.

⁷ Абрамов Я. Сословные нужды, желания и стремления в эпоху Екатерининской комиссии (1767–1769) // РИО. СПб., 1892. С.73–74.

⁸ Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций. Кн.3. М.: Мысль, 1993. С.291.

ведущие оптовую и чужестранную торговлю; занимающиеся дробной продажей в лавках; состоящие у купцов в качестве приказчиков, сидельцев и поверенных⁹.

К мещанам Щербатов относил тех купцов, которые не подходят к обозначенным выше категориям: «Мещанин различен от купца; ибо хотя и каждый житель города может называться мещанином одного, но это еще не составляет сословия мещанства»¹⁰.

Мещан предложено делить на два класса:

«Живущие своими доходами, как-то, содержащие постоянные дворы или отдающие в наем свои дома, имеющие на своих землях лавки, харчевни, кузницы, огороды и т.п.»

Ремесленники, «получающие пропитание от своего ремесла»¹¹.

Идеи, высказанные Щербатовым, были поддержаны рядом депутатов и представляли собой довольно привлекательное решение проблемы исходя из задач, поставленных государством. С одной стороны, сохранялось особое городское сословие, главные признаки которого – владение недвижимостью и торгово-ремесленный характер занятий. С другой стороны, оно не сближается с дворянством, которое настаивало на усилении своей замкнутости. И, наконец, разделение на купцов и мещан с нечеткими границами между ними позволяло гибко реагировать на социально-экономические перемены, вызванные торгово-промышленным развитием страны.

Дальнейшая разработка идеи была поручена специальной комиссии, созданной в 1767 г. для рассмотрения прав среднего рода людей. В нее вошли граф Эрнст фон Миних, князь Иван Вяземский, дворянин Степан Нарышкин, князь Михаил Щербатов и только один купец – депутат города Венева Михаил Степанов. В 1768 г. проект был готов, обсужден и к 1769 г. переработан.

«Проект законов о правах среднего рода государственных жителей» ставит задачу отделить горожан от дворян и крестьян. В основу деления положен профессиональный принцип. «Средний род людей, или мещане суть те, кто обитают в городе и не быв дворяне, ни хлебопашцы, упражняются в художествах, в науках, в мореплавании, в

---

⁹ РИО. Т.8. СПб., 1871. С.65–66.

¹⁰ Там же. С.67.

¹¹ Там же.

торговле и ремеслах»¹². Кроме них к мещанам могли относиться те недворяне, которые были воспитанниками училищ, дети приказных людей, воспитанные мещанами незаконнорожденные дети и чужестранцы, но только после записи в мещанское общество.

Проект нечетко определяет категорию мещан, подразумевая под ними городских жителей вообще. Для всех категорий «среднего рода людей» предусмотрены одинаковые личные права: право на личную свободу, выбор службы, право на жизнь, безопасность, на образование. Проект предлагал весьма широкие судебные права: собственный мещанский суд, неприкосновенность личности вплоть до окончания судебного разбирательства, защита в суде. Особое внимание уделялось вопросу об имущественном состоянии мещан. Владение домом являлось главным условием причисления горожанина к числу мещан. Они имели не только право владеть имуществом и свободно им распоряжаться. Мещанам предоставлялось право владеть промышленными заведениями (с ограничением их размеров и числа работников), открывать банки, конторы и т.п.

Мещане освобождались от общественных работ. За ними сохранялась только служба по мещанству в своем городе. Они не освобождались от рекрутской повинности, но могли вместо себя выставить замену по рекрутскому набору, а также откупиться от казенных податей. Наделение «среднего рода жителей» столь значительными правами должно было, безусловно, способствовать консолидации горожан и экономическому развитию городов.

Другая задача, которую ставит проект – обособить «средний род людей» от других сословий России. Главное – закрыть доступ в него крестьян. Проект рассматривает наиболее вероятный способ проникновения в мещанство – брак. Мещанка, вышедшая замуж за крепостного человека, ему и детям «свободы и права мещанские не сообщает, но и сама оных лишается до смерти своего мужа»¹³. С другой стороны, мещан запрещено обращать в крепостное состояние.

Разделение мещанства и дворянства также было оговорено в документе. Проект подчеркивал монопольное право дворян на владение крепостными людьми, но позволял мещанам нанимать вольных и крепостных людей. Более того, причислив к «среднему роду лю-

¹² РИО. Т.36. СПб., 1882. С.179.

¹³ Там же. С.184.

дей» достаточно многочисленную и неоднородную группу горожан, проект предусматривал возможность изменения сословного состояния мещан в привлекательную для них сторону. «Всякий мещанин имеет право достигать вечного и потомственного себе награждения, то есть дворянства, но не иначе, как теми знаками достоинства, кои в главе о правах дворянства назначены»¹⁴.

Определив общие сословные права «среднего рода людей», проект одновременно создает градацию внутри горожан, выделяя городскую верхушку и низы в разные слои. Документ предлагает разделить «средний род людей» на 3 категории:

упражняющиеся в науках и службах (белое духовенство, ученые, приказные служители, художники);

занимающиеся торговлей (купцы, заводчики и фабриканты, содержатели судов и мореплаватели);

«упражняющиеся в различных приличествующих мещанству работах: ремесленники, мещане просто, освобожденные»¹⁵.

Наряду с общими для всех правами, для каждой категории выделяются особые, четко регламентирующие род занятий и границы деятельности. Купцы, заводчики и фабриканты отделены от ремесленников и «просто мещан». Суть разделения – профессиональная деятельность и вытекающие из нее специфические права. Купцы – лица, ведущие оптовую торговлю в пределах страны и за рубежом, либо торгующие в лавках, либо перекупщики, не имеющие постоянные лавки и перемещающиеся в пределах провинции¹⁶. Ремесленники – те, кто «упражняются в разных полезных обществу рукоделиях» и занимаются ремеслами, подробно записанными в «Учреждениях о ремеслах». Каждый должен иметь особое свидетельство и входить в цех¹⁷. «Мещане просто» – те, кто не принадлежит по роду деятельности ни к купцам, ни к фабрикантам, ни к ремесленникам. Они живут в городах «единственно с означенных мещанских промыслов», несут тяготы «среднего рода людей» и пользуются правами городских жителей. Под «мещанскими промыслами» понимается мелкая тор-

---

¹⁴ РИО. Т.36. СПб., 1882. С.183.

¹⁵ Там же. С.180.

¹⁶ Там же. С.202–204.

¹⁷ Там же. С.227.

говля, промыслы и ремесла, не включенные в цехи, а также службы у купцов в качестве разносчиков, приказчиков и сидельцев.

Как отмечалось ранее, проект определил два направления государственной политики по отношению к городу. Оценивая документ, следует отметить, что создание городского сословия с общими гражданскими правами выглядит довольно удовлетворительно. Напротив, разделение горожан на категории не продумано до конца. Нет четкости в определении понятий. Под термином «мещане» понимаются горожане вообще, отделенные от дворянства и крестьян сословными правами, то есть «средний род людей». Одновременно выделяются «мещане просто» – рядовое посадское население. При этом профессиональный критерий деления горожан на верхи и низы выглядит довольно неубедительно. В нем нет четкости определения границ, нет однозначного толкования кто есть купец, мещанин или ремесленник. Поэтому проект остался проектом. Развивая и конкретизируя «Наказ» Екатерины II и пожелания дворянства и купечества, проект обозначил общее русло направления государственной политики в области городского населения, заметную роль в которой стала играть идея выделения мещанства, что окончательно было реализовано Городовым положением 1785 г.

Бугров К.Д.

Реформаторские проекты Н.И. Панина в политическом пространстве екатерининской империи

В историографии принято возводить интеллектуальную генеалогию реформаторских проектов Н.И. Панина¹ к его длительному пребыванию в Стокгольме в качестве посла². Подобный «шведский след» ведет к тому, что проекты Панина сегодня прочно ассоциируются с конституционализмом³, республиканизмом⁴ или даже «олигархией»⁵, в той или иной форме предполагающи-

---

¹ Под реформаторскими проектами Н.И. Панина мы подразумеваем комплекс источников, выражающих его взгляды на фундаментальные проблемы государственного устройства и методы их решения. Этот комплекс включает в себя проект создания Императорского совета и реформы Сената 1762 г. (Сборник императорского Русского исторического общества. Т.7. СПб., 1877), «Рассуждение о непременных государственных законах» (Фонвизин Д.И. Рассуждение о непременных государственных законах / Собрание сочинений в 2 т. Т.2. М.-Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. С.254–267), составленное совместно Н.И. Паниным и Д.И. Фонвизиным, целый ряд писем брата Н.И. Панина, генерала П.И. Панина, к Павлу I в 80-е гг. XVIII в. (Шумигорский С.С. Приложение // Шумигорский С.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1907. С.1–35) и, наконец, две записки самого Павла (Сафонов М.М. Конституционный проект Н.И. Панина – Д.И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып.6. М., 1974. С.261–280).

² См.: Минаева Н.В. Никита Иванович Панин // Вопросы истории. №7. 2001. С.74; Каррер д'Анкокс Э. Екатерина II. Золотой век в истории России. М.: РОССПЭН, 2006. С.54–55.

³ Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII–XIX веков и Вольная печать. М.: Мысль, 1973. С.111–130; Вдовина Л.Н. Дворянский конституционализм в политической жизни России XVIII в. / Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М., 1995. С.36–48.

⁴ Писаренко К.А. «Несколько дней из истории уединенного и приятно-го местечка» / Иванов О.А., Лопатин В.С., Писаренко К.А. Загадки русской истории. Восемнадцатый век. М.: Древлехранилище, 2000.

⁵ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1983. С.101.

ми ограничение власти монарха «твердыми аристократическими институциями»⁶. Впрочем, ожидания историков далеко не всегда оправдывались – и уже в начале XXI в. А.Б. Каменский фиксировал отсутствие в последних проектах Панина, записанных цесаревичем Павлом Петровичем, «сколько-нибудь серьезного, продуманного и системного плана государственных преобразований», констатируя: «Различие с планами Екатерины не носит принципиального характера и сводится лишь к созданию аристократического выборного Сената с не вполне ясными полномочиями»⁷.

Действительно, зачастую очевидные сходства – начиная с «права» и «закона» и заканчивая «вольностью» и «Просвещением» – способны представить политическую философию второй половины XVIII в. сплошным набором банальностей, заданным дихотомией «законность – беззаконие». В этой связи особый смысл приобретает перенос акцента с предполагаемых целей реформаторских проектов на предлагавшийся в них политический инструментарий.

Зададимся вопросом: какую роль Панин в своих проектах отводил коллективным политическим органам и коллегиальному способу решения дел?

Предложение создать Императорский совет, которое Панин сделал Екатерине в 1762 г., традиционно считается попыткой ограничения власти императрицы коллективным органом. В начале XX в. Д.А. Корсаков так суммировал господствовавшее мнение относительно проекта первого из этих учреждений: «Начав с образования Императорского совета по образцу Государственного совета Швеции, он (Панин – К.Б.) намерен был постепенно преобразовать русские высшие правительственные учреждения в представительные государственные учреждения по шведскому образцу и этим путем надеялся достичь «упорядочения внутренних государственных дел», как выражались у нас в XVIII веке»⁸.

Однако вряд ли можно оценивать предложенный Паниным проект Императорского совета исключительно как заимствование из шведского опыта. Конечно, за 14 лет пребывания в Стокгольме в

⁶ Фонвизин М.А. Дневники и письма. Т. 2. Иркутск, 1982. С.127–130.

⁷ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М.: РГГУ, 2001. С.485–486.

⁸ Корсаков Д.А. Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань: Типография Императорского университета, 1891. С.384.

ранге посла («министра») Панин познакомился со всеми тонкостями функционирования шведской политической системы «Эры Свобод». В бумагах Панина хранилось и описание государственного устройства Швеции, сделанное им собственноручно⁹. Вполне возможно, что шведский риксрод (Государственный совет) действительно послужил для Панина образцом при разработке отдельных аспектов проекта Императорского совета¹⁰. Однако уже В.А. Бильбасов, который в соответствии с традицией был убежден, что «эпоха шляхетской демократии, когда Швеция была «аристократической республикой с жалким подобием короля», не могла не произвести на Панина известного впечатления», несколькими строками ниже вынужден был констатировать: «Императорский совет Панина не имеет ничего общего с государственным советом Швеции: государственный совет зависит от земских чинов, которых нет в России; императорский совет вполне зависит от императрицы, которая назначает членов и утверждает доклады совета»¹¹.

---

⁹ См.: Описание бумаг графа Никиты Ивановича Панина. РГАДА. Ф.1274 «Панины – Блудовы». Оп.1. Ед.хр. 137-в. Л.43–44. Эта опись в разделе под литерой «В» («Девять нумеров бумаг, писанные собственною рукою графа Никиты Ивановича, а некоторые им поправленные») фиксирует, среди прочих документов, «Предложение о шведском правлении, их фундаментальный план и внутренния системы». Ниже, в разделе под литерой «Д» («Разныя-ж бумаги на французском, немецком и русском языках») отмечены хранившиеся в бумагах Панина «Примечания на шведскую конституцию» на немецком языке.

¹⁰ Приведем для сравнения краткую характеристику шведского риксрода: «Государственный совет должен был включать 16 членов, сам совет делился на две секции, а его руководитель был президентом канцелярии. Секретари канцелярии, с другой стороны, не являлись членами совета – такое упущение сохраняло следы той границы, которая в старину отделяла секретарей от высокорожденных советников. <...> Господствовавшая конституционная практика допускала обвинения членов совета, при наличии соответствующих протоколов, в невыполнении их обязанностей в отношении сословий и соответственно их отстранения. Кандидатуры их преемников затем предлагались комитетом трех высших сословий и утверждались королем вместе с его советниками» (Andersson I. A History of Sweden. New York – Washington: Praeger publishers, 1975. Pp.249, 260)

¹¹ Бильбасов В.А. Панин и Мерсье де ла Ривьер // Бильбасов В.А. Исторические монографии. Т.4. М.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. С.19.

Историографическую традицию, возводившую политические проекты Панина к впечатлениям, полученным в Стокгольме, оспори́л американский исследователь Д. Рансел. По мнению Д. Рансела, Императорский совет Панина и его предполагаемый шведский прототип имели ряд фундаментальных различий, а редкие имеющиеся совпадения не дают поводов говорить о заимствовании. Например, предложение ввести обязательное подписание статс-секретарями принятых в Совете решений, не может быть сведено только к шведскому влиянию, поскольку эта идея «была общей для других хорошо организованных правительств, прежде всего, в Великобритании», и крупнейших политических трактатов, включая и «О духе законов» Ш. Монтескье. Сам Рансел склонен расценивать проекты Панина как систему рационализации государственного управления, в идейно-концептуальном плане опирающуюся на «петровские ценности»¹².

Кроме того, концепция высшего совещательного органа при монархе не была в 1762 г. чем-то новым для российской политической практики. Например, Б. Миних в своих «Мемуарах», вышедших в 1763 г., полагал, что императрице необходим совет, «который бы представлял ей сущность дел и, руководясь мудрыми решениями государыни, изготовлял бы необходимые указы сенату и тем присутственным местам, которые не находятся в прямой от него зависимости»¹³. Да и сам Панин в проекте 1762 г. одобрительно отзывался о Кабинете Анны Леопольдовны, «который, особливо наконец когда Бирон упал, принял-было такую форму, которая могла произвести государево общее обо всем попечение»¹⁴. Позднее, в 1768 г., Совет будет создан самой Екатериной II, столкнувшейся так же, как и ее предшественники с необходимостью координировать деятельность правительства¹⁵.

¹² Ransel D. The Politics of Catherinian Russia: The Panin's Party. Yale: 1975. P.96.

¹³ Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1874. С.98.

¹⁴ Сборник Императорского русского исторического общества. Т.7. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1871. С.205.

¹⁵ Известно, что Панин отнесся к этой идее без энтузиазма. Это дало Д.Ранселу повод предположить, что Панин, к тому времени находившийся на пике влияния, уже не был заинтересован в создании совета. Признавая гипотезу американского историка в определенной степени обоснованной, подчеркнем: совет, созданный Екатериной в 1768 г., был совершенно не похож на проект Панина, предложенный в 1762 г.

Однако и в проекте 1762 г., и в позднейших текстах Панин решительно отказывает совету в праве принимать решения без участия монарха, отметив, что «из сего императорского совета ни что исходить не может иначе, как за собственноручным монаршим подписанием»¹⁶. Самостоятельно совет мог только отвечать на запросы и выдавать справки и дела по уже решенным вопросам, за подписью одного из советников или «правителя канцелярии». Согласимся с мнением А.Б. Плотникова, охарактеризовавшего совет как «вполне обычное бюрократическое учреждение»¹⁷.

По нашему мнению, Императорский совет в том виде, в каком он предстает в проектах Панина (как в проекте манифеста 1762 г., так и в позднейших записях начала 80-х гг. XVIII в.), не располагал возможностями легального ограничения власти монарха и поэтому не мог служить опорой для предполагаемого импорта «шведской модели» аристократического республиканизма. Недаром в приложенном к проекту манифеста от лица императрицы говорилось: «Императорский же совет не что иное, как то самое место, в котором мы об империи трудимся, и потому все доходящая до нас, яко до государя, дела должны быть по их свойству разделяемы между теми статскими секретарями, а они по своим департаментам должны их разматривать, выработывать, в ясность приводить, нам в совете предлагать и по них отправлении чинить нашим резолюциям и повелениям»¹⁸.

Рассмотрим теперь вторую часть предложенной Паниным реформы высшего политического эшелона Российской империи – реформу Сената, описанную в том же проекте манифеста 1762 г. Как правило, эта реформа рассматривается исключительно как попытка оптимизации работы громоздкого учреждения, лишенная глубинного политического смысла, подтверждением чему обычно считают согласие Екатерины на частичное осуществление реформы¹⁹.

---

¹⁶ Панин, разумеется, был прекрасно знаком со шведской политической практикой, позволявшей использовать печать с факсимиле подписи монарха.

¹⁷ Плотников А.Б. Политические проекты Н.И. Панина. // Вопросы истории. № 7. 2000. С.78.

¹⁸ Сборник Императорского русского исторического общества. Т.7. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1871. С.212.

¹⁹ См.: Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое лит. обозрение. 2002. С.74–84; Павленко Н.И. Екатерина Великая. М.:

В проекте 1762 г. Сенат разделялся на шесть департаментов, каждый из которых должен был «принадлежащая ему... дела решить единогласно и на точном разуме законов; а решение оных почитаться должно равно как бы всем сенатом то учинено было». Если же департамент оказывался неспособен решить какое-либо дело, «генерал-прокурор, взяв то дело в первый департамент и созвав полное собрание всего сената, предложить к общему разсуждению, поступая в собрании голосов по его инструкции, и решить дело по большому числу голосов: при том генерал-прокурору в протестах поступать весьма осмотрительно на точном основании прокурорской инструкции, как в коллегиях положено»²⁰. Наконец, Сенат должен был «иметь каждую неделю одно по последней мере генеральное собрание для всяких новых и в департаментах не трактованных еще государственных дел», причем дела эти «решения свои получать имеют по государственным уставам и в силе законов по большому числу голосов».

В проекте манифеста, предложенном Паниным, от лица монарха провозглашалось: «Настоящие узаконения, на которых сие государственное правительство основано, мы сим не токмо оставляем в прежней их силе, но и вящше чрез сие подтверждаем правом то, что и дед наш государь Петр Великий... ему предоставлял и предоставлял, то есть, иметь свободу нам представлять и на наши собственные повеления, ежели они в исполнении своем могут касаться или утеснять наши государственные законы или народа нашего благосостояние»²¹. Это утверждалось и в отношении «узаконений, таких же коллегиям данных в разсуждении сената».

А.Б. Плотников считает такие предложения Панина «результатом логического переосмысления норм, введенных Петром I и, скорее всего, положений концепции «монархического правления» Ш. Монтескье»²². Действительно, вторая глава «Генерального

Молодая гвардия, 2003. С. 459; Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин. Из истории русской дипломатии XVIII века. М.: Международные отношения, 1989. С.34.

²⁰ Сборник Императорского русского исторического общества. Т.7. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1871. С.216.

²¹ Сборник Императорского русского исторического общества. Т.7. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1871. С.214.

²² Плотников А.Б. Политические проекты Н.И. Панина. // Вопросы истории. № 7. 2000. С.78.

регламента», озаглавленная «О преимуществе коллегий», гласила: «...Буде же сенат о каком деле что повелит, а коллегиум усмотрит, что то его величества указам, и высокому интересу противно: то государственному коллегиуму не должно того вскоре исполнять, но имеет в сенате о том надлежащее письменное предложение учинить. И ежели сенат, не взирая на оное, при прежнем своем определении пребудет, то сенат в том ответ дать повинен, а коллегиум, по письменному указу сенатскому исполнять, и потом его царскому величеству об оном донести должен, а ежели не известить: то коллегиум вся подвержена будет тому наказанию, по силе вреды. Того ради изволяет его царское величество, всякие свои указы в сенат и в коллегии, також и из сената в коллегии ж отправлять письменно; ибо как в сенате, так и в коллегиях словесные указы никогда отправляемы быть не надлежат»²³.

Очевидно, что «Генеральный регламент» не предусматривал никаких возможностей для ограничения прерогатив монарха, более того – право коллегий подавать «письменные предложения» должно было стать инструментом контроля императора за работой Сената. Между тем, в проекте Панина формулировка «его величества указам и высокому интересу противно» трансформировалась в аналогичную по форме, но иную по содержанию формулировку «утеснять наши (императорские – *К.Б.*) государственные законы или народа нашего благосостояние». Таким образом, хотя свое понимание права представления Панин обосновывал ссылкой на «Генеральный регламент» Петра Великого, в действительности российская история не знала подобных прецедентов. Сенат должен был получить право оспаривать распоряжения самого монарха, однако эта возможность сохранялась исключительно в пассивной форме: наделяя Сенат уникальным для России правом представления, Панин не предусматривал для него активной роли в процессе законотворчества.

Подобная концепция опиралась, по-видимому, на восприятие идей европейской политической философии, прежде всего – Ш. Мон-

---

²³ Генеральный регламент или устав, по которому государственные коллегии, також и все оных принадлежащих к ним канцелярий и контор служители, не токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина, подданнейше поступать имеют // Реформы Петра I. Сборник документов. Сост. В.И. Лебедев. М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1937. С.110.

тескье²⁴, который в целом отрицательно относился к аристократической республике, оценивая ее «невысоко в сравнении со смешанной монархией, как Англия, и умеренной монархией, напоминающей идеализированный образ Франции, представленный в «De l'Esprit des lois»²⁵.

К этому следует добавить общее критическое отношение Панина к коллегиальным органам. Первая часть собственноручного доклада Панина (этот доклад должен был сопровождать собственно проект реформы 1762 г.) посвящена критике Сената как коллегиального органа, причем критика эта опирается на классические для европейской интеллектуальной традиции приемы.

В письме к послу в Польше Н.В. Репнину (своему родственнику и одному из наиболее верных сторонников в придворной борьбе) от 29 марта 1765 г. Панин прямо называл причиной всех бед Польши и Швеции принятие решений большинством голосов²⁶. Суровой критике Панина подверглось и право шведского риксдага (сословного парламента) производить перестановки в составе риксрода (Государственного совета) – глава коллегии иностранных дел считал необходимым

²⁴ Знаменитые «Записки» С.А. Порошина сохранили для нас достаточное количество свидетельств о хорошем знакомстве Панина с трудами Монтескье (см.: Порошин С.А. Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1881. С.227–228, 443). Труды Монтескье присутствовали в библиотеке Паниных (Каталог книг из собрания Паниных. Б/д., не ранее 1839 г. РГАДА. Ф.1274. Оп.1. Ед.хр.2901. Л.129 об.). Кроме того, факты знакомства Павла Петровича с работами Монтескье и даже подготовка на их основании конспектов вряд ли могли состояться независимо от предпочтений воспитателя цесаревича (подробнее см.: Скоробогатов А.В. Цесаревич Павел Петрович. Политический курс и социальная практика. М.: РГГУ, 2005.)

²⁵ См.: Carrithers D. Not so Virtuous Republics: Montesquieu, Venice, and the Theory of Aristocratic Republicanism // Journal of the History of Ideas, Vol.52, No. 2 (Apr. – Jun., 1991). Д.Карризерс отмечал: «В отличие от приверженных абстрактным, теоретическим аргументам политических философов, Монтескье развивал свою политическую теорию с помощью тщательного изучения реальных правительств, как прошлого, так и современности. Это придало его «De l'Esprit des lois» характер чего-то вроде энциклопедии политики».

²⁶ Сборник императорского Русского исторического общества. Т.57. М.: Универс. типография, 1887. С.227.

ради сохранения шведской «конституции» ограничить «прихотливое сенатское исключение большим числом голосов тех людей, которых король иногда вне доклада и с равными достоинствами назначает»²⁷.

А в подготовленном для императрицы «мнении» Коллегии иностранных дел по поводу «положения настоящего дел Английских и воображаемого Бурбонских домов возвышения» от 31 июля 1779 г. Панин писал о слабости уже британского правительства: «Первое правило политики их заключается в способах и попечении сохранения своего по настоящим моментам... они, раболепствуя оному, не себя подчиняют делам государственным, а напротив дела ставят и содержат в зависимости от своих приватных видов, руководствуясь обыкновенно при всяком новом случае и событием моментными резолюциями без плана». Проявлением этого, по мнению Панина, стал отказ субсидировать антифранцузскую партию в шведском риксдаге, который «не может оправдан быть употребленною лишь отговоркою, что Парламент поставил себе закон не давать никому в мирное время субсидии подобно как бы определения онаго не были всегда в самой решительной зависимости от собственных его правил»²⁸.

Не считая коллективные органы способными заниматься созидательной (в том числе – законотворческой) деятельностью²⁹, Панин отводил им роль пассивного противовеса законодательной власти монарха. Знаменитое утверждение «Рассуждения о непременных государственных законах», гласившее, что «прямое самовластие тогда только вступает в истинное свое величество, когда само у себя

---

²⁷ Там же. С.428.

²⁸ Мнение Н.И. Панина, вице-канцлера Остермана и всех членов Секретной экспедиции Коллегии иностранных дел о направлении внешней политики России, с характеристикой внешнеполитических отношений Англии к державам Северного союза. 5 авг. 1779 г. Копия. РГАДА. Ф.1274 «Панины – Блудовы». Оп.1. Ед.хр.131. Л.12–15.

²⁹ В этой связи совершенно необоснованными выглядят предположения о том, что во время переворота 1762 г. Панин использовал в качестве образца события 1719 г., связанные с установлением в Швеции «Эры свобод», рассчитывал на немедленный созыв Уложенной комиссии и переход власти к республиканским органам, состоящим из «влиятельных аристократов» (Писаренко К.А. «Несколько дней из истории уединенного и приятного местечка» / Иванов О.А., Лопатин В.С., Писаренко К.А. Загадки русской истории. Восемнадцатый век. М.: Древлехранилище, 2000. С.372–375).

отъемлет возможность к соделанию какого-либо зла»³⁰, обрета-ло в этих коллегиальных, выборных органах конкретные институционально-политические гаранты. Например, в «Рассуждениях вечера 28 марта 1783 года», записанных великим князем Павлом Петровичем по итогам беседы с Паниным за несколько дней до смерти последнего, таким гарантом выступает наделенный правом представления орган судебной власти, Сенат, который теперь предполагалось сделать выборным.

Невысоко оценивая созидательный потенциал коллективных органов, Панин все же отводил им ключевое место в системе управления империей. Кажущийся парадокс выражает сам дух этой системы, нацеленной на самоограничение власти монарха, сохраняющей при этом свой «самодержавный» (т.е. «суверенный» в политическом лексиконе Панина!) характер.

Важнейшими чертами такой системы должны были стать представительные органы (лишенные привычной для современной политической теории законодательной прерогативы), «фундаментальные законы» (понятые как жестко фиксированный порядок престолонаследия) и разделение властей (в действительности – отделение судебной власти от исполнительной и законодательной) при сохранении суверенной, верховной власти («власти самодержавства») в руках монарха: «Должно различать власть законодательную и власть законы хранящую и их исполняющую. Законодательная может быть в руках государя, но с согласия государства, а не иначе, без чего обратится в деспотизм. Законы хранящая должна быть в руках всей нации, а исполняющая в руках под государем, предопределенным управлять государством»³¹.

Сама эта модель опиралась на «идеализированный образ Франции». Интересно, что С. П. Покровский, анализируя проект Панина, отмечал: «Если сравнить этот проект Императорского совета с соответственным современным ему учреждением во Франции (Conseil de roi, Conseil d'etat), где Императорский совет приближался к организации Conseil regence герцога Dulois, то нельзя не заметить,

---

³⁰ Фонвизин Д.И. Рассуждение о непременных государственных законах... С.254.

³¹ Сафонов М.М. Конституционный проект Н.И. Панина – Д.И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып.6. М., 1974. С.266.

что Панин был очень хорошо знаком с организацией французских учреждений, предлагая ввести аналогичное и в России»³².

Кроме того, для братьев Паниных, активных участников переворота 1762 г., весьма болезненным оставался вопрос о нарушении присяги законному монарху. Интеллектуальный инструментарий самооправдания оказался основан на тщательном разделении монархии и деспотизма, сделавшем нарушение присяги правомочным в случае, если «из самих тех законов, которые приемлются во всех благоустроенных государствах фундаментальными законами и вернейшею твердостью держав, ни единой почти не остался в святой неприкосновенности, но все они без изъятия свержены под самовластие». Еще в 1762 г. Панин отмечал, обращаясь к Екатерине II: «Мы слишком тридцать лет обращаемся в революциях на престоле, и чем больше их сила распространяется между подлых людей, тем оне смелее, безопаснее и возможнее стали»³³. Спустя двадцать лет брат Панина, Петр Иванович, выскажется более определенно, обращаясь уже к Павлу: «Столь позорное угрызение сердец было во обоих нас братьях почти при всяком съезде... сильнейшим возбуждением на размышление к спознанию причин: от чего бы народ, просвещенный христианским законом, и оказующий в военных случаях похвальную храбрость и мужество, мог весь без изъятия ввергнуться в такие порабощеннейшия клятвопреступления? Чем-бы оное отвратить, и чем утвердить надежнейшую безопасность Вашему Императорскому Величеству и Высокому наследию на все времена, и чем же привлечь искреннейшую любовь и верность всех подданных к Государям Нашим?»³⁴ Единственным способом возратить «российских подданных к соблюдению при всяких случаях данных государям своих присяг» Панины считали «союзное сопряжение государя со всею империею... неразрывным узлом утвержденных государственных фундаментальных прав и формы правления»³⁵.

---

³² Покровский С.П. Министерская власть в России. Ярославль: Тип. губернского правления, 1906. С.LXIV.

³³ Сборник Императорского русского исторического общества. Т.7. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1871. С.208.

³⁴ Шумигорский С.С. Приложение // Шумигорский С.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. С.20.

³⁵ Шумигорский С.С. Приложение // Шумигорский С.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. С.21.

При этом, однако, речь шла не столько о формальных ограничениях власти монарха юридического или институционального характера, сколько об искусстве управления государством с помощью системы сдержек и противовесов. Именно в таком ключе Монтескье проводил грань между монархией и деспотией: «Хотя в этих двух видах правления характер правления неодинаков, тем не менее у них одна и та же верховная власть. Куда бы ни обратил свой взор государь, он всюду заставляя чашу весов склониться на свою сторону, и ему повинуются. Все же различие тут в том, что в монархиях государи – люди более просвещенные, и министры их несравненно искуснее и опытнее в делах правления, чем в деспотическом государстве»³⁶.

Связь между проектами Панина и концепцией «умеренной монархии» Монтескье позволяет объяснить и внимание Панина к вопросам фиксирования порядка престолонаследия – такой порядок считался гарантией стабильности и «мягкой передачи власти» в «умеренной монархии». Так, в 1765 г. Панин интересовался юридическим оформлением уникального для России прецедента соправительства царевны Софьи и ее братьев – Ивана и Петра Алексеевичей³⁷, – направив соответствующий запрос в Московский архив Коллегии иностранных дел³⁸. Можно также предположить, что знаменитый закон о престолонаследии, ставший первым актом Павла Петровича в качестве монарха, был подготовлен под влиянием Панина – во всяком случае, «Прибавление к рассуждению, оставшемуся после смерти министра графа Панина...», составленное его братом, содержит эту норму, более того – детально рассматривает порядок престолонаследия в нескольких параграфах³⁹. «Фундаментальный закон» понимался Пани-

³⁶ Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. С.186.

³⁷ За год до этого запроса Панина, в 1765 г., австрийская императрица Мария-Терезия сделала своего сына Иосифа II соправителем. М.М. Сафонов полагал, что «ориентируясь на эту комбинацию, Панин искал прецедентов соправительства в русской истории и намеревался использовать их, когда Комиссия (Уложенная комиссия, созданная в 1767 г. – К.Б.) начнет работу» (Сафонов М.М. Завещание Екатерины II. СПб.: ЛИТА, 2001. С.33).

³⁸ См.: Самодержавие царевны Софьи Алексеевны по неизданным документам (из переписки, возбужденной графом Паниным). Сообщ. Е.Д. Лермонтова // Русская Старина. 1912. Т.149. № 2. С.425–445; № 3. С.539–547.

³⁹ Шумигорский С.С. Приложение // Шумигорский С.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1907. С.14–15.

ным именно как твердо установленный порядок престолонаследия, принимавший в таком контексте ключевое политическое значение.

Таким образом, внутренние интенции идеологий, оформлявших политическую деятельность представителей российской элиты второй половины XVIII в., зачастую наполняли сходные по форме и происхождению концепты новым и неожиданным содержанием.

Идеологию реформаторских проектов Панина трудно описать в терминах социально-исторических штампов («дворянская фронда», «аристократическая олигархия»); она складывалась под влиянием целого ряда факторов – критической рефлексии над опытом «дворцовых переворотов» в России, интеллектуальных заимствований из европейской теории и практики, а также перипетий закулисной придворной борьбы за власть.

Эта система вдохновлялась образами «умеренной», или, используя выражение Н. Хеншелла, «консультативной монархии», позволявшей сочетать эффективное единоличное управление с формировавшими механизм предохранения от деспотизма коллективными органами. Коллективные органы, призванные служить гарантом соблюдения гражданских прав, прав собственности и общей законности в государстве, оказывались необходимым средством для достижения цели – сохранения стабильности власти и обеспечения ее «мягкой передачи» по наследству. Не случайно Панин сетовал в проекте 1762 г. на то, что при восшествии на трон Петра III «почиталось излишним и не надобным собрание верховного правительства»⁴⁰.

Г.В. Ибнеева так оценивает потенциал проектов Панина: «Если бы панинский проект полностью воплотился в жизнь, это продвинуло бы Россию по направлению утверждения правовых законных отношений... Эти установления должны были способствовать защите дворянских прав, собственности, чести, защищать их от произвола самодержцев и его фаворитов»⁴¹. Мы находим, что различия между системой, предложенной Паниным, и стратегией, которую избрала Екатерина II, касались и сферы политической.

---

⁴⁰ Сборник Императорского русского исторического общества. Т.7. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1871. С.210.

⁴¹ Ибнеева Г.В. Борьба мнений вокруг проекта Императорского совета Н.И. Панина // Ученые записки Казанского гос ун-та. Т.134. Казань: Уни-пресс, 1998. С.105.

Драматическая история так называемой «секретной конституции Фонвизина – Панина», таким образом, представляла собой конкуренцию двух разных политических идеологий или стилей, остававшихся в пределах концептуальной парадигмы монархии и различавшихся не столько видением конечной цели, сколько выбором инструментария для ее достижения. В этой связи проекты Панина, которые сегодня выглядят проявлением олигархических амбиций или республиканских предпочтений, на деле можно скорее считать осознанной уступкой политической теории, позволявшей наметить пути выхода из череды дворцовых переворотов.

Виденеева А.Е.

**Св. Александр Невский и свт. Димитрий Ростовский:
первые святые Российской империи**

В 2009 г. Русская Православная Церковь отметила юбилейные даты, связанные с памятью двух знаменитых святых Ярославской епархии – св. князя Александра Невского и святителя Димитрия Ростовского. В нынешнем году исполняется 460 лет со времени канонизации переславского князя и 285 лет со дня перенесения его мощей в Александро-Невскую лавру, а также – 300 лет кончины ростовского святителя.

Совпадение этих дат показалось мне неслучайным и побудило попытаться найти точки соприкосновения в судьбе и почитании этих святых, что способствовало бы полнее оценить их значение и для русского православия, и для всего нашего отечества.

Казалось бы, что может быть общего между столь разными людьми, жившими к тому же в совершенно разные эпохи. Александр – мужественный и непреклонный князь-воитель, огнем и мечом защищавший западные рубежи Руси, за всю свою жизнь не проигравший врагу ни одного сражения. При жизни – предводитель, а после кончины и прославления – покровитель русского воинства. Димитрий – церковный иерарх и добрый пастырь, чьим единственным оружием было слово, а главной добродетелью – смирение. Талантливый проповедник и духовный писатель, свое предназначение он видел в просвещении и литературно-назидательных трудах. Первому выпало жить в смутную годину татарского ига, а второму – на переломе двух эпох – Древней Руси и Российской империи. Действительно, кажется, ничто не может объединить воинственного князя и смиренного святителя. Но это лишь первый, поверхностный, взгляд. А мы попытаемся всмотреться пристальнее.

Первое и, пожалуй, главное. И Александр Невский, и Димитрий Ростовский являются святыми одной епархии – Ярославской. С этой землей они связаны навеки. Более того, в определенной мере, их можно считать земляками – город Переславль Залесский, где родился Александр и город Ростов, где завершил свою жизнь Димитрий, расположены рядом. Родину, как известно,

не выбирают, а место своего упокоения человек может избрать сам. Святитель Димитрий воспользовался этим правом. «Се покой мой, здесь вселюсь во веки веков» – пророчески предрек он в Яковлевском монастыре, указав на юго-восточный угол монастырского собора. И он воистину вселился здесь навеки, прославив и избранную им обитель, и уготованную ему епархию.

Второе, и не менее важное. Вторичное прославление Александра Невского, связанное с перенесением его мощей из Владимира в Петербург, и причисление к лику святых Димитрия Ростовского пришлось на одну историческую эпоху – первое столетие Российской империи. Вспомним, как это происходило.

Александро-Невский монастырь, получивший в конце XVIII в. статус лавры, был основан и устроен по воле и желанию императора Петра I как первая и главная обитель его новой столицы – Петербурга. Датой учреждения этой обители принято считать освящение первого храма, что произошло 25 марта 1713 г., на Благовещение.

Вскоре после окончания Северной войны, к третьей годовщине Ништадского мира, по приказанию императора Петра I, мощи святого благоверного великого князя Александра Невского были торжественно перенесены из Владимира в Петербург. Так северная столица приняла свою первую святыню, хранительницей которой стал Александро-Невский монастырь. Случилось это 30 августа 1724 г. Без преувеличения можно утверждать, что это было одно из наиболее значительных церковных празднований Петровского царствования.

Символично и закономерно, что небесным покровителем города, основанного на Неве, стал святой Александр Невский. Это совершилось по воле императора Петра, и выбор этот был не случаен. Петру Великому, победоносно завершившему Северную войну, и по духу, и по сути был близок древнерусский князь, разбивший шведов на Неве и спасший Русь от западных захватчиков.

В лике святого Александра Невского Петербург как имперская столица, а вместе с ней и вся Российская империя обрели свое новое духовное основание, коим стал святой, родившийся в Переславле и прославленный в соборе святых Ярославо-Ростовской епархии.

Отдав должное святому князю, обратимся ко второму герою нашего повествования.

Митрополит Димитрий – видный церковный деятель Петровской эпохи, выдающийся проповедник, духовный писатель, агио-

граф и драматург. Неизмеримо много сделал он для просвещения и духовного воспитания народа, для прославления и укрепления православия. Главное, что осеяло деятельность ростовского святителя, – это разносторонний талант, проявленный им в истории и теологии, философии и богословии, литературе и драматургии. По праву за ним утвердилась слава Российского Златоуста, а имя его стало символом высоких гуманистических идеалов.

Древнюю и знаменитую Ростовскую кафедру митрополит Димитрий возглавил в 1702 г., и оставался ростовским владыкой до своей кончины, последовавшей 28 октября 1709 г.

По собственному выбору он был похоронен в Яковлевском монастыре. В 1752 г. здесь были обретены его святые мощи, около которых происходило множество чудотворных исцелений. 1 апреля 1757 года, в первый день Пасхи, мощи святителя Димитрия были оглашены совершенно святыми.

Значение этого события трудно переоценить. Ростовский владыка явился первым святым, канонизированным в Синодальный период истории Русской Церкви. Более того, его прославление оказалось единственной общерусской канонизацией на протяжении всего XVIII столетия. В истории нашего отечества ему было суждено остаться первым святым Российской империи.

В 1763 г. мощи свт. Димитрия были переложены в новую серебряную раку. В этих грандиозных торжествах принимала участие императрица Екатерина II, незадолго до того восшедшая на Российский престол. Знаменательное путешествие в Ростов на поклонение святителю Димитрию стало первым паломничеством новой российской императрицы.

Итак, в XVIII в. св. Александр Невский и свт. Димитрий Ростовский имели поистине всероссийскую славу. Правда, сугубое почитание князя приходится на первую половину столетия, а прославление святителя начинается с середины века. Таким образом, эти святые осенили собой определенные периоды имперской России. Прославление Александра пришлось на время петровских преобразований и военных побед – становление империи, ее утверждение и укрепление. Димитрию выпал расцвет империи, «Век золотой Екатерины», период Российского Просвещения.

Это были два великие духовные знамени своей эпохи, символизирующие величие России в двух разных ипостасях – на поле во-

инской славы и на ниве творчества и учительства. Александр как защитник отечества олицетворял собой высшее проявление мужества, доблести и отваги. Димитрий символизировал пастырство и проповедничество, несущие миру свет истинной веры для просвещения людей и спасения их душ.

Итак, святой князь Александр Невский и святитель Димитрий Ростовский были самыми почитаемыми святыми XVIII столетия. Не случайно во время царствования императрицы Елизаветы Петровны оба они получили роскошные серебряные гробницы, изготовленные из первого российского серебра, открытого в Сибири на Колыванских приисках.

Первой была устроена рака для мощей св. Александра Невского – огромное многофигурное сооружение пирамидальной формы, на изготовление которого пошло девяносто пудов серебра. Многолетняя работа над ним завершилась в 1753 г. Спустя несколько лет, в конце 1750-х годов, появилась серебряная гробница святителя Димитрия весом в десять с половиной пудов – дар императрицы Елизаветы новоявленному чудотворцу.

Мемориальный комплекс св. Александра Невского был более монументален, нежели святительская гробница. Их разновеликий масштаб объяснялся разницей между Петербургом и Ростовом – столицей и рядовым городом. Различалось и убранство рак – княжескую украшали военные трофеи и сцены воинских побед, святительскую – атрибуты архиерейской власти. Стихотворные тексты для обеих гробниц, прославляющие воинскую доблесть и святительскую мудрость, написал Михаил Ломоносов.

Оба надгробных комплекса появились почти одновременно, оба были по-своему великолепны, и оба оказались достойны прославления памяти святых, которым они предназначались. Между тем, их последующая судьба оказалась различной. Рака святителя Димитрия погибла в 20-е годы XX столетия. Гробница Александра Невского сохранилась и в настоящее время украшает один из парадных залов Эрмитажа.

Важным и символичным является то обстоятельство, что двух святых своеобразно объединяет личность Петра I. Император, поднявший на щит и прославивший св. Александра Невского, был знаком с митрополитом Димитрием, почитал и уважал святителя, принимал живое участие в его судьбе. Одно из самых показательных

подтверждений тому – поставление владыки на Ростовскую кафедру, которое совершилось по воле и выбору государя.

Отметим еще черту, связывающую Александра Невского и Димитрия Ростовского. Каждый из них стал небесным покровителем своей обители – Александро-Невской лавры, основной и построенной в Петербурге как место сохранения и прославления мощей святого князя и Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря, ставшего своеобразным пантеоном нового российского чудотворца. Символично, что имена каждого из святых увековечены в названиях этих обителей.

Оба святых способствовали процветанию своих монастырей, укреплению их славы и упрочению основ материального существования. Александро-Невская лавра, осененная святым Александром, стала духовным средоточием Петербурга, так же как Димитриева обитель, возвеличенная святителем Димитрием, превратилась в новый духовный центр Ростова. В то же время оба монастыря, где покоились мощи этих святых, оказались самыми значительными местами почитания и прославления их памяти.

А в завершение мне хотелось бы вернуться к тому, с чего мы начали, и еще раз подчеркнуть, что именно Ярославская епархия подарила России двух великих святых, ставших подлинной духовной опорой Российской империи – св. князя Александра Невского, освятившего новую имперскую столицу, и святителя Димитрия Ростовского, оставшегося в истории православия первым и единственным святым XVIII столетия.

Приложение

В собственноручном завещании ростовский митрополит Димитрий местом своего захоронения назначил Яковлевский монастырь. В 1709 г., в ночь на 28 октября, он скончался, а 25 ноября – был погребен в соборе избранной им обители. В 1752 г. в Яковлевском монастыре происходит обретение мощей владыки, а спустя пять лет он причисляется к лику святых.

В 1763 г. мощи святителя были переложены в серебряную гробницу. В этих торжествах принимала участие императрица Екатерина II, незадолго до того вступившая на всероссийский престол, которая щедро оделила обитель дорогими вкладыми. Ее прибытие в Ростов, ко гробу свт. Димитрия, стало первым паломничеством, которое она совершила в качестве царствующей императрицы.

Канонизация ростовского святителя явилась залогом возвышения и расцвета Спасо-Яковлевского монастыря. В 1765 г. открывается новый период его истории – в силу именных высочайших указов он удостоивается титула ставропигии, принимается в штат на государственное содержание, возводится во второй класс и, в довершении всего, в нем учреждается архимандрития. Все эти грандиозные перемены были произведены по воле императрицы Екатерины II, особенно почитавшей святителя Димитрия, и поэтому явно благоволившей Яковлевскому монастырю.

Ниже представлены выдержки из «Книги исторических достопамятностей» Спасо-Яковлевского Димитриево монастыря, повествующие о погребении в обители митрополита Димитрия и его последующем прославлении, о первых императорских вкладах и прибытии императрицы Екатерины II.

Л.3 об.

В 1709-м году

Ноября 25-го числа было торжественное погребение в здешнем монастыре Преосвященнаго Димитрия митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, скончавшагося в своем архиерейском доме октября 27-го числа, коего святыя мощи преданы земле в вышеозначенном Троицком храме, на месте самим им прежде назначенном и заповеданном. Погребение совершал Преосвященный Стефан Яворский, митрополит Рязанский, блюститель, викарий и экзарх патриаршего престола, по духовному учебному содружеству и предварительному завещанию: который прежде скончается, другому погребать. [...]

Л.4 об.

В 1752-м году

Сентября 21-го числа обретенны нетленными святыя мощи Святителя Димитрия митрополита Ростовскаго Чудотворца, почившия в земле 42 года 10-ть месяцев и 23 дни, при митрополите Арсении III-м Мацеевиче и при игумене сей обители Серапионе. [...]

В 1757-м году

Апреля 1-го, в первый день Святыя Пасхи последовала высочайшая конфирмация государыни императрицы Елисаветы Петровны на докладе Святейшаго Синода, о оглашении обретенных нетленными Святителя Димитрия мощей за совершенно святыя, чрез 4 года 6-ть месяцев и 9-ть дней, сколько по нетлении Святых мощей, столько по известной всем святой и добродетельной жизни, равно

и по многим назидательным душеполезным сочинениям и великим трудам его для Православной церкви в печать изданным, а паче по многочисленным от Святых мощей последовавшим чудотворениям, не только между православными, но и неверными, в различных болезнях и недугах прибегающими, ежемесячно в Святейший Синод представляемым. [...]

Л.6

В 1759-м году

Ноября 21-го числа прислано с нарочным курьером от государыни великия княгини Екатерины Алексеевны, для покрова на мощи Святителя Димитрия, парчи по золотому глазету с травами серебряными и разных шелков 12-ть аршин. [...]

В 1761-м году

Апреля 15-го числа присланы в самый первый день Святыя Пасхи с нарочным курьером от Государыни императрицы Елисаветы Петровны пребогатой золотой парчи риза, епитрахиль, стихарь, орарь и воздухи, обложенныя золотыми гасами. [...]

Л.7

В 1762-м году

Получен указ о кончине Государыни императрицы Елисаветы Петровны, последовавшей истекшаго 1761-го года декабря 25-го числа, и о восшествии на всероссийский престол императора Петра Феодоровича (сын Анны Петровны, дщери Петра Перваго).

По указу Его Императорскаго Величества отпущено Берх-Коллегиею из казеннаго железа в здешней монастырь на покрытие церковей три тысячи пудов листоваго безденежно. [...]

Получены два указа от 6-го и 31-го июля о кончине Государя императора Петра III-го, последовавшей онаго июля в 7-й день, и о восшествии супруги его на всероссийский императорский престол Государыни императрицы Екатерины Алексеевны II-я. [...]

Л.7 об.

В 1763-м году

В генваре месяце привезена в монастырь новоустроенная усердием и казною в Бозе почившия государыни императрицы Елисаветы Петровны среброкованная для мощей святителя Димитрия великолепная и многоценная рака, мерою в длину 3 аршина и 5-ть вершков, в ширину 1 аршин и 7 вершков, в высоту с крышкою 2 аршин 6 вершков; на крышке знамения принадлежностей архиерей-

ских, как то: митра, кафедра, посох и свечи все серебряные; и таковой же серебряный кивот для привезенного же вместе с ракою образа Святителя Димитрия превосходного академического художества, коего кивота снизу тумба с карнизами гладкая кованная, рама чеканная орнаментовая, по сторонам оныя пальмовыя ветви, занавес и облака чеканные матовые, по верху облаков крест гладкий под колер; в высоту оный кивот с крестом 6 аршин, а в широту в тумбе 3 аршина с половиною. [...]

Л.8

Мая 23-го числа изволила прибыть в Ростов для поклонения святым мощам Святителя Димитрия Благочестивейшая государыня императрица Екатерина Алексеевна с своею царскою свитою и Святейшаго Синода члены Преосвященные: Димитрий митрополит Новгородский, Гавриил архиепископ Санктпетербургский, Амвросий епископ Крутицкий, Лаврентий архимандрит Святотроицкой Сергиевой лавры и духовник протоиерей Федор Яковлевич Дубянский. Встречали Ея Императорской Величество при кафедральном Успенском соборе, за небытием тогда епархиального архиерея, четыре архимандрита: Богоявленский Иосиф Всесвятский, Борисоглебский Амвросий, Спасский что на Песках Иосиф, и Спасо-Ярославский Тихон Якубовский, который приветствовал Ея Величество речью (он после был епископом постепенно Севским, Воронежским и Суздальским).

24-го числа Ея Императорское Величество изволила прибыть в сей монастырь на литургию, где в Святых вратах встречали вышеозначенные Преосвященные архиереи с братиею, с хоругвями и животворящим крестом, и настоятель обители иеросхимонах Лука приветствовал речью.

В вечеру того ж числа на 25-е паки изволила прибыть ко всенощному бдению, которое отправляли все Преосвященные архиереи, и мощи Святителя Димитрия митрополита из прежней гробницы вынуты были и поставлены среди церкви во гробе на приуготовленном амвоне, покрытые покровом золотой парчи, на месте ж прежней гробницы поставлена вышепомянутая новая серебряная рака.

На утро 25-го числа мая, в день воскресный, Ея Императорское Величество изволила шествовать из Ростовскаго собора в монастырь на литургию в крестном ходе,

Л.8 об.

предшествуема архиереями и прочим духовенством, при стечении безчисленного множества народа, и прибыв в церковь, мощи Святителю Димитрия во гробе почивающия, на приуготовленном постаменте. Архиереи на раменах своих, при поддерживании рукою Ея Величества, обнеся с обыкновенною процессиею вокруг церкви, положили в новую серебряную раку. По совершении ж литургии, при окончании которой проповедь говорил прежде помянутый архимандрит Спасо-Ярославскаго монастыря Тихон, и по отправлении молебнаго пения, [императрица] благоволила удостоить посещением своим настоятеля в кельях его.

Тогда Ея Императорское Величество изволили пожаловать монастырю вкладу суммою две тысячи рублей и настоятелю с братиею тысячу рублей. Да в церковь ризничныя облачения из богатых золотых и серебряных парчей, а именно: две ризы и два стихаря со всеми к ним принадлежностями. Равно на мощи обоих святителей покровы, и на престолы двух церквей одежды с покровами, воздуха и наложныя одежды с пеленами, обложенныя золотными гасами.

26-го числа Ея Императорское Величество изволила отбыть в Ярославль. В тот де день прибыл из Москвы в сей монастырь Пресвященный Афанасий, епископ Тверский, переведенный по имянному Ея Величества повелению на Ростовскую епархию, и в церкви здешняго монастыря Синодальными членами поставляем был епископом Ростовским, и того ж 26-го числа мая синодальные члены из Ростова отбыли в Москву.

Л.9

Мая 28-го числа Преосвященнейший Афанасий епископ из здешней обители шел в крестном ходу в соборную Ростовскую церковь на престолоправление свое.

Мая 31-го числа Ея Императорское Величество государыня императрица на возвратном из Ярославля в Москву пути изволила паки быть в сей обители для поклонения Святым мощам.

Л.9 об.

В 1764-м году

Марта 30-го числа монастырь сей, при учреждении Духовных штатов оставлен в числе сверхштатных на своем содержании с положением братства пятнадцати человек. [...]

В 1765-м году

Марта 1-го числа по Высочайше подтвержденному докладу Святейшаго Синода повелено быть здешнему и Соловецкому монастырю в собственном Святейшаго Синода ведомстве.

Того ж марта 26-го числа по Высочайше подтвержденному докладу Святейшаго Синода включен здешний монастырь во второй класс штатных монастырей и определен по имянному Высочайшему указу первый Архимандрит Павел, переведенный из Духова монастыря Новгородской епархии.

В том же году причислен к здешнему Яковлевскому монастырю состоящий подле онаго Спасский, что на Песках, упраздненный монастырь, имевший архимандрию со всем имуществом и братиею.

РФ ГАЯО. Ф.145. Оп.1. Д.11

Гаверин Д.А.

**Митрополит Арсений (Мацеевич) и процесс секуляризации
в России в период царствования Екатерины II**

Одним из важнейших направлений государственной политики императрицы Екатерины II и всех предшествующих ей российских государей в XVIII в. была передача в государственное управление монастырских и церковных имений – секуляризация. Первые серьезные попытки осуществления этой идеи предпринимал еще Петр I. Однако реальным фактом секуляризация стала лишь в эпоху «просвещенного абсолютизма», в период царствования Екатерины II.

Подготовка секуляризации была начата в конце 50-х гг. XVIII в., а при Петре III был издан и указ о передаче в ведомство Коллегии экономии монастырских и церковных владений. После своего восшествия на российский престол 28 июня 1762 г. Екатерина II приостановила реализацию этого указа. Желая показать себя православной царицей, она вновь открыла домашние церкви, запечатанные при Петре III, способствовала возрождению влияния духовенства в вопросах цензуры и т.д. Однако отмена секуляризации вызвала вспышку волнений монастырских крестьян¹. Дворянство, являвшееся важнейшим оплотом монархии, весьма сочувственно относилось к идее секуляризации, видя в этом пополнение запаса казенных земель для новых пожалований. Все эти обстоятельства повлияли на принятие Екатериной II нового решения: с конца 1762 г. секуляризация стала необратимой. В казну было отобрано более 900 тысяч монастырских крестьянских душ. Множество монастырей, не имевших крестьян, были упразднены².

Секуляризация, лишив Православную Церковь в России материального обеспечения, окончательно лишила ее независимости от государства. Императрица и большинство представителей дворянского сословия не считали духовенство серьезной политической си-

---

¹ Карташев А.В. Очерки по истории Русской Православной Церкви. В 2 томах. Т.2. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2009. С.429.

² Любавский М.К. История царствования Екатерины II. М.: Лань, 2001. С.60.

лой. Хотя распоряжения Екатерины II вызвали в среде духовенства, особенно высших иерархов, сильный ропот и негодование, открыто выступить против никто не решился.

Самый резкий протест против присвоения церковных имений государством выразил митрополит Ростовский Арсений (Мацевич), уже раньше заявивший себя горячим и бесстрашным ревнителем церковных прав. Митрополит Арсений происходил из Польской шляхты, образование получил в Киевской академии. В 1742 г. Арсений стал митрополитом Ростовским и Ярославским. Одновременно Мацевича сделали членом Св. Синода. Владыка с самого начала стал в резкую оппозицию к светской власти. Он настаивал перед Императрицей Екатериной II на удалении светских чинов из состава Синода, утверждал, что Синод вообще не имеет канонической основы, и делает вывод о необходимости восстановления Патриаршества. Записка Владыки «О благочинии церковном» явилась первым протестом Российской иерархии против синодальной системы³.

Замыслив отнять у кафедр и монастырей вотчины еще с первых дней царствования, Екатерина перед коронацией сочла нужным на время утешить духовенство. «Мы не имеем намерения присвоить себе церковные имения, но только предписать закон о лучшем их устройстве», – говорила императрица. Затем под собственным наблюдением государыни была учреждена особая комиссия из духовных и трех светских членов. Среди духовных был недоброжелатель Арсения, митрополит новгородский Дмитрий (Сеченов). Это был человек в высшей степени изворотливый, думавший лишь о своих выгодах и готовый за награду, отличие предать интересы Церкви. Комиссия решила разослать по всем монастырским вотчинам и архиерейским домам приходо-расходные книги для записывания денежного и хлебного сбора и особо назначенных отставных обер-офицеров для проверки доставленных духовными властями сведений о состоянии и количестве духовных имений. Таким образом, архиереи подвергались ответственности в исконном церковном достоянии перед офицерами. Вероятно, самоуправство этих уполномоченных комиссией чиновников переступало часто пределы уважения к ар-

---

³ Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2006. С.416.

хиерейскому сану. Это распоряжение возмутило Арсения, всегда зорко охранявшего права Церкви. Он находил оскорбительным и неприличным, что для составления описей офицеры будут входить в алтарь и касаться церковных сосудов и прочей священной утвари, что они в архиерейских домах и монастырях пересчитывали деньги, перемеривали хлеб, выдавая все хозяевам и монастырям с меры, веса и счету. Арсений считал это за нарушение прав церковной стародавней собственности и унижение духовенства⁴.

В конечном итоге, все вотчины монастырские и архиерейские были отобраны в казну. На содержание их стали отпускаться скудные суммы. Множество обителей, среди них и древние, хранившие мощи своих основателей, – упразднены. А монастырские земли розданы громадными подарками, большею частью любимцам Екатерины.

Монастырские имения представляли собою пожертвования частных лиц на помин души, на поддержание иночества, на дела благотворения. Церковные имения, завещанные верующими душами на добрые дела и изъятые при Екатерине II в казну, вместо этого стали обогащением нескольких лиц, внесли в быт высшего общества распространяющуюся затем небывалую роскошь.

Против этого решения и счел нужным восстать митрополит Арсений. Вероятно, он понимал, что его горячие речи, резкие отзывы по этому поводу не изменят прискорбного совершившегося распоряжения. Но он считал своим неременным долгом, хотя и без надежды, ратовать за правду и, ценою собственной участи, стоять до конца за интересы Церкви. Опорой для заключения своего об этой мере он поставил соборное правило, что посвященное Богу не могло быть отчуждаемо.

Арсений подавал в Св. Синод один протест за другим против отнятия у монастырей вотчин и вмешательства светских людей в духовные дела. Мусина-Пушкина, бывшего президента Коллегии Экономии, он называл «турком». «Горе нам, бедным архиереям, – писал он, – яко не от поганных, но от своих мнящихся быти овец правоверных толикое мучительство претерпеваем». О членах комиссии он отзывался, что они «насилу в Бога веруют». В Неделю Православия, когда предаются анафеме враги Церкви, он к обычному чинополо-

---

⁴ Поселянин Е. Русская церковь и русские подвижники XVIII века. СПб., 1995. С.231.

жению прибавил «анафему обидчикам церквей и монастырей». Обо всех этих поступках и отзовах ростовского митрополита было доведено до сведения Екатерины, которая была в высшей степени тем оскорблена⁵.

Желая после коронации выказать пред народом свое благочестие, Екатерина II решила отправиться в Ростов, чтобы присутствовать на переложении мощей святителя Димитрия Ростовского в новую серебряную раку. Ожидая в Ростове императрицу на торжество, митрополит Арсений надеялся склонить государыню на сторону духовенства, не подозревая о том, насколько сильно она предубеждена против него самого и насколько ее взгляды на имущественные права Церкви далеки от соблюдения церковных интересов. Учрежденная для урегулирования возникших осложнений Духовная комиссия была составлена таким образом, чтобы входившие в нее духовные лица никак не противоречили светскому большинству.

10 марта 1763 г. митрополит Арсений подал в Синод доношение о церковных имениях, направив его таким образом, чтобы с ним познакомилась и императрица. В документе доказывалось, что светский контроль над церковной собственностью нарушает не только церковные каноны, но и основы государственности. Близкие к митрополиту люди предупреждали его о том, насколько опасно противодействовать планам правительства и тем более критиковать именные (исходящие от имени императрицы) указы, но Владыка решил непременно выступить со словом протеста.

В отсутствие собрания Синода о представлении митрополита Арсения доложил императрице один архиерей, давний его недоброжелатель, писавший, что речь идет об оскорблении величества. Императрица приказала Синоду судить Владыку; 14 марта Синод постановил арестовать его и направить в Москву. Владыка же 14 марта направил в Синод второе доношение, из которого следовало, что контроль Духовной комиссии незаконен и вреден для Церкви; кроме того, в нем содержалась повторная просьба об увольнении на покой⁶.

---

⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга XIII. 1762–1765. М.: АСТ, Фолио, 2001. С.746.

⁶ Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2006. С.418.

Приехавший в Ростов гвардейский офицер арестовал митрополита и спешно вывез в Москву. 17 марта митрополита Арсения поместили под караулом в Симонов монастырь. 1 апреля начался суд. В своих показаниях Владыка продолжал защищать дело Церкви и избегал называть кого-либо, чтобы не подвергать людей опасности. 4 апреля, еще до окончания следствия, был вынесен приговор: сослать в отдаленный монастырь с отнятием бумаги и чернил. 7 апреля воспоследовало окончательное постановление, в котором Синод обвинял митрополита в дерзости против светской власти, что позволяло судить его еще и гражданским судом, и предлагал лишить архиерейского сана и священства и расстричь. Императрица оставила Арсению монашеский чин и избавила от гражданского суда. Арсений был сослан в Ферапонтов монастырь. Указами Синода и Сената народ извещался о виновности митрополита Арсения и о понесенном им наказании.

При снятии сана с Ростовского митрополита Синодальный дворец был окружен громадными толпами – не только из любопытства, но и из сострадания. Впечатление от этого события вскоре еще усилилось, когда через месяц с небольшим рухнул храм, смежный с той палатой, где осудили Владыку. Выслушав определение Синода, Владыка, по свидетельствам, произнес: «Благо мне, яко смирил мя еси!» и сам стал снимать с себя знаки архиерейского достоинства, обратившись к образу Спасителя⁷.

В ссылку владыку Арсения повезли не в вологодский Ферапонтов, а в более дальний Николаевский Корельский монастырь Архангельской губернии. Одновременно каждому архиерею и в монастыри было разослано извещение о вине Владыки, целью которого было представить протест против имущественного притеснения Церкви личным делом Ростовского митрополита. В 1766 г. Екатерина послала «записку» о деле митрополита Арсения Вольтеру с целью придать этому делу за границей благоприятную для нее окраску. Однако дипломаты докладывали своим дворам о том, что духовенство и народ сочувствуют Владыке и почитают его за святого.

---

⁷ Изгнанный правды ради. Жизнь святителя Арсения (Мацеевича). Составитель священник М. Попов. М.: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001. С.225.

Путешествие митрополита Арсения к месту ссылки длилось почти месяц. По приезде сопровождавший его офицер заставил престарелого архиерея носить воду, рубить дрова и т.п. В монастыре ему было позволено посещать храм во время литургии и ходить по монастырю, но под строгим караулом; запрещено было писать, говорить о своем деле, именоваться архиереем и даже иеромонахом и преподавать благословение. Настоятель и благочинный обязаны были следить за ссыльным и регулярно отчитываться.

Владыка не догадывался, насколько он ненавистен Екатерине, и полагал, что если бы она сама прочла его доношение в Синод, то мнение ее было бы благоприятным. Между тем, была осуществлена секуляризация церковных земель, вызвавшая крестьянские волнения. Успокаивали их за счет дальнейшего ущемления прав духовенства. В особенности от государственных реформ пострадали монастыри, значительная часть которых была закрыта. Без крова остались тысячи монахов; был нанесен значительный ущерб и делу религиозного просвещения. Имя осужденного митрополита Арсения произносилось с благоговением, распространялись свидетельства его прозорливости.

В ссылке Владыке отвели низкий и тесный каземат. Болезнь не позволяла ему посещать богослужения. Настоятель монастыря уважал ученого узника, а архангелогородский архиерей присылал ему с протоиереем деньги и пропитание; из Ростова и от других архиереев посылались и частицы мощей. В каземате оказались и иконы, книги, панагия, орлецы и даже белый клобук. Друзья надеялись на освобождение опального митрополита. В беседах с караульным офицером, с монахами и нередкими гостями Владыка продолжал отстаивать свои взгляды. Для узника сделали прямой ход в алтарь, пробив стену и устроивши лестницу; в церкви ему позволили проповедовать. Несмотря на то, что Владыка в проповедях обличал монахов в неустойчивости к вину, они испытывали к нему уважение и относились к нему как к архиерею. Корельский монастырь, как и многие другие, был поставлен секуляризацией на грань разорения, что еще сблизило монахов с опальным противником этой меры.

В 1767 г. два монаха составили донос императрице Екатерине II на митрополита, в котором оговорили его в том, что он бранил Синод. Делу был придан политический характер, и последовал соответствующий приговор – лишить монашеского чина, снять все монашеское облачение, расстричь, переодеть в мирскую одежду, пере-

именовать оскорбительным именем (Андреем Вралем) и послать на вечное заточение в Ревель⁸. Там содержать его в каземате местной крепости под караулом, никого не допуская к нему пожизненно. При попытке митрополита Арсения заговорить караульным было предписано вставить ему пыточный кляп, который для угрозы велено было держать на виду в каземате. Только в предсмертный час митрополита Екатерина II разрешила допустить к нему священника, с которого требовалось взять подписку, что он ничего не расскажет впоследствии под страхом смерти.

В 1768 г. митрополит Арсений был заточен в г. Ревеле, в каземате размером два на три метра. Пять лет провел митрополит Арсений в полной изоляции и могильном заточении. С 1771 г. митрополит Арсений был фактически заживо погребен – дверь была заложена кирпичами, осталось только окошечко, в которое ему подавали пищу⁹.

За два дня до кончины митрополит попросил прислать священника со Святыми Дарами. 28 февраля 1772 г. митрополит преставился и в этот же день был похоронен, как простой мирянин, у северной стены Никольской церкви г. Ревеля. На стене каземата осталась выцарапанная надпись митрополита: «Благо мне яко смирил мя еси»¹⁰.

Митрополит Арсений бесстрашно защищал правое дело Церкви, даже оставаясь в одиночестве. Он по мере сил противился реформам, которые грозили уничтожить религиозное образование и церковную благотворительность, выступал против вторжения светской власти в сферу церковного управления, аргументированно доказывая, что изъятие имущества у духовного сословия без всякой компенсации не может быть оправдано ни с государственной, ни с юридической, ни с канонической и нравственной точек зрения. В доношениях Владыки больше тревоги за Церковь, нежели за потерю владений. Синод, побоявшийся поддержать Ростовского митрополита, сделал шаг к тому, чтобы стать инструментом государственного управления. Образование было заброшено, духовенство обречено на

---

⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга XIII. 1762–1765. М.: АСТ, Фолио, 2001. С.747.

⁹ Поселянин Е. Русская церковь и русские подвижники XVIII века. СПб., 1995. С.236.

¹⁰ Изгнанный правды ради. Жизнь святителя Арсения (Мацеевича). Составитель священник М. Попов. М.: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001. С.281.

крайнюю нищету и материальную зависимость. Народ, вкусивший горькие плоды екатерининских реформ, почитал владыку Арсения за смелый протест против новых принципов управления.

Митрополит Арсений поднял уровень церковной жизни Ростовской епархии. Он настаивал на том, чтобы Церковь была воспитательницей народа, основал семинарию в Ярославле и в учебном деле был противником латинской схоластики. Строгие требования Владыки были справедливы и оправдывались его нестяжательством и высоким строем духовной жизни. Твердо отстаивая свои архиерейские права, отличаясь непреклонностью убеждений и независимостью, Владыка был милостивым и не давал в обиду подчиненное ему духовенство и крестьян. Дважды митрополит Арсений поднимал вопрос о восстановлении патриаршества. Он был ревностным проповедником и отстаивал чистоту и неизблемость православной веры.

Священный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. восстановил митрополита Арсения (Мацеевича) в священном сане. Знаменательно, что тот же Собор восстановил патриаршество, вопрос о котором поднимал Святитель.

Императрица Екатерина II, царствование которой ознаменовалось важнейшими событиями и преобразованиями в области внешней политики и государственного строительства, по отношению к Православной Церкви, и особенно монастырям, была, по свидетельству современников, великой разорительницей и гонительницей. В этом отношении она продолжала политику Петра I, только в значительно большей степени. Если Петр уничтожил треть бывших до него монастырей, то Екатерина постаралась уничтожить большую половину оставшихся после Петра. Лишенная своих имений церковь испытывала большую нужду в средствах. Церковная политика Екатерины II привела к тому, что многие обители опустели.

Царствование Екатерины II отмечено широкими просветительскими преобразованиями. Заботами императрицы утверждаются институты, кадетские корпуса и воспитательные дома, большое количество народных училищ. Одновременно с этим, отобрание церковных имений в пользу государства нанесло сильный удар по народному просвещению. Именно церкви и монастыри издавна были средоточием духовной жизни в России. Церковная политика императрицы стала наиболее противоречивым явлением эпохи «просвещенного абсолютизма».

Гафаров А.А.

**Раннепросветительское движение мусульман Поволжья
(вторая половина XVIII в.) в контексте имперской политики
аккультуризации (проблемы историографии)**

Бурные процессы модернизации, захватившие Россию в XVIII в., не могли не затронуть мусульманское сообщество страны. Реформы Екатерины II открыли ворота для активной интеграции мусульманского населения в общероссийское социокультурное пространство. Однако с самого начала реформы были сориентированы на потребности государства и задачи расширения пределов империи. Вместе с тем, либерализация этноконфессиональной политики способствовала более широкому использованию мусульман на государственной службе, в работе дипломатических миссий и пограничных комиссий¹. По мере актуализации «восточного вопроса» усиливается внимание к подготовке специалистов, говорящих на восточных языках. Еще «в 1724 г. Петр I счел необходимым издать указ, которым предписывалось изучение турецкого языка и направление с этой целью в Стамбул юношей в возрасте 14–15 лет»². Одним из первых светских учебных заведений этого направления стала Школа для калмыков и татар в Самаре. В этой школе, созданной в 1739 г. по инициативе Татищева В.Н., готовились переводчики с калмыцкого и татарского языка. Несколько позднее были открыты татарские классы в Первой Казанской гимназии (1769 г.)³ и в Первой Астраханской гимназии

¹ Практика использования мусульман на государственной службе достаточно широко использовалась начиная с середины XVI в. Например, «в штате Посольского приказа в 1698 г. из 22 переводчиков по всем европейским и азиатским языкам 8 человек являлись татарами. Из 17 толмачей 10 были татарскими». См.: Алишев С.Х. Образование татарской слободы в Москве // Гуманитарное знание в системах политики и культуры. Казань, 2000. С.19.

² Утургаури С.Н. Роль культуры в общественных процессах // Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. М., 2003. С.108.

³ До этого крещеных татар принимали в Казанскую архиерейскую славяно-латинскую школу (1723 г.), а также в новокрещенские школы в Свяжске, Казани, Елабуге. В этих школах обучали русской грамоте, псалтырю, катехизису и скорописи, готовили церковнослужителей.

(1789 г.), а также в 1807 г. Восточный Разряд в Казанском университете и т.д. Соответственно растет интерес властей к образованным «инородцам», способным к работе в светских, европейски организованных школах.

Появление в этой связи когорты преподавателей из татар (С. Хальфин, Исх. Хальфин, Исм. Хальфин, Н. Ибрагимов, Н. Атнометев и др.) дало основание ряду исследователей говорить о ранних истоках татарского просветительства. Традиционно отечественная историография рассматривала татарское просветительское движение начиная со второй половины XIX в. (в связи с научно-педагогической деятельностью Ш. Марджани, Х. Фаизханова, К. Насыри и др.). Однако в 60–70 гг. XX в., по мере более углубленного изучения вопроса, наметилась тенденция выдвигания хронологических рамок на более ранние сроки. По мнению Хасанова Х.Х. у истоков татарского просветительства стоял Ибр. Хальфин (1778–1829)⁴. Абдуллин считал, что татарское просветительство возникло на рубеже XVIII и XIX вв.⁵ Михайлова С.М. связывала начало татарского просветительства с научно-педагогической деятельностью семьи Хальфиных начиная с родоначальника династии С. Хальфина (1732–1785)⁶.

Расширение хронологических рамок татарского просветительства в работах Ханбикова Я.И., Михайловой С.М., Хасанова Х.Х., Абдуллина Я.Г. встретило неоднозначную реакцию научного сообщества. Усманов М.А. выразил компромиссную точку зрения: «Видимо, до середины XIX в. речь может идти о предистории татарского просветительства»⁷. Споры по поводу периодизации, вероятно, связаны с разным пониманием сути просветительского движения. Сторонники традиционной точки зрения представляют просветительство, прежде всего, как общественно значимое движение, охватившее широкие массы, изменяющее мировоззрение и весь уклад общества. Для сторонников более ранних «начал» просветительства, вероятно,

---

⁴ Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. Казань, 1977. С.121.

⁵ Абдуллин Я.Г. Татарская просветительская мысль. Казань, 1976. С.27.

⁶ См.: Михайлова С.М. Формирование и развитие просветительства среди татар Поволжья (1800–1861). Казань, 1972.

⁷ Усманов М. Заветная мечта Хусаина Фаизханова. Казань, 1980. С.188.

важен сам факт приобщения татарской интеллигенции к светской русской культуре, научным знаниям, европейской школе и т.д.

Обозначенные точки зрения неизбежно выводят обсуждение на уровень проблемы соотношения модернизации и аккультурации. Для татарской литературы второй половины XIX – первой четверти XX вв. вопрос об источнике инноваций и их переработке на традиционной этноконфессиональной основе был принципиальным. (Даже представители официального востоковедения (Ильминский Н.И., Ашмарин Н.И., Катанов Н.Ф., Бартольд В.В. и др.), отмечая преобразующее влияние русской культуры, подчеркивали ориентацию местных модернистов на мусульманско-адаптированные источники)⁸. «Истинный прогресс, – весьма прозорливо писал Мурза Алим, – есть только продукт умственной работы предшествующего ему времени, ... **если этот прогресс не выработан той средою, которая должна им пользоваться, то он оказывается более вреден, чем благодетелен**»⁹.

О пагубности бездумного восприятия европейской культуры писали также К. Насыри¹⁰, А. Баязитов – «реформ и новшеств – во что бы то ни стало; не имеющих ничего общего с историей мусульман, их воззрениями, бытом, духом и т.п.»¹¹. Г. Ибрагимов модернизацию татар совершенно правомерно связывает не столько с аккультурацией (культурными заимствованиями, которые случались и в предыдущий период), сколько с процессами органичной переработки инноваций на традиционной основе. Признавая ранние единичные случаи приобщения к европейской культуре, он писал: «Получивших воспитание свое на русском языке и в русских традициях татарин не считал за «своих», и они не в состоянии были оказать на идеологию татар

---

⁸ См.: Ильминский Н.И. Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору К.П. Победоносцеву. Казань, 1895; Ашмарин Н.И. Несколько слов о современной литературе казанских татар // Журнал министерства народного просвещения. Часть. CCCLXI. Отд. 3. СПб., 1905. №9; Катанов Н.Ф. Этнографический обзор турецко-татарских племен // Катанов Н.Ф. Избранные научные труды. Анкара, 2000. С.401–402; Бартольд В.В. Исламский мир. П., 1922. С.43 и др.

⁹ Мурза Алим. Ислам и магометанство // С.-Петербургские Ведомости. 1882. № 188.

¹⁰ Каюм Насыри Избранные произведения. Казань, 1977. С. 79.

¹¹ Баязитов А. Ислам и прогресс. СПб., 1898. С. 93.

никакого влияния», так как колониальный гнет вызывал отвращение ко всему русскому и соответственно европейскому¹².

«Сложное» восприятие аккультурации отечественными мусульманами исследователи уже XIX в. во многом объясняли «изъянами» российской колониальной политики. Колонизация, наряду с прочими выгодами европейской цивилизации, несла в жизнь покоренных народов массу негативных моментов, разрушающих основы их духовного, социокультурного строя. По мнению Ядринцева Н.М., «вторжение русских в Азию уничтожает прежние связи и отношения, повсюду происходит передвижение и разряжение сил, которое сопровождается разложением и катастрофами»¹³. «Издержки» этого движения вызвали опасения даже у явных апологетов российского колониализма. Ильминский Н.И. в 1887 г. озабоченно писал Победоносцеву: «Русские колонизаторы, на первых порах раскольники, наглые и злые, явились... с пренебрежением к инородцам... Со многих сторон приводилось мне слышать, что вообще великорусы – плохие колонизаторы: они все норовят на дармовое и на чужое, в религиозном отношении невежды, в нравственном – распущенные, в хозяйстве неряхи... Вообще у нас колонизация, особенно усилившаяся за последние годы, ведется нехорошо. Это как бы огромный поток, с которого сняли плотину, и он понесся неудержимо, все затопляя и разрушая»¹⁴.

«Сюда (на Восток. – А.Г.), – пишет Ядринцев Н.М., – бежали воры, грабители, разбойники и разные преступники»¹⁵, «у которых одно на уме – как бы хитростью и обманом притянуть к себе трудом и потом приобретенное имущество простодушного и доверчивого туземца»¹⁶. Пользуясь нищетой и неискушенностью местных жителей, колонизаторы за бесценок скупали обширные земли. Как пишет Шиле: «Разные лица начали скупать у них (башкир. – А.Г.) огромные пространства земли за самую дешевую цену. Даже за последние годы (конец 70-х. – А.Г.) башкирские земли покупались по полтине и по рублю за десятину, в то время, как даже годовая арендная плата

¹² Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 г. Казань, 1926. С.26–27.

¹³ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882. С.89.

¹⁴ Ильминский Н.И. Письма... С.220–221.

¹⁵ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... С.133.

¹⁶ Там же. С.47.

была гораздо выше этой цены»¹⁷. «Наши башкирские братья, писал Г. Фаизханов, – продают десятину земли за фунт чая или пять фунтов сахара, (и. – А.Г.) таким образом, уже тысячи десятин земли перешли в руки чужих народов»¹⁸. «Замечательную» оценку в статье «Азиатская культура и цивилизация» (1894) дал российской колонизации проф. Краснов А.Н.: «Земледелец Европы и в особенности наш южнорусский мужик и барин, изгадив, обобрав, опустошив свой край, сами гнушаются созданной ими мерзости и в природе и в человеческих отношениях. И тогда мужики целыми толпами бессознательно, как стадо, бегут искать новых земель, нового поприща для разрушения и обирания, а барин едет за границу проживать награбленное у природы и людей богатство вдали от содеянного им преступления»¹⁹.

О великоросском пренебрежении к инородцам сетует также последователь Ильминского Коблов Я.Д.: «В противоположность татарам, русские не стараются сблизиться с инородцами; проявляют к ним, по большей части, прямо-таки враждебное отношение, награждая их при всяком случае не особенно лестными названиями. Русский, например, не позволит своим детям играть с детьми чуваш и черемис, а поесть из их посуды – сохрани Бог; ибо из их посуды едят свиньи и собаки. Нередко от русских можно слышать об инородцах: «И что это за народ; у этих собак и особой банной посуды нет; из чего моются, из того и жрут. Тьфу. Давно бы их всех следовало в Сибирь сослать». К подобным издевательствам инородцы в значительной степени привыкли и притерпелись; но и о сближении их с русскими, конечно, не может быть и речи». «Для осмеяния инородцев у русских существует очень много рассказов; например рассказ о происхождении чуваш из поганого теста, в котором копались собаки и свиньи; вотяков называют «саврасыми мышами», татар (безразлично, крещеных и магометан) «собаками», черемис «черноногими баранами»²⁰.

¹⁷ Шиле. Башкиры. Этнографический очерк // Природа и люди. СПб., 1979. Март. С.8.

¹⁸ Фаизханов Г.Ф. Мухаррик аль-афкар (Двигатель мыслей. Исследование состояния знания, образования, ремесла и предпринимательства у татар России). Н.-Новгород, 2006. С.30, 31;

¹⁹ Краснов А.Н. Азиатская культура и цивилизация // Книжки недели. СПб., 1894. Июнь. С.197.

²⁰ Коблов Я.Д. О татаризации инородцев Приволжского края. Казань, 1910. С.13, 14.

Очевидно, что имперская психология проникла во все слои великоросского общества, став органичной частью менталитета, породив устойчивые стереотипы национального восприятия. Миролубов Н. в фельетоне «Воскресные беседы» откровенно признает: «Вечно новой историей остается протест благомыслящих уважающих свое человеческое достоинство людей против неблагоприятной черты в особенно сильной степени, к сожалению, присущей именно русскому народу, составляя один из его крупных недостатков. Это крупный недостаток, в числе целого ряда других, не раз подчеркивался иноземными писателями, повествовавшими о России не только в новейшие времена, но даже еще в XVII и XVI столетиях. Этот недостаток – страсть русского человека издеваться над иноземцами и иноверцами, страсть, которой не чужды бывают и люди, мнящие себя «интеллигентами»²¹.

«После «триумфального шествия Советской власти» одной из задач большевиков стала изоляция этих (мусульманских – А.Г.) народов от исламского мира и ислама как религии»²², а также максимальное разобщение между собой²³. В области рассматриваемой проблематики произошла определенная подмена предмета исследования. Проблемы модернизации татарского народа директивным путем были заменены (в значительной степени) изучением русской аккультурации. Ключевой и универсальной становится формулировка: «Под благотворительным воздействием русской культуры

---

²¹ Миролубов Н. Воскресные беседы // Волжский вестник. 1894. № 206. 14 августа. О страсти «русского человека к глумлению над представителями других, и, в частности, семитской национальности» автор также пишет: «Когда я стою перед открытой сценой и вижу, как по целым часам коверкают несчастных евреев, как толпа неистово гогочет, требуя повторений, как она посматривает со злорадством по сторонам, – нет ли вблизи «жида», чтобы насладиться его унижением, полюбоваться, как несчастный «жидок», потупив взор, с краской стыда на лице, спешит убежать от злых людей, его мучителей». См. там же.

²² Атаев Т.О. Политический подтекст латинской письменности // Фаизхановские чтения. Материалы четвертой ежегодной научно-практической конференции «Фаизхановские чтения». Н.Новгород, 2008. С.151. См. также: Давлетшин Т. Советский Татарстан. Казань, 2005. С.18.

²³ Валиди Тоган З. Воспоминания: Книга I. Уфа, 1994. С.303, 317, 329, 330.

расцветает творчество...»²⁴. Не случайно, в научной литературе термины «реформация, реформаторство» вытесняются политически нейтральными терминами «просветительство, просветители». Это достаточно легко и естественно позволило отодвинуть татарское просветительство на более ранние сроки.

Михайлова С.М., понимая некоторую концептуальную шаткость позиции татарского просветительства XVIII в. (целиком связанного с государственной политикой аккультурации), стремится раскрыть «прогрессивные тенденции» государственной школы, «способовавшие успешному формированию татарской передовой общественной мысли», росту творческих сил татарского народа, процессу формирования его национального самосознания. Приобщение мусульман к государственной школе привело к тому, что «у части татарского общества зарождается критическое отношение к старым школам, в результате чего появился целый ряд проектов организации средней школы для татар»²⁵. При этом она признает, что принятие «инородцев» в гимназии и университеты свидетельствует не о заботе царизма о просвещении нерусских народов, а о крахе прежних форм колониальной политики, о стремлении изменить формы и методы подготовки миссионеров...», об осознании «необходимости знания восточных языков для проведения колониальной политики»²⁶.

Очевидно, что в оценке деятельности первых просветителей XVIII в. возможен двойкий подход. Наряду с тем, что они преподавали в гимназиях и училищах, писали учебные пособия, их можно рассматривать как представителей служилого сословия, связанного своими кровными интересами с колониальной администрацией. Именно так Г. Губайдуллин (Газиз) воспринимает первого просветителя – С. Хальфина²⁷. Будущий преподаватель татарского языка в Первой Казанской гимназии и родоначальник династии педагогов-просветителей – С.Х. Хальфин – начинал рядовым переводчиком в лашманской конторе, затем работал «в Комиссии 1767 г., представ-

---

²⁴ Климович Л. Из истории литератур советского Востока. М., 1959. С.144.

²⁵ Михайлова С.М. Из истории формирования и развития передовой общественной мысли среди татар Поволжья. (Просветительство 1800–1861 гг.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1969. С.7, 10, 16–17.

²⁶ Там же. С.12, 9.

²⁷ См.: Газиз Г. Татар тарихы (История татар). М., 1925.

лявшей татарских мурз²⁸, заслужил звание бригадира и при осаде Казани сидел в казанском кремле вместе с архиереем, представителями власти, русскими и татарскими помещиками. Когда Пугачев потерпел поражение, Хальфин был старшим переводчиком Следственной комиссии по наказанию восставших, заседавшей в Симбирске под председательством графа Панина»²⁹. Исх. Хальфин переводил на татарский язык полицейский устав, государственные документы, а также и Катехизис³⁰. А его сын Ибр. Хальфин был цензором Азиатской типографии³¹.

Стратегия государственного просвещения среди инородцев была направлена, прежде всего, на подготовку кадров для местных органов управления: переводчиков, волостных управителей, старшин и пр.³², лояльных «инородцев», которые, по выражению Ильминского, не погнушались бы работой в колониальной администрации³³. Те же цели колониального освоения восточных территорий преследовала государственная издательская политика. Азиатская типография (С.-Петербург, 1875) создавалась с целью издания на татарском языке государственных документов (например, «Свод законов Российской империи»), а также религиозной мусульманской литературы. В конце XVIII в. типография была переведена в Казань; поначалу ее возглавил А. Бурашев, а затем она перешла в руки купца Ю. Апанаева³⁴. В первые годы «Азиатская типография» даже получала государственные субсидии – 2000 руб. ежегодно. Печатная продукция широко распространялась по всем мусульманским регионам и доходила до самых отдаленных аулов. До этого татары обучались мусульманской грамоте и наукам «не иначе, как по рукописным тетрадям и книгам».

---

²⁸ Сагит Хальфин в 1767 г. повез в Москву наказ мурз и служивых татар. См.: Газиз Г. История татар. М., 1994. С.138.

²⁹ Газиз Г. История татар... С.169.

³⁰ Ильминский Н.И. Письма... С.26.

³¹ Губайдуллин Г.С. Из прошлого татар. Казань, 1925. С.104.

³² См.: Граменицкий С. Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. Ташкент, 1896.

³³ Ильминский Н.И. Письма... С.74.

³⁴ Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань, 1991. С.134; Катанов Н.Ф. Поволжские татары в их произведениях и в жизни... С.1. В 1829 г. ее объединили с типографией Казанского университета.

Несмотря на то, что в Турции типография была открыта еще при султани Ахмеди III (1726), в ней позволялось печатать «лишь те книги, которые не касались мусульманского вероучения и мусульманских обрядов»³⁵.

Широкомасштабное издание религиозной литературы в России отвечало видам правительства на татарское духовенство как на проводника российской восточной политики. Примечательно, что с 1784 г. для укрепления российского влияния на казахов определялись муллы из татар с назначенным из казны жалованием³⁶. В одном из писем 1785 г. Екатерина II писала одному из высших провинциальных чиновников: «Увидев из донесения Вашего, что... для поданных наших магометанского закона мечети в Троицкой крепости и в Оренбурге открыты, не сомневаемся, что такое сооружение мест публичной молитвы привлечет и прочих в близости кочующих и обитающих к границам нашим...»³⁷.

Таким образом, результаты аккультурации были весьма не велики. «К сожалению, – писал Ядринцев Н.М., – такие личности (как Банзаров и Валиханов. – А.Г.) только случайно пробивались из инородческой среды»³⁸. Просветительские вкрапления в значительной степени оставались лишь побочным следствием общей колониальной политики.

---

³⁵ Катанов Н.Ф. Поволжские татары в их произведениях и в жизни. Обзор литературной деятельности татар за XIX век. Отдельный оттиск из изд. «Поволжье». С.3.

³⁶ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... С.114.

³⁷ Газиз Г. История татар... С.182.

³⁸ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... С.122.

Голованова О.И.

**Исторический опыт государственной службы
в Тюменском уезде в 1782–1796 гг.**

Государственная служба в Российской империи в XVIII веке считалась «службой государственной», поскольку чиновник или служащий, осуществляя должностные полномочия, получал их от субъекта верховной власти. Соответственно состояние управленческих структур на всех уровнях власти являлось залогом успеха проводимых преобразований.

Процесс становления государственной службы в России начинался в XVII в., когда к работе в государственных учреждениях пришла особая социальная прослойка, носившая объединенное наименование приказных людей (дьяки, подьячие), которые имели постоянные служебные поручения и являлись прообразом будущих профессиональных государственных служащих XVIII века.

Целью статьи является восстановление фрагмента системы государственной службы и персонала управления Тюменского уезда 1782–1796 гг. (на примере деятельности Тюменского нижнего земского суда), которая в соответствии с внутренней политикой Екатерины II должна была обеспечивать выполнение стоящих перед ней задач.

Хронологические рамки статьи ограничиваются 14 годами: нижняя граница (1782 г.) соответствует началу административно-государственных изменений в Сибири (учреждение Тобольского наместничества, упразднение института воевод и др.), в частности в Тюменском уезде, верхняя (1796 г.) – связана с упрощением системы учреждений, их централизацией и соответствует началу правления Павла I.

«Жизнь» анализируемых документов относится ко второй половине правления императрицы Екатерины II, когда «просвещенный абсолютизм» достиг высшей ступени своего развития, при этом практически исчерпав все ресурсы дальнейшего развития. Вся внутренняя политика Екатерины II «послепугачевского» периода сосредоточивалась вокруг вопросов, нацеленных на упорядочение системы государственного управления и борьбу с областной автономией; на их решение была направлена сеть государственных учреждений (поли-

цейских, административных, военных, судебных и т.д.). Выбор документов данного периода обусловлен значительным перераспределением в эти годы центра тяжести управления из столицы государства на периферию вследствие проведенных реформ, и, как результат, мощным притоком состава служащих в новые присутственные места, сформированные по сословному принципу, – а это несет с собой вовлечение в делопроизводственные процессы широкого круга новых адресантов – новую волну «умов», оказавших влияние на уровень организации государственной службы, в том числе в Тюменском уезде.

Тюменский нижний земский суд (далее ТНЗС), как и Тюменская нижняя расправа и Тюменское городническое управление, был образован в сентябре 1782 г. в результате разделения полномочий упраздненной летом того же года Тюменской воеводской канцелярии. ТНЗС выполнял в Тюменском уезде, входившем в состав Тобольского наместничества, административные и полицейские функции, которые не распространялись на г. Тюмень. Работа ТНЗС сосредоточивалась вокруг вопросов, связанных: с исполнением распоряжений вышестоящих властей, приговоров судов по различным вопросам (препровождение и розыск колодников, размещение и снабжение войсковых частей, комплектование армии рекрутами), обнародованием распоряжений Тобольского наместнического правления; с борьбой с уголовной преступностью, с охраной общественного порядка, борьбой с нищетой, пьянством, азартными играми, с контролем за соблюдением паспортного режима, с проведением предварительных следствий по уголовным и гражданским делам; с контролем за уплатой населением податей и сборов, исполнением натуральных повинностей; с соблюдением порядка во время торговли, с контролем за состоянием дорог, мостов; с развитием ремесел, промыслов; с обеспечением санитарной и пожарной безопасности; с осуществлением подготовки документов по различным переписям жителей уезда; с поимкой беглых и беспаспортных крестьян, солдат и т.д., т.е. всех сторон жизни в Тюменском уезде.

На функционирование ТНЗС оказывали влияние и региональные условия: отсутствие помещичьего управления в уезде, что осложняло работу, но и давало большую самостоятельность; наличие в наместничестве ссыльных людей, что имело следствием формирование отдельного направления в деятельности ТНЗС (следовательно, соответствующей документации); нехватка профессионалов; уровень грамотности канцелярских служащих, их честность, добропо-

рядочность и т.д. Работу ТНЗС затрудняло то, что жили чиновники и канцелярские служащие в Тюмени, а сфера компетентности ТНЗС распространялась на Тюменский уезд.

Для организации Тюменского нижнего земского суда 2 сентября 1782 г. из Тобольского наместнического правления в Тюмень был направлен председатель губернского магистрата премьер-майор Самарин. В предложении от 30 сентября 1782 г. определялось местонахождение тюменских присутственных мест: «*Во одномъ и том корпусе где была воеводская канцелярия и тут помещены коменданская канцелярия нижняя расправа и уездное казначейство, въ ямской где было ямское отправление дел тут поставлен нижеи земской суд: в городском каменном магистрате н[ы]нешней вновь открытой Тюменской городской магистратъ купно с сиротским судом...*»¹. Возглавлявшему учреждению предписывалось день «открытия тех мест записать в настольной реэстръ и высочайшее учреждение хранить на судейском столе в должном бережении к незабвенному исполнению»².

При вступлении в должность все члены присягали на верность. Произнося присягу, они брали на себя обязательство верно служить Отечеству и императрице, отстаивать государственные интересы, ответственно и добросовестно относиться к делу. Клятвенные слова были аналогичны следующим:

Клятвенное обещание
выборного в Антроповскую волость Григория Жданова (1791 г.)

копия

* Клятвенное обещание

Азь нижеименованныи обещаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ предъ Святымъ Его Евангелиемъ в томъ что хощу и долженъ ЕЯ Императорскому Величеству моеи всемилостивеишеи Великою государыне, Императрице Екатерине Алексеевне, Самодержице Всероссийской и ЕЯ Императорскаго Величеству любезнейшему сыну, Государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу, законному Всероссийскаго престола Наследнику верно и нелицемерно служить и во всемъ повинываться, не щадя живота своего до последней капли = крови, и все къ высокому ЕЯ Императорскаго ве-

¹ Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Фонд И-10 «Тюменский нижний земский суд». Д.1. Лл.1, 1 об.

² Там же. Л.5.

личества самодержавству, симъ к власти принадлежащая права и прерогативы, [или преимущества] узаконенные и впредь узаконяемая, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и при томъ по крайнеи мере старатися споспешествовать, все что къ ЕЯ Императорскаго Величества верной службе и ползе государственной во всякихъ случаяхъ касатися можетъ о ущербе же ЕЯ Величества интереса вреде и убытке, какъ скоро о томъ уведаю, не токмо благовременно объявлять но и всякими мерами отвѣщать и не допускать тишатися и всякую мне вверенную таинность крепко хранить буду, и поверенной и положенной на мене чинъ какъ по сеи [генеральной, такъ и по особливой] определенной и отъ времени до времени ЕЯ Императорскаго Величества имянемъ, [отъ представленныхъ надо мною начальниковъ] определяемымъ и инструкциямъ и регламентамъ и указамъ, надлежащимъ образомъ по совести своеи исправлять, и для своеи корысти своиства дружбы ни вражды противно должности своеи и присяги= не поступать, и такимъ образомъ себя, вестъ и поступать какъ доброму и верному ЕЯ Императорскаго Величества рабу и подданному благопристойность есть и надлежитъ, и какъ я пред Богомъ и Судомъ его страшнымъ в томъ всегда отъветъ дать могу какъ сущее мне господь Богъ душевно, и телесно да поможетъ в заключеніи же сеи моеи клятвы целую слова и крестъ Спасителя моего аминь:

** с подлинного с печатной сверяль секретарь Стефанъ Загорской

*** 1791 года июля 17 дня, по сему присяжному листу вновь выбранной в Онтроповскую волость выборной Григорей Ждановъ к присяге приведенъ градотюменской Благовещенской церкви священникъ Михаилъ Кораловъ

**** по сему клятвенному обещанию выборной вновь в выборные Григорей Ждановъ у присяги былъ прозбои ево руку приложил отставной канцеляристъ Егор Милкеевъ

* читал канцеляристъ Григорей Загорской³.

Моральные качества чиновника или служащего считались важнейшим критерием при поступлении на службу. В перечень необходимых качеств входила «добропорядочность», обязательной была фраза «к штатской службе достоинъ» и т.д.

³ ГАТО. Ф.И-10. Д.4533. Лл.1, 1 об.

Земский исправник (9 класс «за урядъ, пока въ должности пребываютъ»⁴) являлся уполномоченным правительством, его вниманию подлежали все вопросы жизни Тюменского уезда. Он возглавлял деятельность ТНЗС и назначался из числа уездных дворян на три года «по баллам» (в действительности земские исправники исполняли свою должность значительно дольше). Помощниками земского исправника являлись дворянские заседатели (10 класс), назначались на 3 года, «буде за ними нетъ явнаго порока»⁵, а также сельские заседатели. Анализ документов показывает, что сельскими заседателями были представители русскоязычного населения из числа государственных крестьян и тюркоязычного населения Тюменского уезда.

Исследователи отмечают, что из-за малочисленности дворянства и городского населения «в Сибири заседатели в полицейских и судебных учреждениях назначались правительством, а не избирались, в отличие от центральных регионов»⁶. Генерал-губернатор Пермского и Тобольского наместничеств, генерал-поручик и кавалер А.А. Волков, например, сообщал Екатерине II, что «замещение дворянских мест в учреждения путем выборов не производится»⁷. В силу местных особенностей в Сибири разрешалось вводить в штат земских судов сверх общего штата дворянских заседателей.

В Тюмени первым земским исправником в 1782 г. был назначен и приведен к присяге поручик Николай Калинин, бывший ямской управитель⁸. Из других, более поздних документов, следует, что в 1788 г. и в последующие годы эту должность занимал премьер-майор Иван Леонтьевич Угримов. Дворянским заседателем в 1782 г. определен отставной морской штурман Афанасий Дудин. Далее, на основании документов, восстанавливаем имена дворянских заседателей ТНЗС: Серафим Иванович Соколов «*определень*» в 1782 г. в помощь земскому исправнику для разъездов по округе (1782–1785 гг.), Иван Бекирев

---

⁴ Полное собрание законов Российской империи, повелениемъ государя Николая Павловича составленное в Санктъ-Петербурге. 1830. Т.20, 14392.

⁵ Там же.

⁶ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С.136.

⁷ Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984. С.39.

⁸ ГАТО. Ф.И-10. Д.1. Л.8.

(1785 г.), титулярный советник Петр Половодов (1787–1793 гг.), Григорий Озеров (1788–1789 гг.), Николай Демидов (1791–1794 гг.), Иван Жулебин (с 1795 г.). Сельские заседатели: в 1782 г. «*деревни Плехановой экономической крестьянинъ Иванъ Важенинъ изъ ясаиных татар Таут Айпытаковъ*», далее: Иван Загорской, Бектимир Юмашев, Прокопий Парфенов, Аптула Кондюков, Семен Важенин, Андрей Малчихин, Аит Аитпаков, Абдрахман Тажбулатов и др.⁹

В составе канцелярии следует выделить две категории штатных служащих: канцеляристы, т.е. те, кто готовил документы; копиисты – те, кто переписывал документы набело. Работу канцелярии возглавлял секретарь (14 класс – «потолок» для служащих или начальная ступень для карьерного роста чиновника), который по закону обязан был постоянно находиться на службе, наблюдать за правильностью делопроизводства.

Секретарь готовил наиболее важные документы, определял повестку заседания, собирал информацию и докладывал на заседаниях присутствия о решенных и нерешенных делах; обеспечивал земского исправника выписками из законов и справками, необходимыми для решения дел; следил, чтобы решения не противоречили указам правительства – являлся «ходячей памятью». Следует отметить, что секретарь не имел права голоса на общем собрании присутствия, но он был обязан скреплять своей подписью протоколы заседаний и все исходящие документы. Исполнения должности секретаря предполагало хорошее знание законодательства Российской империи. От того, как секретарь подготовит доклад к слушанию, на какие законы сошлется, во многом зависело решение присутствия. Секретарем ТНЗС в 1782 г. был назначен канцелярист Егор Попов (прослужил в этой должности до 1784 г.); с октября 1784 г. до 30 марта 1790 г. должность занимал Степан Загорской, с 1793 г. по 1797 г. – Лука Милкеев.

Обязанность канцеляриста, судя по имеющимся сведениям, заключалась в подготовке протокола заседания присутствия, который, по-видимому, готовился заранее, а также в составлении (под контролем секретаря) важных исходящих документов. Должность канцеляриста не вошла в «Табель о рангах...», однако наиболее положительно зарекомендовавшие себя на служебном поприще канцеляристы могли получить регистраторский чин.

⁹ Там же. Дд.233; 4151 и др.

Подканцелярист выполнял более простые операции по составлению документов, и, как нам представляется, отвечал за сохранность документов. Эта категория служащих оказалась наименее заметной в истории делопроизводства. Источники свидетельствуют, что канцелярист и подканцелярист могли замещать друг друга на службе. В подканцеляристы в 1782 г. назначен «*по челобитной бывшей Тюменской воеводской канцелярии отставной канцеляристъ*» Павел Попов (в 1788 г. в 72-летнем возрасте он был отставлен по состоянию здоровья: «*За громовымъ ударомъ руки ево къ производству писменных дел не способны*»¹⁰).

Копиист – низшая ступень канцелярской лестницы, но порой именно она служила стартом для карьерного роста. Основная функция копиистов – переписка документов. Из проведенного нами анализа материала следует, что потребность в копиистах была большая. Так, в конце исследуемого периода штат копиистов значительно возрос, на службу принимали сверх штата. Любопытный факт: документы свидетельствуют о привлечении в 1795 г. сторожа Андрея Переладова в качестве копииста¹¹. В копиисты в 1782 г. был назначен «*ис Тюмени Лука Милкеев*». Нами установлено, что в 90-х годах XVIII в., примерно через 10 лет, он уже возглавлял канцелярию ТНЗС¹². Каждый служащий канцелярии на своем месте мог влиять на ход движения документа.

Главный источник пропитания и существования канцелярских служащих начиная с 1763 г. – денежное жалованье. Сохранились также ведомости на выдачу денежного жалования канцелярским служащим ТНЗС, направленные из Тюменского уездного казначейства «*из треть в треть*»¹³. Например, в «Ведомости на выдачу денежного жалования канцелярским служащим» 1796 г. записано: регистратору Григорию Загорскому «*за сентябрьскую 795 года было выдано 30^{py} ныне на генварскую треть 30^{py}*», вольнонаемному писцу Петру Скорнякову «*за сентябрьскую 795 года было выдано 17^{py} 68^{ко} ныне на генварскую треть 18^{py}*»¹⁴.

¹⁰ ГАТО. Ф.И-10. Д.2110. Л.4.

¹¹ Там же. Д.4151. Л.4.

¹² Там же. Д.2110. Л.9.

¹³ Там же. ДД.2129. Лл.1–6 об.; 4151. Лл.1–4 об.

¹⁴ Там же. Д.2129. Л.1

По сословной принадлежности – служители канцелярии ТНЗС (делаем вывод на основании изученных нами фрагментарных послужных списков) составляли три группы: а) потомки приказных людей XVII в., например, секретарь Стефан Загорский «*ис канцелярскихъ детеи*», его сын Григорий Загорский «*ис детеи губернского регистратора что н[ы]не секретарем*», Павел Попов «*ис копейскихъ детеи*», копиист Павел Петров «*ис подяческихъ детеи*», Лука Милкеев «*ис подканцелярскихъ детеи*»¹⁵; б) дети церковно- и священнослужителей, например, канцелярист Иван Бубнов «*изъ священническихъ детеи*»¹⁶; в) отставные военные, например, копиист отставной сержант Трофим Жеребятъев¹⁷. Обратим внимание на то, что в системе подготовки молодых кадров большую роль играла наследственная передача профессиональных знаний (от отца к сыну). Так, в 1795 г. возвращается копиистом в ТНЗС сын подканцеляриста (1787 г.) Павла Попова Андрей, который в возрасте 9 лет был определен при дяде «*родном коллежском регистраторе Иване Попове Вятскаго наместничества в округе рода Хлынова в винокуренномъ князя Щербинина Никулинском заводе <...> словесной грамоте обучень писат обучаетца*»¹⁸. Примерный возраст служащих в ТНЗС в исследуемый период – от 12 до 68 лет.

Выживаемость централизованного Российского государства в сложных геополитических условиях во многом обуславливалась качеством государственной службы региональных мелких чиновников и служащих канцелярий на благо государства. Они являлись на местах проводниками «государева слова». Приток людей в штат ТНЗС осуществлялся если не из компетентных, то, по крайней мере, из обладающих морально-нравственным авторитетом в своей среде представителей непривилегированного населения, которые и определяли работу присутственного места. И если критерием вклада в процесс государственного управления считать реальное участие в нем чиновничества и служащих, то самый большой вклад вносили, и потому на вершине такой «иерархической лестницы» оказывались чиновники особых поручений, а также секретари канцелярий.

¹⁵ ГАТО. Ф.И-10. Д.2110. Лл.1–8.

¹⁶ Там же. Д.2110. Л.5.

¹⁷ Там же. Д.1977. Л.2.

¹⁸ Там же. Дд.2110. Л.4; 4151. Лл.1–4.

Данков М.Ю.

**Тайна фрегата «Святой Николай»
и орудия Александровского завода**

Корабельные гладкоствольные орудия Александровского чугуно-пушечного завода, основанного в 1774 году, как ранее пушки Петровского, первоначально Шуйского завода, играли весомую роль во внешней российской политике конца XVIII – начала XIX столетия. Петрозаводская артиллерия с успехом, в огне битв ковала внушительные победы и защищала независимость страны. Пушки, отлитые под «глазом» шотландца Ч. Гаскойна (Charles Gascoigne), гремели на Бородинском поле, удерживали стратегическую линию на Черном море¹, отличились под Плевной, у горы Шипка. Сейчас артиллерийские стволы «сработанные» в Карелии можно видеть на старых бастионах Брестской крепости, в цитадели на Аланских островах в Финляндии, а также на Марсовом поле в Монреале, в других канадских городах: Торонто, Квебеке, Кингстоне и Оттаве².

Сегодня многие сохранившиеся карельские пушки демонстрируются в музейных экспозициях, другие украшают парки и набережные Кронштадта и Севастополя. Однако часть олонецких орудий, остается на морском дне, в местах гибели своих кораблей. История с неохотой приоткрывает завесу над завораживающими подводными секретами³.

В 1948 году на дне Большого Роченсальмского залива в Балтике, близ финского местечка Руотсинсалми, недалеко от современного приморского центра Котка⁴, на фарватере при гидротехнических работах на глубине 17 метров, был обнаружен полуразбитый корпус военного парусника. Останки корабля, длиной 42 метра, с 26 пушка-

¹ Bara Jana L. Gascoigne's guns // Study group on eighteenth-century Russia. Newsletter. 1985. № 13. P.33–36. Перевод текста на русский язык канд. ист. наук А.М. Пашкова.

² Parks Canada. R G 9, I C.8, Vol.17.

³ Овсянников О., Ясинский М. Из истории кораблекрушений у берегов Скандинавии (Россия и Норвегия) // Изучение памятников морской археологии. Археологические изыскания. Вып.12. СПб., 1993. С.69–82.

⁴ В конце XVIII столетия городки носили шведские наименования Роченсальм и Фридрихсгам.

ми, без мачт, но с палубными надстройками, как казалось, навсегда были занесены донным илом⁵.

Научному миру о находке первым сообщил Г. Ланитцки, который кратко описал фрагменты некоей русской галеры «die galeere», погибшей в русско-шведской битве 1790 года и получившей в исследовательской интерпретации «рабочее название Св. Николай»⁶. К моменту I Международного Балтийского семинара в Котке, в 1983 году⁷, финские «дайверы» обнаружили свыше 600 находок. Сейчас, коллекция артефактов, с места крушения русского фрегата, насчитывает более одной тысячи единиц хранения.

Специалисты подняли уникальные предметы мореходной культуры, в том числе корабельное носовое украшение в виде женской фигуры⁸.

Среди предметов, часть которых водолазы передали в фонды государственного Морского музея в Хельсинки, а другую – в музей Кюменлааксо в Котке, находятся медные, серебряные и золотые русские монеты, огнестрельное и холодное оружие, ружейные кремни, штурманские инструменты, бронзовые иконки-складни, нательные крестики, фарфоровая и стеклянная столовая посуда, образцы кухонной утвари. А также предметы амуниции, одежда и обувь, инструменты сапожника и многое другое, чем в обиходе пользовались русские моряки. Ныне обследованы помещения камбуза с медными котлами для команды, изучаются офицерские каюты останков фрегата, который финляндские музеееды считают «Св. Николаем»⁹.

Однако для нас особый интерес вызывают артиллерийские орудия военного корабля, которые подняты на поверхность. Любопыт-

---

⁵ Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С. Катастрофа, обнаруженная через 160 лет // Изучение памятников морской археологии. Вып.2. Археологические изыскания. Вып.21. СПб., 1995. С.99.

⁶ Ланитцки Г. Амфоры, затонувшие корабли, затопленные города. М., 1982. С.121.

⁷ Шилик К.К. Гребной фрегат «Святой Николай» // Изучение памятников морской археологии. Вып. 4. Археологические изыскания. Вып.62. СПб., 2000. С.30.

⁸ Археолог К.К. Шилик (Гамбург) считает, что в музее Кюменлааксо финского г. Котка находится не корабельная носовая, а галейная женская фигура. См. Шилик К.К. Гребной фрегат «Святой Николай»... С.54.

⁹ Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С. Катастрофа, обнаруженная через 160 лет... С.100.

ство связано с тем, что, на тарели двух корабельных пушек, после того, как экспонаты прошли первичную музейную обработку, исследователи смогли выявить выбитую «прорезь» с буквами кириллического алфавита «АлξζΑ ΖΑβΟ»¹⁰.

Сегодня мы вправе высказать обоснованное предположение о том, что обнаруженные чугунные стволы являются продукцией Александровского пушечного завода Гаскойна в Петрозаводске¹¹. Зафиксированный финскими подводниками русский корабль и расшифрованные монограммы на артиллерийских орудиях являются историческим артефактом, о котором отечественные специалисты мало знают, но который позволяет приоткрыть тайну затопленного гребного фрегата «Святой Николай» и петрозаводских пушек.

Действительно, трагедия связана с последней войной на Балтике, которую в конце XVIII столетия шведская корона вела с Россией¹², стремясь овладеть балтийскими и ижорскими землями и навсегда завершить многовековой спор за карельскую территорию и невское устье. Войне 1788–1790 годов не повезло, в истории ей отводится незаслуженно скромное место¹³. И это совершенно напрасно, ведь боевые события и действующие лица, безусловно, заслуживают память потомков¹⁴. Воинственный шведский король Густав III¹⁵, мечтал о славе и первых победах своего великого предшественника Карла XII. К тому же, амбициозный властитель вознамерился вернуть территорию, утраченную по Ништадтскому миру 1721 года¹⁶. Тем самым предпринималась попытка смыть вековой национальный позор. Во-

---

¹⁰ Patoharju O. Corrosion problems in marine archaeology // «Reprint Scandinavian Corrosion Congress». Helsinki. 1964. P.4; Шилик К.К. Гребной фрегат «Святой Николай»... С.44.

¹¹ Dankov M. Viela yksi Aleksanterin tehtaan tykkien salaisuus // Carelia. № 12. 2007. P.132–136.

¹² Halme R. The Eastern Gulf of Finland as an Underwater Research Area. Seafaring on the Baltic in the 18 th century. Kotka, 1983. P.49–56.

¹³ Страшунский Д. Швеция. М., 1940. С.23.

¹⁴ Jan Glete. Kriget till sjöss 1788–1790 // Gustav III:s ryska krig. Stockholm. 1992. P.110–174.

¹⁵ Rune Hillbom. Gustav III och Grannarna // Karlskrona 300 Ar. En aterblick i ord och bild 1679–1862. Karlskrona, 1979. P.67–69.

¹⁶ Еременко С.В., Тюленев В.А. Морские исследования Выборгской экспедиции // Изучение памятников морской археологии. Археологические изыскания. Вып.12. СПб., 1993. С.12–13.

енную акцию поддержали Англия, Голландия и Пруссия. Молодой король верил в скорую победу над своей «кузиной» Екатериной II (напомним, что Россия с 1787 года вела тяжелую войну с Оттоманской Портой). Однако русские не давали повода к раздору. Густав его нашел сам, способом, прямо скажем, неблагородным. В июне 1788 года он обвинил Россию в нападении на пограничный пост Вуальтенсальм, хотя на самом деле русских там изображали те же шведы, обряженные в русские мундиры, специально пошитые для провокационной инсценировки в мастерских Стокгольмской оперы¹⁷.

Еще в мае шведская эскадра генерал-адмирала герцога К. Зюдерманландского вышла в Финский залив и организовала действия против российского флота¹⁸. Тогда, комендант осажденного Нейшлота майор Кузьмин, инвалид, на требование Густава III сдать крепость, парировал: «Я без руки, не могу отворить ворота. Пусть его величество сам потрудится»¹⁹. Неправедно начатая война Густаву не задалась на суше, и особенно на море. Летом 1788 года русские одержали победу у острова Гогланд²⁰. В августе 1789-го вице-адмирал К.-Г. Нассау-Зиген, гессенский принц на русской службе, нанес королевскому флоту поражение у Роченсальма²¹. Здесь шведы потеряли 39 кораблей, адмиральское судно попало в плен.

В морском сражении в Выборгском заливе 22 июня (3 июля) 1790 года соискателя военных лавров ждала настоящая катастрофа, он потерял 67 шведских кораблей, остальные успели скрыться в Свеаборге. Таким образом, русские моряки сорвали планы неприятеля, высадить десант и захватить Санкт-Петербург. Разочарованный король, едва не попавший в плен, в гневе потребовал от армии и флота «русской крови». Он не знал, что тогда же императрица Екатерина II разработала секретный план его интернирования и доставки пред «свои светлые очи» в Зимний Дворец. Вместе с тем, шведы утешили

¹⁷ Шилик К.К. Гребной фрегат «Святой Николай»... С.34.

¹⁸ Шопотов К.А. На дне Выборгского залива – корабли шведского короля Густава III // Изучение памятников морской археологии. Вып.2. Археологические изыскания. Вып.21. СПб., 1995. С.24.

¹⁹ Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота. Вып.1 и 2. СПб., 1895. С.185.

²⁰ Вейбулль Й. Краткая история Швеции. Стокгольм, 1997. С.74.

²¹ Ныне финский г. Руотсинсальми, в переводе означает «Шведский залив».

монарха очень скоро, уже 28 июня (9 июля) 1790 года. Второй роченсальмский²² бой завершился для русского флота абсолютным разгромом²³. Густав III, имея сутки форы, в ожидании прихода русской флотилии Карла Нассау-Зигена, ухитрился вовремя оборудовать позиции в шхерах Роченсальма, установил артбатареи, промерил глубины в заливе, поставил свои галеры на якоря, а главный фарватер перекрыл затопленными брандерами. Силы противоборствующих флотов перед сражением оказались не равными²⁴. В распоряжении короля находилось 295 боевых и 67 транспортных судов с тысячей пушек, у русских всего 173 корабля, при 1000 орудиях²⁵. Русские галеры подошли к заливу в два часа ночи. Усталые команды рвались в бой немедля, стремясь подарить победу государыне в день 28-летней годовщины ее восшествия на престол. Но атаковать Нассау-Зиген, любимец Екатерины II, решился лишь в девять часов утра. Но капризная стихия властно вмешалась в ход боя: утренний свежий ветерок перешел в грозный шторм. Волны безжалостно понесли русские корабли к скалам и губительным вражеским батареям. Со слезами на глазах вице-адмирал с флагманского корабля, бессильный что-либо предпринять, наблюдал бесславную трагедию своей армады. Русский флот не смог прорваться на рейд. Малые неприятельские суда успешно маневрировали, внося раздор в действия русских галер, смешивая строй фрегатов и шебек. Боевые действия длились до 23 часов вечера. Итог оказался ужасным. В морской битве погибло 52 корабля русской флотилии. Многие суда «раскатанные по бревнышку», были выброшены на камни, другие подожжены своими командами. Несколько кораблей попали в неприятельский «полон». В сражении погиб русский гребной фрегат «Святой Николай», которым командовал капитан Маршал (Марчелл), англичанин, принятый

---

²² Шведские историки называют место боя Свенсксунд.

²³ Головачев В.Б. Действия русского флота в 1788–1790 гг. СПб., 1873. С.168; Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота... С.197; Бородкин М.М. История Финляндии. Времена Екатерины II и Павла I. СПб., 1912. С.273.

²⁴ Gunnar Arteus. Gustav III:s militära ledarskap // Gustav III:s ryska krig. Stockholm, 1992. P.175–183.

²⁵ Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С. Катастрофа, обнаруженная через 160 лет... С.100.

на службу в 1789 году²⁶. По воспоминаниям уцелевших моряков, он крикнул своим подчиненным: «Мне не довелось подать вам пример, как должно побеждать, так я покажу ... как следует погибать»²⁷. В РГА ВМФ сохранилась корреспонденция от 7 сентября 1790 года Пьера Гарриса, «премьер-лейтенанта» фрегата «Святой Николай». Выбравшись из шведского плена, он сообщал «принцу Нассау Зингену»: «После боя продолжительностью ... 9 часов кряду судно ... пошло ко дну; капитан Маршал ... сломал три шпаги в руке и был трижды ранен ... после того ... сражен неприятельской пулей, утонул со знаменем в руке»²⁸.

Офицер, оказался свидетелем последних мгновений существования корабля. Из 400 человек экипажа «двадцать три имели счастье быть спасенными благодаря доблести ... г-на лейтенанта Шатонева», и далее «...мы находились в воде и проплыли около часа» и лишь затем подняты «на борт корабля бригадира Дениссона». Вскоре моряки «были вынуждены спустить флаг и сдаться», так как «трос ... разорван пушечным ядром и судно находилось среди скал»²⁹.

После сражения победители торжественно вывезли и развесили в Большой кирхе (Storkyrkan) Стокгольма трофейные корабельные флаги и гюйсы³⁰. Ныне русские морские реликвии экспонируются в шведском Музее армии. Тогда же в честь виктории у Роченсальма шведы отчеканили специальную медаль. «Конфузия» заставила Нассау-Зигена благородно отказаться от своих наград и потребовать организации судебного процесса. Однако против ожиданий двора государыня произвела «неудачника» в полные адмиралы и назначила главным командиром гребного флота России.

Между тем Шведское королевство не смогло довести войну до национальной победы, и вскоре Густав III выпросил у «мадам, сест-

---

²⁶ Общий морской список. Ч.IV. Царствование Екатерины II. СПб., 1890. С.328.

²⁷ Брикнер А.Г. Война России со Швецией 1789–1790 гг. СПб., 1869. С.264.

²⁸ РГА ВМФ. Ф.172. Оп.7. Д.366. Лл.318–319. Автограф, оригинал на фран. яз.

²⁹ Там же.

³⁰ Шведский художник П. Гиллстрем отразил сюжет передачи реликвий на картине, копия которой находится в музее Эренсверда в Свеаборской цитадели (Хельсинки).

ры и кузины» Екатерины II мир, который 3 августа 1790 года стороны на условиях довоенных границ подписали в Вереле³¹. Императрица, пребывая во всем величии незыблемой российской мощи, со снисходительным лукавством позволила назвать венценосного визави: «Маленький бедный герой»! Король действительно оказался «бедным». Оппозиция отомстила сумасброду за неудачную и разорительную войну, начатую без согласия Риксдага и дворянства. В 1792 году Густав III был убит офицером-заговорщиком на маскараде в столичной опере. Маскарадом война началась, им и закончилась.

Попытаемся же прикоснуться к загадкам русского корабля, а также к дальнейшей судьбе петрозаводских пушек, установленных на «Святом Николае». В рапортах, воинских донесениях и других архивных материалах XVIII столетия упоминаются два наименования судна: «Николай» и «Святой Николай»³². Отметим, что в те времена корабли, как правило, имели официальное имя, занесенное в регистрационные книги Адмиралтейства и судовые документы, а также «житейское – для повседневной службы»³³.

Согласимся с устоявшимся в историографии названием – «Святой Николай». Скорее всего, гребной фрегат спустили на воду 23 апреля 1790 года в Кронштадте, вместе с семью однотипными судами³⁴. Технические «розмерения» кораблей, по данным Ф.Ф. Веселаго, достигали 130 футов в длину, 32 фута в ширину, с глубиной интрюма в 11 футов, что в переводе на современную метрологическую систему составляет (40x10x3 м).

Однако к историческим странностям, стоит отнести отсутствие в российских, шведских и финских архивах подлинных материалов, в том числе «именных» чертежей гребного фрегата. Правда, в РГА ВМФ недавно выявлен выполненный тушью теоретический чертеж конструкции безымянного корабля, соотносимый с гребным фрегатом «Святой Николай». Очевидно, мы имеем дело с рабочей документацией судна, хотя документ отмечает иную дату постройки «в кронштадт-

---

³¹ Местечко Вярля (ранее – Верель) расположено на территории современной Финляндии.

³² Шилик К.К. Гребной фрегат «Святой Николай»... С.31.

³³ Крючков Ю.С. Имя на борту. М., 1989. С.79.

³⁴ Веселаго Ф.Ф. Список русских военных судов с 1698 по 1860 г. СПб., 1872. С.288–289.

ском канале 1789 года»³⁵. Отсутствие загрязнений на ватмане позволяет допустить то, что чертеж не использовался при непосредственном строительстве корабля, а предназначался для хранения, значит на нем указана не дата спуска, а время изготовления документа.

Между тем в фондах Центрального военно-морского музея в Санкт-Петербурге, нашлась полумодель «28 пуш. гребной фрегат «Николай». 1790 г.»³⁶, а в собрании музея «Кронштадтская крепость» – полная модель с аннотацией «38-пушечный фрегат «Константин». Построен в Кронштадте в 1790 г.»³⁷. Заметим, родственные модели почти не имеют отличий, за исключением количества пушечных портов.

Дефицит архивных источников не притупил интерес к русскому боевому судну, а наоборот, за рубежом вызвал ажиотаж и появление научных реконструкций фрегата. Первую попытку воссоздать корабль предпринял Х. Сорвали³⁸, который предложил наложить судостроительные схемы Ф. Чапмана³⁹ на данные инструментальных обмеров под водой «Святого Николая»⁴⁰ и обводы захваченного шведами фрегата «Ярославец».

Затем С. Ваккари опубликовал проект реконструкции не только корпуса, но и рангоута, такелажа и парусов гребного фрегата⁴¹.

Тогда же исследовательские обмерные чертежи, выполненные финскими «дайверами», послужили основой для Х. Алопеуса, который в 1969–1970 гг. создал модель судна длиной в 33 дюйма, а Ю. Урьяняйнен в 1985 году предложил уточненный макет, ныне демонстрируемый в музее Кюменлаако⁴². Вторая работа более нагляд-

³⁵ РГА ВМФ. Ф.327. Оп.1. Д.1750.

³⁶ Судя по шрифту, этикетаж полумодели корабля выполнен в середине XIX столетия.

³⁷ Корабль «Константин» вместе со «Святым Николаем» входил в состав восьми однотипных судов, спущенных на воду в апреле 1790 года в Кронштадте.

³⁸ Eriksson C.H. A Sunken Russian Frigate // *Archaeology*. V.25. 3. 1972. P.177.

³⁹ Harris D.G. F.N. Chapman, *The First Naval Architect and his Work*. Stockholm. 1989.

⁴⁰ Sorvali H. On the desing and dimensions of frigate Nicolas // *The maritime Museum Annual Report*. Helsinki, 1977. P.14.

⁴¹ Vakkari S. «Eteenpain». 01.17.1988.

⁴² Eriksson C.H. A Sunken Russian Frigate... P.176.

но отражает современное состояние фрегата, лежащего на морском дне. Видно, что на судне не сохранился рангоут, квартердек с кормовым свесом, форкастль, галльюн, а также разрушились верхние части шпангоутов. Через пять лет К. Иммонен создал по чертежу, хранящемуся в РГА ВМФ новодел «Святого Николая» в масштабе 1:10. И что интересно, ныне для музея Кюменлааксо в Котке, строится демонстрационная модель русского боевого корабля.

Между тем с момента открытия, в среде скандинавских исследователей развернулась активная дискуссия о наименовании затонувшего корабля. Некоторые историки предполагали, что найден не «Святой Николай», а гребной фрегат «Мария», другие утверждали – шебека «Прозерпина»⁴³. Не вызывали сомнений лишь дата гибели и принадлежность судна к русскому военно-морскому флоту. Лишь в последние годы научное сообщество утвердилось в мысли, что на дне Росемсальмского залива действительно покоится гребной фрегат «Святой Николай» кронштадтской постройки 1790 года.

А теперь более подробно коснемся артиллерийского парка поверженного русского корабля. Пожалуй, ведущим показателем гребных фрегатов конца XVIII века, имея в виду чертежи архива ВМФ, являлось штатное наличие на борту 38 орудий⁴⁴. На это указывает также шведский реестр и обмерные чертежи захваченного в 1790 году русского судна «Ярославец». По классу гребной фрегат на борту должен иметь четырнадцать орудий 6-фунтового калибра, два – 12-фунт., двадцать – 18-фунт. и два – 24-фунтового. Однако финские «дайверы» в середине XX века на месте катастрофы обнаружили только двадцать шесть пушек⁴⁵.

Чем можно объяснить, что на корабле «Святой Николай» оказалось пушек меньше, чем по русским и шведским документам? Ответ неожиданный. Оказывается, исходя из трех рапортов адмиралу А. Синявину от рижского водолазного комиссара К. Г. Риделя, в заливе Роченсальма подъем ценного вооружения утонувшего корабля

---

⁴³ Материалы финского историка К. Альстрема опубликованы в изданиях «Hufvudstadbladet» и «Eteenpain». См. Шилик К.К. Гребной фрегат «Святой Николай»... С.36.

⁴⁴ РГА ВМФ. Ф.327. Оп.1. Д.1680, 1681, 1791, Ильин А.В. Практическая морская артиллерия. Табл. I. СПб., 1841.

⁴⁵ Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С. Катастрофа, обнаруженная через 160 лет... С.99.

начался еще в конце XVIII столетия⁴⁶. Акция, очевидно, с использованием передовой технологии того времени – колоколов и понтонов, – продолжалась в течение двух лет с 1795 по 1796 гг. В рапорте от 14 июля 1795 года, комиссар утверждал, корабль: «...лежит между здешнею брандвахтою и Адмиралтейством». 11 августа того же года он просит совета «выгрузить» фрегат, или поднять корпус, и сам уточняет: «нарочно не снял пушек с левой стороны, поелику оные... нужны будут к постановлению фрегата на киль посредством равновесия». Сколько орудий «с правой стороны» Ридель успел поднять, и где орудия могут находиться теперь, никому не известно. Таким образом, учитывая свидетельство финских аквалангистов 1948 года о двадцати шести пушках⁴⁷, цифра начальной утраты в XVIII веке равняется двенадцати стволам.

Между тем сегодня с определенностью можно говорить о наличии лишь 18 мощных гладкоствольных, с зарядкой через дульную часть, морских орудий фрегата «Святой Николай»⁴⁸. Современная судьба и местонахождение потерянных уже в XX веке восьми пушек исследователям также не известна. Итак, общая цифра отсутствующих орудий, принимая во внимание штатный реестр – 38 стволов, составляет 20 единиц.

В этом контексте, стоит напомнить калибр поднятых артиллерийских орудий корабельного базирования. Сохранилось десять пушек 18-фунтового калибра, одна – 12-фунтового и шесть – 6-фунтового. Калибр одного ствола, согласно измерениям, проведенным гамбургским ученым К. Шиликом в 1990 году, составлял 160 мм⁴⁹. Заметим, такого стандарта в екатерининское время не существовало⁵⁰. Очевидно, речь идет о стволе 24-фунтового калибра, получившего изменения вследствие коррозии металла.

Между тем вызывает удивление методика современного хранения артиллерийского арсенала русского корабля XVIII столетия. Пушки находятся не в стационарной музейной экспозиции, а в двух крытых ангарах, а также на площадке стилизованного под морской форт лет-

⁴⁶ РГА ВМФ. Ф.201. Оп.1. Д.48.

⁴⁷ Шилик К.К. не указывая источник, считает, что на фрегате «Святой Николай», финские водолазы обнаружили 22 или 26 орудий.

⁴⁸ Шилик К.К. Гребной фрегат «Святой Николай»... С.37, 42, 44.

⁴⁹ Там же. С.42.

⁵⁰ Ильин А.В. Практическая морская артиллерия.

него кафе «Fort Elisabeth», незаселенного островка Варисаари. Здесь, вблизи города Котка, любители старины из «Роченсальмского общества аквалангистов и историков»⁵¹ приспособили своеобразный вариант открытого хранения фондов для демонстрации орудий и крупных деталей корпуса фрегата. Под навесом, окруженным панцирем из стальной сетки, установлено двенадцать пушек «Святого Николая». Остальные семь чугунных орудий, в том числе два изготовленных на Александровском заводе, размещены в «Fort Elisabeth».

О петрозаводских пушках, отлитых, очевидно, в 80-е годы XVIII столетия на казенном металлургическом заводе в устье р. Лососиница, у Онежского озера, известно крайне мало. «Отбитые на Олонце» стволы 18-фунтового калибра, ныне демонстрируются на «родных» дубовых лафетах, поднятых с морского дна залива. Любопытно, на станках сохранились даже клинья, которыми «бонбардиры» меняли угол вертикальной наводки. При внимательном осмотре орудий над цапфами обнаружилась одинаковая прекрасной сохранности строчная «прорезь» «ΑλξζΑ ΖΑΒΟ», сделанная безымянным литейщиком, которая свидетельствует о месте их изготовления. Пушечный завод в Петрозаводске при британце К. Гаскойне, который с 1786 года был управляющим чугуноплавильным производством, изготавливал орудия, ядра, якоря, корабельную фурнитуру, а также выдающиеся образцы художественного литья. Однако, безусловно, «милитаристские» заказы в екатерининское время оказались для карельской металлургии приоритетными, именно они достойно обеспечили оборону государства. Известно, что с 1788 по июль 1807 года на Александровском заводе произведено 4431 орудий⁵². В этой связи нет ничего удивительного, что петрозаводские пушки в 1790 году оказались на боевом гребном фрегате «Святой Николай».

Любопытно, что на турели ствола первого орудия ниже букв «ΑλξζΑ ΖΑΒΟ» вырезаны пока непонятные три арабские цифры

---

⁵¹ В 1960 году археологический комитет Финской ассоциации водолазов создал специальную организацию для обследования в Роченсальмском заливе обнаруженного русского корабля. С 1988 года подводные археологические работы на памятнике прекращены.

⁵² РГИА. Ф.37. Оп.16. Д.119. Лл.14–35. Лопатинский П.А. Краткие сведения об Александровском пушечном заводе. Сочинение в сокращенном виде перепечатано в Горном Журнале. № 1. 1878. С.48–57.

«3(?)28», а в следующей строке слева, изображение двурогого якоря, без кольца рыма на штоке. На другой пушке, ниже монограммы «ΑλξζΑ ЗАВО», видим в одну строку процарапанное изображение двурогого якоря, теперь с кольцом рыма и текст полукругом «βξс 124 ΠγΔ 30 фун». Очевидно, производственное «графитти» XVIII века можно интерпретировать следующим образом. Вес 18-фунтовой корабельной пушки составляет 124 пуда 30 фунтов, что равняется 2,043 тонны. Ранее финский исследователь О. Патохарью при прочтении буквенной комбинации «βξс» совершил забавную графологическую ошибку. По фотографии историк прочитал слово, как число «39»⁵³. Вне сомнения, обнаруженные надписи являются неожиданным, но надежным источником. Свидетельствами о подобных «прорезях» на других известных орудиях Александровского завода отечественные исследователи не владеют.

Между тем на стволе третьей пушки 18 калибра, отличающейся от петрозаводских орудий, сохранилось лишь полустертое литое клеймо российского двуглавого орла. Как ни странно, на пушках малого калибра вообще не удалось зафиксировать никаких монограмм, «прорезей» или клейм. К сожалению, отметим отсутствие данных о возможных выбитых прорисовках на поверхности оставшихся под навесом семи пушек. Вместе с тем российских исследователей искренне беспокоят условия хранения русских орудий: «Верхний слой чугуна, на котором вырезаны надписи, отслаивается... и опадает крупными скорлупами... Будет обидно, если они пропадут»⁵⁴. Фантастическая история фрегата получила продолжение в 1975 году, когда финские аквалангисты обнаружили останки русских моряков и подняли их на поверхность. Вскоре на старинном кладбище у православной церкви Святого Николая, в центре города Котка, состоялось захоронение праха матросов и офицеров корабля «Святой Николай». Позже, в 1990 году, на острове Варисаари, недалеко от «Fort Elisabeth», где хранятся пушки Александровского завода, король Швеции Карл XVI Густав и королева Сильвия открыли обелиск в память моряков, погибших при Роченсальми в 1790 году. Правительственная акция подтвердила тот факт, что русский гребной фрегат, как и предметы, включая пушки Гаскойна, по значению соизмеримы с наход-

⁵³ Patoharju O. Corrosion problems in marine archaeology... 1964. P.4.

⁵⁴ Шилик К.К. Гребной фрегат «Святой Николай»... С.45.

ками судна «Wasa», из которого в наши дни в Стокгольме сделали национальный музей-памятник⁵⁵.

И наконец, два года назад в Петрозаводске выдвинута общественная идея о возможности возврата через муниципалитет г. Котка какой-либо олонцевкой пушки фрегата «Святой Николай»⁵⁶.

Орудие, изготовленное в конце XVIII столетия на Александровском заводе, как реликвия с удивительной легендой может органично влиться в новую историческую экспозицию Карельского государственного краеведческого музея⁵⁷. Здесь оно будет куда более уместным, чем в финском ресторане.

---

⁵⁵ Barkman L. Preserving the Wasa. Stockholm, 1975. P.1–18.

⁵⁶ Данков М., Лапшов С. Пушки Роченсальма. Карелия. № 129 (1702) / Военный вестник. 15.11.2007.

⁵⁷ Dankov M. Viela yksi Aleksanterin tehtaan tykkien salaisuus... 2007. P.136.

Ермолаев И.П.

Расцвет Казанской гимназии при Екатерине II (1765–1774 гг.)

Шестидесятые и начало семидесятых годов XVIII века – начальный период царствования Екатерины II – были временем расцвета Казанской гимназии как одного из крупных учебных заведений России того времени. В истории Казанской гимназии это время можно охарактеризовать как переходный этап от становления средней общеобразовательной школы, каковой являлась гимназия, созданная кипучей деятельностью ее первого директора М.И. Веревкина, через период непродолжительного застоя – 1761–1765 гг. (директорство Д.В. Савича и А.Н. Кожина) – к расцвету, произошедшему под руководством директора Юлиа Ивановича фон Каница.

С началом нового царствования произошли изменения в руководящих органах Московского университета, которые не могли не сказаться и на жизни Казанской гимназии. Куратором Московского университета, которому подчинялась гимназия в Казани, стал В.Е. Адодуров, хорошо знавший и поддерживавший Ю.И. Коница. Адодуров пригласил в университет ряд иностранных профессоров, организовал подготовку молодых русских ученых за границей, заботился о пополнении библиотеки. В науку он вошел как автор ряда математических исследований и составитель русской грамматики, а также издатель ряда научных трудов, переведенных с иностранных языков.

В первые годы седьмого десятилетия в Казанской гимназии произошло увеличение количества учебных предметов и разделение каждого из них на классы: нижний, средний и высший. Было создано: три класса немецких, два класса французских, два класса латинских, один класс геометрии, два класса арифметики, два класса русской грамматики вместе с латинской, один класс рисования. В число учебных предметов дополнительно были введены фехтование, музыка и «танцевание» (каждый предмет по одному классу)¹. В 1765 г. преподавание наук и языков уже стабильно делилось на три класса (высший, средний и нижний). Кроме того, число учебных предметов

¹ См. Владимиров В.В. Историческая записка о 1-й казанской гимназии. Казань, 1867. Ч.1 (в дальнейшем: Владимиров). С.159–160.

было расширено: с этого года стали преподаваться итальянский и греческий языки.

В 1761 г. в гимназии было 119 учеников, из них дворян («благородных») – 99 человек, разночинцев – 20 человек. На гимназическом жалованье («казеннокоштные») содержалось 15 дворян и 15 разночинцев (гимназистам, по решению дирекции Московского университета, платилось «жалованье» – дворянам по 9 руб. в год, разночинцам – по 6 руб.). Остальные ученики (84 «благородных» и 5 разночинцев) были «на своем содержании»².

Продвинулось дело со строительством гимназического дома. Купленный у помещика, коллежского асессора Шахова в марте 1761 г. (еще при Веревкине) дом требовал ремонта и частичной перестройки для приспособления его к нуждам учебного заведения. Кроме этого дома, стоявшего около церкви Грузинской Божией Матери и состоявшего из двух строений, были прикуплены еще два соседних с домом Шахова пустопорожних участка.

В 1762 г. обе казанские гимназии (дворянская и разночинная)³ перешли из казенного губернаторского дома, в котором они находились до этого, в свой новоотстроенный деревянный дом⁴. Составленная директором Савичем опись гимназических зданий дает наглядное представление об облике гимназических строений. Посреди двора стояло основное здание – двухэтажные «хоромы». На первом этаже помещалась гимназическая канцелярия, «где письменные дела отправляются», и кладовая для хранения разных казенных вещей. На верхнем этаже находилась квартира «командира гимназий», состоящая из четырех комнат. Кроме того, две другие комнаты были отведены под библиотеку и для учебных «принадлежностей».

Кроме «главного здания», у гимназии было еще двое «хором». При въезде на двор, налево от ворот, стояли «хоромы новые», в которых три комнаты были предназначены для классов, а четвертая для квартиры инспектора. Такие же «новые хоромы» имелись с правой стороны от ворот. Они состояли также из четырех комнат, все предназначались для классных занятий.

---

² Там же. С.98.

³ В дальнейшем обе гимназии, находившиеся под управлением одного директора и имеющие объединенные классы, рассматриваются как одно целое – «Казанская гимназия».

⁴ Владимиров. С.153.

На площади гимназического двора находилось еще несколько построек: «людская», где помещались нижние служители гимназии (она была «ветхой», как сказано в описании); баня; две конюшни с сеновалом и сушильной; «каретник» – сарай для помещения экипажей. Все постройки были деревянными, покрытыми «дранью», двор «с лица», т.е. по улице, был огорожен «баласами»⁵. Дом этот существовал до разгрома Казани Пугачевым в 1774 г.⁶

Относительно штатного персонала гимназии любопытны данные, имеющиеся в одном официальном документе, из которого следует, что при гимназии, кроме преподавательского и обслуживающего персонала, был особый лекарь. Правда, руководство Московского университета, в высшем подчинении которого находилась гимназия, приказало лекаря отставить, так как «за неимением в Казани аптеки он пользоваться учеников и гимназических чинов не может, а свидетельствует только болезни». Вместе с тем разрешалось учредить при гимназии книжную лавку, «в рассуждении многих охотников покупать русские книги». А.И.Артемьев, приводя эти факты, пишет: «Оба эти сведения весьма любопытны по отношению к истории благоустройства самого города Казани. К сожалению, – сообщает Артемьев, – мы не встретили дальнейших указаний, как устроилась книжная лавка и как шла в ней торговля»⁷.

В это время Казанская гимназия удостоилась особого монаршего внимания Екатерины II, недавно вступившей на престол. Императрицу беспокоил вопрос о недостатке образованных людей среди чиновников государственного аппарата. Своим именованным указом от 15 декабря 1763 г. (пункт 24) она повелела, чтобы в Казани при гимназии, кроме 20 дворян, на казенном содержании обучались 60 человек «из разночинцев малолетних и из детей приказного чина» для приготовления их к приказному званию; обучать их следовало не только правописанию и хорошему слогу, но также арифметике, геометрии,

---

⁵ Артемьев А.И. Казанские гимназии в XVIII столетии. СПб., 1874 (в дальнейшем: Артемьев). С.59.

⁶ Там же. С.47. Надо отметить, что в привлеченной к исследованию литературе и сохранившихся источниках нигде не говорится о том, где жили гимназисты (ведь были и неместные, иногородние), где они питались (т.е. должны быть столовая и кухня, кладовые и т.д.).

⁷ Там же. С.60.

географии и политическому положению Российского государства»⁸. К сожалению, мера эта не была вполне осуществлена «за неимением для содержания оных учеников суммы»⁹.

Что касается вообще числа обучавшихся в то время в гимназии, то из донесения куратору Адодурову видно, что к началу 1764 г. насчитывалось 88 человек, из которых 24 – казенные воспитанники, а остальные 64 – своекоштные. Содержания, или, как тогда называлось, «жалованья», казенным ученикам полагалось от 6 (для разночинцев) до 9 руб. (для дворян) в год. «Прилежнейшим» из учеников императрица увеличила выплату до 12–15 руб.¹⁰

Новый директор Казанской гимназии Юлий Иванович фон Каниц (директорствовал с января 1765 г. до 1781 г.) происходил из остзейских дворян (род. ок. 1730 г.) и обучался с 1743 г. в Кадетском корпусе, откуда выпущен в армию прапорщиком в 1751 г., через два года (в 1753 г.) произведен в подпоручики. Выйдя в отставку с военной службы и поступив в службу гражданскую, он в 1756 г. был определен секретарем Юстиц-коллегии эстляндских и лифляндских дел, где через несколько лет (в 1762 г.) получил чин надворного советника (7-й класс Табели о рангах). В конце 1764 г. он был назначен директором («командиром») казанских гимназий, но фактически принял дела только в 1765 г. В дальнейшем (1779 г.) за отличие по службе был произведен в коллежские советники (чин 6-го класса)¹¹. Умер фон Каниц в 1781 г.

Каниц приехал в Казань 3 января 1765 г. и сразу же принялся за активную работу. Стиль руководства гимназией новым директором наглядно характеризуется тем, что с начала своего вступления в должность фон Каниц, стремясь укрепить дисциплину и порядок, завел штрафной журнал, в котором записывались все проступки как учеников, так и учителей¹² и разработал целую систему мер «к исправлению учеников»: за леность привешивали на шею доски с изображением осла, а в отношении к казеннокоштным – лишали месячного

⁸ Полное собрание законов Российской империи. 1830. Т.16. С.467.

⁹ См. Артемьев. С.61–62.

¹⁰ Рыбушкин М.С. Краткая история города Казани. Казань, 1834. Ч.1 (в дальнейшем: Рыбушкин). С.116.

¹¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века / подг. к печ. Н.А. Пенчко. М., 1962. Т.2. С.326.

¹² Там же. С.106.

жалованья; за шалости и побегии сажали под караул, а казеннокоштных исключали из казенного содержания и даже вовсе из гимназии; за воровство и «буйство» сажали на цепь, прикованную к стулу, и надевали на шею обод с железными рогами, который запирался замком; вероятно, употреблялись и розги. Учителя подвергались выговору и даже сажались под караул в стенах самой гимназии¹³.

Следует обратить внимание на то, что Каниц первым из директоров озаботился ввести в круг гимназического курса изучение «правописания и штиля российского языка» и обращал особенное внимание на преподавание этих предметов. В одном из позднейших своих распоряжений по этому вопросу он вменяет учителям («информаторам») при обучении «российскому языку» чаще заставлять учеников писать под диктовку на доске или в тетрадах «и чрез вопросы и ответы показывать им, где какая часть речи или который падеж, наклонение, время и прочее, непременно наблюдая во всяком случае орфографию; а дабы они притом обучались разбиранию письма чужих рук, то должно, взяв из конторы (гимназической. – *И.Е.*) рукописные указы, заставлять их попеременно читать и обо всем оном наиревностнейшее придавать старание»¹⁴.

Начало царствования Екатерины II ознаменовалось большим вниманием к проблемам школьного образования для широкого круга населения. Однако передовые взгляды императрицы, воспитанной на идеях французских просветителей и мечтающей о «гражданском обществе» в России, сразу же по ее восшествии на престол вступили в противоречие с реальной действительностью.

Одной из задач казанских гимназий было поставлять в состав студентов Московского университета своих учеников-«выпускников». Но пополнение университетского студенчества было не автоматическим делом, а «разовым», использовались только свободные места. В Московском университете было ограниченное число казеннокоштных мест, а так как Казанская гимназия в основном состояла из учеников разночинного слоя и небогатых провинциальных помещиков, не имеющих возможности содержания своих отпрысков «на собственном коште», то возможностей приема в студенты Московского университета выпускников Казанской гимназии было не очень

¹³ См. там же. С. 153.

¹⁴ Цит. по: Артемьев. С. 73–74.

много. Исследователь В.В.Владимиров подсчитал, что в разные времена на казенном иждивении в университете из казенных же выпускников Казанской гимназии было до 40 человек. Он считал, что первый выпуск казанских «абитуриентов», принятых в Московский университет, относится к 1766 г., когда, по его утверждению, было переведено в студенты 6 человек казенных учеников гимназии¹⁵.

Таким образом, первые годы директорства Каница были временем укрепления материально-технической базы гимназии, ее преподавательского состава и четкой организации учебного процесса. В результате к середине 60-х годов казанские гимназии начали переводить своих питомцев в студенты Московского университета. Первые успехи, достигнутые преподавательским составом казанских гимназий, свидетельствовали о большом учебно-методическом потенциале нового директора и обещали дальнейший расцвет провинциального просвещения на примере казанской гимназии.

Учебно-методическая работа при Канице поднялась на новый, более высокий уровень. Это особенно проявилось в отношении улучшения способа обучения языкам в классах, что подтверждается многочисленными фактами.

В 1765 г. преподавание наук и языков, как выше уже отмечалось, делилось на три класса: нижний, средний и высший. С этого года стали преподаваться итальянский и греческий языки. В 1769 г. было введено преподавание логики и риторики, с 1770 г. началось изучение татарского языка, в 1780 г. усилено внимание к освоению греческого языка. Все предметы преподавания заключались в 16 классах, или 24 отделениях¹⁶.

С вопросами методики преподавания тесно связана проблема обеспечения учеников гимназии учебной литературой. В этом отношении Казанская гимназия полностью зависела от Московского университета. Имеются свидетельства о том, что, как и университетская гимназия в Москве, Казанская гимназия время от времени получала определенные размеры тиражей учебной литературы. Так, 23 февраля 1768 г. Конференция сообщила в канцелярию Московского университета о подготовке к отправлению в Казанскую гимназию по 25 экземпляров «Греческой грамматики» и «Геснеровых

¹⁵ Владимирова. С.152–153.

¹⁶ Там же. С.160.

лексиконов»¹⁷; 20 ноября 1768 г. в Казань направлена «Грамматика российская» М.В.Ломоносова» (25 экз.?)¹⁸.

Каниц заботился о том, чтобы учителя имели возможность готовиться к урокам. В своем рапорте от 16 июня 1771 г. он сообщает: «при нынешнем числе учителей некоторые из них много лишних классов в обучении имеют. Ибо тогда я при умножении классов, как об этом выше показано, не мог иначе учинить, как на тех же учителях наложить сию тягость, потому что для новых классов никаких других учителей не было определено»¹⁹.

Значительным событием в истории Казанской гимназии была деятельность здесь учителя Григория Комова. В 1767 г. он, как студент Московского университета (с 1764 г.), был определен в Казанскую гимназию учителем истории, географии и геометрии. Комов оказался не только талантливым, но и чрезвычайно инициативным педагогом. За три года работы в Казани (1767–1770) он организовал для ученической практики первую в Казани астрономическую обсерваторию²⁰. В 1769 г. здесь проводились наблюдения во время прохождения Венеры перед диском Солнца. «Для астрономических наблюдений строили пред пожаром пугачевским (12 июля 1774 г. – *И.Е.*) обсерваторию, – сообщает В.В.Владимиров, – которая и сгорела во время оногo; но неизвестно были ли заготовлены астрономические инструменты». Владимирoв предполагал, что «у учителя высшей математики некоторые астрономические инструменты были свои собственные, с помощью которых он в 1769 г. наблюдал, в присутствии важнейших чиновников Казани, прохождение планеты Венеры, что и было поводом к сооружеению помянутой обсерватории»²¹.

¹⁷ См. Документы и материалы... М., 1963. Т.3. № 79. С.132.

¹⁸ Там же. № 117. С.174.

¹⁹ НАРТ. Ф.87. Оп.1. Ед. хр.10006а. Л.13.

²⁰ В 1770 г. Комов вернулся в Москву вследствие болезни, на службе в Московском университете не остался, однако продолжил научную работу. Ему принадлежит перевод с латинского сочинения Цицерона «О естестве богов» (СПб., 1779). – (См. Документы и материалы... М., 1962. Т.2. С.327; Там же. Т.3. С.459). Подробнее о роли Г.Комова в астрономических исследованиях в Казани см.: Корытников С.Н. Начало астрономии в Казани // Историко-астрономические исследования. М., 1955. Вып.1. С.189–206; Иван Филиппович Усагин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. С.199.

²¹ Владимирoв. Ч.1. С.159; ср. Артемьев. С.91.

Н.П.Загоскин отмечал, что наблюдение прохождения планеты Венеры в 1769 г. было несомненно первым более или менее научно обставленным астрономическим наблюдением, произведенным в Казани²².

Следует отметить, что при фон Канице наблюдался также определенный прогресс в организации внутренней жизни гимназии. Особенно это касалось сферы эстетического и нравственного воспитания учащихся. Улучшалась также хозяйственная и материальная часть этого учебного заведения²³.

Главной задачей эстетического воспитания считалось развитие у учащихся верноподданических чувств. Московский университет требовал, как и при первом директоре гимназии – Веревкине, чтобы общегосударственные высокаторжественные дни праздновались в гимназиях с особенной пышностью. Одним из таких дней в то время был день рождения императрицы.

В воспитании нравственности и морали, в поднятии общей культуры всегда большую роль играли театральные представления. Это хорошо понимали наиболее образованные люди в XVIII в. Это понимал первый директор Казанской гимназии Веревкин, это не мог не понимать и фон Каниц. С самого начала после своего приезда в Казань Каниц ввел в практику проведения официальных праздничных дней (дни рождения, коронации и тезоименитства Екатерины II) чтение лучших сочинений и исполнение спектаклей с приглашением «почтеннейших жителей Казани». Кроме того, театральные представления в гимназическом зале давались также обычно на Рождество, на масленицу, в Пасху и в каникулы²⁴.

Фактически именно Каниц является организатором первых публичных театральных представлений в Казани. Эти гимназические театральные представления положили начало публичному театру в Казани и, как отмечал Н.П.Загоскин, «до известной степени воспол-

---

²² Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета... Казань, 1903. Т.3. С.68. Позднее для целей астрономических наблюдений был сооружен купол, украшавший собою главное здание восстановленной в 1798 г. Казанской гимназии (восточная половина главного университетского корпуса). – Там же.

²³ См. Владимиров. С.119.

²⁴ Там же. С.112.

няли более нежели скромный бюджет гимназий»²⁵. Посетители представлений, не внося определенной платы за места, давали деньги «по усердию», «на свечи и музыку». Эти деньги (добровольные пожертвования) затем шли на улучшение содержания казенных гимназистов.

Разыгрывались комедия Ж.Мольера «Школа мужей», трагедия А.П.Сумарокова «Синав и Трувор» и другие пьесы не очень многочисленного драматического репертуара того времени. Кроме пьес, на сцене гимназического театра ставились также «прологи» и «балеты», сочинявшиеся и самим директором фон Каницем²⁶.

Значение эстетического воспитания для юношества превосходно чувствовала и императрица Екатерина II. Известно, что в начале второй половины 60-х годов театральные представления в гимназии прекратились из-за конфликта между директором гимназии и казанским губернатором Андреем Никитичем Квашниным-Самариным. На это обратила внимание Екатерина II во время своего посещения Казани в 1767 г.

Как сообщает историк М.С.Рыбушкин, императрица «изволила спрашивать губернатора Квашнина-Самарина, продолжают ли в гимназиях театральные представления». Узнав, что они прекращены «по неудовольствиям (т.е. личной неприязни. – *И.Е.*) между губернатором и директором гимназии, она высказала крайнее сожаление и вместе с тем приказала Квашнину-Самарину, чтобы он постарался не только о возобновлении их, но и о том, чтобы привлечь к ним дворянство», которое «посредством сих представлений могло научиться приятному обращению и необходимой в свете ловкости»²⁷.

На основании ордера (распоряжения) куратора Адодурова от 12 мая 1769 г. предложено было продолжить организацию при гимназии театральные представления²⁸. В последующие годы публичные спектакли в гимназии сделались для города необходимостью, причем участие в них стали принимать не только воспитанники гимназий, но и представители высшего казанского общества. Продолжались эти представления вплоть до пугачевского восстания и разорения Казани в 1774 г.

²⁵ Загоскин Н.П. Спутник по Казани. Казань, 2005. С.374.

²⁶ Владимиров. С.112.

²⁷ Рыбушкин. Указ. соч. С.129; Загоскин Н.П. Спутник по Казани. С.374–375.

²⁸ Артемьев. С.90–91.

Театральные представления стали традицией Казанской гимназии. Так, из рапорта Каница директору университета (с 1771 г.) Михаилу Васильевичу Приклонскому от 19 января 1772 г. видно, что в продолжение святок (т.е. в период с 24 декабря до 6 января) в гимназиях пять раз давались театральные представления, в присутствии губернатора и прочих знатных лиц. Подобным образом повторены были спектакли и в святки 1772/73 г.; а день рождения Екатерины II в 1773 г. был отмечен опять маскарадом и балетом²⁹.

М.Н.Пинегин, отмечая большое нравственно-воспитательное значение драматических представлений в казанских гимназиях, писал: «Мы не будем говорить о пользе подобных спектаклей: для этого не имеем достаточных данных; можно лишь а priori заключить, что образовательная цель представлений достигалась уже тем, что вводились новые интересы в бессодержательную жизнь тогдашнего высшего общества; представления, несомненно, развивали исполнителей и зрителей, вводя в их узкий кругозор новый вид понятий, указывая недостатки общества, давая наглядное представление о низких пороках и об идеальных добродетелях, олицетворенных в героях ложно-классических пьес»³⁰.

Большое значение для Казани и, соответственно, для гимназии имело посещение города императрицей в 1767 г. Сама Екатерина гимназию не посетила. Ее осматривал граф Владимир Григорьевич Орлов и некоторые другие «знатнейшие особы» из свиты императрицы³¹. Можно предполагать, что результатом именно этого посещения явился последующий указ от 3 сентября 1767 г. об увеличении численности учеников в гимназии и о порядке их содержания.

---

²⁹ См. там же. С.114–115.

³⁰ Пинегин М.Н. Казань в ее прошлом и настоящем. Казань, 2005. С.280–281.

³¹ Рыбушкин. Указ. соч. С.118. Исследователь А.В.Гарзавина свидетельствует: «По регламенту путешествия визит в гимназию Екатерина не планировала, а Владимир Григорьевич Орлов ее посетил: «31-го мая был я в гимназии, которую в очень дурном состоянии нашел, где 12 учителей, а учащихся всех с 40; они говорили речи на немецком, французском, русском и латинском языках; успехи учащихся очень не совершенны, как я сам их свидетельствовал»» (Гарзавина А.В. Екатерина II в Казани: Правда, вымыслы и загадки // Казань. 2005. № 2. С.81). Однако Гарзавина подтверждает, что до посещения гимназии В.Г.Орловым Екатерина 29 мая беседовала с учителями

При Канице осуществилась мысль первого директора гимназии М.И.Веревкина об изучении татарского языка в гимназии. Этому так же способствовал приезд Екатерины II в Казань в 1767 г., именно после этого путешествия Екатерины был организован специальный класс татарского языка. 12 мая 1769 г. императрица направила казанскому губернатору А.Н.Квашнину-Самарину указ об открытии татарского класса в гимназии. Обращая внимание на необходимость иметь хороших переводчиков с татарского языка на русский и обратно, она приказала «учредить единожды навсегда при Казанской гимназии для охотников класс того языка и определить учителей оного старой и новой в Казани татарских слобод депутата [Уложенной комиссии – И.Е.] и тамошней Адмиралтейской конторы толмача Сагита Хальфина...»³².

Занятия татарским языком начались в гимназиях 5 октября 1769 г. Первым учителем татарского языка был вышеназванный Сагит Хасанович Хальфин (1732–1785). Первоначально Сагит Хальфин совмещал преподавательскую деятельность в гимназии с переводческой работой в Казанской адмиралтейской конторе. После открытия в Казани наместничества (1781) он был освобожден от работы в Адмиралтейской конторе и сосредоточил свою деятельность исключительно на преподавании в гимназии.

Первые учебники для изучения татарского языка были написаны самим Сагитом Хальфиным. В 1778 г. он издал первый в России печатный светский букварь татарского языка «Азбука татарского языка с обстоятельным описанием букв и складов»³³. Кроме этого, он подготовил в рукописи учебное пособие «Татарский словарь и

гимназии. Во время этой беседы она «очень интересовалась театральными представлениями в гимназии и поручила губернатору А.Н.Квашнину-Самарину содействовать их возобновлению» (Там же).

³² Цит. по: Владимиров. Ч.1. С.45:

³³ «Азбука» была напечатана в Москве в 1778 г., но составлена она была, как видно из архивных дел, еще в начале 70-х годов. Так, известен документ (предписание Московского университета директору фон Каницу) от 10 февраля 1773 г., в котором сказано: «Что следует до напечатания сочиненной казанских гимназий учителем Хальфиным татарского языка азбуки, то как литеры сии вновь заводить не без затруднения и при напечатании оной Азбуки корректору иметь надлежит довольно знающему тот язык, то без такого

краткая татарская грамматика в пользу обучающегося при казанских гимназиях юношества татарскому языку» (1785)³⁴.

Должность учителя татарского языка стала наследственной в семействе Хальфиных и долго таковой оставалась. После Сагита, оставившего эту должность в марте 1785 г., она перешла к его сыну Исхаку Хальфину (ум. 1800), затем к сыну Исхака Ибрагиму Хальфину (1778–1829). Последний умер на службе в гимназии в 1829 г.

Об интересе гимназистов к изучению татарского языка свидетельствует составленный Сагитом Хальфиным список своих учеников. Он датирован 1 марта 1785 г. Здесь зафиксировано 16 учеников татарского класса³⁵.

Известный специалист по изучению казанского востоковедения в XIX в. Р.М.Валеев в своей монографии дает высокую оценку роли Казанской гимназии в разработке методики преподавания восточных языков. Он пишет: «Первая Казанская гимназия стала крупным светским учебным заведением России, где шло преподавание восточных языков. Она явилась учебно-педагогической базой становления и развития казанского университетского востоковедения в первой половине XIX века»³⁶. Исследователь татарского просветительства С.М. Михайлова также подчеркивает роль Казанской гимназии в

способного человека онога в действо произвесть здесь будет невозможно и для чего казанские гимназии имеют справиться, можно ль оному учителю отлучиться из Казани ...» (НАРТ. Ф.87. Оп.1. Ед. хр.45. Л.10). Корректор был найден в 1776 г., о чем свидетельствует рапорт Сагита Хальфина директору гимназии фон Каницу от 9 августа 1776 г. (НАРТ. Ф.87. Оп.1. Ед. хр.51. Л.236). Оба документа опубликованы сотрудником Национального архива Республики Татарстан Гульнаррой Рафиковой (см. Эхо веков. Казань. 1998. № 1/2. С.204). Составленная Сагитом Хальфиным азбука была напечатана, по приказанию куратора Московского университета И.И. Мелиссино, в Московской университетской типографии и прислана 4 сентября 1774 г. в Казанскую гимназию в числе ста экземпляров, что доказывает, что этому языку обучалось достаточное число учеников (Владимиров. Ч.1. С.47–48).

³⁴ См. Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете. Казань, 1972. С.7–8.

³⁵ НАРТ. Ф.87. Оп.1. Ед. хр.8214: «Собираемые от господ информаторов ежемесячные о науках, успехах и прилежаниях ученических рапорты сего 1785 года». Л.43 об.–44.

³⁶ Валеев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). Казань, 1998. С.70.

развитии востоковедения. «Преподавание татарского языка в гимназии, – пишет она, – подготовило почву для дальнейшего преподавания татарского языка и других восточных языков в университете, ибо уже были созданы первые учебные пособия, словари, азбуки по татарскому языку, накоплен определенный опыт, разработана методика преподавания»³⁷.

Казанская гимназия в период расцвета своей деятельности сыграла большую роль в развитии просвещения и культуры не только Казанского края (хотя, прежде всего, именно его), но и России в целом. Это была вторая по времени создания гимназия в России после Московской гимназии и первая – в провинции. Ее особенностью является то, что она охватывала не только привилегированные дворянские слои общества, но распространяла свою деятельность далеко за пределами элитных слоев общества.

В момент открытия гимназии в 1758/59 учебном году было 15 учеников, все своекоштные, из дворян. В начале 1759 г. считалось 40 учеников (все своекоштные, из дворян), к концу года (начало 1759/60 учебного года) их число увеличилось до 120 (в том числе среди гимназистов впервые появились разночинцы). В 1760 г. было 108 учеников, из дворян и разночинцев, в числе которых 20 учеников казенных. В 1762 г. общее число учащихся составило 119 человек (15 казенных «благородных», 15 разночинцев, 84 своекоштных «благородных», 5 разночинцев). В последующие годы число учеников сократилось: в 1764 г. их было 88 человек (24 казенных, из дворян и разночинцев, 64 своекоштных из дворян и разночинцев); в 1765 г. – 38 человек (19 казенных «благородных», 19 разночинцев), число своекоштных неизвестно; в 1768 г. – 34 ученика (13 казенных «благородных», 17 разночинцев, 4 своекоштных «благородных»); в 1770 г. – 36 гимназистов (12 казенных «благородных», 24 разночинцев). Наибольшее число учеников относится к 1773 г. (накануне разорения Казани Пугачевым), когда их общее число составило 125 человек (10 казенных «благородных», 50 разночинцев, 27 своекоштных «благородных», 38 разночинцев)³⁸.

---

³⁷ Михайлова С.М. Формирование и развитие просветительства среди татар Поволжья (1860–1861). Казань, 1972. С.33.

³⁸ См. Владимиров. Ч.1. С.161–162.

Казанская трагедия, связанная с восстанием Пугачева, резко уменьшила число учеников: в 1775 г. осталось 52 (10 казенных «благородных» и 42 разночинца). Но в последующие годы цифра учеников Казанской гимназии проявила устойчивую тенденцию к росту: в 1780 г. в гимназиях было 87 учеников (8 казенных «благородных», 41 из разночинцев, 20 своекоштных «благородных», 18 разночинцев); в 1785 г. – 90 (4 казенных «благородных», 54 разночинцев, 15 своекоштных «благородных», 16 разночинцев).

Однако во второй половине 80-х годов произошло резкое сокращение числа гимназистов. Это, по-видимому, прежде всего, надо объяснять открытием народных училищ и ослаблением интереса правительства к поддержке гимназического образования в стране. В 1786 г. Казанская гимназия имела только 56 учеников (2 казенных «благородных» и 54 разночинца); в следующем 1787 г. их состав снизился до 40 человек (все – казенные разночинцы); в 1788 г. – в гимназии осталось 25 человек казенных разночинцев³⁹.

Подводя итоги историческому очерку развития Казанской гимназии при фон Канице (до пугачевского восстания) следует констатировать расцвет ее деятельности не только в образовательном, но и в культурно-просветительном отношении, что имело большое значение для Казанской губернии и восточных районов Российской империи в целом.

Педагогическая деятельность Каница была забыта в последующее время, хотя она заслуживает специального изучения специалистами по педагогике. Юлий Иванович Каниц был достойным последователем первого директора Казанской гимназии – Михаила Ивановича Веревкина.

---

³⁹ См. там же.

Комиссаренко А.И., Торопицын И.В.

Роль Голландии в политике российского правительства по привлечению иностранцев к колонизации поволжских и северокавказских территорий во второй половине XVIII в.¹

Вторая половина XVIII столетия ознаменовалась новым направлением в сфере социально-экономических отношений между Россией и странами Европы. Именным указом от 14 октября 1762 г. Сенату императрица Екатерина II дала свое разрешение на поселение иностранцев в России, подчеркнув, что эта задача имеет большое государственное значение: «Мы надеемся со временем чрез то умножить славу Божию и его православную греческую веру, и благополучие Нашей империи»². 4 декабря того же года был обнародован Манифест о позволении иностранцам селиться в России. В нем было подчеркнуто, что умножение в стране жителей («обитателей») является одним из приоритетов («главным правилом») политики царствования Екатерины II. По указанию императрицы данный Манифест был переведен на ряд европейских языков. В записке генерал-прокурору Сената А.И. Глебову Екатерина II поручила опубликовать его «во всех чужестранных газетах»³. В том же году в России было создано специальное государственное учреждение по управлению колонистами – Канцелярия опекунства иностранных.

Спустя полгода был выпущен еще один Манифест, в котором более подробно освещались права иностранных колонистов в России и льготы, предоставлявшиеся правительством переселенцам. Для этой цели была продумана система мер, облегчавшая колонистам переезд в Россию, обустройство и жизнь на новом месте. Так, в одном из пунктов Манифеста сообщалось: «Всем иностранным прибыв-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Астрахань–Амстердам в орбите российско-голландских торгово-экономических отношений XVII–XVIII веков»), проект № 08-01-00326а/.

² Немцы-колонисты в Век Екатерины / Составители Е.Е. Лыкова, М.И. Осекина. М.: Древлехранилище; Общественная академия наук российских немцев, 2004. С.9.

³ Там же. С.10.

шим на поселение в Россию учинено будет всякое вспоможение и удовольствие, склонным к хлебопашеству или другому какому рукоделию и к заведению мануфактур, фабрик и заводов не только достаточное число отведено способных и выгодных к тому земель, но всякое потребное зделано будет вспоможение, по мере каждого состояния, усматривая надобность и пользу вновь заводимых фабрик и заводов, а наипаче таких, коих в России еще не учреждено»⁴. К Манифесту был приложен реестр землям, свободным и удобным к заселению, которые находились в России в Сибирской, Оренбургской, Астраханской и Белгородской губерниях. Только в Поволжье на территории Астраханской губернии было выявлено 70 тысяч десятин земли, которую предлагалось предоставить под поселение иностранным колонистам⁵.

Манифест через открытую печать был доведен до сведения европейцев. Расчет российского правительства заключался в том, чтобы как можно шире охватить аудиторию потенциальных переселенцев. Одной из стран, где была распространена данная информация, были Соединенные Нидерланды. Русский посол в этой стране Г. Гросс, сообщая о напечатании в местных газетах Манифеста от 22 июля 1763 г., подчеркивал, что не ожидает большого числа желающих среди голландцев. «Только как в сей республике все обыватели живут в полной вольности, да по большей части с изобилием, – писал он, – надеяться не могу, что к такому переселению из них охотников у меня явится»⁶. Однако оставалась надежда на проживавших в Голландии иностранцев. В свое время в Коллегию иностранных дел поступила информация от находившегося на русской службе бригадира де Лафонта о том, что в Голландию выехало из Франции много протестантов. Необходимые сведения он, в свою очередь, черпал из голландской прессы. «Мемориал» де Лафонта свидетельствовал, что европейские монархи активно использовали выпускавшиеся в Европе периодические издания для привлечения колонистов. Так, король Пруссии Фридрих II разместил в голландских газетах объявления о готовности принять французских протестантов, чем некоторые из них воспользовались и

⁴ Немцы-колонисты в Век Екатерины... С.23.

⁵ Там же. С.28.

⁶ Писаревский Г.Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. М., 1909. С.73.

прибыли в Берлин, а потом стали расселяться не только на прусской территории, но и в других германских государствах⁷.

Помимо информационного освещения планов российского правительства в странах Западной Европы была развернута широкая агитационная компания, которую вели как российские дипломаты, так и специальные лица, занимавшиеся вербовкой переселенцев среди населения. По словам Г.Г. Писаревского, в тот период времени в Голландии, в имперских и юго-западных городах Германии образовался значительный контингент лиц, специализировавшихся на поставках колонистов и рекрутов для европейских государств⁸. С некоторыми из них российскими властями в соответствии с высочайше утвержденной формой договора от 17 ноября 1764 г. были заключены контракты на привлечение иностранцев в Россию.

Вызыватели не были ограничены в своих действиях по вербовке колонистов. Они могли действовать по всей Западной Европе. Так, группа вызывателей колонистов в лице Докурта, Баодешена, А. Симона, Б. Занелия, Ж.-Б. Оэ и двух братьев Вандиниев предложили российскому правительству свои услуги в наборе и поселении иностранцев «на необитаемых местах между Саратовом и Астрахани»⁹. Судя по тому, что деньги на расходы, связанные с вербовкой и отправкой колонистов в Россию, они просили выдавать им в Париже и Гааге, можно предположить, что вызыватели планировали действовать во Франции и Голландии. Договор с ними утвержден не был. Тем не менее, вербовка колонистов в Соединенных Нидерландах осуществлялась достаточно активно. Здесь действовали агенты вызывателя барона К. де Борегара и других лиц. Даже после того, как вызов колонистов из Европы в 1766 г. был официально прекращен, этот вызыватель не прекратил свою деятельность. В июле 1767 г. он обратился из Амстердама к российскому правительству с просьбой разрешить ему привезти в Россию 100 семейств. Канцелярия опекуна иностранных пошла ему навстречу, но К. де Борегар успел отправить только треть от заявленного им числа семей. В следующем году он вынужден был вновь обратиться к правительству России, прося разрешить ему завершить начатую годом ранее работу. Не

⁷ РГАДА. Госархив Российской империи. Ф.16. Оп.1. Д.344. Л.4–5.

⁸ Писаревский Г.Г. Указ. соч. С.77.

⁹ Немцы-колонисты в Век Екатерины... С.62–63.

дожидаясь ответа, К. де Борегар отправил из Амстердама в Россию в июне 1768 г. еще 29 семей колонистов¹⁰.

Часть колонистов, завербованных в странах Европы, направлялась по реке Рейн в Россию через Голландию, и в частности через Амстердамский порт. Как сообщает Г.Г. Писаревский, у голландского правительства были выхлопотаны паспорта на свободный пропуск колонистов до Амстердама. Вблизи этого города в местечке Везоп располагался центр временного размещения колонистов, где они могли ожидать транспорт, который доставит их в Россию¹¹. Из Амстердама группы колонистов направлялись в Россию через Гамбург, Любек и другие города. Этим маршрутом пользовались представители, по крайней мере, одного из двух товариществ вызывателей, с которыми у российского правительства были договорные отношения. Так, русский посланник в Гааге граф А.С. Мусин-Пушкин писал в конце августа 1764 г., что посылает в Любек вызывателя М. де Прекура с 30 колонистами, набранными во Франции и Ж. де Бова во главе 17 колонистов. Он снабдил их деньгами на проезд и просил у Канцелярии опекунов иностранных дополнительных средств, ожидая прибытия из Голландии еще одной группы колонистов, завербованных вызывателем д'Отеривом. В следующем году группа французских колонистов во главе с Ф.-О. Дельсалем, собранная в Гааге, отправилась оттуда в Амстердам. Весной 1765 г. граф А.Р. Воронцов отправил их из Голландии в Гамбург к графу А.С. Мусину-Пушкину, а тот в свою очередь через Любек – в Россию.

Среди завербованных в Голландии колонистов были люди разных национальностей. В числе тех, кого М. де Прекур уговорил переехать в Россию в 1764 г., был, например, выходец из Парижа Ф. Жирардо, эмигрировавший в Голландию¹². Другой француз Ж.П. Фортоне, вызванный в Россию бароном К. де Борегаром, утверждал впоследствии, что в Голландии он был продан в колонисты за деньги своей матерью¹³. Неразборчивость вызывателей и их агентов в средствах вербовки приводила порой к осложнению отношений с властями тех стран, где осуществлялась работа по набору колонистов. Характерный пример произошел в Голландии. «Пользуясь гостеприимством

¹⁰ Писаревский Г.Г. Указ. соч. С.174–176.

¹¹ Там же. С.114, 134.

¹² РГАДА. Ф.283. Оп.1. Кн.17. Л.50–50 об.

¹³ РГАДА. Ф.283. Оп.1. Кн.97. Л.1–12.

приютившей их страны, – пишет Г.Г. Писаревский, – вербовщики стали принимать в число колонистов таких голландских подданных, которые были обременены долгами и стремились ускользнуть от своих кредиторов»¹⁴. Эти действия были негативно оценены голландским правительством, которое лояльно относилось до того к работе по вызову колонистов в Россию. В итоге вызыватели едва не лишились важного пункта временного размещения переселенцев, который был устроен в арендованном российскими властями доме в городе Везопе близ Амстердама. Лишь вмешательство российского посла в Гааге, который направил переводчика Ольдекопа к местному магистрату в Везоп с просьбой «о не отнятии помянутого дома», помогло разрешить возникшую проблему. Со своей стороны, российский посол поручил передать вербовщикам, «при бароне Борегарде употребляемым, дабы впредь осторожнее поступали и излишнею и слепую корыстливостью, подговоря восемь или десять человек, все дело не испортили»¹⁵. Впрочем, среди переселенцев в Россию из Голландии были люди самого разного достатка и положения. К примеру, осенью 1764 г. в Поволжье с отрядом иностранных колонистов прибыл форштегер Генрих Ульрих Готфрид Гримм, хирург по профессии, из голландского города Гронунгена. В мае следующего года он основал поселение Лесной Карамыш, называемое также колонией Гримм. На новом месте жительства глава семейства Гримм управлял делами основанной им общины, оказывал фельдшерские услуги. Его жена Анна Елизавета, урожденная Комперс, была акушеркой. Старшие сыновья Гримм Генрих Адольф Готлиб и Христиан Фридрих Андреас стали земледельцами, а младший Готфрид поступил на службу в Кантору опекунов иностранных.

Среди выезжающих в Россию людей было немало тех, кто хотел приложить свои силы и знания в различных отраслях мануфактурного производства. В свое время де Лафонт, проанализировав голландскую прессу, выяснил, из каких французских городов выезжали в Голландию протестанты. Жители этих городов были, как правило, опытными ремесленниками и работниками «шелковых и шерстяных мануфактур», поэтому де Лафонт «как истинный и ревностный раб здешней империи за должность разсудил» предложить российскому правительству найти способ переселить таких спе-

¹⁴ Писаревский Г.Г. Указ. соч. С.135.

¹⁵ Там же.

циалистов в Россию, вследствие чего «надежная польза произошла б»¹⁶. 6 декабря 1752 г. Коллегия иностранных дел, которую возглавлял А.П. Бестужев-Рюмин, сообщила о «мемориалах» де Лафонта в Кабинет императрицы. После их рассмотрения именованным указом императрицы Елизаветы Петровны Сенату было объявлено о намерении «изгнанных французов из их земли за веру в нашу империю получить и поселить их по Волге реке». Разместить их поселения предлагалось по волжским землям, «зачав от Сызрани до реки Серпы в 15 верстах ниже Царицына», «также ж по рекам Куме и Терку для шолковых заводов...». Сенату предписывалось отправить приказ астраханскому губернатору о «приискании» инженерных офицеров и геодезистов с тем, чтобы поручить им «сделать описание и карты географические», определив «какое пространство земли и что где осталось не роздано под поселения российские»¹⁷. Однако начавшаяся вскоре Семилетняя война (1756–1763 гг.), по всей видимости, помешала осуществлению этого бесспорно масштабного проекта.

В 1763 г. из Амстердама при содействии графа А.С. Мусина-Пушкина в Россию прибыли французы во главе с фабрикантом Ришардом, которые выразили желание основать шелковую фабрику. Данное прошение не было удовлетворено, однако, имеется немало примеров, свидетельствующих о том, что российское правительство было заинтересовано не только в привлечении земледельцев для освоения пустующих земель. В том же году Канцелярия опекунства иностранных распорядилась отправить в Астрахань иностранцев Г.Ф. Гоболта и И.Г. Петерсона, прибывших с семьями из Гамбурга, которые были намерены основать в России фабрику по выделке из шерсти разных материй. В Астраханскую губернскую канцелярию был послан указ, предписывавший принять их «со всякою ласковостию», выделить требуемую для заведения фабрики землю, оказать необходимую финансовую помощь «на покупку к строению лесу, на наем работников, как для дому, так и фабрики», а также на приобретение нужных для производства инструментов, строительство станков и «прочих потребных к тому припасов»¹⁸. В 1763 г. после опубликования Манифеста о дозволении всем иностранцам, въезжающим в Россию, селиться в разных губерниях по их выбору, из Голландии

¹⁶ РГАДА. Госархив Российской империи. Ф.16. Оп.1. Д.344. Л.5.

¹⁷ Там же. Л.21–21 об.

¹⁸ Немцы-колонисты в Век Екатерины... С. 81–184.

в Россию выехал «с немалым собственным капиталом, состоящим в разных товарах и вещах, кроме имеющегося в России немалого капитала» богатый армянский купец Мовсес Сафаров (Моисей Бунятов). Он проявил интерес к созданию в Астраханской губернии шелкового производства, получил на это от правительства России привилегию и ссуду в 15 тысяч рублей¹⁹. В 1769 г. в Россию для производства «прорезных и неразрезных бархатов» и прочих материй приезжает амстердамский уроженец Я. Радке. Он получает ссуду в 50 тысяч рублей на заведение мануфактурного производства, но этих средств для открытия своего заведения ему не хватило.

Следует отметить, что под иностранными колонистами в России подразумевались не только европейцы. Выезд армянского купца из Голландии в Россию и прием, оказанный ему, – яркий тому пример. Сенатор граф А.Б. Бутурлин в своем мнении об организации приема иностранных колонистов в России от 9 августа 1763 г. предлагал создать условия для привлечения в Россию армян и индийцев²⁰. Его мнение было созвучно общим идеям правительства в отношении приема иностранцев в России. Поэтому, когда астраханский губернатор Н.А. Бекетов предложил в ноябре 1764 г. уравнивать в правах астраханских армян с российскими купцами «чтоб все они были под российскими законами»²¹, Екатерина II отозвалась на его донесение краткой резолюцией: «Держаться точной силы Манифеста о выезжих чужеземцах»²². Более пространное мнение по затронутому губернатором Н.А. Бекетовым вопросу высказал граф Н.И. Панин²³,

---

¹⁹ Хачатурян В.А. Астраханская армянская колония и русско-армянские отношения в XVIII в. // Вестник общественных наук. АН Арм. ССР. Ереван, 1978. С.80; Кугрышева Э.В. История армян в Астрахани. Астрахань: ГП АО «Издательско-полиграфический комплекс «Волга», 2007. С.71.

²⁰ «Не безызвестно есть, – указывал Н.И. Панин, – что армянский закон весьма притеснен же, а наипаче Жульфинская слобода, состоящая в Испани из армян, великими податями разорена. Город же Астрахань не весьма многолюден, а им извествен». Также он предложил «возобновить и индейскую компанию, обеща им содержание и добровольный въезд и выезд в свое отечество и торговлю, на таком основании, как оне прежде содержаны были и привилегии имели» (Немцы-колонисты в Век Екатерины... С.169.).

²¹ РГАДА. Госархив Российской империи. Ф.16. Оп.1. Д.606. Л.6.

²² Там же.

²³ Ссылаясь на пункт 6-й Манифеста, в котором объявлялось о праве поселенных в России иностранцев иметь «внутреннюю юрисдикцию» и

который одобрительно отозвался о действиях прежнего губернатора В. Неронова, предлагавшего свободно расселять иноземцев во всех городах Астраханской губернии²⁴.

В октябре 1764 г. к обсуждению вопроса о поселении в Астраханской губернии иностранцев присоединись и представители астраханского купечества. А.Т. Смирнов подал на имя императрицы Екатерины II прошение о производстве «не в одной Астрахани, но во всех пристойных местах по государству за свои деньги... хороших... напитков» из виноградного спирта и их продаже «в недорогих ценах». По его мнению, правительство могло бы для эффективного производства «напитков» «привозить из других государств людей чужих, кто покажет за собою искусство на коште казенном»²⁵. Таких специалистов можно найти, считал он, в западноевропейских странах, в том числе и в Нидерландах²⁶.

В течение первых пяти лет – с 1764 по 1768 гг. – на Нижней Волге возникло 104 иностранных колоний. Интенсивность заселения территорий в Астраханской губернии (в северной ее части) была так велика, что прием колонистов был временно прекращен. Переселенцы из Западной Европы принесли с собой новую культуру хозяйствования на земле. В основанных ими колониях в середине 70-х гг. XVIII в. впервые в России начали сеять табак и картофель, с которыми в той же Голландии земледельцы были знакомы уже не одно столетие.

свободе выбора ими государственной или только земской» службы, Н.И. Панин указывал на то, что перевод их под надзор местного магистрата, несомненно, вызовет у иноземных купцов «великое огорчение». Более разумно было бы, полагал он, «учредить в Астрахани для всех чужестранных мещан особое гражданское правительство, или суд», которое должно было всецело находиться «под ведомством» самого губернатора. (РГАДА. Госархив Российской империи. Ф.16. Оп.1. Д.606. Л.7 об.).

²⁴ РГАДА. Госархив Российской империи. Ф.16. Оп.1. Д.606. Л.14 об.

²⁵ Там же. Л.40.

²⁶ Прощение А.Т. Смирнова по повелению императрицы 4 ноября 1764 г. было отправлено на рассмотрение в Сенат, в котором его следы, к сожалению, затерялись. Более подробно о заселении иностранцами района Нижней Волги см.: Писаревский Г.Г. Иностранные колонисты греко-русского исповедания в Поволжье. Саратов, б.г.; Он же. Нижнее Поволжье в третьей четверти XVIII в. (К вопросу о факторах иностранной колонизации). Баку, 1929 / Отд. оттиск из «Известий педагогического факультета Азербайджанского государственного университета». Т.14).

В последней четверти XVIII в. правительство России предприняло новую попытку поселить иностранцев на южных территориях страны. В 1778 г. правительство постановило переселить «алдинский народ» на реку Сунжу в земли «чеченского владельца Раслан-бека», чтобы освободить часть земель для возможного освоения их иностранными колонистами, в том числе и голландскими меннонитами²⁷, как это можно предполагать из содержания переписки местных и центральных властей²⁸. В январе 1779 г. астраханский губернатор И.В. Якоби доносил правительству об успехах в сельскохозяйственном освоении территории вдоль Азово-Моздокской линии: «земледелие всеми тамошними поселянами начато в довольном количестве, а всходы высеянного хлеба обещают изобильную за труды награду»²⁹. Особое внимание губернатор обращал на расширение производства шелка. По уверению И.В. Якоби, выехавшие из Европы иностранцы – французские гугеноты и голландские меннониты – «...новые поселяне с наичувствительнейшим удовольствием приемлют тамошней род жизни, обзрев более выгоды на новых местах, нежели чем они прежде пользовались»³⁰. Несомненные достоинства этого южного региона Астраханской губернии, по мнению губернатора И.В. Якоби, и впредь вполне могут привлекать иностранных колонистов (немцев и голландцев), осваивавших с 60-х гг. земли на Нижней Волге³¹.

В 1787 г. генерал-фельдмаршал и президент Военной коллегии Г.А. Потемкин сообщил императрице Екатерине II о прошении меннонитов дать им возможность «в Россию переселиться». Оно не встретило возражения со стороны российского правительства, было

---

²⁷ Представители протестантской религиозной секты, основанной в 30-е годы XVI в. голландцем Симонисом Менноном и близкой по воззрениям к анабаптистам. Меннониты были особенно многочисленны в северных Нидерландах (прежде всего во Фрисландии), а также в Кельне, Мекленбурге, ряде областей южной Германии. В конце XVIII в. они стали подвергаться еще более жестким притеснениям – их стали облагать налогами и подастями, отнимать у них право приобретать собственность (См.: Все религии мира. Энциклопедический справочник. М.: Вече, 2007. С.514).

²⁸ РГАДА. Госархив Российской империи. Ф.16. Оп.1. Д.616. Л.1–1 об.

²⁹ Там же. Л.2–2 об.

³⁰ РГАДА. Госархив Российской империи. Ф.16. Оп.1. Д.616. Л.3.

³¹ Гальцев В.С. Из истории колонизации Северного Кавказа // Труды Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Дзауджикау, 1957. Т.19. С.101–114.

лишь определено, что переселяемые меннониты, получив от казны денежные ссуды на первоначальное устройство, должны их вернуть «по происшествии льготных десяти лет без процентов в пять последующих лет»³². Также разрешался и «вывоз работников и работниц из чужих краев, какого бы вероисповедания не были»³³. Но при этом оговаривалось, что «буде же по прошествии десяти льготных лет он выехать похочет, в таком случае... обязан будет, сверх вышеписанного, внести трехлетнюю подать, какову платил, и тогда свободен будет переселиться куда пожелает». Предлагалось меннонитам подавать заявки на поселение в России «российскому императорскому в Гданске резиденту или поверенному в делах»³⁴.

В конце 80-х гг. XVIII в. в Россию переселилось более 228 семейств меннонитов. Часть их осела на Нижней Волге – в Самарской и Астраханской губерниях, а также на Кавказе³⁵. М.К. Любавский, изучавший историю русской колонизации, указывал Голландию среди тех стран Европы, откуда в Поволжье в конце XVIII в. переселились иностранные колонисты. При этом он связывал процесс заселения территорий Заволжья с постройкой в 1787 г. Узенской крепости – центра новой кордонной линии, под защитой которой шло заселение³⁶.

Таким образом, Голландия сыграла важную роль в реализации политики российского правительства по колонизации юго-восточных земель во второй половине XVIII в., являясь с одной стороны источником вербовки переселенцев, а с другой – важным транзитным центром, через который в Россию выезжали из стран Западной Европы колонисты.

---

³² РГАДА. Госархив Российской империи. Ф.16. Оп.1. Д.353. Л.2–2 об.

³³ Там же. Л.3.

³⁴ РГАДА. Госархив Российской империи. Ф.16. Оп.1. Д.353. Л.3.

³⁵ Обзорение состояния поселенных в Саратовской губернии иностранных колонистов. 1804; Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. СПб., 1896. Т.ХІХ. С.93–95; Писаревский Г.Г. Очерки по истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам). М., 1898; Он же. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам). М., 1909; Он же. Переселение прусских меннонитов в Россию при Александре I. Ростов-на-Дону, 1917.

³⁶ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / Отв. ред. А.Я. Дегтярев. Вст. статья А.Я. Дегтярева, Ю.Ф. Иванова, Д.В. Карева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С.281.

*Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М.,
Сиразетдинова З.Р.*

**Депутаты Уложенной комиссии 1767–1770 гг.
от народов Башкортостана**

Одним из самых ярких проявлений политики просвещенного абсолютизма Екатерины II был созыв Уложенной комиссии. 14 декабря 1766 г. императрица Екатерина Алексеевна обнародовала Манифест о созыве комиссии о сочинении Нового Уложения. Она объяснила это задачей изучения страны и различных сословий ее населения. От всех сословий, за исключением крепостных и дворцовых крестьян, должны были выбирать депутатов и направлять их в Москву, в комиссию «для заготовления проекта нового Уложения»¹. Депутаты должны были привезти в Комиссию указы, в которых излагались «нужды и чувствительные недостатки» того или иного сословия, выбравшего депутата.

Правительствующий Сенат, Святейший Синод, первые три коллегии и канцелярии выбирали по одному депутату, каждый уезд (к уезду приравнивались полк, крейсер и др.) выбирали по одному депутату от дворянства. По одному депутату должен был выбирать каждый город. Государственные и ясачные крестьяне, однодворцы, пахотные солдаты, служилые люди, содержащие ландмилицию, неkochующие нерусские народы выбирали по одному депутату от провинции. Определение числа депутатов с казацких войск было возложено на их высшее начальство.

Депутаты Уложенной комиссии приобретали определенные привилегии. Они получали жалованье в размере 400 руб. в год для дворян, 122 рубля для городских и 37 рублей для депутатов других сословий, а служащие сверх того сохраняли жалованье по месту работы. Каждый депутат на всю свою жизнь, несмотря ни на какие преступления, освобождался от смертной казни, от пыток и телесных наказаний, так как они были поставлены под собственное охранение императрицы. Поэтому никакой суд не мог привести в исполнение свое решение, которое бы касалось этих лиц, без доклада государыне. Имения депутатов со дня их выбора в это звание освобождались от конфискации во всех случаях, кроме как за долг. Лицо, нанесшее оскорбление или

¹ Полное собрание законов Российской империи. Т.17. С.801.

вред депутату, подвергалось двойному наказанию против обыкновенного. Депутатам были даны особые знаки для ношения, которые оставались им на всю жизнь. Важным пунктом Манифеста было решение депутатам от «иноверцев», не знавшим русского языка, привозить с собой толмача, а по прибытии в Москву избрать опекуна, на которого возлагалось ходатайство по их делам в Комиссии².

Депутатам было велено прибывать в Москву через полгода со дня обнародования Манифеста на каждом месте. При этом подчеркивалось, что депутаты созывались не только для того, чтобы выслушивать от них «нужды и недостатки каждого места», но чтобы и самим принять участие в действиях комиссии. И в ходе работы Уложенной комиссии на 204 заседаниях ее Большого Собрания в течение почти трех лет, с 12 июля 1767 г. по 2 июля 1770 г., депутаты бурно обсуждали указы и серьезные законопроекты. Поэтому Уложенную комиссию 1767–1770 гг. по праву можно назвать прообразом российского парламента, а ее депутатов – первыми парламентариями России.

Весть о созыве Уложенной комиссии вызвала оживление и получила широкий отклик среди народов Башкортостана. Манифест от 14 декабря 1766 г. был воспринят населением края с большим энтузиазмом. Угнетенные сословия и нерусские народы связали с Уложенной комиссией надежды на улучшение своего социально-экономического и политико-правового положения. Подготовка к выборам депутатов и составление наказов вызвали резкий рост активности масс, которые поднимали конкретные, актуальные и наиболее волнующие вопросы из реальной жизни.

Всего от народов Башкортостана в Уложенную комиссию было выбрано 39 депутатов, в том числе 2 депутата от башкир; 3 – от дворян; 2 – от государственных крестьян; 5 – от купцов и цехов; 8 – от казаков; 9 – от пришлых нерусских народов; 1 – от калмыков; 7 – от однодворцев отставных унтер-офицеров и драгунов, солдат; 2 – от приписных крестьян. В ходе работы Уложенной комиссии 13 депутатов от Башкортостана были заменены другими лицами³. Таким образом, всего от народов Башкортостана в работе Уложенной комиссии принимали участие 52 депутата. Однако эта цифра может оказаться неполной. В некоторых источниках говорится о том, что депутатами от башкир были

---

² Там же.

³ Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М. Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию. Уфа: Китап, 2005. С.63–70.

выбраны башкирский старшина Юрминской волости Абдулзалил Султанов и помощник ахуна Уфимской провинции Амирхан Абызаев⁴.

Составление наказов от народов Башкортостана депутатами Уложенной комиссии осуществлялось в рамках требований Манифеста от 14 декабря 1766 г. Принципиальная схема выглядела так: башкиры, мишари, служилые и ясачные татары, государственные крестьяне, тептяро-бобыли на волостных собраниях выборщиков предлагали конкретные требования, просьбы, предложения. В провинциальных канцеляриях из поверенных создавались комиссии из 5 человек, которые изучали, обобщали пожелания волостных собраний и составляли указы. Купцы, отставные унтер-офицеры, драгуны и солдаты, проживающие в городах и внутренних крепостях, составляли свои указы и вручали их своим депутатам. Поверенные дворян собрались в провинциальных городах на выборы депутатов и тут же составляли указы и вручали дворянским депутатам. Казакам как яицким, так и оренбургским, не удалось составить общевоисковские указы. Яицким казакам помешали острые конфликты, разразившиеся между «домовитыми» казаками. Поэтому войсковая канцелярия выдала казацкими депутатами «Полномочия». Оренбургские казаки были разбросаны по внутренним крепостям Башкортостана. Поэтому казаки выдвигали просьбы требования на казацком кругу своей крепости, на основании которых на собраниях линий и дистанций составлялись указы. Целый ряд крепостей прислали в Уложенную комиссию свои указы. Оренбургские казаки городов Оренбурга, Уфы, Табынской, Красноуфимской, Елдякской, Нагайбакской крепостей выработали и вручили депутатам собственные указы. Лишь казакам Исетской провинции удалось составить один общий указ и прислать его в Сенат через своего депутата, рядового казака Чебаркульской крепости Федота Белоносова.

Кроме наказов, составленных в процессе выборной компании, в Уложенную комиссию поступило огромное количество представлений, составленных жителями отдельных сел, слобод и деревень или группы сел и деревень, от отдельных категорий населения. Они назывались по-разному: покорнейшее прошение, представление, доношение и др.

По своей структуре указы всех народов и сословий Башкортостана почти идентичны. Они начинаются представлением той или иной группы населения, далее сообщается имя, сословная или эт-

---

⁴ РГАДА. Ф.342. Оп.1. Д.109. Ч.11. Л.51–52 об.; Материалы по истории Башкирской АССР. Т.V. М., 1960. С.111, 250, 252, 548, 567, 568, 690.

ническая принадлежность депутата. В каждом наказе его составители считали долгом сослаться на манифест Екатерины II от 14 декабря 1766 г. В основных текстах наказов поверенные излагали свои сословные просьбы и пожелания. На первом месте у всех является вопрос о недостатках земельных условий. Депутаты жаловались на тяжесть государственных податей и трудовых повинностей, на злоупотребления чиновников местной администрации. Мусульманские народы первым пунктом своих наказов ставили задачу сохранения их мечетей, освобождения мусульманского духовенства от податей и повинностей. Казаки, башкиры, калмыки, мишари и служилые татары жаловались на изнурительность и тяжесть пограничной и военной службы. Во всех наказах поверенные поручают своим депутатам доставить указы в Сенат или в Уложенную комиссию, дают право дополнить указы самостоятельно.

Депутаты от народов нашего края с самого начала принимали активное участие в работе Уложенной комиссии. Депутат от уфимских казаков Прокофий Бурцев 14 раз выступал на заседаниях Большого Собрания. 5 раз выступал башкирский депутат Уфимской провинции Туктамыш Ишбулатов с защитой сословных прав и привилегий башкир. Многие депутаты баллотировались в выборах в состав рабочих комиссий. В процессе работы Уложенной комиссии стихийно создавались депутатские группы от народов Урала, Поволжья и Западной Сибири, которые активно и дружно боролись за жизненно важные интересы своих избирателей.

С целью привлечения внимания депутатов Уложенной комиссии к нуждам своих избирателей и возвращения к обсуждению их требований депутаты нерусского крестьянства Среднего Поволжья и Приуралья стали подавать «Дополнения» к наказам.

Депутатами от башкир Туктамышем Ишбулатовым и Базаргулом Юнаевым совместно были составлены три «Дополнения». Основным вопросом для всех трех «Дополнений» было требование сохранить неприкосновенность башкирских вотчинных земель.

Три «Дополнения» были представлены в комиссию депутатом от служилых мишарей Исетской провинции Абдуллой Даушевым, в которых требовалось приравнять их привилегии с яицкими казаками, не вмешиваться в религиозные вопросы мусульманского населения провинции, поднимались другие важные социальные вопросы.

Во многом сходны и в то же время дополняют предложения Абдуллы Даушева пункты «Дополнения», представленного в комиссию депутатом от служилых татар Ичкинской и Усть-Багаряцкой юрт Исетской провинции Альмухаметом Ибрагимовым. Он просил не накладывать на их подушного оклада и ясака.

Яркую картину взаимоотношений башкир и переселенцев из внутренних губерний страны рисует «Дополнение», составленное депутатом от татар Уфимской провинции Мухамет-Каримом Ибрагимовым.

Уложенная комиссия 1767–1770 гг. стала трибуной открытого и бурного обсуждения крестьянского вопроса и других острых социально-экономических и политико-правовых проблем, способствовала всенародному обнажению всех пороков разлагающегося феодального строя России. Тем самым она сыграла историческую роль кануна Крестьянской войны 1773–1775 гг.

Работа депутатов в Уложенной комиссии 1767–1770 гг. способствовала формированию лидеров, элиты народов края, школой их политической подготовки, что ярко проявилось во время этой грандиозной классовой битвы. Многие депутаты от народов Башкортостана принимали активное участие в Крестьянской войне, возглавили крупные соединения повстанцев. Депутат от башкир Исетской провинции Базаргул Юнаев стал фельдмаршалом пугачевской армии и возглавил движение в Зауральской Башкирии. Башкирский депутат Уфимской провинции Туктамыш Ишбулатов был полковником повстанческой армии и играл большую роль в восстании летом 1774 г. в Северном Башкортостане. Пугачевскими полковниками были депутат от Оренбургских казаков Т.И. Падуров и ясачный крестьянин Гаврила Давыдов. Активное участие в движении принимали мишарские депутаты Абдулзелиль Максютову и Абдулла Даушев, государственный крестьянин Агафон Стариков, новокрещен Иван Андреев (Бакай), ясачный татарин Кулман Иштиряков, черемис Тляк Денисов.

В заключение несколько слов в защиту добрых помыслов и стремлений императрицы Екатерины II. Общая оценка созыва Уложенной комиссии в советской историографии сводилась к тому, что она была наиболее ярким звеном политики «просвещенного абсолютизма», которая, по существу, представляла собой политику социальной демагогии, пускания дыма в глаза народным массам. Однако внимательное изучение материалов Большого собрания Уложенной комиссии и огромной массы архивных источников, сохранившихся

в фондах РГАДА, подтверждают искреннее желание императрицы кардинально изменить в России систему законодательства, законотворчества и судопроизводства.

Маршал Уложенной комиссии А.И. Бибиков и генерал-прокурор Правительствующего Сената А.А. Вяземский проявляли нерешительность при выборе руководящих органов комиссии. На заседаниях Большого собрания, не завершая обсуждения одного наказа или проблемы, они переходили к чтению других документов. Екатерина II проявляла недовольство работой Вяземского и Бибикова. Уже на первом заседании 31 июля 1767 г., когда выбирали Материалы комиссии, императрица следила за ходом Собрания, находясь в старинном тайнике над Грановитой палатой московского Кремля. По сообщению статс-секретаря Правительствующего Сената Козьмина, она была явно не довольна действиями Вяземского. 8 августа на 4-м заседании Большого собрания депутаты Уложенной комиссии приняли решение присвоить Екатерине II титул «Екатерина Великая, Премудрая мать Отечества». Когда делегация от комиссии обратилась к ней с таким предложением, она отреагировала критично. В письме к А.И. Бибикову она с возмущением писала: «Я им велела сделать рассмотрение законов, а они делают анатомию моим качествам»⁵. И в дальнейшем она многократно присылала Вяземскому и Бибикову записки с выражением своего недовольства их работой.

Поддерживая тесные контакты с французскими просветителями, Екатерина II искренне желала внести серьезные коррективы в судопроизводство и законотворчество страны, ликвидировать серьезные отставания феодальной России от европейских государств, находившихся на пороге буржуазных революций. Однако феодальные устои России XVIII в. были еще достаточно крепки. Поэтому желания и стремления одной только императрицы к кардинальным изменениям общественного строя и методов управления были обречены на провал. В силу этих причин Екатерину II нельзя назвать социальным демагогом, которая якобы целенаправленно обманывала народ. Созыв Уложенной комиссии был тщетной попыткой утопических порывов императрицы изменить страну к лучшему. Крестьянская война 1773–1775 гг. разрушила ее благие стремления. Разочаровавшись в своих заблуждениях, Екатерина II вынуждена была резко изменить политику «просвещенного абсолютизма» на политику дворянской реакции.

⁵ Сборник Российского исторического общества. (Сб. РИО). Т.4. С.65.

Милюков И.И.

Екатерина II и первые благотворительные организации Казани

Пристальное внимание власти к благотворительности, стремление сделать ее весомой составляющей социальной политики, личная забота монархов о страждущих, учреждение всевозможных институтов благотворительности на протяжении всей российской истории демонстрировало заботу самодержавной власти о своих подданных. Партнерами верховных правителей в проведении эффективной благотворительной политики в различные исторические периоды выступали церковь, купцы, промышленники, благотворительные общества. Особый патерналистский характер заботы о бедных и больных подданных проявлялся в деятельности российских императриц. Создание богаделен в эпоху правления Анны Иоанновны, учреждение «нищепитательных домов», выдача разрешений на «испрошение милостыни» по открытым листам и т.п. при Елизавете Петровне – все эти акты благотворения носили, как известно, бессистемный характер. Век восемнадцатый – время утверждения в общественном сознании идей Просвещения и появления первых либеральных течений в философии и искусстве, которые способствовали появлению новых, инновационных подходов и в проведении благотворительной политики. Наряду с демонстрацией монаршего милосердия время настоятельно требовало создания системы организованной помощи обездоленным гражданам. Начало формирования такого системного подхода в сфере благотворительности положила Екатерина II.

Провозглашенное Екатериной II при вступлении на престол: «Призрение бедным и попечение о умножении полезных обществу жителей суть две верховные обязанности каждого боголюбивого правителя» (В.П. Бякина, В.Г. Качалова «Российская благотворительность под покровительством Дома Романовых») стало ее нравственным кредом до конца жизни. Возрожденная ею древняя российская традиция милосердия с участием в ней правителей сформировала в глазах просвещенной Европы образ гуманной императрицы.

К причинам непосредственного участия «дщери Петровой» в деле милосердия следует отнести и ее личные черты характера: на-

божность (хотя по утверждению современников она была показной), веротерпимость (в эпоху ее правления прекратили преследовать старообрядцев, разрешено было строить мечети, католические и протестантские храмы). Кроме того, желание создать «новую породу людей», выглядеть либеральной, просвещенной и благодетельной в глазах Европы также послужило мотивационными предпосылками активной благотворительной политики Екатерины II.

Стремясь создать новую, отвечающую современным реалиям систему благотворительности, императрица предприняла ряд радикальных преобразований: ограничивая ведущую роль церкви в этом вопросе, провела секуляризацию церковных земель, сосредоточила в своих руках и подвластных ей государственных структурах всю работу и контроль за сферой милосердия.

Началом законодательного оформления системы благотворительности следует считать нормативный акт – «Учреждение для управления губерний Российской империи», подготовленный самой Екатериной и принятый 7 ноября 1775 года. Согласно документу, в каждой губернии были созданы *приказы общественного призрения* – органы государственной помощи, осуществлявшие всю социальную политику в империи. Приказы, созданные, как свидетельствуют источники, в 40 из 55 губерний¹, открывали и брали под контроль народные школы, заведения для умалишенных и неизлечимых больных, госпитали, больницы, богадельни, сиротские и смирительные дома. Достаточно разносторонней была и финансовая поддержка новых структур государственной помощи: они получали как государственные средства (на каждую губернию выделялось по 15 тыс. руб. из государственной казны), так и частные пожертвования от благотворителей.

Получила продолжение в екатерининскую эпоху и борьба с профессиональным нищенством и бродяжничеством, имевшая соответствующий духу времени гуманный характер. При Екатерине II впервые в российской истории вводится система принудительного труда и трудового призрения нищих, включающая созданные в 1775 году *рабочие дома*. Находясь под покровительством полиции, они были призваны заниматься трудотерапией всех праздношатающих. Для перевоспитания самых злостных «ленивцев» Екатерина приказала

---

¹ Годунский Ю. Из истории меценатства. М.: Наука и жизнь, 2006. №10.

открыть *смирительные дома со строгим режимом* (внутренний распорядок предполагал постоянные принудительные работы, наказание розгами за непослушание и т.п.).

К благотворительной инициативе Екатерины II необходимо отнести и учрежденную сеть *воспитательных домов для детей-сирот* и незаконнорожденных младенцев. Первый такой воспитательный дом с госпиталем для бедных рожениц был открыт в 1764 году в Москве как государственное учреждение. Строили этот дом на частные пожертвования (сама Екатерина II выделила из своих средств 100 тысяч рублей и обязалась ежегодно жертвовать еще по 50, а цесаревич Павел – по 20 тысяч²). Известно, что П.А. Демидов пожертвовал на это доброе дело 20 тысяч рублей. Позднее на содержание заведения шли доходы от продажи игральных карт и четверть доходов от балов, лотерей, спектаклей и т.д. В воспитательные дома принимали подкидышей, детей, рожденных вне брака, а также «законных детей, оставляемых родителями по бедности»³. Здесь дети росли и получали элементарное общее образование, а с 14–15 лет воспитанников отдавали в обучение ремеслам в мастерские, организованные при самом доме, или же городским ремесленникам. На содержание воспитательных домов шли миллионные суммы.

Появились в екатерининскую эпоху и так называемые *сиротские дома* – учебные заведения для детей в возрасте от 7 до 11 лет, родители которых «по бедности своей не имели средств устроить детей в какие-либо училища». По окончании училища детей распределяли на службу в государственные учреждения, на фабрики, заводы или к разного рода предпринимателям для обучения ремеслам, торговле и прочим полезным занятиям. Во второй половине XVIII в. появляются и *первые всесословные больницы для бедных, дома для душевнобольных*.

Немало было сделано просвещенной императрицей и для развития общественной благотворительности: *ссудные кассы для испытывающих нужду*, возложение обязанностей по поддержке бедных на сельские и городские общины, возникновение *первых благотворительных обществ* (1764 г. – «Общество воспитания благородных

² Годунский Ю. Из истории меценатства. – М.: Наука и жизнь, 2006. – №10.

³ Там же.

девиц», 1765 г. – Вольное экономическое общество), введение регулярных взносов жертвователей на строительство благотворительных учреждений, на организацию общественных и частных мест для помощи нуждающимся. Таким образом, в екатерининское время начал формироваться системный подход к благотворительности, использовавшийся не только для достижения властью политических и идеологических целей, но и для финансирования призрения. От «нищелюбия» страна постепенно перешла к сравнительно действенным формам и методам складывающейся уже тогда государственной политики социальной помощи сиротам, незаконнорожденным, престарелым, нетрудоспособным, инвалидам и больным.

Развитие традиций благотворительности после кончины Екатерины II, как известно, связано с именем другой замечательной женщины, оставившей заметный след в истории российского милосердия. Как указано выше, мысль об использовании благотворительности для решения социальных задач и первая попытка ее воплощения в жизнь принадлежат Екатерине II. Создание же на основе благотворительности организованной системы призрения – заслуга императрицы Марии Федоровны, супруги Павла I. С ее именем связана история самого крупного среди благотворительных ведомств и комитетов под покровительством императорской фамилии Ведомства учреждений императрицы Марии.

Объединив под своим управлением екатерининские благотворительные учреждения призрения и создавая новые, Мария Федоровна управляла ими лично, без посредства бюрократического аппарата. Покровительство благотворительности и участие в ней, в том числе крупными денежными пожертвованиями, было в первую очередь выражением ее человеческих качеств – доброты, милосердия, человеколюбия. Она обладала и другими качествами. Экономность, расчетливость, основательность в делах способствовали созданию продуманной, для того времени хорошо организованной структуры призрения на благотворительной основе (В.П. Бякина, В.Г. Качалова «Российская благотворительность под покровительством Дома Романовых»).

Следуя благотворительной инициативе императриц, жены генерал-губернаторов, супруги и дочери крупных губернских и городских чиновников, фабрикантов и купцов также считали своим долгом принять деятельное участие в судьбе обездоленных, создавая в губернских городах благотворительные общества, богадельни,

обустроивая школы, больницы, приюты и т.д. Не стала исключением в этом вопросе и Казанская губерния. История казанской благотворительности знает немало примеров милосердия среди представителей губернской власти и зажиточного купечества.

В первую очередь, не оставалась без внимания и заботы высших сановников и их жен деятельность детских приютов Казани, созданных в губернской столице, благодаря активной благотворительной политики членов императорских фамилий. Так, помощницей при попечительнице Казанских детских приютов в 1845 году была назначена супруга казанского вице-губернатора Е.А. Завелейская, занимавшаяся непосредственно вопросами обеспечения деятельности Александринского детского приюта⁴.

Среди почетных членов попечительства Мусульманского детского приюта в 1844 году были «...Габида Ибрагимова – жена титулярного советника Алкина, Биби-Магра Мухаметзянова – жена казанского 1-й гильдии купца потомственного почетного гражданина Ибрагима Губайдулловича Юнусова и Биби-Асма Мусина – жена купеческого брата потомственного почетного гражданина Исаха Губайдулловича Юнусова»⁵.

Попечительской заботой о воспитанниках Николаевского детского приюта занималась вдова казанского купца 1-й гильдии Александра Павловна Попова, передавшая 10 тысяч рублей из капитала покойного мужа на открытие приюте особого ночлежного отделения на десять кроватей⁶. В 1861 году вдова купчиха Прасковья Петровна Парунова, также исполняя желание умершего мужа, предоставила в собственность общественной богадельни каменный дом, находившийся на Проломной улице⁷.

В судьбе первой школы трудолюбия для детей г. Казани непосредственное и самое деятельное участие принимали: жена полковника Е.Г. Шевелева, заведовавшая столовой для голодающих де-

---

⁴ У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие в Казани XVIII – начале XX вв.) Сборник документов и материалов / Сост. А.М. Дмитриева, Р.Р. Исмагилов, Н.А. Шарангина, Отв. ред. Л.В. Горохова, научн. ред. Д.Р. Шарафутдинов. Казань: Гасыр, 2002. С.93.

⁵ Там же. С.96.

⁶ НА РТ. Ф.418. Оп.1. Д.420. Л.4–4 об.

⁷ Историческая записка о городском доме призрения неимущих граждан г.Казани. Казань, 1897. С.9–13.

тей и основавшая на базе ее школы (с осени 1891 года по сентябрь 1892 года), жена товарища прокурора Казанской судебной палаты В.И. Симонова, принявшая заведование школой от Е.Г. Шевелевой, Е.А. Кривоносова, супруга известного казанского купца, пожертвовавшая 1 тысячу рублей в пользу заведения и др.⁸ Перечень аналогичных благотворительных поступков можно продолжать и далее, вплоть до 1917 года. К сожалению, октябрьские события прервали летопись милосердия казанских доброхотов.

Новации Екатерины II по законодательному и организационному оформлению благотворительности имели место и в организации системы милосердия в губерниях России.

В Казани дело общественного призрения до 1782 года также, в соответствии с общероссийской тенденцией, носило бессистемный, случайный характер. Имелся ряд указов, относящихся к этой области попечительной деятельности государства; так в 1745 году состоялся указ «О починке и постройке вновь богаделен в Казанской губернии и о содержании их»; в 1758 году «об учреждении инвалидного дома в Казани для помещения отставных от военной службы штаб и обер-офицеров»; в 1760 году издан указ «о построении богаделен в Казани для отставных, раненых и увечных солдат и о содержании их» и другие.

На основании положения об учреждении губерний, заведование делами благотворительности было возложено, как сказано выше, на приказы общественного призрения. В Казанской губернии приказ общественного призрения, занимавшийся вопросами функционирования местных школ, госпиталей, больниц, богаделен, сиротских домов, существовал в 1786–1869 гг. Так, в начале девятнадцатого столетия в ведении Казанского приказа общественного призрения числились богадельня, воспитательный дом, дом сумасшедших и больница, для содержания которых в 1805 году ему переданы были кузницы, находившиеся на тогдашней Кузнечной (нынешняя Николаевская с Николаевским сквером) площади. По сведениям, изложенным на страницах Татарского энциклопедического словаря, Приказ «...состоял из 6 заседателей. Возглавлялся губернатором. С 1869 г. его функции переданы местному самоуправлению (земству)»⁹.

⁸ Казанский телеграф. 1896, февраль.

⁹ Татарский энциклопедический словарь. Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 1998. С.452.

Наряду с деятельностью государственных структур призрения, как подчеркнуто выше, решением задач в области благотворения занимались крупные благотворительные общества, учрежденные членами императорской фамилии. Так, вторым по времени создания благотворительным ведомством Дома Романовых явилось Императорское человеколюбивое общество. Началом его деятельности принято считать образование 16 мая 1802 г. указом Александра I Благодетельного общества в Петербурге. Оно было общественной благотворительной организацией, но его деятельность рассматривалась как «государственное благодеяние». К концу первой четверти XIX в. деятельность Императорского человеколюбивого общества приобрела общероссийский характер.

Создаваемые в Москве и Санкт-Петербурге благотворительные общества – Императорское человеколюбивое общество, Ведомство учреждений императрицы Марии, Общество Красного Креста, – в свою очередь, открывали отделения и филиалы в других губерниях. Так, указанный ниже Казанский попечительный о бедных комитет учрежден Императорским человеколюбивым обществом. По инициативе Ведомства учреждений императрицы Марии в Казани создаются в 1844 году Николаевский и Мусульманский братьев Юнусовых детские приюты, в 1845 г. – Александринский детский приют. В 1866 году открывается отдел Общества Красного Креста.

До учреждения в Казани указанных благотворительных организаций во втором десятилетии XIX века были предприняты попытки основать филантропические общества. Так, в 1811 году при Георгиевской церкви учреждается «Касса для смертных случаев», т.е. погребальная касса, организованная на началах взаимопомощи: в 1814 году, по случаю освобождения Германии из-под наполеоновского гнета, немецкая колония Казани на своем церковном конвенте решает созвать «особую кассу, из которой возможно было бы снабжать потребными медикаментами людей больных, бедного состояния, без различия религий». В том же 1814 году некий анонимный казанский мещанин, обыватель Игумновой слободы, завещает 10 000 рублей в пользу «бедных и несчастных г.Казани», а коллежский советник Кондратьев делает Казанскому обществу, среди которого была развита особенно сильно картомания, предложение откладывать от

игры в «бостон» по одной фишке в пользу бедных¹⁰. Но все это были попытки случайного и временного характера. Более «продвинутой» по тем временам форму благотворительной организации получает основанный в 1816 году Казанский Попечительный о бедных комитет, располагавшийся по адресу – Троицкая улица, собственный дом (НА РТ. Ф.411. Оп.1. Д.134).

Своим происхождением комитет обязан инициативе местного масона, действительного статского советника Василия Васильевича Романовского, – «благочестием преисполненного, достопочтенного и маститого старца». В.В.Романовский в марте 1815 года помещает в местном журнале «Казанские Известия» «приглашение к подписке на ежегодные и единовременные взносы денег и всего того, что принадлежит до содержания и пропитания страждущего человечества»¹¹.

Для привлечения казанцев к участию в организации комитета Романовскому пришлось непосредственно объезжать родовитых дворян и именитых купцов и вести с ними продолжительные беседы о пользе и значении проектируемого учреждения, указывать, что Человеколюбивое Общество, в ведении которого будет находиться Попечительный комитет, пользуется особым покровительством Государя, и все-таки подписка шла медленно.

Так дело продолжалось до 3 сентября 1815 года. В этот день страшным пожаром было уничтожено 70 кварталов, 1500 домов и 19 церквей¹². Масса жителей остались без крова. Положение их было отчаянное. Требовалась немедленная помощь со стороны. Весть о постигшем Казань несчастье облетела всю Россию и повсюду открылась подписка в пользу казанских погорельцев. На эту подписку откликнулось и местное общество. Вспомнили о призывах В.В.Романовского, и в скором времени на открытие Попечительного о бедных комитета была собрана порядочная сумма денег, причем 208 человек (145 «благородного дворянского сословия» и 63 из купеческого и мещанского) выразили готовность жертвовать ежегодно: 9.640 рублей, 1101 $\frac{1}{4}$ пудов муки, 20 четвертей крупы, 1005 аршин сукна и 1580 аршин холста. Кроме того, 4 врача обязались лечить

---

¹⁰ Ив-чъ Казанский Попечительный о бедных комитет 1816–1916 гг. Казань: Скоропечатня ОКУНЬ, 1918.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

больных бесплатно, а 2 аптекаря согласились отпускать этим больным также бесплатно лекарства¹³.

Ходатайство В.В. Романовского было удовлетворено: 16 июля 1816 года последовало Высочайшее соизволение на учреждение в Казани Попечительного о бедных комитета, а 29 октября того же года состоялось торжественное его открытие, причем на общем собрании членов комитета, происходившем в тот же день, председателем комитета был избран его инициатор, Василий Васильевич Романовский.

К сожалению, деятельность комитета в первые 15 лет своего существования восстановить в полном объеме сейчас уже сложно, так как пожаром 1842 года все дела и книги комитета со дня его основания по 1830 год были уничтожены. Этот грандиозный пожар внес в благотворительную деятельность комитета значительное осложнение, так как целые тысячи оставшихся без крова бедняков зывали о помощи и комитет. Как в первые дни своей благотворительной деятельности комитет вынужден был считаться с острой нуждой погорельцев конца 1815 года, так и теперь, после пожара 1842 года, число искавших помощи со стороны комитета лиц сразу возросло настолько, что ограниченные средства комитета оказались далеко недостаточными для устранения всех неотложных нужд погорельцев. Благодаря поддержке центрального Совета Человеколюбивого Общества (8000 рублей) и открытой подписке добровольных пожертвований в пользу казанских погорельцев, собранной свыше 20 000 рублей, удалось оказать помощь казанским беднякам и локализовать последствия страшного пожара.

В 1844 году комитет вносит в установленные формы деятельности некоторые изменения, прекратив выдачу пособий продуктами питания и взамен предоставляя денежные пособия. Это изменение вызвано было стремлением к устранению неэффективных расходов по содержанию складских помещений для продуктов.

В дальнейшем, в соответствии с общим настроением и под давлением требований времени комитет приходил к убеждению в необходимости перейти к новым более жизненным формам проявления своей филантропической деятельности: принимаются меры по привлечению к участию в делах комитета дам, которые, образовав особое женское отделение, начинают действовать самостоятельно,

---

¹³ Там же.

открываются благотворительные заведения – в 1873 году дом бесплатных квартир преимущественно для вдов, обремененных детьми, начальное народное училище, ремесленные мастерские, первую в Казани дешевую столовую и чайную, богадельню для престарелых женщин. 10-летний опыт содержания собственных учреждений благотворительного характера убедил комитет в целесообразности именно этой формы филантропической деятельности по сравнению с прежней формой субсидирования денежными выдачами отдельных беднейших лиц и семейств.

К своему столетнему юбилею в 1916 году Попечительный о бедных комитет являлся одной из крупнейших благотворительных организаций г.Казани. В его распоряжении находились: 1) дом бесплатных квартир, где имели приют свыше 75 семейств; 2) богадельня на 30 кроватей для престарелых женщин без различия звания и вероисповедания; 3) начальное училище, в котором обучалось от 150 до 175 детей обоюбого пола; 4) рукодельная школа для девочек (до 40 учащихся) и 5) дешевая столовая, отпускавшая обеды беднейшему населению города. Кроме того, в ведении комитета находилась аптека, совершенно бесплатно обеспечившая лекарствами всех призреваемых, находившихся в благотворительных учреждениях комитета.

В целом, рассматривая деятельность комитета, следует сказать, что результаты работы данной организации напрямую зависели от сплоченности ее членов, продуманных действий и тщательно проработанного адресного подхода к каждому нуждающемуся. Успешная работа комитета напрямую зависела и от возглавлявших его авторитетных, преданных своему делу, целеустремленных людей – В.В. Романовского, К.Ф. Фукса, С.В. Дьяченко и др.

Развитию благотворительности в Казани особенно способствовала деятельность Сергея Викторовича Дьяченко, возглавлявшего более десяти лет Казанский попечительный о бедных комитет. Его энергия, умение осуществлять грандиозные предприятия и везде становиться душой дела способствовали привлечению общих симпатий к делам благотворительности. Деятельность Попечительного о бедных комитета осталась в памяти десятков тысяч бедных и больных жителей Казани того периода, ставшего образцом милосердия и продолжателем филантропических традиций, установленных в эпоху правления Екатерины II.

Ремнев П.А.

Просвещенческие идеологические практики в воспитании великого князя Александра Павловича

Политико-правовой дискурс XVIII в. включал в себя теоретический поиск формы «наилучшего правления» или государственного устройства. Таким наилучшим правлением влиятельные мыслители Просвещения (за некоторым исключением) продолжали считать монархию. Между тем, они не могли не сознавать, что монархия по своим свойствам чревата вырождением в деспотизм, осуждавшийся ими как по вытекающему из него нарушению гражданских прав, так и по своей исторической неустойчивости, постоянно перерождению в какие-либо другие формы. Кроме всего прочего, для монархии характерна имманентная чреватость революциями, которые противоречили идеалам стабильности государственного устройства, воспеваемых Просвещением. Отсюда постоянный поиск таких форм монархии, которые бы обеспечивали стабильность, спокойствие государству и гражданам.

Екатерина II, без сомнения, была включена в общеевропейский дискурс и являлась его активной участницей. Ее политика декларативно стремилась к соответствию политическим исканиям современников. Осознавая, что она представляет собой нетипичную для России правительницу, она стремилась задать традицию воспитания будущих императоров и императриц в духе философии Просвещения¹.

Доказано, что в качестве идеологических оснований легитимности российской абсолютной монархией использовались теории просвещения, взятые во всем их многообразии². При этом теории просвещения использовались именно как теоретический базис, как несущий каркас правительственной идеологии.

Главная сложность для Екатерины – как адаптировать просвещенческие теоретические модели к российской действительности,

---

¹ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т.1. М., 2004. С 214.

² Сорокин Ю.А. Российский Абсолютизм в последней трети XVIII в. Омск, 1999. С.43.

столь далекой от той политической почвы, на которой формировались европейские политические теории ее времени. Вариантом внедрения просвещенских политических идеалов в российскую монархическую практику можно считать тот факт, что Екатерина II в конце своего царствования решила не передавать трон цесаревичу, Павлу Петровичу. Для этой цели был избран ее старший внук, Александр. Прямой наследник, сын, не устраивал Екатерину II по самой главной причине – он являлся принципиальным противником ее политического и идеологического курса. Екатерина столкнулась с проблемой поиска преемника, который бы продолжил ее дело. Совершенно логично ее стремление воспитать его из молодых внуков. Привить им те ценности, которыми руководствовалась, или, что очень важно, хотела бы руководствоваться императрица. Так направить их воспитание и образование, чтобы в итоге они представляли собой идеальный тип просвещенного монарха, идеал, к которому сама Екатерина стремилась.

Поэтому после рождения Александр сразу же попадает в руки своей бабушки. Екатерина, несмотря на занятость, уделяет внуку очень много времени, лично пишет ему сказки, придирчиво выбирает ему наставников. Человек Просвещения должен обладать не только нравственными, но и физическими достоинствами. Поэтому в спальне Александра Павловича всегда поддерживалась определенная температура, много времени уделялось физическим упражнениям. После наступления шестилетия Александра, Екатерина решила, что пора детских забав для него миновала, и наступило уже время подумать о серьезном и правильном распределении его занятий. Тогда она поручила его воспитание графу Н.И. Салтыкову, который должен был подыскать своему царственному воспитаннику подходящих учителей. Салтыков не занимался собственно воспитанием великих князей, он осуществлял общее руководство и подбор учителей. Помощником Салтыкова был назначен А.Я. Протасов, человек глубоко-религиозный, вполне русский и строгий хранитель дворянских преданий. Сама Екатерина, находившаяся в то время под влиянием выдающихся европейских писателей, очень интересовалась вопросами воспитания. В области этих вопросов на нее оказали сильное впечатление сочинения французского философа Ж.-Ж. Руссо «Эмиль» и английского ученого Локка «О человеческом разумении».

В «Эмиле» Руссо обрисовывает целую программу, названную им «негативным воспитанием», которая, он убежден, покончит с

поклонением ложным богам. Наставник (ясно, что это идеальный портрет самого Руссо) воспитывает Эмиля в уединении, дабы ему не привились пагубные понятия, и обучает по методу, обеспечивающему развитие заложенных в нем способностей. Глупо, занимаясь с ребенком, даже касаться моральных или религиозных вопросов, ведь это значило бы обращаться с учеником как со взрослым человеком. Таким образом, вовсе не являясь приверженцем иррациональности, Руссо настаивает на том, что развитию интеллекта необходимо уделить должное внимание, но лишь на той стадии, когда это может иметь смысл. Религиозное воспитание необходимо начинать на поздней стадии, когда ребенку уже открылись чудеса вселенной. Такое воспитание не должно становиться заучиванием догм и ритуалов, но призвано привить ребенку естественную религиозность, которую мог бы признать и уважающий себя взрослый человек³.

Под естественной религиозностью Руссо подразумевал прежде всего деизм. Деистическая картина мира предполагала существование бога, но отрицала большинство сверхъестественных явлений (чудес) и мистических откровений. Деизм выступал как компромисс между религиозной и научной картиной мира, в какой-то мере примиряя их. Александр усвоил некоторые основы деизма, выражающиеся главным образом в восхищении природой.

Под влиянием Руссо и Локка Екатерина выражала и в своих письмах, и в беседах с окружающими, что в деле воспитания на первом плане должно стоять «знание людей и жизни, благоволение к роду человеческому, снисхождение к ближнему, познание вещей, как они должны быть и каковы они на самом деле». Екатерина составила руководство этого воспитания, в основание которого положила взгляды английского философа Локка. Это руководство состояло из семи наставлений, касательно: здоровья и его сохранения, наклонностей к добру, добродетели, учтивости, поведения, знания, обхождения наставников с воспитанниками.

В этих наставлениях отведено много места познанию России и условий ее жизни, а также обращено особое внимание на изучение русской грамоты. Прочим языкам предположено учить не иначе, как в разговорах. Екатерина указывала далее на необходимость изучения

---

³http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/Russo_zhazhak.html.

законов российских, «ибо, не зная оных, и порядка, коим правится Россия, знать не могут». В наставлении предписано «употреблять по несколько часов в день для познания России во всех ее частях», так как «сие знание столь важно для их высочеств и для самой империи, что спознание оной, главнейшую часть знания детей занимать должно; прочие знания, лишь применяясь к оной, представить надлежит, и для того приказать по временам составить таблицы частей, водя их высочества от части к части. Карта всей России и особо каждой губернии с описанием, каковы присланы от генерал-губернаторов к тому служить могут, чтобы знать: слой земли, произрастания, животных, торги, промыслы, рукоделия, также рисунки и виды знаменитых мест, течение рек судоходных с назначением берегов, где высоки, где поемны, большие и проселочные дороги, города и крепости знаменитые, описание народов, в каждой губернии живущих, одежда и нравы их, обычаи, веселія, веры законы и языки»⁴. Также Екатерина приступила к составлению по летописям своего рода отечественной истории, стараясь отыскать в событиях русской исторической жизни тот нравственный смысл, в котором иностранные историки ей отказывали, стараясь внушить маленькому внуку любовь и уважение к былой отечественной старине. От воспитанников она требовала безусловной покорности, а для наставников считала непозволительным допускать в своем обращении с детьми льстивость, вмешиваться в их игры, и смущать их неуместными и бесполезными выговорами.

Законоучителем Александра был назначен протоирей А.Ф. Самборский. Его назначение в качестве преподавателя закона Божьего тоже весьма характерно для общей картины воспитания Александра. Самборский по складу своего ума и воззрениям был скорее человек светский, нежели духовный. Хороший агроном и садовод, но весьма посредственный богослов, лишенный глубокого религиозного чувства. Необходимо заметить также, что Самборский долгое время жил в Англии, был женат на англичанке и представлял собой тип, весьма далекий от традиционного православного священника. Его собственная вера была евангелической и универсальной, он признавал мистическое единство всего человечества, вне каких-либо

---

⁴ Глинский. Б.Б. Царские дети и их наставники. Исторические очерки для юношества. СПб., 1912. С.198–199.

институциональных границ⁵. Екатерина, намеренно призвала его в качестве учителя Александра. Она не придавала особого значения религии, однако уделяла внимание ее внешним формам, понимая, насколько это ценит русский православный народ. Для Александра, как будущего просвещенного монарха, религия также должна была стать прагматичным инструментом. Это увеличивало разрыв между царем и управляемыми, ставило его как бы на ступеньку выше, что в теории позволяло более трезво ориентироваться в ситуации и меньше зависеть от религиозных порывов. Впрочем, здесь Екатерина просчиталась: ее внук, не имевший твердого и прагматичного характера своей бабушки, вследствие недостаточного религиозного воспитания, долгое время метался среди самых различных религиозных учений и сект, а впоследствии целиком окунулся в мистицизм, имевший с ортодоксальным православием мало общего. Однако на ранних стадиях воспитания, эта поверхностность выразилась в почитании молодым Александром природы, сентиментальной слабости к пасторальным картинкам, рисуемым в нравоучительных романах. Это отмечал близкий друг юности Александра А. Чарторьжский⁶.

Нельзя обойти вниманием роль писателя и государственного деятеля М.Н. Муравьева, преподававшего русскую историю, русскую словесность и нравственную философию. Он руководствовался трудами А. Смита (теория нравственного чувствования), Гюгессона (о происхождении идей красоты и добродетели), Попа (опыт о человеке). Александр Павлович, и без того чувствительный и восприимчивый по натуре, проникся этими учениями полностью. В какой-то мере, молодой Александр, еще не начавший размышлять самостоятельно, находившийся под влиянием идей Просвещения, являл собой близкий к идеалу пример молодого царевича Телемака из произведения Ж. Фенелона. Воспитание, инициированное Екатериной и продолженное Лагарпом, привило будущему императору сентиментальную чувствительность, умиление красотами природы, восхищение человеческими добродетелями. Рано появились мысли об уединении среди природы. Во многом это было следствием поверхностного духовного воспитания Александра.

⁵ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т.1. М., 2004. С.220.

⁶ Чарторьжский А. Мемуары. М., 1998. С.27.

Что касается иностранных языков, и в особенности французского, то подысканием для этих предметов опытного наставника Екатерина была особо озабочена и просила своего советчика и постоянного корреспондента, барона Фредерика Мельхиора Гримма, баварского публициста, критика и дипломата, в 1776 г. сошедшегося с императрицей настолько, что удостоился звания ее официального комиссионера⁷, рекомендовать для этого подходящего человека. Зная настроение государыни, ее любовь к философии и уважение к просвещенным выдающимся деятелям Европы, он остановил свое внимание на швейцарце, Фридрихе-Цезаре Лагарпе, который только что удачно выполнил возложенное на него поручение семьи генерала Ланского⁸. Впрочем, по другим источникам, Екатерина сама нашла Лагарпа и осталась настолько довольна возложенной на него миссией наставника для младшего брата ее фаворита Александра Ланского, что решила принять его в Петербурге в качестве наставника для молодых великих князей Александра и Константина⁹.

Лагарп сам воспитывался в духе Просвещения, в знаменитой семинарии Гальденштейна, устроенной по типу Римской республики (в ней воспитанники имели конституционные права, раз в три месяца выбирали трибунов – представителей в администрацию школы). Впоследствии он изучал право в Женеве и Тюбингене. Однако он не имел успеха в родной Швейцарии и был вынужден искать себе заработок в других странах. Так он прибыл по приглашению Екатерины II в 1782 г. в Санкт-Петербург. Два года Лагарп преподавал великим князьям французский язык, но в 1784 г. он направил императрице записку, в которой изложил свои педагогические взгляды. Он хотел быть более «проводником» великих князей, нежели их учителем¹⁰.

Лагарп стал очень важной фигурой в деле воспитания будущего императора. Призванный в двадцать девять лет Екатериной из далекой Швейцарии, он решительным образом повернул процесс образования и воспитания великих князей, доверенных его попечению. Вот

---

⁷ <http://www.rulex.ru/01040302.htm>.

⁸ Глинский. Б.Б. Царские дети и их наставники. Исторические очерки для юношества. СПб., 1912. С.195.

⁹ Бори Ж.-Р. Фредерик-Сезар де Лагарп и воспитание Александра I // Швейцарцы в Петербурге. Сборник статей. СПб., 2002. С.404–413.

¹⁰ Там же.

пример его учительской практики: «По метафизике достаточно будет прочитать превосходное сочинение Кондильяка: «О происхождении человеческих познаний» и справиться с Локком. Насколько изучение умозрительных наук бесполезно для их высочеств, настолько необходимо для них приобретение верных понятий об отношениях своих к обществу в качестве людей и граждан. Для достижения этой цели мы заняты собранием правил и фактов, наиболее способствовавших установлению этих отношений, и представить их удобоприменяемыми к обстоятельствам (сочинения Цицерона, Марка Аврелия, Ксенофонта и Платона, «Опыт об истории гражданского общества» Фергюссона, «Общественный договор», «Беседы» Фокиона, «Правила законодательства» Мабли, «Дух законов» Монтескье)¹¹. История, по мнению Лагарпа, не должна быть простым повествованием о прошлых событиях, а должна воспитывать нравственные качества в учениках. Дидактическую роль истории Лагарп видел в ознакомлении своих воспитанников со «знаменательными историческими событиями, и в особенности с такими выходящими из ряда людьми, добродетели и пороки которых, достойные дела или ошибки должны главным образом служить наставлением для каждого, кто призван играть роль на театре света»¹².

Важно сказать, что классификация государственных форм, разработанная Монтескье, не знала понятия «абсолютная монархия». Это понятие отождествлялось с понятием «деспотизм». Для французского политического лексикона того времени деспотичное правление – власть произвольная, пагубная для страны. Наиболее полно эта характеристика выражается в романе Ж. Фенелона «Приключения Телемака» (1690 г.). Классик политологии Просвещения – Вольтер – определял деспотизм как «злоупотребление монархией»¹³. Таким образом, в молодом Александре изначально закладывался сильный стимул против самовластия (отождествляющийся с деспотизмом), который впоследствии принял внешние, половинчатые формы, соответствующие двойственному характеру императора.

¹¹ Записки Лагарпа графу Н.И. Салтыкову. РС, 1870. Т.2. С.174.

¹² Записки Лагарпа о воспитании великих князей Александра и Константина Павловичей. РС, 1870. Т.1. С.48.

¹³ Омельченко О.А. Монархия просвещенного абсолютизма в России. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2001. С.120.

Однако не только Екатерина имела свой интерес в воспитании Александра. Лагарп тоже увидел в представившейся ему возможности настоящий подарок небес. В лице Александра он хотел видеть осуществление своей мечты, а именно: воспитать такого монарха, который бы в своей политике руководствовался ценностями Просвещения. В какой-то момент их цели, пришли в унисон. Однако Лагарп попал в опалу и был выслан из России в 1794 г. Причиной опалы стала его попытка примирить Александра с отцом, что вызвало резкое неудовольствие императрицы. Поэтому образование Александра, и без того прерванное его ранней женитьбой, окончательно прекратилось.

Таким образом, можно явственно видеть, как влияние идеологии Просвещения повлияло на процесс воспитания Александра Павловича. Екатерина II, не решившись до конца уничтожить права Павла Петровича на престол, тем не менее, воспитывала себе преемника в своем внуке, будущем императоре Александре. Основные акценты воспитания, как мы можем видеть, были расставлены не на какие-то фактические знания, а на нравственное воспитание великого князя. Практически все его учителя, от Протасова до Лагарпа стремились развить в нем чувства доброго гражданина (Лагарп) и христианина (Протасов). По иронии судьбы, менее всего занимался нравственным воспитанием своего ученика духовный наставник великого князя, протоирей Самборский. Его воспитание было искусственным, лишенным реальных оснований. Оторванный от реалий России, которой правил четверть века, Александр мог лишь играть роль просвещенного монарха, не в состоянии что-либо изменить. Ненавидя рабство всей душой, презирая деспотизм, он, тем не менее, не мог что-либо изменить, оставив своей главной ценностью поддержание статуса-кво. В этом вся идеология Просвещения. Осуждая деспотизм правителей и неравенство между людьми, оно не предлагало реальных альтернатив существующему строю. В этом противоречии и кроется парадокс воспитания Александра Павловича. С момента своего вступления на престол, а возможно и раньше, он балансировал между отвращением к несовершенству мира и боязнью революционных перемен, нарушивших хотя бы то хрупкое спокойствие, которым он так дорожил. Парадоксы Просвещения буквально разрывали его, оставляя лишь возможность каких-то личных действий,

не влияющих на глобальную картину. Например, с момента своей коронации Александр перестал раздавать государственных крестьян в личную собственность, но не отменил крепостное право. Становятся понятными все его беспорядочные религиозные поиски, попытки привить в России образование. Это были попытки, продиктованные парадигмой Просвещения. Поднять людей на такой уровень, чтобы они сами осознали несовершенство своего государственного устройства и бескровно совершить долгожданные перемены при всеобщей поддержке.

В итоге, Александр подошел очень близко к идеалу просвещенного монарха, каким его понимали в XVIII веке. Но это были только личные перемены. Чувствительный, тонкий, легко восприимчивый, сентиментальный – всем этим чертам своего характера Александр, растративший свою жизнь и мощь величайшей империи в погоне за утопиями, был обязан своим воспитателям и идеологии Просвещения.

Тарасов О.А., Васильева С.А.

Оформление новой государственной пенитенциарной политики в царствование Екатерины II и ее воплощение в провинции (на примере Рязанской губернии)

Отмечая 130-летие образования российской уголовно-исполнительной системы в качестве отправной даты ее оформления принято считать 27 февраля (12 марта) 1879 г., когда было образовано Главное тюремное управление, ставшее результатом довольно затяжного процесса реформирования. Однако сами деятели этой реформы, ознакомившись при ее подготовке с архивными материалами о проектах и мероприятиях в тюремной сфере времен Екатерины II, обратили внимание на тот факт, что по замыслам великая императрица опередила их на сто лет и практически предопределила вектор развития пенитенциарных реформ не только в России, но и за ее пределами, привнеся в тюремную сферу «начала любви и милосердия».

В середине XVIII в. положение тюрем было ужасающим. По оценкам современников повсеместно они представляли страшное зрелище: «Тауэр, Бастилия, Консьержи, Тамплъ и вообще все тюрьмы Европы наводили ужас и содрогание. Это были или сырые, мрачные башни, без света и воздуха, или же смрадные погреба и подземелья, где господствовали холод, голод, болезни и смерть. Подсудимые, подсудственные, решенные всех возрастов, без различия пола, содержались по большей части в общих камерах и здесь они предавались пьянству, разврату и оргиям. Содержание арестантов было на их собственный счет... Смотрительские места в тюрьмах были на откуп... Уголовные уложения друг перед другом щеголяли измышлением разнороднейших физических истязаний и казней не только за преступления, но и за проступки; а весь уголовный процесс основывался на пытке»¹.

Российская тюрьма не являлась исключением. Как отмечал В.О. Ключевский, по признанию самой Екатерины, в России она стала весьма мрачную картину: тюрьмы были переполнены, не смотря на освобождение до 17 тыс. колодников в последние годы царствования Елизаветы Петровны, на момент коронации Екатерины в 1762 г.

---

¹ Филиппов М. Тюрьмы в России. Собственноручный проект Екатерины II. 1787 // Русская старина. 1873. Т.VIII. № 7. С.61.

в местах заключения оставалось еще более 8 тыс. человек. Казалось, выхода из создавшегося положения не было даже видно, а «жестокые пытки и наказания за безделицу так ожесточили умы, что другого, более человеческого правосудия и представить себе не могли»².

Однако во второй половине XVIII в., как в России, так и в западных странах, были внесены существенные изменения в тюремные порядки. Реформаторские проекты, направленные на гуманизацию пенитенциарной системы, имевшие место в тот период, обозначили новую эру в уголовном правосудии и содержании заключенных. И вполне справедлива та точка зрения, что самостоятельным и активным началом в этом процессе в России является фигура императрицы Екатерины II. Именно в годы ее царствования мероприятия в сфере исполнения наказаний стали носить характер хорошо продуманной и внятной государственной политики, имеющей не столько карательные, сколько исправительные цели; а тюремное дело начинает приобретать вид системы, которой императрица стремилась придать четкую централизованную структуру.

Своеобразным манифестом формирующейся пенитенциарной политики Екатерины и ее идеологической основой считается Наказ, собственноручно написанный императрицей; а именно его X глава, созданная под влиянием идей Ч. Бекария и других европейских просветителей. Изучив их труды, Екатерина внесла все те идеи, которые соответствовали ее замыслам или в виде прямого заимствования, или незначительно видоизменив их. Цель наказания тюремным заключением определяется Наказом достаточно четко: «воспрепятствовать наказанному снова сделаться вредным обществу и служить примером – потому, что не чрезмерная строгость наказания и не лишение жизни наиболее действуют на общественное настроение, а продолжительность наказания. Смерть злодея менее обуздывает преступление, чем продолжительный пример человека, лишённого свободы, для того, чтобы он искупил трудами целой жизни нанесенный им обществу вред. Притом лучшее обуздание преступности заключается не в жестокости наказания, а в убеждении, что всякое нарушение закона наказывается»³.

---

² Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн.3. М., 1993. С.251.

³ См.: Наказ комиссии о составлении проекта нового уложения. § 211, 212 // Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗРИ). СПб., 1842. Т.VIII.

Общий же смысл статей X главы Наказа в основном сводился к провозглашенному Екатериной принципу: лучше 10 виновных оправдать, чем одного невинного наказать. Красной нитью проходит мысль о том, что законодатель, чтобы не деморализовать общество, не должен прибегать к излишне жестоким наказаниям, которые всегда должны быть соразмерны преступлению. И в этом она встала «в прямое противоречие не только со всем Русским древним правом, но и со всеми тогдашними европейскими законодательствами»⁴.

Большинство положений Наказа, затрагивающие тюремные реформы, как известно, остались нереализованными и не приняли силу закона. В Наказе, скорее всего, Екатерина к этому и не стремилась. Она лишь определила «правила игры» для всех звеньев управления, вбросив в оборот много идей, которые были новыми и еще не освоенными не только в России. Наказ служил скорее общей программой, руководством для правящих сфер, в котором были изложены аксиомы, «какие верховная власть нашла нужным преподать для своих подданных... рассуждая: были бы идеи, а они рано или поздно приведут свои факты, как причины приводят свои следствия»⁵.

Екатерина же в своей деятельности сама всегда стремилась придерживаться обозначенных ее принципов, по крайней мере, ее политика в пенитенциарной сфере все последующие годы всегда соответствовала духу Наказа. Довольно ярко эта преемственность проявилась в проекте Устава о тюрьмах, собственноручно написанного императрицей в 1787 г. В нем прописывались положения, касающиеся упорядочения функций губернской тюремной администрации и тюремного надзора, а также правил содержания и улучшения быта арестантов. В соответствии с этим проектом предполагалось устройство в каждом губернском городе весьма сложной и дорогостоящей системы мест заключения, состоящей из нескольких видов тюрем для различных типов арестантов, с обязательными работами и с разобщением на ночь и т.п. Но этот проект также не получил силы закона, как считается, главным образом из-за отсутствия необходимых финансовых средств, которые требовались на постройку нескольких сот новых тюрем.

Кроме того, считается, что Екатерина сама не была полностью уверена в эффективности этого проекта. По крайней мере, 10 марта

---

⁴ Мишле Э.И. Второй международный тюремный конгресс. СПб., 1878. С.132.

⁵ Ключевский В.О. Указ. соч. С.293.

1788 г. она поручила отдать проект на экспертизу губернскому прокурору, для того чтобы он на примере столичного тюремного замка проверил, насколько применимы положения проекта. Вполне возможно, что отзыв оказался неудовлетворительным, и каким-то образом повлиял на дальнейшую судьбу проекта.

Нельзя сбрасывать со счетов и некоторое охлаждение к пенитенциарной реформе со стороны Екатерины после событий 1789 г. в революционной Франции, где именно разрушение Бастилии стало символическим актом свержения монаршей власти. А затем, в 1791 г., революционное Учредительное собрание провозгласило начало тюремной реформы, многие положения которой напрямую перекликались с екатерининским Наказом и проектом Устава о тюрьмах. Одного этого, по замечанию исследователей, «в то время было достаточно, чтобы приостановить дальнейшие преобразования и отступить, если возможно, назад»⁶.

Однако, не смотря на эти обстоятельства, Екатерине удалось воплотить в пенитенциарной сфере многое из того, что она провозгласила. К практическим мероприятиям, значительно преобразовавшим тюремную сферу в России, относят, как правило, начало систематизации тюремного дела и его регламентации в инструкции наместнику; организацию смиренных и рабочих домов подведомственных Приказу общественного призрения; строительство новых тюрем и острогов и улучшение быта арестантов.

Процесс централизации управления тюрьмами начинается с подчинения их ведению Правительствующего Сената, а в провинции – губернским канцеляриям. Дальнейшее становление губернских и уездных тюремных администраций происходило в тесной связи с реформой местного самоуправления. Озабоченная приведением в порядок провинций, Екатерина II ввела в 1775 г. областное управление, разделив всю территорию страны на 40 губерний. Во главе новых территориальных единиц были поставлены наместники, в непосредственное подчинение которым вверялись тюремные учреждения.

Рязанская губерния была учреждена указом от 28 февраля 1778 г. Губернским центром стал Переяславль-Рязанский, переименованный в 1780 г. в Рязань. 24 августа 1778 г. указом Сената было учреждено Рязанское наместничество. В отправлении правосудия и пенитенциарной политики в целом, наместники во многом руководствовались

⁶ Филиппов М. Указ. соч. С.65.

«Инструкцией о содержащихся под стражей». Как представителю высочайшей власти в губернии наместнику полагалось утверждать смертные приговоры; останавливать исполнение судебных решений; наблюдать за исполнением законов; быть ходатаем по делам казны и обществ; быть заступником угнетенных и побудителем дел безгласных; пресекать всякие явные злоупотребления, в особенности же безмерную и разорительную роскошь; обуздывать излишества, беспутства, мотовство, тирании и жестокости. Условия содержания колодников и их пропитания определялись инструкцией, утвержденной 24 декабря 1767 г. В тюремном вопросе наместники (генерал-губернаторы) отчитывались непосредственно перед Правительствующим Сенатом.

Места заключения находились в непосредственном ведении губернской полиции, возглавляемой полицмейстером. В штате Рязанской полиции кроме полицмейстера состояли два частных пристава и четыре квартальных надзирателя, осуществлявших надзор в каждом квартале. Как правило, из числа полицейских чинов, для управления тюремным острогом, назначался тюремный смотритель, который в рапортах полиции числился как квартальный надзиратель сверх штата. Таким образом, изначально местная тюремная администрация находилась в соподчинении губернского правления и полицейских структур, а смотрители получали жалование как служащие городской полиции.

В Рязанской губернии в последней четверти XVIII в. существовали различные типы тюремных учреждений. По указу Екатерины II во всех губернских и уездных городах учреждаются остроги или тюрьмы для подсудимых и подсудимых «впредь до исполнения приговора». Во второй половине XVIII в. Рязанский тюремный острог, размещавшийся ранее в историческом центре города у Рязанского кремля, был перенесен за черту города и значительно расширен. Это было сделано в соответствии с требованием, отраженным в Уставе: строить места заключения на свободных, безопасных от пожаров и наводнений, местах. Новый тюремный острог разместили на самой окраине города у Московской заставы. От городских улиц и строений его отделял естественный овраг, с другой стороны начиналась заброшенная пустошь. Острог в то время представлял собой несколько деревянных построек: казармы для арестантов, помещения для караула и хозяйственные строения, окруженные высоким частоколом, «чтобы из одного уход никто учинить не мог». Рязанский

острог был довольно крупным для своего времени, рассчитанным на 100 человек и использовался в основном для краткосрочных заключений или же как промежуточный пункт на пути следования арестантских партий на каторгу и в ссылку. Даже в 1819 г. Александр I, посетив Рязанский деревянный острог, построенный еще в екатеринские времена, весьма положительно отозвался о порядке содержания колодников в губернском центре.

Кроме традиционных тюремных острогов в царствование Екатерины II в России возникли первые тюремные учреждения исправительного характера – Смирительный и Рабочий дома. В Учреждении об управлении губерниями 1775 г. содержатся первые указания к устройению подобных учреждений под ведомством Приказа общественного призрения: «В рассуждение установления и надзирания Смирительных домов Приказу предписывается учреждать оные со всяким прилежанием, дабы установление совершенно соответствовало намерению, ибо доброустроенный Смирительный дом ограждает общество от многих продерзостей, добронравие повреждающих, и следовательно бывает нужен для общего благочестия и спокойствия семей»⁷. Таким образом, главной целью учреждаемых смирительных домов мыслилось исправление заключением, что стало качественно новым этапом в развитии российского правосудия.

Закон оговаривал и круг тех правонарушений, за которые виновный приговаривался к содержанию в смирительном доме: «Смирительный дом устанавливается ради таких лиц обоого пола, которые непотребного и невоздержанного жития, яко:

- сыновья или дочери, кои родителям своим непослушны, или прибывают злого жития, или ни к чему доброму не склонны;
- люди, которые впадут в непотребное житие, начнут расточать имение, долги накоплять вдвое против имения, дома разорять и иметь непотребности, противные чести;
- люди, которые начнут без стыда и зазора иметь явно поведение, добронравию и благочинию противное;
- рабы непотребные, которых никто на службу не принимает;
- рабы ленивые и гуляки, кои все пропивают или проматывают;
- люди, которые не хотят трудиться для своего пропитания, едят хлеб вотще и сим подобные;

---

⁷ ПСЗРИ. № 14329. Ст.391.

• непотребного, неистового и соблазнительного жития женского пола»⁸.

Еще одной характерной чертой этого исправительного учреждения стал открытый срок приговора «дондеже исправится». Интересно отметить, что в странах Европы и Америки подобные заведения с четко определенной целью исправления наказанием за преступления нравственного толка, которые назовут реформаториями, возникнут на целое столетие позже, чем в России.

Появление рабочих домов установлено особым законом «о суде и наказаниях за воровство разных родов» в 1782 г. В законе значилось: «буде кража и мошенничество ниже 20 руб., то имав под стражу, отослать в Рабочий дом, где ему работать дондеже заплатит то что украл, и взыскать убыток с 6%...»⁹. В 1783 г. по указу Сената «для исполнения по тому во всех губерниях заведены рабочие дома с назначением в них работ для пользы общей потребных». Рабочие дома также находились под ведомством приказа общественного призрения. Во время содержания в рабочем доме за каждый день полагалась плата в 25 коп., из них 10 коп. обращалось на пищу и содержание арестанта, а 15 коп. в пополнение обрабатываемой суммы.

В Рязани смирительный и рабочий дома начинают действовать с первых лет учреждения приказа общественного призрения. В смирительный дом чаще поступали крепостные по решению своих помещиков, или люди «непотребного жития» по решению обществ, к которым они принадлежали. Судя по журналам приказа, срок приговора определял сам помещик, т.к. за содержание крепостного под надзором приказ взимал особую плату с частных лиц. В 1792 г. эта плата составляла – 1 р. 20 коп. в месяц¹⁰. В Рязанский смирительный дом также попадали по решению уездных и губернских судебных мест, по распоряжению полиции, губернского правления и прочих ветвей власти. Срок приговора, очевидно, зависел от решения судебного органа и не был оговорен в законе. Так, например, за то же «блудодейство» полиция уездного города Скопина прислала девку Елену Васильеву всего на 12 дней. По схожему приговору за «праздную и развратную жизнь» по решению Рязанской уголовной палаты

⁸ ПСЗРИ. № 14329. Ст.391.

⁹ ПСЗРИ. № 15379. Ст.269.

¹⁰ Государственный архив Рязанской области (далее ГАРО). Ф.255. Оп.2. Д.1. Л.203.

«именующая себя дворянкой Надежда, сестра ее солдатка Прасковья Филиппова и отпущенница г. Наумова Анна Данилова» приговорены уже к году содержания в смиренном доме¹¹.

Весьма часто в рязанские исправительные учреждения поступали приговоренные за мелкие кражи к содержанию в рабочем доме. Так, например, в 1792 г. по решению Зарайского уездного суда крестьянин сельца-городища майорши Катерины Зеньяминой Козьма Трофимов за кражу двух лошадей, оцененных в 19 руб., направлен был в рабочий дом «для заработка оных с процентами». Но поскольку лошадей хозяевам вернули, К. Трофимова в наказание приговорили к заработку 19 руб. и процентов в пользу рабочего дома, а «по заработании вернуть к отдаче в вотчину»¹². Кроме преступников в рабочий дом могли поступать должники для заработка недоимок в податях. Так, например, по решению Скопинского земского суда прислали однодворцев В. Свиридова и И. Щекутьева «за неплатеж государственных податей для заработка их в рабочем доме». Достоверно известно, что содержащиеся в рабочем доме занимались работами на кирпичном заводе, принадлежащем Приказу общественного призрения, в 1791 г. заключенными рабочего дома было выработано кирпича 327300 штук¹³.

Таким образом, уже в конце XVIII в. в Рязанской губернии, как и во многих других, появилась довольно стройная система тюремного управления, активно функционировали пенитенциарные заведения как традиционного, так и нового, исправительного характера. И вклад Екатерины II в становление пенитенциарной системы Российской империи трудно переоценить. По оценкам многих исследователей и деятелей пенитенциарной реформы середины XIX в., мероприятия, инициированные императрицей в тюремной сфере, придали ей такой вид, «что если бы в дальнейшем развитии реформы Екатерины II шли в той же самой последовательности и систематичности, то Россия, путем опыта и закона, достигла бы давно удельворительных результатов»¹⁴.

---

¹¹ Цит. по: Опыт разработки материалов для истории Рязанского губернского земства. Выпуск II / Сост. А.Д. Повалишин. Рязань, 1887. С.104.

¹² ГАРО. Ф.255. Оп.2. Д.1. Л.211.

¹³ Опыт разработки материалов... С.110.

¹⁴ Мишле Э.И. Указ. соч. С.156.

Чикурова О.В.

Конфессиональная политика Российского государства в отношении «инородцев» Волго-Камья (вторая половина XVIII – начало XIX в.)

В современных условиях остается актуальной проблема выработки оптимальной политики в сфере церковно-государственных отношений. В этой связи необходимо учитывать исторический опыт, используя позитивные установки и избегая ошибок прошлого. Рассмотрим, как данная проблема решалась в многоконфессиональной Российской империи во второй половине XVIII – начале XIX века.

Конфессиональная политика Российского государства во второй половине XVIII века претерпела значительные изменения по сравнению с предыдущим периодом, связанным с деятельностью скандально известной Конторы новокрещенских дел, которая сыграла ключевую роль в насильственном крещении коренных народов Волго-Камья.

В начале своего правления Екатерина II объявила о намерении провести реформу миссионерского дела. Сенатским указом от 3 марта 1764 г. миссионерская деятельность в крае была приостановлена¹. Новый закон от 6 апреля 1764 года² оставлял за новокрещеными право на 3-летние льготы от податей и от рекрутства, но они уже не перекладывались на «иноверцев». Оставлена была и денежная награда, но она не выдавалась на руки новокрещеным, а засчитывалась в платеж податей, следующих после 3-летнего срока. Указом Екатерины II от 28 мая 1764 г. была оставлена и такая льгота: «от содержащихся под караулом по маловажным делам [инородцам] в первом или другом маловажном проступке – воровстве – потребовать святого крещения, потом освободить от ареста»³. Новокрещенская Контора ликвидировалась, а вопросы крещения «инородцев» возлагались на епархиальных архиереев. И хотя государство не отказалось от мысли «просветить инородцев святым крещением», в деле обраще-

¹ ПСЗ. Т.XVI. Ст.12126.

² ПСЗ. Т.XVI. Ст.12126. П.2.

³ ПСЗ. Т.XVI. Ст.12619.

ния язычников и мусульман в христианство стали преобладать миссионерские методы: «проповедь, наставление, увещание».

29 мая 1773 г. Екатерина II издала объявление о свободе религиозных культов. 17 июня 1773 г. вышел Сенатский указ «О терпимости всех вероисповеданий»⁴. Святейший Синод предписал архиереям: «Не вступать в дела, касающиеся до всех иноверческих исповеданий...», предоставлял все это на рассмотрение светских команд, и даже вместе со светской властью должен был заботиться, чтобы «...не было никакого разногласия, но царствовала любовь, тишина и согласие». Таким образом, была провозглашена политика относительной веротерпимости в России.

Это выразилось в лояльном отношении к «иноверческим религиям», признании за ними права на существование, на свободное отправление религиозных культов. При этом за Православной церковью сохранялось главенствующее положение, деятельность других конфессий регламентировалась законодательством. Произошло изменение во взглядах центральной власти на ислам. Официально прекратилась насильственная христианизация мусульман, им была предоставлена свобода вероисповедания, разрешено строить мечети и открывать религиозные школы. Екатерина II наделила татар, башкир и прочих мусульман собственной исламской структурой: в 1778 году было создано Оренбургское Магометанское Духовное Собрание, а через 10 лет именным указом от 22 сентября 1788 года Екатерина II учреждает в Уфе Духовное Собрание (муфтият), взявшее на себя управление делами мусульман Волго-Камья⁵.

Изменилась конфессиональная политика и по отношению к язычникам: центр тяжести переместился с насильственных способов христианизации на борьбу с проявлениями язычества и просвещение инородцев.

Конфессиональная политика правительства Александра I в целом была продолжением политики Екатерины II, выражалась в принятом общем правиле: «не делать насилия совести и не входить в разыскание внутреннего исповедания веры»⁶. Вместе с тем, то же «принятое общее правило» требовало «не допускать никаких внеш-

⁴ ПСЗ. Т. XVII. Ст. 13996.

⁵ ПСЗ. Т. XXII. Ст. 16710.

⁶ История Православной церкви в XIX веке. Т. 2. С. 554.

них оказательств отступления от Церкви и строго воспрещать всякие в сем соблазны, как нарушение общаго благочиния и порядка»⁷. В отношении «религиозных разномыслий» император полагал, что «жестокость не убеждает никогда, учение Спасителя не может быть внушаемо насильствием и казнями... Лучше, чтобы молились каким бы то ни было образом, нежели вовсе не молились»⁸.

Характер принятых в начале XIX века правовых решений свидетельствует о терпимом отношении властей к религиозным убеждениям подданных. Новым было то, что правительство требовало такого же терпимого отношения конфессий друг к другу.

Несмотря на обостренность религиозных проблем, долгое время в России не существовало специального органа, ведающего духовными делами империи. Разрешение конфессиональных проблем было рассредоточено по функциональному признаку по различным ведомствам. В начале XIX века в ходе либеральных реформ Александра I в государственной системе страны было создано особое ведомство – Главное управление духовных дел. В его обязанности входила информационная и правовая разработка государственной конфессиональной политики, контроль над деятельностью духовенства и общин верующих.

Начало XIX века характеризуется дальнейшей активизацией миссионерской деятельности Русской Православной Церкви. С целью распространения православия среди инородцев Синод в 1803 году принял меры к переводу основ христианской веры на инородческие языки. Этому способствовала деятельность Библейского общества, учрежденного в 1812 году, имевшего целью «распространение Священного Писания среди живущих в России иностранцев и инородцев на их языках»⁹. С 1814 года в течение десяти лет вышли переводы Нового Завета на чувашском, татарском, мордовском, зырянском, вотяцком, карельском языках.

В царствование Николая I вектор государственной политики по отношению к нехристианским народам вновь изменился. Правительством был взят курс на усиленную русификацию и христианизацию инородцев. Продолжалась работа по созданию миссий для населе-

---

⁷ Там же.

⁸ Там же. С.553.

⁹ Там же. С.541.

ния национальных районов. В 1827 г. создается специальная миссия для казанских татар. В 1828 году, когда обнаружили массовые отпадения инородцев от Православной церкви, высочайше утвержденным определением Синода постановлено, чтобы «в тех частях государства, где живут народы, не познавшие христианства», или обращенные, но недостаточно утвержденные в правой вере, были учреждены особые миссии. В 1830 году такие миссии появились в Казанской епархии, а затем и в других: Вятской, Пермской, Самарской, Оренбургской¹⁰.

В России конфессиональная политика тесно переплеталась с образовательной. Она осуществлялась посредством организации институтов школьного и внешкольного образования, призванных распространять элементарную грамотность, знание русского языка и православной культуры. Особое место в этой политике принадлежало христианизации «инородцев» посредством религиозного воспитания.

В 1829–1830 гг. Синод особое внимание уделил реализации распоряжения 1804 г. «Об употреблении инородческого языка при обучении детей инородцев грамоте и при наставлении инородцев в церкви, а также о назначении в церковнослужители инородческих приходов лиц, знающих инородческие языки»¹¹. Результатом этого стало введение изучения инородческих языков в семинариях. В епархиях Казанской, Нижегородской, Вятской и других, где было особенно значительное число «инородцев», местные преосвященные открыли в семинариях и духовных училищах классы инородческих языков¹².

Во второй четверти XIX в. в целях скорейшего утверждения христианского вероучения среди крещеных народов православные миссионеры начали совмещать многие церковные обряды и праздники с традиционными. Следствием подобных мер стало оформление своеобразного религиозного компромисса. Распространенным явлением среди крещеных инородцев Волго-Камья стали так называемые напольные молебны, когда перед началом пашни в поле священник сначала служил молебен, а затем совершалось языческое моление,

¹⁰ История Православной церкви в XIX веке. Т.2. С.589.

¹¹ Луппов П.Н. Христианство у вотяков в первой пол. XIX века. Вятка, 1911. С.327.

¹² История Православной церкви в XIX веке. Т.2. С.567–568.

завершающееся жертвоприношением. Так, например, профессор Казанского университета И.Н.Смирнов в своей работе об удмуртах, подчеркивая влияние православия, отмечал: «Слияние русских святых с языческими богами имеет своим последствием то, что вотьяки-язычники начинают им молиться наравне с христианскими»¹³.

В 1836–1837 гг. в ответ на неоднократные обращения по поводу конкретных случаев языческих молений удмуртов Николай I распорядился «ограничиться только духовным увещанием и не тревожить народ исследованиями об этих обрядах». По его распоряжению от 19 мая 1837 г. все дела, касавшиеся язычества, изымались из ведения местной власти и передавались непосредственно министру внутренних дел. В 1838 г. Синод секретно распорядился «не преследовать за невежество»¹⁴.

Во второй четверти XIX в. основным способом христианизации становится просвещение. Особое внимание начали уделять духовному образованию и быту духовенства. В 30-е гг. XIX в. светская власть оказывает значительную финансовую и административную помощь духовенству в организации сети школ и училищ для инородцев как крещеных, так и некрещеных. С целью поддержки просветительской деятельности церкви государство освободило священников от уплаты налога на частное обучение. Предпринимаются попытки сделать школьное обучение доступным инородцам: во-первых, через устройство школ в селениях, во-вторых, путем введения в преподавание родного языка. Первые инородческие школы в Волго-Камье носили миссионерский характер. В результате правительственных мер количество школ увеличивалось, в середине XIX века уже насчитывалось 79 школ разных типов, принадлежавших разным ведомствам. Самыми распространенными и доступными для детей инородцев были церковно-приходские школы, где в преподавании использовался родной язык.

Вместе с тем, принимая энергичные меры к распространению грамотности среди нерусских народов, церковное начальство неустанно следило: «Не идет ли где-либо обучение исключительно на

---

¹³ Смирнов И.Н. Вотьяки. Историко-этнографический очерк // ИОАИЭ. Казань, 1890. Т.VIII. Вып.2. С.240.

¹⁴ РГИА. Ф.796. Оп.378. Д.1124. Л.7.

инородческом языке в ущерб русского»¹⁵ – и пресекало подобные факты. Просветительские усилия были направлены на расширение сферы доминирования в регионе православия и русской культуры как главных проводников государственного влияния и в конечном счете на инкорпорацию нерусского населения многонациональной империи в общегосударственное пространство.

В заключение отметим, что принципиальные изменения в конфессиональной политике Российского государства во второй половине XVIII века и ее логическое продолжение в начале XIX в. можно считать заслугой Екатерины II: кардинально изменилось отношение к исламу, его признали на правах «терпимой» религии, у мусульман края появилось свое духовное ведомство, прекратилась насильственная христианизация мусульман; изменились отношения православия и язычества, главным методом обращения язычников в христианство стало не насилие, а миссионерская проповедь и просвещение. Православная Церковь стала получать более широкую материальную поддержку государства, что позволило ей улучшить церковное строительство, совершенствовать систему духовного образования, активизировать миссионерскую деятельность, увеличить действенность мероприятий, направленных на «искоренение раскола и отпадения». Усилилась просветительская деятельность среди «инородцев», положено начало школьному образованию инородческого населения, появились первые учебники на инородческих языках, первые учителя из среды инородцев. В целом мероприятия по распространению православия, улучшению дела школьного образования велись с целью сближения инородческого населения с русским и расширения сферы доминирования в регионе русской культуры.

---

¹⁵ НА РТ. Ф.4. Оп.131. Д.34. Лл.11 об.–12.

**Резолюция Вторых Кремлевских чтений
«Екатерина II и имперское многообразие России:
опыт политического и культурного взаимодействия»**

25–26 сентября 2009 г. в г. Казани состоялись Вторые Кремлевские чтения «Екатерина II и имперское многообразие России: опыт политического и культурного взаимодействия», организованные Государственным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником «Казанский Кремль», Институтом истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. В работе конференции приняли участие ведущие специалисты в области истории, источниковедения, музееведения из Москвы, Казани, Астаны, Твери, Уфы, Краснодара, представляющие крупные научные и культурные организации Российской Федерации.

Участники Вторых Кремлевских чтений констатируют, что за последние годы проведена большая работа по изучению роли Екатерины II в истории отечественной государственности, формировании уникального этнокультурного пространства Российской империи, осуществлении социально-экономических преобразований, реализации политики конфессиональной толерантности.

Учитывая выдающийся вклад императрицы Екатерины II в укрепление и развитие Российского государства, эффективные реформы в законодательной, политической и общественной сфере, провозглашении и реализации политики «веротерпимости», изучении культурного многообразия империи, участники Вторых Кремлевских чтений рекомендуют:

1. Опубликовать материалы Вторых Кремлевских чтений.
2. В целях наиболее полного изучения жизни и деятельности Екатерины II продолжить комплексные научные исследования, выявление и изучение источников, характеризующих роль императрицы в формировании имперской политики по интеграции народов государства.
3. Просить Кабинет Министров Республики Татарстан, Мэрию города Казани об увековечивании памяти императрицы Екатерины II в названии одного из географических объектов Казани, установлении ей памятника в столице Татарстана.
4. Продолжить популяризацию и изучение эпохи Екатерины II в экспозиционной и научной деятельности музейных учреждений Республики Татарстан и Российской Федерации.

Участники Вторых Кремлевских чтений выражают благодарность руководству Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль», Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан за высокую организацию научно-исследовательской работы данной научной конференции.

Сведения об авторах

Абдуллин Халим Миннуллович, Музей археологии Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, с.н.с., к.и.н.

Бабич Марина Виленовна, Российский государственный архив древних актов (г. Москва), д.и.н.

Белякова Наталья Юрьевна, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург), к.и.н.

Бессонова Татьяна Викторовна, Филиал Казанского государственного университета в г. Набережные Челны, зам. директора по учебной работе, доц., к.и.н.

Болотина Наталья Юрьевна, Российская академия государственной службы при Президенте РФ (г. Москва), кафедра истории российской государственности, доц., к.и.н.

Бугров Константин Дмитриевич, Уральский государственный университет им. А.М. Горького (г. Екатеринбург), исторический факультет, аспирант.

Васильева Светлана Анатольевна, Академия ФСИИ России, кафедра философии и истории, ст. преп., к.и.н.

Виденеева Алла Евгеньевна, Музей-заповедник «Ростовский кремль», с.н.с., к.и.н.

Гаврин Денис Анатольевич, Сибирский государственный аэрокосмический университет (г. Красноярск), доц., к.и.н.

Гафаров Айрат Анварович, Казанский государственный университет, исторический факультет, кафедра политической истории, доц., к.и.н.

Голованова Ольга Ивановна, ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет», филологический факультет, ведущий специалист по учебно-методической работе, к.филол.н.

Данков Михаил Юрьевич, Карельский государственный краеведческий музей (г. Петрозаводск), н.с.

Ермолаев Игорь Петрович, Казанский государственный университет, исторический факультет, кафедра Отечественной истории до XX в., проф., д.и.н.

Загидуллин Ильдус Котдусович, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, зав. отделом средневековой истории, д.и.н.

Ибнеева Гузель Вазыховна, Казанский государственный университет, исторический факультет, кафедра Отечественной истории до XX в., доц., д.и.н.

Измайлов Бахтияр Искандерович, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Центр истории и теории национального образования, с.н.с., к.и.н.

Ислаев Файзулхак Габдулхакович, Институт развития образования (г. Казань), проф., д.и.н.

Карташева Елена Ивановна, Национальный музей РТ, заведующая научно-методическим отделом.

Комиссаренко Аркадий Иванович, Российская академия государственной службы при Президенте РФ (г. Москва), академик РАЕН, проф., д.и.н.

Кулбахтин Ильдар Назирович, Башкирский государственный университет (г. Уфа), к.и.н.

Кулбахтин Назир Мурзабаевич, Башкирский государственный университет (г. Уфа), исторический факультет, проф., д.и.н.

Кундакбаева Жанат Бековна, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, исторический факультет, кафедра древней и средневековой истории Казахстана, проф., д.и.н.

Макарова Вера Николаевна, Национальный музей Республики Башкортостан, зав. отделом истории края, к.и.н.

Милюков Иван Иванович, к.и.н. (г. Казань).

Михайлов Андрей Юрьевич, Казанский государственный университет, исторический факультет, кафедра Отечественной истории до XX века, асс., к.и.н.

Ногманов Айдар Ильсурович, Институт Татарской энциклопедии АН РТ, ученый секретарь, доц., к.и.н.

Ремнев Павел Анатольевич, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, кафедра отечественной дореволюционной истории и документоведения, аспирант.

Серeda Надежда Владимировна, Тверской государственный университет, исторический факультет, кафедра историографии и источниковедения, проф., д.и.н.

Сиразетдинова З.Р., соискатель.

Тарасов Олег Александрович, Академия ФСИН России, начальник кафедры философии и истории, доц., к.и.н.

Тимофеева Людмила Сергеевна, Казанский государственный университет, исторический факультет, кафедра музеологии, доц., к.и.н.

Торопицын Илья Васильевич, Астраханский государственный университет, кафедра истории России, доц., к.и.н.

Фельдман Дмитрий Захарович, Российский государственный архив древних актов (г. Москва), к.и.н.

Фомина Людмила Васильевна, Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль», специалист отдела фондов; Казанский государственный университет, аспирант.

Хайрутдинов Рамиль Равилович, Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль», директор, к.и.н.

Чукурова Ольга Вячеславовна, Сарапульский политехнический институт (филиал) ГОУ ВПО «ИжГТУ», доц., к.и.н.

Содержание

ЧАСТЬ I

Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Екатерина II и имперское многообразие России: опыт политического и культурного взаимодействия»

*Секция: Имперская политика Екатерины II:
опыт интеграции народов Российской империи*

Ибнеева Г.В. Екатерина II и «многонациональный» регион Среднего Поволжья: опыт формирования имперской политики	3
Кундакбаева Ж.Б. Вовлечение казахской и калмыцкой элиты в зону имперской коммуникации в екатерининскую эпоху	14
Хайрутдинов Р.Р. Реализация в Казанской губернии указа Екатерины II «О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами российского дворянства» (22 февраля 1784 г.).....	24
Фельдман Д.З. Прошения российских евреев Екатерине II: проблематика и результаты обращений	36

*Секция: Имперское многообразие
в зеркале российского законодательства*

Бабич М.В. Акты царствования Екатерины II в «Полном собрании законов»	48
Ногманов А.И. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в законодательной политике Екатерины II	60

Секция: Имперские модели управления

Середа Н.В. Региональная политика Екатерины II: опыт формирования либеральной модели управления	71
Измайлов Б.И. Татарская община г. Казани и российская власть: модели и механизмы реализации имперской политики в эпоху Екатерины II	86

Секция: Конфессиональная политика Екатерины II

Ислаев Ф.Г. Екатерина II и проблемы становления религиозной толерантности.....	96

- Загидуллин И.К.** Превращение ислама в «терпимую» религию в России в период правления Екатерины II 103
- Болотина Н.Ю.** Деятельность светлейшего князя Г.А. Потемкина по реализации религиозной политики Екатерины II 110

Секция: Эпоха Просвещения в культурном пространстве империи

- Михайлов А.Ю.** «Православное просвещение»: ключевые концепты интеллектуальной истории «господствующего исповедания» эпохи Екатерины II 121
- Фомина Л.В.** Упорядочивание империи на страницах периодической печати второй половины XVIII в. 127

Секция: Эпоха Екатерины II в музейной деятельности

- Макарова В.Н.** «Башкирский край в конце XVII – XVIII вв.» в экспозиции Национального музея Республики Башкортостан 136
- Карташева Е.И.** Русская культура эпохи Екатерины II в экспозиции Национального музея Республики Татарстан «Казанская губерния в XVIII веке»: аспекты и формы музейного представления 154
- Тимофеева Л.С.** Деятельность И.И. Шувалова и И.И. Бецкого по формированию музея Академии художеств 164

ЧАСТЬ II

Материалы участников заочной секции Всероссийской научно-практической конференции «Екатерина II и имперское многообразие России: опыт политического и культурного взаимодействия»

- Абдуллин Х.М.** Екатерина II и формирование национальных воинских подразделений в Российской империи 173
- Белякова Н.Ю.** Иммиграционная политика Екатерины II в оценках иностранных наблюдателей 177
- Бессонова Т.В.** Городская политика Екатерины II: проект выделения «среднего рода людей» 184
- Бугров К.Д.** Реформаторские проекты Н.И. Панина в политическом пространстве екатерининской империи 193
- Виденеева А.Е.** Св. Александр Невский и свт. Димитрий Ростовский: первые святые Российской империи 207
- Гаврин Д.А.** Митрополит Арсений (Мацеевич) и процесс секуляризации в России в период царствования Екатерины II 217

Гафаров А.А. Раннепросветительское движение мусульман Поволжья (вторая половина XVIII в.) в контексте имперской политики аккультуризации (проблемы историографии).....	225
Голованова О.И. Исторический опыт государственной службы в Тюменском уезде в 1782–1796 гг.	234
Данков М.Ю. Тайна фрегата «Святой Николай» и орудия Александровского завода.....	242
Ермолаев И.П. Расцвет Казанской гимназии при Екатерине II (1765–1774 гг.).....	255
Комиссаренко А.И., Торопицын И.В. Роль Голландии в политике российского правительства по привлечению иностранцев к колонизации поволжских и северокавказских территорий во второй половине XVIII в.	269
Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М., Сиразетдинова З.Р. Депутаты Уложенной комиссии 1767–1770 гг. от народов Башкортостана	279
Милюков И.И. Екатерина II и первые благотворительные организации Казани	285
Ремнев П.А. Просвещенческие идеологические практики в воспитании великого князя Александра Павловича	295
Тарасов О.А., Васильева С.А. Оформление новой государственной пенитенциарной политики в царствование Екатерины II и ее воплощение в провинции (на примере Рязанской губернии).....	304
Чикурова О.В. Конфессиональная политика Российского государства в отношении «инородцев» Волго-Камья (вторая половина XVIII – начало XIX в.)	312
Резолюция Вторых Кремлевских чтений «Екатерина II и имперское многообразие России: опыт политического и культурного взаимодействия».....	318
Сведения об авторах	319

Вторые Кремлевские чтения

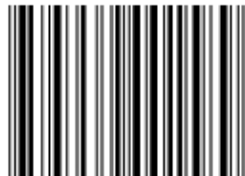
Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М.Зигангареева*

Усл. печ. л. 20,25 Тираж 500 экз.

Подписано в печать 22.03.2010 г. Формат 60×84 ¹/₁₆

ISBN 978-5-9690-0158-9

9 785969 001589 >